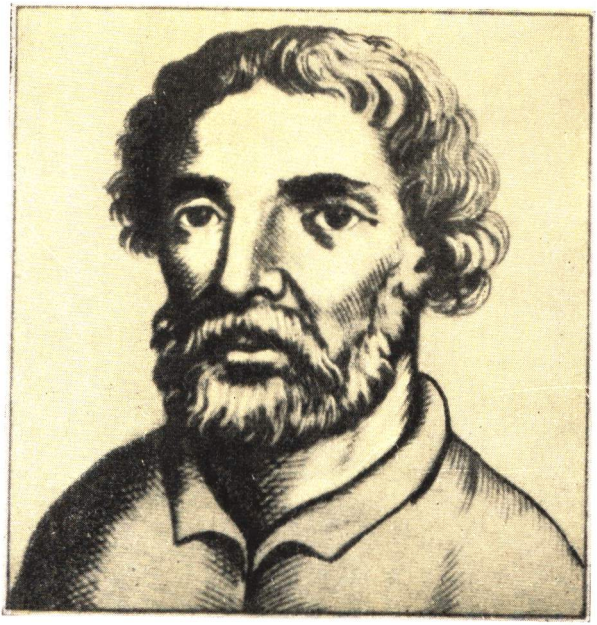
И. В. Степанов

Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.

Восстание Степана Разина



ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

И. В. СТЕПАНОВ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ в 1670—1671 гг.

ВОССТАНИЕ СТЕПАНА РАЗИНА

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1966

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В I томе монографии рассматривается социально-экономическая обстановка накануне крестьянской войны под предводительством С. Разина, сложившаяся в стране и, в частности, в области войска Донского. Приводится большой фактический материал о массовом бегстве крестьян из центральных уездов на окраины страны и о развернувшейся острой классовой борьбе. Большое место уделяется освещению предыстории крестьянской войны — походу казацко-крестьянской голытьбы во главе со Степаном Разиным на побережье Каспия. Изложению исторического материала в монографии предшествуют подробные источниковедческий и историографический очерки. Монография рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей СССР.

1—3—4
110—65

ПРЕДИСЛОВИЕ

Героическая борьба крестьянства, возглавленная Степаном Разиным, наряду с восстаниями И. Болотникова и Е. Пугачева в настоящее время большинством советских историков рассматривается как крестьянская война. Однако установившегося понимания основных особенностей крестьянской войны как одной из форм классовой борьбы крестьянства периода феодализма в исторической науке еще нет. По нашему мнению, такими особенностями были:

Необычная активность населения страны, направленная против феодально-крепостнического строя. Крестьянская война — это форма наиболее массового антифеодального выступления крестьянства. Она охватывает самую гущу крепостного крестьянства, а также и примыкающие к нему различные социальные группы населения деревни и города и ведется за удовлетворение их самых насущных интересов и в этом плане является борьбой общенародной. Нередко в ходе войны в восстание вместе с крестьянами в качестве попутчиков вовлекаются и отдельные группы населения, принадлежащего к социальным верхам страны.

Острота и ожесточенность борьбы восставших крестьян. В ходе крестьянской войны сочетаются самые разнообразные формы борьбы, но наиболее широкое распространение получают формы насильственного воздействия на господствующий класс феодалов (разгром феодальных поместий и вотчин, убийство помещиков и представителей государственной администрации, захват административных центров страны и др.), осуществляемого в ходе вооруженного восстания. По существу крестьянская война является совокупностью многочисленных вооруженных восстаний, почти одновременно вспыхивающих в разных местах страны и охватывающих ее основные территории. Она является наиболее острой формой классовой борьбы угнетенного крестьянства.

Необычные для других форм классовой борьбы крестьян элементы организованности. Из наиболее активных, антикрепостнически настроенных элементов крестьянства в ходе войны возникают повстанческие войска, которые, действуя на широкой периферии, в условиях развернувшихся местных вооруженных восстаний и проявлений других форм крестьянского протеста, содействуют в какой-то мере преодолению их замкнутости и вносят определенные элементы организованности и сознательности. Борьба восставших против отдельных феодалов и местной администрации становится борьбой против феодально-крепостнического строя в целом и обычно сопровождается социально-политическим кризисом общегосударственного значения. В этом плане крестьянская война является высшей формой классовой борьбы крестьянства периода феодализма.

Антиправительственная направленность развернувшейся борьбы. Крестьянская война, как и все формы классовой борьбы крестьянства периода феодализма, стихийна. Восставшие не могут подняться до правильного политического осмысления задач, не вырабатывают целостной революционной теории и научно обоснованной программы действий. Однако передовые представители восставшего крестьянства проявляют определенную классовую сознательность. Призывают восставших бороться против феодалов вообще, а не только против своих местных господ, придают этой борьбе антиправительственную направленность. Поднимаются до сознания необходимости использования государственной власти в интересах трудового народа и создают на освобожденных от гнета феодалов территориях демократическое народное управление.

Таково понимание особенностей крестьянской войны как одной из форм классовой борьбы крестьянства периода феодализма, которое легло в основу монографии.

Приступая к работе над монографией о крестьянской войне под предводительством С. Разина, автор поставил также задачу как можно полнее использовать сохранившиеся об этом историческом событии документальные и литературные источники. На максимально полное выявление этих источников было обращено особое внимание. Выполнение этой задачи было облегчено публикацией архивных документов, предпринятой ЦГАДА совместно с Институтом истории АН СССР. В результате вышли три больших тома материалов о восстании Степана Разина, в состав которых вошли все основные сохранившиеся в архивах документы о нем, а о наличии повторяющихся и второстепенных по значению документов и месте их хранения даны соответственные справки. Это обстоятельное документальное издание открыло широкие возможности исследования истории крестьянской войны на основе всей совокупности сохранившихся о ней источников. Возможности эти всемерно и использовались при написании настоящей монографии.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1670—1671 ГОДОВ

Героическая борьба крестьянских масс против гнета феодалов и феодального государства, развернувшаяся в XVII в. под знаменами Степана Разина, нашла всестороннее отражение не только в делопроизводстве правительственных учреждений, в различных официальных документах, сказаниях и хронографах конца XVII — начала XVIII вв., известиях иностранцев, но и в «прелестных» грамотах восставших, народных песнях о С. Разине, передаваемых устно из поколения в поколение, в разное время написанных, и других письменных материалах. Круг источников изучения истории восстания обширен и разнообразен. Необходимость научной информации о состоянии источниковедческой базы на данное время, т. е. о составе, происхождении и характере, содержании и степени достоверности, классовой направленности и взаимосвязи источников очевидна, тем более, что за последнее десятилетие благодаря обследованию архивных фондов и выявлению многих неизвестных до сих пор документов о восстании круг их весьма расширился, а существующие обзоры устарели.

Первый обзор источников о восстании С. Разина был сделан более ста лет тому назад А. Н. Поповым в соответственной главе его монографии «История возмущения Стеньки Разина».[1] Этот обзор, как справедливо было отмечено Б. Н. Тихомировым еще в 30-х годах, давно уже устарел.[2] Он страдает типичным буржуазным объективизмом. В нем нет характеристики классового содержания источников, их политической тенденции, взаимосвязи, а имеются лишь самые необходимые формальные сведения о них и некоторые суждения автора, определяющие его к ним отношение, к тому же иногда весьма субъективного характера. Кроме

[1] А. Н. Попов. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857, стр. 1—26.

[2] Б. Н. Тихомиров. Разинщина. М.—Л., 1930, стр. 9.

того, даже для своего времени обзор был неполон, так как он не охватывает всей совокупности известных тогда источников по истории восстания. А. Н. Попов ограничился рассмотрением источников уже опубликованных, а также отобранных к публикации в процессе работы над монографией.[3] Многие источники и даже целые группы их, например народные песни о С. Разине, не нашли отражения в указанном обзоре.[4]

Со времени выхода известной статьи Б. Н. Тихомирова[5] прошло более 30 лет и естественно, что она, несмотря на все свои научные достоинства, утратила былое значение. За это время в научный обиход вошло немало новых источников по истории восстания под предводительством С. Разина, появились более полные их публикации,[6] усовершенствовались методы источниковедческого анализа.

Необходимым моментом любого источниковедческого обзора является научная классификация рассматриваемых источников. А. Н. Попов разбил все использованные им для написания монографии источники на три группы: отечественные — официальные и частные, и иностранные. Классификация эта имеет ряд серьезных недостатков. Она не охватывает всего разнообразия существующих источников по истории восстания, а касается лишь источников письменных. В ее основе лежат формальные соображения, которые не отражают в полной мере основного существа содержания источников — их классовую направленность. В рамках этой классификации нет места источникам, исходящим не из правительственного лагеря, а из лагеря восставших и отражающим не правительственные тенденции, а интересы восставших крестьян, какими были, к примеру, «прелестные письма» С. Разина.

Имеются недостатки и в классификации источников истории крестьянской войны 1670—1671 гг. Б. Н. Тихомирова.[7] Он несколько усовершенствовал классификацию А. Н. Попова, разбив все источники о восстании на пять групп: 1) официальные правительственные акты; 2) ведомственная переписка правительственных учреждений и отдельных лиц; 3) сказания хронографов и повести о Разинщине и ее отдельных эпизодах; 4) известия иностранцев; 5) исторические песни о С. Разине. Классификация Б. Н. Тихомирова охватывает не только письменные, но

---

[3] Документы опубликованы одновременно с монографией: А. Н. Попов. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857.

[4] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III. Изд. «Общественная польза». СПб., 1861, стр. 290.

[5] Б. Н. Тихомиров. Источники по истории Разинщины. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1.

[6] Крестьянская война под предводительством С. Разина. Сборник документов. Изд. АН СССР. Т. I. М., 1954; т. II, ч. 1. М., 1957; т. II, ч. 2. М., 1959; т. III. М., 1962 (в дальнейшем: Сб. док. АН СССР).

[7] Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 50.

и устные источники о восстании.[8] Отечественные официальные источники о крестьянской войне, по классификации А. Н. Попова, разделены Б. Н. Тихомировым на две части. Выделены из их состава официальные правительственные акты как документы, в которых, по мнению автора, «дается движению Разина соответствующее классовое освещение», сделавшее их основой «для крепостнической и буржуазной историографии».[9] Все остальные официальные источники отнесены к группе «Ведомственная переписка правительственных учреждений и отдельных лиц». Несовершенство такого деления официальных источников, в основе которого лежит формальный признак принадлежности того или другого документа к делопроизводству высших или ведомственных правительственных учреждений, с очевидностью обнаруживается в том, что самому автору не удалось их четко разграничить по содержанию, и он, в отличие от источников третьей, четвертой и пятой групп, рассматривает источники первой и второй групп совместно, в рамках единого раздела статьи.[10] Автор сам осознает несовершенство предложенной им классификации, в частности необоснованность отнесения к ведомственной переписке правительственных учреждений «прелестных писем» восставших, лишь только потому что они обнаружены в составе их делопроизводства. По этому поводу он делает оговорку, где допускает, что «из второй группы источников могут быть выделены в качестве самостоятельной группы прокламации Разинской революционной армии»,[11] а в дальнейшем обзоре источников рассматривает их отдельно.[12]

Одним из основных и решающих условий научного использования исторических источников является правильное раскрытие и понимание их классовой направленности. С этой точки зрения наиболее правомерным и целесообразным является разграничение всех источников на две группы: 1) источники, выражающие классовые интересы крестьян и других низших социальных категорий российского общества, т. е. отражающие тенденции повстанческого лагеря, антиправительственные; 2) источники, выражающие классовые интересы феодальных землевладельцев и других высших социальных категорий российского общества, т. е. отражающие тенденции правительственного лагеря. Классовые и политические устремления восставших, цели и планы действий в отдельных конкретных условиях развития борьбы, непосредственно и наиболее полно нашли отражение в источниках первой группы. Планы и действия правительственных карательных войск преимущественно отражены в источниках второй группы. Дво-

[8] Б. Н. Тихомиров отмечает даже необходимость рассмотрения, наряду с историческими песнями, легенд и преданий о С. Разине и высказывает некоторые суждения о них. — Там же, стр. 69.

[9] Там же, стр. 51.

[10] См. там же, стр. 50—60.

[11] Там же, стр. 50.

[12] Там же, стр. 59—60.

рянско-буржуазные историки больше интересовались не историей восстания Степана Разина, а историей его подавления. Поэтому они недооценивали источники первой группы, не понимали их специфику и нередко замалчивали их существование.[13] Для советских историков, заинтересованных в восстановлении подлинной картины и закономерностей крестьянского восстания 1670—1671 гг. и особенно планов и действий восставших, источники первой группы имеют особо важное значение. С них мы и начнем источниковедческий обзор.

ИСТОЧНИКИ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ, НАРОДНОЙ ТЕНДЕНЦИИ

К источникам первой группы, непосредственно отражающим жизнь повстанческого лагеря и его интересы, прежде всего относятся документы, от него исходящие, там составленные: грамоты, памяти и письма, обычно не совсем правомерно объединяемые в специальной литературе общим названием «прокламации революционной армии»,[14] или «прелестные памяти».[15] К ним же относятся расспросные и пыточные речи захваченных карательными войсками участников восстания, а также народные песни, связанные с именем С. Разина.

Документы повстанческого лагеря

Документов, вышедших из лагеря повстанцев и сохранившихся в настоящее время, известно всего семь: три грамоты, три памяти и одно письмо. Все они дошли до нас в составе делопроизводства правительственных учреждений того времени: два — в подлинниках и пять — в копиях. Большая часть этих документов составлена в духе обращения от имени С. Разина и других повстанческих атаманов к определенному кругу населения страны с тем, чтобы оно содействовало восставшим и присоединялось к ним. Поскольку своим содержанием, различными обещаниями эти документы по терминологии того времени «прельщали» население — склоняли его к восстанию, в официальной правительственной переписке к ним применялись названия: «прелестные грамоты», «прелестные памяти» или «воровские прелестные грамо-

[13] Большая часть этих документов была впервые опубликована в сборнике документов «Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1667 годов (Разинщина)» (Центрархив. М., 1931 — в дальнейшем: Сб. док. Центрархива). Большой заслугой составителей сборника является также публикация этих документов особым разделом, что имело определенное значение для исследователей.

[14] Сб. док. Центрархива, стр. 307; Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 59.

[15] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 17. — Письмо атамана И. Пономарева к своим соратникам-атаманам, находившимся в городе Козьмодемьянске, не может быть отнесено к «революционным прокламациям» или к «прелестным памятям». Оно не было предназначено для распространения среди населения в целях склонения его на сторону восставших и не содержит подобного призыва. Это деловое письмо одного из атаманов к другим, и только.

ты». Сохранилось также немало пересказов содержания подобных обращений восставших к населению как в официальных правительственных документах,[16] так и в источниках иностранного происхождения.[17] Правительственные документы содержат многочисленные свидетельства о том, что распространение восставшими «прелестных грамот» и «прелестных памятей» имело широкую практику. «Прелестные письма» распространялись не только на русском, но и на языках народов Поволжья.[18]

Обеспокоенное правительство установило порядок обязательной высылки всех документов — «писем», составленных повстанцами и попавших в руки царских воевод, в Москву — в Приказ Казанского дворца. Воеводы строго соблюдали этот порядок. Князь Ю. Долгорукий 14 декабря 1670 г. отправил по указанному адресу, «в мешке запечатав»,[19] а 30 декабря сего же года, «в коробке запечатав»,[20] многие «воровские письма», взятые у повстанцев «в розных месяцех и числех на розных боях». Так же поступали и другие царские воеводы.[21] Подобных свидетельств содержится в источниках немало. Например, в ходе сражения под селом Мамлеево 15 октября 1670 г. в руки царских воевод попали «многия письма, имянные списки их воровскова збору, и как они, воры, списывались меж собою с вором Стенькою Разиным и збирались приходить к Орзамасу».[22] О практике составления «имянных» списков повстанцев свидетельствует и пленный повстанец М. Тимофеев, показавший на допросе, что «те де крестьяня велели ему имяна свои писать в грамотках».[23] О письменных связях между отдельными повстанческими отрядами, о письмах Степана Разина к повстанческим атаманам и содержании этой переписки имеется немало сведений в расспросных и пыточных речах.[24] О существовании личного архива Степана Разина,[25] утерянного, к сожалению, прямо свидетельствует родной брат Сте-

16 «Да он же, вор и богоотступник Стенька Разин, в прелесных своих воровских письмах в городы и по селам пишет к незнающим и простым людям, будта он, вор и богаотступник, идет снизу рекою Волгою с сыном нашим государевым с благоверным царевичем и великим князем Алексеем Алексеевичем». — Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 119.

17 «За дело, братцы! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали Вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я пришел дать всем Вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как и мне, будьте только мужественны и оставайтесь верны». — Я. Стрейс. Три путешествия. Соцэкгиз, 1935, стр. 204.

18 «И те сотники и толмач привезли к нему 2 письма — русское да татарское... и положили на песок в лубках... и говорили с ними, чтоб и они, луговые стороны мурзы и татаровя и чюваша, с ними ж, нагорные стороны с татарами и с чювашею были заодно». — Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 90.

19 Там же, док. № 323.

20 А. Н. Попов. Материалы..., стр. 180.

21 Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, стр. 88, 108, 132 и др.

22 Там же, док. № 135, стр. 162.

23 Там же, т. III, стр. 55.

24 См. там же, т. II, ч. 1, стр. 151, 160, 425; т. III, стр. 55 и др.

25 Сб. док. Центрархива, стр. XVII.

пана — Фрол, показавший во время допроса и пыток в Приказе тайных дел, что «которые де воровские письма у брата ево были к нему присыланы откуды ни есть, и всякие, что у него ни были, то все брат ево Стенька ухоронил в землю... собрав,.. в куфшин в денежной и, засмоля, закопал в землю».[26] Правда, документы эти в указанном Фролом Разиным месте не были найдены, и вообще нет сведений об их обнаружении, но это уже вопрос другого порядка. Фрол Разин или не знал точно место хранения архива брата, или не захотел точно его указать. Могло быть и так, что соратники Степана Разина уничтожили его или спрятали в другом месте. Сомневаться же в показании Фрола Разина о наличии такого архива нет оснований.

Приведенные факты дают право полагать, что письменная документация в жизни повстанческого лагеря была весьма значительна, она не исчерпывалась только «прелестными грамотами» и «прелестными памятями». Большая часть этой документации, по-видимому, сгорела в 1702 г. во время пожара здания Приказа Казанского дворца, уничтожившего, как полагают исследователи,[27] многие источники о крестьянской войне 1670—1671 гг. Часть же ее, оказавшаяся в составе архива Приказа тайных дел,[28] о чем имеется прямое свидетельство одной описи,[29] до сих пор не обнаружена и, вероятно, также навсегда утеряна для исследователей. Сожалея о малочисленности дошедших до нас документов повстанческого лагеря, следует все же предостеречь от преувеличенного представления об их «делопроизводстве», которое ни в какой мере нельзя ставить в ряд с делопроизводством строго централизованного правительственного аппарата, занятого организацией борьбы против повстанцев. В этом отношении возможности восставших были несравненно меньшими. Повстанцы не могли, например, организовать массовую централизованную подготовку своих обращений — «прелестных писем» — к населению о присоединении его к восстанию, хотя в этом была большая потребность, которую они в какой-то мере удовлетворяли за счет инициативы самого населения: «А с войсковой памяти вам, *чернь, списывать отдавать списки по селам церковным причетником дьячком в слово в слово.* И списывая, отдавать их по розным волостем и по селам и по деревням сотцким и старостам и десяцким, чтоб они, уездные люди, все в сию высковою паметь знали».[30]

---

[26] Сб. док. АН СССР, т. III, док. № 85.

[27] Там же, т. I, стр. 15.

[28] О рассылке документов Приказа тайных дел по другим приказам в 1676—1683 гг. Русская историческая библиотека (РИБ), т. XXI. СПб., 1907, стр. 191—944.

[29] В описи делам Приказа тайных дел от 1713 г. значится: «Связка, а в ней подметные письма Коломенского и Московского бунту 178 году и сыски и письма розных рук». — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического о-ва, т. 2, 1861, стр. 22.

[30] Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, стр. 91 (курсив наш. — *И. С.*).

Необходимо особо отметить содержание сохранившихся грамот повстанческого лагеря, их целеустремленность, направленную на привлечение к участию в восстании как можно более широкого круга населения страны. В этом отношении особенно выразительна грамота С. Разина «Ко всей черни».[31] Она обращена к широким слоям трудового населения и призывает в полк, на помощь казакам (восставшим) всех угнетенных и обиженных, «кабальных и апальных». В этом плане к ней близко примыкает и войсковая «память» от имени С. Разина к населению Цивильского уезда с призывом не являться в Цивильск для обороны города от повстанцев и присоединиться к восстанию.[32] Она также обращена «к черни», но понятие это в ней раскрывается не только в социальном, но и в национальном отношении. К ней, «к черни» в «памяти» относятся жители «розных сел и деревень», т. е. крестьяне Цивильского уезда, как русские, так и татары, чуваши, мордва. «Память» показывает, что руководители восстания понимали общность социальных устремлений русских и нерусских крестьян, рассчитывали на поддержку восстания со стороны нерусского крестьянства и старались объединить их усилия в ходе восстания. Интересно, что расширения и углубления восстания, как свидетельствует «память», С. Разин и его сподвижники считали возможным достигнуть не только за счет привлечения на его сторону социальных низов страны, но и за счет оппозиционно настроенных к царскому правительству представителей социальных верхов тогдашнего общества.

Не менее интересна грамота от имени С. Разина и А. Карачурина к казанским татарам с призывом присоединяться к восстанию.[33] Она обращена не только к татарскому крестьянству, но и к татарским землевладельцам и мусульманскому духовенству. Судя по содержанию грамоты, С. Разин понимал значение магометанской религии и роль магометанского духовенства в жизни татар, а также стремился использовать это обстоятельство в интересах восстания. Грамота свидетельствует, что в лагере повстанцев были оппозиционно настроенные по отношению к правительству татарские землевладельцы, каким и был А. Карачурин. Г. С. Губайдуллин прав, когда на основании этого документа и других свидетельств утверждает, что С. Разин «хотел

---

[31] Она прислана была из города Острогожска в Белгород, попала в руки воеводы Г. Ромодановского и 18 сентября 1670 г. с соответствующей отпиской отправлена в Разрядный приказ. Это единственная сохранившаяся подлинная грамота, написанная от имени С. Разина. — Там же, док. № 53.

[32] Список этой памяти был прислан в Москву в Разрядный приказ в ноябре 1670 г. при отписке воеводы Т. Бестужева. — Там же, прим. к док. № 78.

[33] Она дошла до нас в составе «правой» грамоты стрелецкому голове А. Вишнякову на поместье Лундан, отобранное у татарина А. Карачурина за его участие в восстании. — Там же, док. № 38. Текст этого документа был сообщен А. Соколовым еще в 1890 г. в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (т. VIII, вып. 3, стр. 19).

использовать для своих политических целей все оппозиционные элементы страны».[34]

Грамоты и «памяти», написанные от имени атаманов — соратников С. Разина, содержат обращение к сравнительно узкому кругу населения и преследуют сугубо конкретные военные цели. В одной из них атаман М. Харитонов и другие атаманы стремятся склонить на сторону восставших служилых казаков и стрельцов Челнавского острожка, ставшего опорным пунктом для действий против повстанцев царских войск, возглавляемых козловским воеводой С. Хрущевым.[35] В другой, написанной от имени атамана Алексея Григорьевича, преследуются те же цели в отношении гарнизона и населения Харькова. Она адресована «полковнику Грицьку и всем мещаном».[36] Для того чтобы склонить на сторону восстания гарнизон Челнавского острожка, а также гарнизон и население Харькова, атаманы прибегают к различным методам агитационного воздействия на них: в «памяти» даются явно преувеличенные данные о силах восставших, действовавших под Тамбовом,[37] и сообщаются надуманные сведения о разгроме повстанцами карательных войск князя Ю. Долгорукого под Арзамасом.[38] В одной из «памятей» имеется прямая ссылка на указ, якобы данный царем Алексеем Михайловичем, на основании которого восставшие казаки и вступили на территорию Слободской Украины.[39]

Все это убедительно свидетельствует о том, какая большая и гибкая работа проводилась руководителями восстания С. Разиным и его соратниками в целях всемерного склонения на сторону восстания возможно более широких кругов населения. Она и породила основную документацию повстанческого лагеря — грамоты и «памяти», обращенные к населению страны. Необходимо отметить, что эти документы являлись важнейшим средст-

---

[34] Г. С. Губайдуллин. Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века. Вестник научного общества татароведения, 1930, № 9-10, стр. 43.

[35] Память к стрельцам Челнавского острожка атамана М. Харитонова, М. Дмитриева и др. от 13 XI 1670 г. Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 207. — Копия этой памяти была получена в Москве 1 XII 1670 г. при отписке воеводы Я. Хитрово.

[36] Там же, т. II, ч. 2, док. № 60. — Грамота в подлинном виде была прислана в Москву в Разрядный приказ воеводой Г. Ромодановским (см. там же, док. № 60, прим.).

[37] «А мы ныне в Танбове ноября в 9 день в скопе, у нас войскова силы с 42 000, а пушак у нас 20, а зелья у нас полпятаста». — Там же, т. II, ч. 1, док. № 207.

[38] «А писал к нам из Орзамасу донской атаман, что наши козаки князь Юрья Долгаруково побили со всем ево войским, а у него была пушак 120, а зелья 1500». — Там же, док. № 207.

[39] «В нынешнем во 179 году октября в 15 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... и по грамоте ево... вышли мы, великое войско Донское, з Дону Донцом ему... на службу». — Там же, т. II, ч. 2, док. № 60.

вом идеологической борьбы повстанцев с правительственным лагерем.

Письмо повстанческого атамана И. Пономарева к повстанческим атаманам Козьмодемьянска [40] и «память» атаманов повстанцев К. Лаврентьева и Т. Трофимова, посланная в Челнавский острог,[41] отличаются от уже разобранных документов. Они не содержат призывов о присоединении к восстанию и отражают другие стороны жизни повстанческого лагеря. Письмо атамана Ильи Пономарева свидетельствует о связи и согласованных действиях повстанческих атаманов друг с другом. Оно дает, хотя и краткую, но весьма интересную характеристику развития восстания в Галицком уезде в конце октября 1670 г. «Память» атаманов повстанцев, посланная в Челнавский острог для выручки задержанного в острожке своего посланца и соратника Семена Татаринова, характеризует настойчивость восставших в отношении указанного острожка и большую солидарность в лагере повстанцев. Этим и объясняются угрозы: «мы у вас за одного человека показним ваших козловцов человек 100 и больши, домы ваши все позжем без остатку, и жены ваши и дети будут все порублены».

Документы повстанческого лагеря свидетельствуют о классовых, антифеодальных задачах, которыми руководствовались повстанцы, что всячески стремились скрыть царские власти. С. Разин и его соратники призывали народ «заодно изменников вывадить и мирских кравапивцев вывадить»,[42] чтоб «всем от них, изменников бояр, в конец не погинуть».[43]

В документах повстанческого лагеря нашли яркое выражение идеи «наивного монархизма». Они призывали народ «богу да государю послужить»,[44] «породеть за дом пресвятые богородицы и за великого государя»,[45] «стоять... за дом пресвятые богородицы и за всех святых, и за великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... и за благоверных царевичев».[46] О том, что руководители восстания умело использовали религиозные и наивно-монархические настроения народных масс в целях развертывания восстания, убедительно свидетельствует грамота атамана Алексея Григорьевича к харьковчанам, где он даже вступление свое на территорию Слободской Украины объясняет тем, что оно якобы произошло по указу царя Алексея Михайловича.[47]

Даже при беглом ознакомлении с документами повстанческого лагеря бросается в глаза единство сил, их породивших, и

40 Там же, т. II, ч. 1, док. № 169.
41 Там же, док. № 221.
42 Там же, док. № 53.
43 Там же, т. II, ч. 2, док. № 60.
44 Там же, т. II, ч. 1, док. № 53.
45 Там же, док. № 207.
46 Там же, док. № 78.
47 Там же, т. II, ч. 2, док. № 60.

органическая связь их друг с другом. Это можно проследить в двух моментах. Большая часть документов или написана от имени С. Разина, или упоминает его имя: призывает народ «породеть» не только за «великого государя», но и «за батюшку за Степана Тимофеевича».[48] Все документы, за исключением одного, связывают атаманов, от имени которых они написаны, с «великим войском» и соответственно этому начинаются формулировкой «От великого войска»,[49] «От великого войска Донского»,[50] а чаще более расширительно — «Великаго войска Донскаго и Запорожского»,[51] «Великого войска Данского и Еицкого и Запорожского».[52] В одном случае «великое войско» награждается даже эпитетами: «От великого войского чеснаго и грозного Донского и Еитцкого и Запорожского».[53] Приведенные факты весьма характерны. Они подчеркивают объединяющую роль в ходе развития в стране восстания личности С. Разина и особенно казачества, свидетельствуют о наличии в восстании сильных тенденций, направленных на преодоление его локальности; вскрывают наличие в среде казачества понимания единства всего казацкого мира, независимо от его местонахождения и тенденции противопоставления этого мира московским порядкам.

Документы повстанческого лагеря, несмотря на их малочисленность, дают возможность поставить и помогают решить многие важные вопросы истории крестьянской войны 1670—1671 гг. Нельзя также не учитывать, что эти документы, помимо их прямого значения, вооружают исследователей своеобразным критерием, с которым следует подходить к различным сведениям о планах, целях и действиях повстанцев, содержащихся в официальной правительственной документации. Например, данные, содержащиеся в документах повстанческого лагеря, противостоят утверждениям официальных правительственных документов о якобы принудительном участии в восстании основной массы населения страны — крестьянства, обманутого и запуганного казаками. Они вносят весьма существенные поправки в сообщение правительственных документов о будто бы полном отрицании восставшими, в частности С. Разиным, церкви и религии, о их «богоотступничестве» и т. п.

«Расспросные пыточные речи» пленных повстанцев

«Расспросные пыточные речи» нескольких сот пленных повстанцев карателями дошли до нас или в виде особых приложений к отпискам царских воевод, посылаемым с извещением об их карательных действиях, или существо содержания этих речей

[48] Там же, т. II, ч. 1, док. № 207.
[49] Там же, док. № 38.
[50] Там же, т. II, ч. 2, док. № 60.
[51] Там же, т. II, ч. 1, док. № 169.
[52] Там же, док. № 207.
[53] Там же, док. № 221.

излагалось в самом тексте отписок. Записаны они были не со слов рядовых повстанцев, а, как отмечается в воеводских отписках, со слов «пущих заводчиков»,[54] т. е. наиболее активных и осведомленных повстанцев. Сохранились «расспросные пыточные речи» многих выдающихся участников восстания: атаманов Василия Федорова,[55] Максима Дмитриева,[56] Ильи Пономарева,[57] Семена Савельева,[58] Абрама Федотова,[59] Тимофея Мещерякова,[60] Федора Шелудяка,[61] поставленного повстанцами вместо воеводы Кадомского старшины Карпа Емельянова,[62] есаулов — Ивана Маленькова,[63] Андрея Осипова [64] и др.

Наиболее характерной особенностью «расспросных речей» пленных повстанцев как исторического источника является наличие в них сведений, характеризующих внутреннюю жизнь повстанческого лагеря, которых мало содержится в источниках правительственного происхождения. Например, в «расспросных речах» казака Нестера Самбуленко, одного из участников похода С. Разина на Астрахань,[65] содержатся интересные данные о формировании повстанческого войска, о порядке и размерах «дувана», проведенного повстанцами в Астрахани, и многие другие. Из них особый интерес представляет характеристика казацкого «круга», проведенного С. Разиным в Паншинском городке весной 1670 г., перед выходом войска на Волгу. Историческая наука и ранее располагала некоторыми данными об этом круге,[66] но они были настолько лаконичны, что исследователи не обратили на них должного внимания. В расспросных речах Н. Самбуленко содержится подробная характеристика этого казацкого круга и весьма ярко передаются настроения собравшихся в поход казаков. Сейчас очевидно, что круг в Паншином городке являлся одним из первостепенных по значению событий начального периода восстания. Вообще «расспросные речи» Н. Самбуленко — один из наиболее примечательных источников о начальном этапе крестьянской войны 1670—1671 гг., и справедливо Е. А. Швецовой [67] они поставлены в один ряд с ранее известной «выписью из дел Приказа Казанского дворца».[68] Следует лишь уточнить, что

54 Там же, стр. 132.
55 Там же, док. № 338.
56 Там же, док. № 338.
57 Там же, док. № 324.
58 Там же, док. № 80.
59 Там же, док. № 254.
60 Там же, док. № 285.
61 Там же, т. III, док. № 187.
62 Там же, т. II, ч. 1, док. № 254.
63 Там же, док. № 80.
64 Там же, док. № 110.
65 Там же, т. I, док. № 184.
66 Расспросные речи курского попа Н. Иванова. Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 134. Они опубликованы были еще в 1857 г. в кн.: А. Н. Попов. Материалы.., стр. 13—18
67 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 21.
68 Там же, док. № 106.

в хронологическом плане указанная выпись должна быть отнесена к предыстории крестьянской войны, так как изложение фактических данных доведено в ней лишь до времени возвращения С. Разина осенью 1669 г. на Дон. В «расспросных речах» атамана Ильи Пономарева и его соратников даются богатые фактические данные о возникновении повстанческого отряда, действия которого способствовали развертыванию восстания на левобережье Волги, в бассейне рек Ветлуги и Унжи.[69] В «расспросных речах» атамана В. Федорова имеются сведения о продвижении отряда повстанцев от Саратова к Пензе и совместных его действиях с отрядом атамана М. Харитонова.[70] В расспросных речах атаманов Тимофея Мещерякова и Петра Дьячкова вскрывается связь действующих под Тамбовом повстанцев с атаманом М. Харитоновым, отряды которого находились в районе городов Шацка и Керенска.[71] О связях многих повстанческих атаманов, действовавших на территории различных уездов совместно со С. Разиным и друг с другом, имеются интересные сведения и в других «расспросных речах». Среди них особого внимания заслуживают свидетельства о стремлении С. Разина в момент решающих сражений, развернувшихся между основным ядром повстанческих сил и карательными царскими войсками под Симбирском в начале октября 1670 г., увеличить свои силы за счет повстанческих отрядов, действующих на периферии. Приказ С. Разина, «чтоб он шол к нему на помочь со всеми воровскими казаки»,[72] получил не только атаман М. Осипов, вынужденный под влиянием этого отказаться от похода на Н. Новгород,[73] но и другие атаманы. Согласно показаниям пленных повстанцев А. Сарафанова[74] и Н. Скрябина,[75] к Симбирску на помощь С. Разину двигался отряд восставших в 1000—1500 человек, выделенный из состава повстанческих сил, продвигавшихся в начале октября 1670 г. через села Мамлеево и Поя к городу Арзамасу. Все эти данные «расспросных речей» вскрывают весьма важные моменты в организации повстанческих сил и свидетельствуют о стремлении повстанцев к преодолению разобщенности и установлению единства действий.

«Расспросные речи» пленных повстанцев дополняют и расширяют сведения о боевых действиях, развернувшихся между повстанцами и царскими карательными войсками. Они дают интересный конкретный материал о боевой деятельности повстанческого лагеря. Без «расспросных речей» невозможно было бы выявить военные замыслы восставших и общую картину боевых

69 Там же, т. II, ч. 1, док. № 324.
70 Там же, док. № 338.
71 Там же, док. № 285.
72 Расспросные речи донского казака Емельяна Иванова. Там же, док. № 165.
73 Расспросные речи В. Семенова. Там же, док. № 126.
74 Там же, док. № 126.
75 Там же, док. № 136.

действий. Показания повстанцев, плененных карателями в сражениях, происходивших в период с 28 сентября по 22 октября 1670 г.,[76] под селениями Путятино, Паново, Юсупово, Кременки, Мамлеево и Мурашкино, со всей очевидностью вскрывают их замыслы — блокировать и общими усилиями уничтожить карательную армию князя Ю. Долгорукого, прибывшую туда в конце сентября 1670 г., пока она там не закрепилась. Они свидетельствуют о большом упорстве, проявленном повстанцами в борьбе за решение этой задачи. О планах захвата С. Разиным Н. Новгорода до наступления зимы 1670 г. сообщается в показании пленного повстанца крестьянина В. Семенова.[77] О задуманном походе повстанцев на Красную Слободу, ставшую с 9 декабря 1670 г. главным опорным пунктом карательной армии Ю. Долгорукого, сообщается в «расспросной речи» пленного повстанческого атамана Василия Федорова [78] и т. п. Немало в «расспросных речах» содержится сведений, уточняющих и дополняющих данные воеводских отписок о многих сражениях, происшедших между повстанцами и царскими войсками в различных уездах страны.

Отмечая богатство содержания «расспросных речей» пленных повстанцев и значение их для изучения истории крестьянской войны 1670—1671 гг., необходимо указать и на их большое своеобразие. В отличие от грамот, «памятей», писем и других документов повстанческого лагеря как исторических источников, порожденных исключительно волею и действиями повстанцев, «расспросные» и «пыточные речи» появились в результате «творчества» как повстанцев, так и представителей правительственного лагеря — воевод и приказных людей. Если первые — результат доброй воли повстанцев, то происхождение вторых подневольно. Устные показания пленных, даваемые обычно под жестокими пытками, часто отрывочные и бессвязные, оформлялись приказными людьми, а при отсылке их в Москву в качестве приложения к воеводским отпискам или при включении их содержания в состав отписок основательно корректировались воеводами. К тому же допрашиваемые — участники восстания и допрашивающие — представители царской администрации принадлежали к противоположным социальным полюсам тогдашнего общества и находились на различных классовых позициях. Все это наложило определенный отпечаток как на оформление «расспросных речей», так и на их содержание.

«Расспросные речи» в большинстве случаев оформлены в третьем лице: «А в распросе атаман Васька сказал...» [79]—с применением к допрашиваемым повстанцам ругательных эпитетов: «вор», «воровской атаман», «изменник», «крестопреступник»

[76] Там же, док. № 80, 91, 100, 110, 126, 136, 165.
[77] Там же, док. № 126.
[78] Там же, док. № 338.
[79] Там же, док. № 338.

и т. п. Подобная официальная терминология внесла в «расспросные речи» большие отклонения от истины. Трудно допустить, что допрашиваемый, активный убежденный повстанец, веривший в правоту дела, за которое он боролся, бесстрашно заявлявший при допросе, что примкнул к восстанию «волею», «в мысли», т. е. добровольно, тут же называл свои действия «воровскими», «грабительскими» и «изменническими», применял эту же терминологию по отношению к своим товарищам по восстанию и т. д.[80] Очевидно, что приведенная классификация действий допрашиваемых повстанцев и их соратников, хотя в «расспросных речах» и приписывается первым, в действительности же принадлежит лицам, производившим допрос, — представителям царской администрации, и это нельзя не учитывать во избежание неправильной оценки как действий отдельных повстанцев, так и повстанческого лагеря в целом.

Содержание «расспросных речей» не во всех случаях и не всегда полностью отражает историческую правду, которая нередко сильно искажалась как воеводами и приказными людьми, стоявшими во главе карательных правительственных сил, так и самими пленными повстанцами. Царские воеводы и приказные люди имели полную возможность неприемлемые для них по тем или другим соображениям сведения, получаемые от пленных, не включать в «расспросные речи», изменять их в угодном для них плане, давать их в самой общей формулировке в тексте отсылаемых в Москву отписок, а то и просто замолчать сам факт допроса. На практике так они и поступали. Допросы атамана Семена Савельева, есаула Ивана Маленькова и их 13 безымянных соратников, взятых в плен 28 сентября 1670 г. в сражении под селом Путятино, не получили самостоятельного документального оформления. Воевода Ю. Долгорукий нашел достаточным дать суммарное их содержание в очередной отписке в Москву.[81] «Расспросные речи» атамана Тимофея Мещерякова, включенные в отписку царского воеводы И. Бутурлина от 3 декабря 1670 г.,[82] как следует из их содержания, были записаны в основном со слов других пленных повстанцев, не выдержавших пыток. Сам же атаман «на очной ставке у пытки и с пытки... во всем запирался». Вообще, пытки как один из основных методов тогдашнего следствия нередко использовались царскими воеводами, чтобы получить от допрашиваемых сведения, угодные воеводе и содержание которых как бы заранее было предрешено. Пример этому — судьба участника восстания церковного дьячка Ильи Тимофеева, захваченного в плен царским карательным отрядом в ноябре 1670 г. под Тамбовом и несколько раз допрашиваемого под жестокими пытками. Царским воеводам удалось добиться от него некоторых сведений о планах Степана

[80] Там же, стр. 87, 129, 187, 198.
[81] Там же, док. № 80.
[82] Там же, док. № 285.

Разина, но сведения эти были настолько противоречивы, что поставили их в недоумение, пока И. Тимофеев на очередном допросе не заявил: «Я де говорил с пытки не одну речь не стерпя, а подлинно де я про Стеньку Разина не ведаю».[83]

Пытки, применяемые карателями к пленным, отнюдь не являлись гарантией достоверности сведений, даваемых повстанцами во время допросов. Большинство пленных держалось во время допросов мужественно, не отказывалось от своего участия в восстании и сообщало карателям самые скупые сведения, имеющие непосредственное отношение лишь к обстоятельствам своего пленения, причем, естественно, стремилось преуменьшить свою роль в восстании. Так рисуется, к примеру, поведение во время допроса атамана Т. Мещерякова, который вообще отказывался от показаний и вынудил воеводу И. Бутурлина прибегнуть к очной ставке с другим пленным атаманом — Петром Дьячковым, под страхом пыток изобличившего своего соратника.[84]

Были случаи, когда повстанцы давали такие показания о состоянии дел в лагере восставших, содержание которых может быть объяснено лишь стремлением их к дезориентации царских воевод. Атаман В. Федоров, передавая на допросе содержание полученного им письма от тамбовских жителей и казаков, по-видимому, заведомо преувеличил численность повстанческого отряда Никиты Чертенка, прибывшего с Дона на помощь повстанцам под Тамбов, до 4000 человек, дал ложные сведения о движении на помощь повстанцам 9000 калмыков и, наконец, сообщил о поражении под Тамбовом царского воеводы И. Бутурлина и его отступлении к городу Шацку.[85]

Были среди повстанцев и люди, не выдержавшие всех испытаний. Фрол Разин, родной брат Степана Разина, как он сам показал, «в оторопях и от многой пытки в память не пришел», а когда опамятовался, то выдал тайну места хранения личного архива Степана.[86] Некоторые пленные повстанцы, для того чтобы избежать жестоких пыток или ослабить их, сообщали не только достоверно известные им сведения о восстании и о восставших, но и различные слухи. Так поступил церковный дьячок И. Тимофеев. Много сведений, также по слухам, сообщил казачий сын города Керенска М. Федоров, подвергнутый при допросе жестокой пытке огнем. Он сказал, что «боярина и воеводу князя Юрья Алексеевича Долгорукова с товарыщи воровские казаки осадили в Арзамасе городе», чего в действительности не было; передал содержание письма С. Разина атаману М. Семенову, в котором было дано указание о сборе повстанческих отря-

---

83 Там же, док. № 270.
84 Там же, док. № 285.
85 Там же, док. № 338.
86 Там же, т. III, док. № 85.

дов в селе Конобееве в течение 5—6 дней с момента получения письма, т. е. с 13 октября 1670 г., в целях «итить под Москву бояр побивать» и т. д.[87] Наконец, имелись отдельные случаи проявления пленными повстанцами явного малодушия, граничившего с предательством. Так рисуется поведение некоторых повстанцев, взятых в плен вместе с атаманом Т. Мещеряковым. Говоря о своем участии в восстании, они обвиняли Т. Мещерякова, который «наговаривал де их к воровству», и перечислили ряд имен повстанцев.[88]

Таким образом, по разным причинам в «расспросных речах» оказались записанными многие сведения, сообщенные на допросах пленными на основании слухов и требующих особо тщательной проверки как путем сопоставления различных «расспросных речей», так и на основании других источников. Проверка эта показывает, что большинство сведений, сообщенных пленными повстанцами по слухам, если и не отражало точно исторической правды, то имело все же определенные реальные основания. В основе сведений, сообщенных на допросе атаманом В. Федоровым о поражении под Тамбовом карательного войска И. Бутурлина и отступлении его от города, лежало действительное событие — разгром повстанцами в сражении 4 декабря 1670 г. под Тамбовом доброй половины этого войска. Показание казачьего сына М. Федорова об осаде казаками карательного войска Ю. Долгорукого в городе Арзамасе имеет под собою также реальное основание — настойчивое и упорное продвижение многих повстанческих отрядов в течение нескольких недель сентября — октября 1670 г. в направлении к городу Арзамасу для захвата его как главного опорного пункта царских карательных войск. Осуществить эту задачу повстанцам не удалось, однако слухи выдавали желаемое за действительность. Переданное М. Федоровым содержание письма С. Разина к атаману М. Семенову даже в деталях согласуется со сведениями о действиях повстанцев у села Конобеева и города Шацка, имеющимися в других источниках. Даже срок сбора повстанцев в указанном селе согласуется с действительным событием — 17 октября 1670 г. собравшиеся в селе Конобееве повстанческие отряды дали большое сражение царским карательным войскам и сделали попытку захватить Шацк.

Все приведенные факты и соображения свидетельствуют, что «расспросные речи» пленных повстанцев при правильном их анализе и использовании являются важнейшим источником изучения истории крестьянской войны 1670—1671 гг. Нельзя не согласиться с М. Н. Тихомировым в том, что из всех источников, относящихся к истории народных восстаний и, в частности, к истории крестьянской войны 1670—1671 гг., «наибольшее историче-

[87] Там же, т. II, ч. 1, док. № 133.
[88] Там же, док. № 285.

ское значение имеют расспросные речи».[89] Применительно к «расспросным речам» участников крестьянской войны 1670—1671 гг. это следует особо подчеркнуть, так как они обильно представлены в количественном отношении и содержат богатейший фактический материал, имеющий самое прямое отношение к действиям повстанцев.

Народные песни о Степане Разине

Исторические песни о Степане Разине и его сподвижниках как непосредственный результат устного творчества народных масс, в котором нашли отражение яркие черты подлинной исторической действительности, являются немаловажным источником изучения крестьянской войны 1670—1671 гг. Они дошли до наших дней в большом сюжетном разнообразии и во множестве вариантов, записанных в разное время и в различных местах страны литературоведами, историками и любителями-краеведами.[90]

«Словно повинуясь закону сохранения энергии, Разинское движение, исчезнув из практической жизни, свое напряжение передало в жизнь духовную и здесь обнаружило необычайную живучесть и долговечность»,— пишет один из видных исследователей художественного народного фольклора Н. К. Пиксанов.[91] По мнению многих исследователей народного фольклора, ни одно из исторических событий нашей Родины не породило такого большого количественно и разнообразного по содержанию цикла песен, преданий и легенд, как восстание под предводительством Степана Разина. К тому же границы их распространения были необычайно широки.[92]

Основные песни о событиях крестьянской войны, непосредственно связанные с именем С. Разина, сложились еще в ходе ее и приумножились в ближайшие десятилетия после ее подавления. Первичной средой их возникновения явилось ближайшее

---

[89] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962, стр. 222.

[90] В настоящее время известно около 150 вариантов народных песен, посвященных восстанию под предводительством С. Разина. Наиболее полно они представлены в работах: В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Известия Отделения русского языка и словесности АН (ОРЯС), т. XCIII. Пг. 1915; А. Н. Лозанова. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928.

[91] Н. К. Пиксанов. Социально-политические судьбы песен о Степане Разине. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 54.

[92] А. Н. Лозанова. Народные песни..., стр. 21; С. Шамбинаго. Историческая песня у великороссов. В сб.: «История русской литературы XVIII века». Под ред. Е. В. Аничкова, т. I. М., 1908, стр. 353; Н. К. Пиксанов, ук. ст. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 54 («Даже Пугачевщина... оказалась несравненно скуднее в народном творчестве, чем Разиновщина»).

окружение Степана Разина, состоявшее преимущественно из голутвенного казачества и беглого крестьянства, с которыми он совершил свой легендарный поход в Персию, а затем развернул широкий фронт антифеодальной борьбы внутри страны. Песни о восстании Степана Разина возникли в среде, сочувствующей повстанцам. Безвестные создатели песен составляли их под непосредственным впечатлением наиболее выдающихся событий этой борьбы, затем содержание песен отрабатывалось в ходе их исполнения, и они быстро распространялись по стране. К сожалению, мы не располагаем содержанием этих песен в первоначальном виде, так как продолжительность времени от момента возникновения до момента их текстуальных записей слишком велика. В лучшем случае она определяется сотнею лет. Естественно, что за долгий срок нахождения вне письменной фиксации под влиянием различных обстоятельств в содержании указанных песен произошли большие изменения.

Первые попытки записи и обработки народных песен о событиях, связанных с борьбой крестьянства во главе со Степаном Разиным, были сделаны в конце XVIII в. Тогда же известный русский фольклорист и этнограф М. Д. Чулков и выдающийся русский просветитель и издатель Н. И. Новиков положили начало их публикации.[93] Одним из первых большой интерес к личности С. Разина и народному песенному творчеству о нем проявил также А. С. Пушкин.[94]

Таким образом, зачинателями записи, обработки и публикации народного песенного фольклора о событиях крестьянской войны 1670—1671 гг. явились передовые русские люди, общественно-политическим идеалом которых было служение народу.

В последующее время, особенно с момента подготовки и проведения реформы об отмене крепостного права в России, когда всем ходом исторического развития вопрос о положении крестьянских масс приковал внимание официальных и общественных кругов страны, запись и публикация народных песен о событиях крестьянской войны под предводительством С. Разина вошла в широкую практику русских филологов и литераторов. Многие песни и легенды о С. Разине и его сподвижниках, устно передаваемые в различных вариантах из поколения в поколение, стали систематически публиковаться как в периодических изданиях,

---

[93] М. Д. Чулков. Собрание разных песен. 4 части, 1770—1774; Н. И. Новиков. Новое и полное собрание российских песен. М., 1780. — Нельзя также не отметить сборник «Древние русские стихотворения» Кирши Данилова, вышедший в 1804 г., в состав которого вошли и песни разинского цикла.

[94] Н. К. Пиксанов, ук. ст. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 55; «Русь», 1881, № 13, стр. 17—18. От редактора; Об этом см.: П. Голохвастов. Пушкин или народ. «Русь», 1881, № 11; Я Грот. Песни Пушкина о Стеньке Разине. «Русь», 1881, № 17; П. В. Анненков. Пояснения к статьям Я. Грота и П. Голохвастова. «Порядок», 1881, № 11.

так и в отдельных песенных сборниках.[95] Особого внимания заслуживает деятельность Общества любителей российской словесности, опубликовавшего многие песни о С. Разине, собранные и обработанные известным славянофилом П. В. Киреевским.[96] Много потрудились на этом поприще Н. И. Костомаров,[97] В. Ф. Миллер,[98] и другие представители дворянско-буржуазной науки. Нельзя не отметить, что представители дворянско-буржуазной науки специально не занимались исследованиями песен разинского цикла. Эти песни или рассматривались попутно, в составе разбойничьих[99] или казацких[100] песен, без учета их социально-политической специфики, которая или не осознавалась ими, или же игнорировалась. Отдельные попытки классификации песен ввиду субъективистского и формалистического подхода к их анализу не получили подлинно научной обоснованности и оказались несостоятельными.[101] Сильно проявляется в работах указанных авторов также тенденция к персонификации, т. е. к сведению всего содержания песенного народного творчества о крестьянской войне 1670—1671 гг. лишь к показу и характеристике личности С. Разина.

Примечательно, что на исторические песни о С. Разине обратил внимание К. Маркс. Конспектируя книгу Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», он записал некоторые из них как убедительное свидетельство классового расслоения в среде казачества, роли голутвенного — бедного населения в движении С. Разина и связи последнего с народными массами.[102] Для Маркса народные песни о С. Разине были особенно ценны тем, что в них встречается сочувственное отношение народа к С. Ра-

---

95 Наиболее подробная библиография песен, преданий и легенд о Степане Разине дана: М. Н. Сменцовский. Ст. Разин в науке, литературе и искусстве. Раздел А — устно-поэтическое творчество о С. Разине. «Каторга и ссылка», 1932, № 8-9, стр. 309—326 и 328—337.

96 Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности, вып. 7. М., 1868, стр. 32—42, 138—166; вып. 8. М., 1870, стр. 313—321.

97 Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. II. СПб., 1863, стр. 241, 270—271, 291—292, 336—337; Его же. Народные песни, собранные в Саратовской губернии. «Саратовские губернские ведомости», 1854, № 15, стр. 16.

98 В. Ф. Миллер. Исторические песни из Сибири. Известия ОРЯС, т. IX, кн. 1, 1904; Его же. Казацкие эпические песни XVI—XVII вв. ЖМНП, 1914, № 5, 6; Его же. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Известия ОРЯС, т. XCIII. Пг., 1915.

99 Н. Я. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875; Н. Ф. Сумцов. Разбойничьи песни. Энциклопедический словарь, т. XXVI. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1899.

100 В. Ф. Миллер. Казацкие эпические песни XVI—XVII веков. ЖМНП, 1914, № 5, 6.

101 С. Кале. Русские исторические песни XVII века. Воронеж, 1897, стр. 37—52.

102 См.: К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 119—120.

зину и его соратникам, «в деятельности которых народ видел нечто гораздо более значительное, чем „простой разбой"».[103]

После Великой Октябрьской социалистической революции опубликован ряд специальных работ, посвященных песенному народному творчеству о крестьянской войне 1670—1671 гг. Среди них особенно следует отметить работы Н. К. Пиксанова,[104] А. Н. Лозановой[105] и Б. Н. Путилова,[106] которые широко осветили народное песенное творчество, посвященное крестьянской войне под предводительством С. Разина, с позиций марксистско-ленинской методологии, вскрыли его социально-политическое содержание. Они выделили песни о С. Разине из состава разбойничьего и казацкого песенных циклов и показали их подлинно историческое значение. Все опубликованные ранее песни о Степане Разине, а также и вновь записанные их варианты были тщательно изучены и систематизированы. В результате отмеченных достижений советской науки в изучении народных песен о Степане Разине и его сподвижниках открылись широкие возможности использования всей совокупности их богатого содержания для изучения истории крестьянской войны 1670—1671 гг.

Обращаясь к содержанию народных песен разинского цикла, дошедшего до нас в записях различных лет, прежде всего следует отметить сложность его состава. В песнях передается много сюжетов, эпизодов, мотивов и настроений, отражающих подлинную историческую действительность — героику антифеодальной борьбы, развернувшейся под знаменами Степана Разина. Немало в их содержании обнаруживается и вымышленного, фантастического, легендарного материала. Весьма сильно проявляются в песнях разинского цикла следы влияния на их содержание песен казацкого и разбойничьего циклов, исторических песен XVI в. и былинного эпоса. Наконец, воздействие на песни о Степане Разине постоянно изменяющейся конкретно-исторической обстановки в стране в целом и отдельных исторических событий определило наличие в их содержании сильных модернизаторских моментов.

---

[103] П. З. Серман. Карл Маркс о русских исторических песнях разинского цикла. Сб. «Русский фольклор» (материалы и исследования), т. IV. М.—Л., 1959, стр. 279.

[104] Н. К. Пиксанов, ук. ст. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926.

[105] А. Н. Лозанова. Народные песни...; Ее же. К истории развития народной легенды. Первоначальные повествования о Степане Разине. Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, вып. 2, т. 5, 1926; Ее же. Народные легенды и предания о Степане Разине. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1929; Ее же. Песни и предания о Степане Разине в XVII — первой половине XIX века. В кн.: «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 1. М.—Л., 1955, стр. 46—61; Ее же. Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. Предисловие. М.—Л., 1956.

[106] Б. Н. Путилов. Народное поэтическое творчество крестьянских и городских восстаний XVII века. В кн.: «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953.

Сложность содержания песен разинского цикла, многообразие сочетаний в них составных элементов, многосюжетность придают им как историческому источнику большую специфичность и затрудняют использование. Их источниковедческая ценность определяется не только и не столько наличием в них определенного фактического материала о восстании под предводительством Степана Разина, а прежде всего тем, что в них выражено отношение к восстанию и его отдельным событиям как со стороны поколения, современного восстанию, так и последующих. В сравнении со сказаниями различных хронографов, повестями и известиями иностранцев о крестьянской войне 1670—1671 гг., народные песни разинского цикла характеризуются большей объективностью, большей исторической правдивостью.

В песнях разинского цикла, за редким исключением, выражено сочувственное отношение широких народных масс к событиям развернувшейся антифеодальной борьбы: к его участникам, к их действиям. Участники восстания именуются обычно в песнях уменьшительно-ласкательными именами: «добры молодцы», «удалые молодцы», «удалые молодчики», «разудалые молодцы», «ребятушки» и т. п. [107] Их сборам дается яркая символическая характеристика: «Не белые лебедушки солеталися. Не ясные соколики сопархалися. Соходилися казаки — люди вольные (в другом варианте — удалы-добры молодцы)», — в которой проявляется глубокая народная симпатия.[108]

Яркое выражение в песнях получило положительное отношение трудового народа страны к главе «удалых молодцов», «к самому», как подчеркивается в них, Степану Разину. Оно проявилось прежде всего в его песенном именовании и величании. Он именуется в песнях «Степанушкой», «атаманушкой-Степанушкой», «атаманушкой — родным батюшкой»,[109] — ласково, просто, по обычаю народному, как свой человек, чем отмечается его близость к народу. Он называется в них не просто Стенька Разин, а «Стенька Разин сам». [110] Этим отражается его особое положение среди «удалых молодцов», положение первого среди них — «главного атамана»,[111] роль которого в жизни «добрых молодцов» ассоциируется в песнях с ролью хозяина: «Ай да на кормы-то сидит хозяин, ой да Сенька Разин атаман».[112] Он величается в песнях не только по отчеству, но и с «ичем» — «Степаном Тимофеевичем», «Степаном свет Тимофеевичем» и т. п., что практиковалось в те времена лишь в отношении лиц, принадле-

---

[107] А. Н. Лозанова. Народные песни..., песни № 92, 107, 108, 120 и др.

[108] Там же, стр. 194, песни № 45, 89, 117.

[109] Там же, песни № 37, 39, 40, 50, 60; Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. М., 1956, стр. 53 (в дальнейшем: Сб. песен АН СССР).

[110] А. Н. Лозанова. Народные песни..., № 3, 4, 104.

[111] Там же, песня № 104.

[112] Там же, песни № 5, 10, 19.

жащих к социальной верхушке общества, чем подчеркивается особое уважение к его личности. Народ как бы поднял родного ему своего «Степанушка Тимофеевича»[113] до уровня этих верхов, чем оказал ему особый почет, так как это вполне соответствовало наивно монархическим народным представлениям о желательном политическом строе страны — у хорошего царя должны быть и хорошие бояре. Его «Степанушко Тимофеевич» несравненно лучше любого из бояр и достоин уважительного величания по отчеству. Он рисуется в них как убежденный противник всякой социальной несправедливости, свойственной тогдашнему обществу, показывается как друг и защитник простого народа: «люду бедному он защитничек» и «лютый недруг всем насильникам»[114] — воеводам, боярам, купцам, богатым казакам; рисуется решительным борцом за волю и свободу.[115]

Немало содержится в песнях и материала, характеризующего Степана Разина как человека, где указываются свойственные ему особенности — наиболее типичные черты его характера и привычки, чего почти не встречается в других источниках.

Сочувственное отношение к действиям Степана Разина и его соратников в народном песенном творчестве нашло выражение в его классовой и антиправительственной направленности, а также в его вольнолюбивом характере. Классовая направленность восстания под предводительством Степана Разина ясно проявляется в песнях как в плане характеристики социального состава участников восстания, так и их действий против верхушки московского общества. К участникам восстания в песнях часто применяется термин «голь», «голытьба». Степан Разин, как отмечается в песнях, неоднократно «думал крепкую думушку с голытьбою» и постоянно обращался к своим соратникам как к «голи»: «Ты, голытьбушка-ли моя, голь моя разбессчастная! Голь моя несчастная. Собирайся-ка ты, голытьбушка, на сине море гулять».[116]

О чем же говорит термин «голытьба»? Содержание его в песнях в какой-то мере конкретизируется. Она состоит из людей «бедных», т. е. имущественно несостоятельных, из людей, относящихся к социальным низам общества. Большая часть их находится на положении «беглых», что в песнях постоянно и подчеркивается. Это люди, прибывшие на Дон и в Низовое Поволжье из «чужедальных» «заволжских», как опять-таки отмечается в песнях, мест. Бежали от разорения и от неволи самовольно («мы невольники да все люди чужедальные») и были «беспачпортными», т. е. находились на нелегальном положении людей беглых.[117] Одни из них до присоединения к восстанию были бур-

[113] Там же, песни № 37, 39.
[114] Сб. песен АН СССР, стр. 112.
[115] Там же, стр. 116.
[116] А. Н. Лозанова. Народные песни..., песня № 58.
[117] Там же, песни № 61, 81, 83; Сб. песен АН СССР, стр. 64, 129.

лаками,[118] а многие — на положении казаков. В целом характеристика социального состава участников восстания, данная в песнях, достаточно точна (хотя в ней и не раскрывается конкретное, преимущественно крестьянское социальное происхождение голытьбы) для времени, предшествующего выходу повстанческого войска Степана Разина в районы оседлого крестьянского населения и развитого феодального землевладения.

Действия восставших против социальных верхов общества выражены в песнях слабее, хотя в классовой направленности их не приходится сомневаться. Голытьба резко противопоставляется казацкому кругу, где, как известно, хозяйничали зажиточные — «кармазинные» казаки и выбираемая ими старшина. Степан Разин игнорирует казацкий круг и «войсковую канцелярию». Он туда «не хаживает», «с старшинами он думушку не думает».[119]

Антикупеческие действия соратников Степана Разина показаны в песнях хорошо. В них красочно повествуется в самых различных вариантах о нападении на богатые купеческие суда. Как «напущалися казаки, — говорится в одной из песен, — на гребныя струги. Оне все тута торговых перещупали... А купцов... ограбили. Насыпали червонцам лехки свой струги».[120]

Очень мало в песнях поется о действиях восставших против помещиков и бояр. Эта сторона песенного творчества, по мнению Н. К. Пиксанова, была выхолощена из них официальными гонениями со стороны царских властей. «Подъем террористических настроений в разинском войске, — пишет он, — вылившийся в избиениях дворян помещиков, не выражен ни в одной из дошедших до нас песен. Между тем, конечно, о нем певалось в свое время в песнях народа».[121] В подтверждение своего предположения автор ссылается на обнаруженную им единственную запись песни, сделанную еще в 1878 г. Г. Прозрителевым, где голытьба резко противопоставлена боярам.

Степан батюшка
Ходит бережком
Зовет детушек
Голых, беднаих.
Вы слетайтесь ко мне
Собирайтесь скорей
Кто в нужде и труде
С Вами горюшка я
Поразмыкаю
По Руси пройду
Бояр вытопчу.[122]

---

[118] «На стружечках тех сидят гребцы бурлацкие», «до соборища бурлацкого, до притону ли козацкого». — А. Н. Лозанова. Народные песни..., песни № 72, 83.

[119] Там же, песни № 50, 58.

[120] Там же, песня № 27.

[121] Н. К. Пиксанов, ук. ст. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 61.

[122] Там же.

В подкрепление предположения Н. К. Пиксанова можно указать еще на одну песню, почему-то не обратившую на себя его внимания, хотя записана и опубликована она была впервые еще в 1903 г. (вновь опубликована в 1956 г.). Основным сюжетом ее является допрос Степана Разина на суде. Степан Разин заявляет суду, что он не разбойничал, а «голытьбу свою... на бой водил», «бояр да купцов... топил морил».[123] Таким образом, несмотря на все неблагоприятные условия, в песнях еще сохранились, отдельные мотивы, в какой-то мере отражающие антифеодальную сущность классовой борьбы под знаменами Степана Разина.

Трудовой народ понимал различие в действиях С. Разина и разбойников, преследовавших единственную задачу грабежа и обогащения. Главный персонаж песен — Степан Разин в только что приведенной песне решительно отвергает обвинение его самого и его товарищей в разбоях, соратники делают то же самое и объявляют себя, как уже отмечалось, его «согласничками». Классовая направленность песен разинского цикла была пронесена трудовым народом через века и сохранена, несмотря на все неблагоприятные условия.

Политическая, антиправительственная направленность борьбы нашла отражение в песнях. Создатели их, современники событий, понимали, что действия Степана Разина и его соратников против представителей царской администрации определяются побуждениями, не имеющими ничего общего с разбоем и грабежом. Этот момент особенно подчеркнут в одной из песен, основным сюжетом которой является убийство астраханского воеводы. В песне астраханский губернатор (воевода), чтобы избавиться от неминуемого возмездия за свои злодеяния, предлагает перехватившим его на Волге соратникам С. Разина все свои богатства. Однако «молодчики заволжские», «бурлаки люди вольные», решительно отвергают это предложение и заявляют: «Не дорога нам золота казна; нам не дорого ни платье губернаторско; нам не дороги диковинки заморские, нам не дороги вещицы астраханские, дорога нам твоя... головушка». Они «срубили» голову губернатора и бросили ее в Волгу, руководствуясь в своих действиях стремлением к справедливости и желанием возмездия за притеснения, которые причинил воевода народу. Перспектива получения богатства ни в какой мере не поколебала их убежденности в необходимости этого возмездия. В песне эта необходимость убедительно мотивируется: «Ты добре ведь, губернатор, к нам строгонек был, ты ведь бил, ты губил нас, в ссылку ссылывал. На воротах жен, детей наших расстреливал!»[124] В песнях проявляется ненависть народных масс к царской администрации и ее деятельности. Олицетворением несправедливости, произвола и жестокости является в них астраханский воевода.

123 Сб. песен АН СССР, песня № 46.

124 Там же, стр. 102.

Эпизоды об отношении к нему народа и о справедливом возмездии вошли в большую часть вариантов песен о так называемом «сынке» Степана Разина. Имеется и несколько вариантов песни, специально посвященной убийству астраханского воеводы. В них его, хотя он и не называется собственным именем, в плен берут, в тюрьму ссылают, под суд отдают, вешают, сжигают. Ему отрубают голову. С него «с живого кожу сдирают». В одной из песен поется, что «изрубили его во части мелкие. Разбросали по матушке Волге реке».[125] Наконец, точно отражая историческую действительность, в некоторых песнях его сбрасывают с «великова раскату».[126]

Большое внимание в песнях уделяется также царским тюрьмам и острогам. Резко отрицательно относится к ним народ. Тюрьмы в песнях иногда одушевляются и называются «злодейками».[127] Они, в частности астраханская «белокаменная тюрьма», как правило, в песнях или по камню — по кирпичику разбираются и разносятся,[128] или же разбиваются и уничтожаются.[129] Заключенные же в них «невольники», жертвы несправедливого царского суда, распускаются.[130] О том, что ненависть восставших, показанная в песнях в отношении астраханского воеводы, была явлением не персональным и не локального значения, а олицетворением ненависти к действиям царской администрации вообще, говорит как полное отсутствие в них собственных имен астраханских воевод времени крестьянской войны, так и наличие в одном из вариантов песни об убийстве астраханского воеводы фамилии князей Репниных, один из представителей которых действительно был на этом посту в период с 1643 по 1646 г. и прославился большими притеснениями в отношении населения.[131] Протест против всех несправедливостей царской администрации в отношении трудового народа получил в песнях концентрированное выражение в показе самого отрицательного отношения восставших к лицам, занимавшим пост астраханского воеводы, и тем порядкам, которые господствовали в Астрахани. И это не случайно: историческая действительность была богата свежими, яркими по содержанию фактами столкновения трудового народа с царскими властями именно в Астрахани, находившейся к тому же в районе сосредоточения наиболее активных сил повстанцев — Нижнем Поволжье, и они, оказав большое впечатление на современников, были восприняты безвестными составителями народных песен.

Антиправительственная направленность восстания под предводительством Степана Разина в песенной трактовке не ограни-

125 А. Н. Лозанова. Народные песни..., песня № 27.
126 Там же, песня № 70.
127 Там же, песня № 11.
128 Там же, песни № 15, 19, 23 и др.
129 Сб. песен АН СССР, стр. 97.
130 А. Н. Лозанова. Народные песни..., песни № 15 и 110.
131 Там же, стр. 97—99.

чивается отражением в песнях борьбы восставших лишь против царской администрации и ее отдельных представителей. В некоторых песнях звучит осуждение восставшими деятельности государства в целом, его верховной власти — царя. В одном из вариантов песни о так называемом «сынке» Степана Разина говорится, например, о необходимости наказания не только астраханского воеводы, но и о воздействии на самого царя: «Эх, доберемся мы до того, кто садил да сына твоего. Эх, мы царя ли со царицею, Мы в полон к себе возьмем».[132] В свете понимания наивно-монархических народных представлений о сущности феодальной монархии этот пример безусловно интересен. На царя можно воздействовать и, взяв его в плен, заставить использовать свою власть в интересах народа.

Песни разинского цикла по своему характеру вольнолюбивы. Они проникнуты идеей борьбы за волю и свободу и в этом отношении отражают лучшие чаяния трудового народа вообще и повстанцев, действующих под знаменами Степана Разина, в частности. В них подневольное положение людей осуждается, а потому вольное состояние соратников Степана Разина постоянно подчеркивается. В обращении к ним говорится: «Ой, вы, гой еси... люди вольные».[133] При характеристике их сборов отмечается, что «сходилися казаки, люди вольные»,[134] при определении единого коллективного отношения к тому или другому вопросу: «как возговорят удалы люди вольные»[135] и т. п. Так называемый «сынок» Степана Разина в одном из вариантов песни, отвечая на расспросы астраханского губернатора о его происхождении, подчеркивает: «Ай да, я вольного отца-батюшки, Стеньки Разина сынок». Сам Степан Разин «по кораблику... гуляет, песенки все вольные... распевает».[136] Даже характеристика стругов и их парусов, на которых плывут сподвижники Степана Разина — «Стеньки Разина собранье», — овеяны в песнях духом вольнолюбия, и о них говорится: «Забелелися на Волге Стеньки вольны парусочки. Закраснелися на Волге Стеньки вольного стружочки».[137]

В песнях о восстании под предводительством Степана Разина хорошо отражена глубокая вера в правоту действий его участников и переданы их настроения на отдельных этапах его развития. По мнению ряда исследователей, на первом этапе крестьянской войны — на этапе ее поступательного развития, быстрого роста рядов восставших, больших успехов и т. п.— складывались песни победные, радостные. К ним прежде всего относятся так называемые песни участников восстания, име-

---

132 Сб. песен АН СССР, стр. 97.
133 Там же, стр. 102.
134 А. Н. Лозанова. Народные песни..., песня № 117.
135 Там же, песня № 83; Сб. песен АН СССР, стр. 102.
136 Там же, стр. 51, 86.
137 Там же, стр. 98.

нующих себя «помощничками» Степана Разина, основным поэтическим образом которых стало восходящее солнце: «Ты взойдика, взойди, солнце красное». Это песни беглых крепостных крестьян, голутвенных казаков и других представителей социальных низов страны, которые непрерывно пополняли ряды восставших.[138]

Иным настроением проникнуты песни последующего этапа в развитии войны, этапа, начавшегося с осени 1670 г., когда карательные царские войска нанесли повстанцам большой урон, рассеяли их отряды и физически истребили многих ее участников, в том числе и самого Степана Разина. Настроение участников восстания передается в них образами туманов, ночи, которые надвинулись, «как печаль-тоска ненавистные».[139] Эти песни в основном лирические и грустные. Участники восстания горюют в них о своем атамане, выражают тоску и одиночество,[140] однако вера в правоту действий восставших четко проявляется и в этих грустных песнях. Даже в условиях разгрома восстания участники его не теряют убежденности в правоте своих действий и надежды на будущее. Они решают сохранить свои силы в расчете на лучшие времена и разойтись по стране: «Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка... по диким местам».[141]

Положительное отношение к участникам крестьянской войны, к Степану Разину и к их действиям, ярко выраженное в песнях разинского цикла, классовая антифеодальная и антиправительственная направленность, вольнолюбивый характер их содержания и, наконец, глубоко выраженная в них вера в правоту и справедливость действий Степана Разина и его соратников являются наиболее ценными сторонами песенного творчества о крестьянской войне, которые и определяют его значение как исторического источника.

До Великой Октябрьской социалистической революции, когда доступ к архивным источникам был крайне затруднен, когда дворянско-буржуазная наука всемерно искажала историю крестьянской войны под предводительством Степана Разина, скрывала ее глубоко народный крестьянский характер и ее классовое антифеодальное содержание, выхолащивала социально-политический смысл, наиболее правильное представление о ней можно было получить на основании песен разинского цикла.

Фактологическая сторона содержания песен настолько слабо и неопределенно обусловлена обстоятельствами места и времени, так ограничена, что исключительно сложно установить даже связь многих песен с отдельными событиями крестьянской войны. Эта связь в лучшем случае выражена в них или наличием

[138] Там же, стр. 12; Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 391—392.

[139] Сб. песен АН СССР, стр. 12, песни № 49—53; Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 393, 402, 403.

[140] А. Н. Лозанова. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.—Л., 1935, песни № 22—25.

[141] А. Н. Лозанова. Народные песни..., стр. 169.

эпизодов, свойственных тому или другому событию крестьянской войны,[142] или упоминанием некоторых деталей, характерных для отдельных ее событий,[143] и редко всей совокупностью действий и эпизодов, в которых раскрывается основное содержание песни, т. е. ее ведущим сюжетом.[144] Да и подобные связи могут быть установлены далеко не для всех песен. Стремление некоторых исследователей во что бы то ни стало приурочить каждую песню к определенному событию в развитии крестьянской войны, как бы расписать их между этими событиями, кроме как к отступлению от исторической правды и ряду казусов, ни к чему не привело.[145] К раскрытию исторической подосновы песен, к установлению связей их содержания с конкретно-историческими событиями следует подходить осторожно и обоснованно. Трудности решения этой задачи определяются: сложным составом содержания песен, частым совмещением в одном и том же песенном сюжете фактов, относящихся к различным временам и событиям крестьянской войны,[146] и, наконец, наличием в содержании

[142] Такой является песня, где дается картина проникновения Разина и его соратников в Яицкий городок хитростью, под видом богомольцев — известный эпизод, связанный со взятием повстанцами этого городка. «Я приехал к вам, не пить, не гулять. Не баталище с вами заводить, а святым храмам поклонитися. Поклонитися и молебен отслужить. Воротички отворились и пустили Стенюшку со ватагою», — так оканчивается песня (там же, песня № 60). Такой же является и песня, оканчивающаяся словами: «Со великова раскату воеводу долой сбросил. Его маленьких деток он всех за ноги повесил». Эта песня отражает действительный акт возмездия, совершенного С. Разиным над воеводой И. С. Прозоровским (там же, песня № 70 и др.).

[143] В отдельных песнях сообщаются, например, некоторые детали подготовки города Астрахани к обороне от повстанцев, проводимой воеводой И. С. Прозоровским: «Приказал нам ваявода воротики запирати. На развал пушки катати... Сеньку Разина стреляти...» (там же, песня № 68). В другой песне дается картина, как «астрахански часовые... со своей высокой башни» (раскату. — *И. С.*) увидели подплывающих к городу повстанцев С. Разина и доложили воеводе. «Астраханский воевода велел в колокол звонити... да из пушек палити» (там же, песня № 25). Связь этих песен с событиями прихода повстанцев С. Разина к городу Астрахани очевидна. В одной из песен «О сынке» есть намек на происшедшую уже в ходе выступления Степана Разина замену астраханского воеводы И. А. Хилкова И. С. Прозоровским: «Ай астраканской новой губернатор» (там же, песня № 10).

[144] Примером такой связи являются песни о так называемом «сынке» С. Разина, отражающие события, связанные со взятием повстанцами города Астрахани: появление в нем агента — «сынка» С. Разина, его деятельность среди астраханского населения, приход в город С. Разина с соратниками, уничтожение тюрем, освобождение из них заключенных и предоставление им воли, казнь воеводы.

[145] Это особенно проявилось в указанных уже работах Н. Я. Аристова и С. Кале, а также в исследовании: М. А. Яковлев. Народное песнотворчество об атамане С. Разине. Л., 1924; А. Н. Лозанова. Народные песни.., стр. 10—12, 14—15; Ее же. Рецензия на кн.: М. А. Яковлев. Народное песнотворчество об атамане С. Разине. В сб.: «Художественный фольклор», кн. IV—V. М., 1929.

[146] Так, например, в содержании песни «Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось» совмещение фактов, относящихся к различным событиям, привело к тому, что одним из основных ее персонажей является черноярский воевода, который, узнав о приближении повстанцев к городу, прика-

многих песен эпизодов и событий надуманных, символических, не находящихся в точном соответствии с исторической действительностью.[147]

Большая часть песен разинского цикла не может быть приурочена к определенным событиям крестьянской войны. Они связаны с крестьянской войной вообще и выражают всем своим содержанием характерные черты, присущие ей в целом. В лучшем случае некоторые из них, о чем уже говорилось, могут быть приурочены к отдельным этапам ее развития.

В то же время нельзя не отметить, что в некоторых песнях отдельные события крестьянской войны настолько точно запечатлены и без искажений сохранены в песенном народном творчестве, что являются существенным подкреплением к утверждению их подлинной, исторически правдивой трактовки в науке. М. Н. Сменцовский,[148] например, в качестве одного из аргументов, доказывающих, что местом казни Степана Разина была Красная площадь, а не Болото, о чем говорит Вл. Гиляровский,[149] правильно использовал свидетельство песни: «И на славной Красной площади отрубили буйну голову». Сейчас правдивость этого сообщения убедительно подтверждена недавно обнаруженным официальным документом.[150] Примечательно также, что в отдельных вариантах песни «О сынке» упоминаются имена: Семена Степановича, Михайло, Василия, Василия Никитича.[151] По-видимому, наличие этих имен в песнях не случайно. Они перекликаются с именами действующих во время восстания лиц: самозванца Воробьева, выдававшего себя за царевича Симеона, и ближайших соратников Степана Разина — Василия Уса и Михаила Харитонова. Приведенные факты дают основание предполагать, что фактологическая сторона песен разинского цикла в момент их складывания была более основательна и точна и лишь со временем потеряла свою определенность.

В заключение отметим некоторые специфические особенности песен разинского цикла как исторического источника, которые должны быть учтены при их использовании. Содержанию

зывает пушкарям «пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли». Отдельные детали приводятся в песне из обстановки, связанной с убийством царицынского воеводы во время взятия повстанцами города. Заканчивается же песня достоверными сведениями об убийстве астраханского воеводы (А. Н. Лозанова. Народные песни.., песня № 70). Такое же совмещение разнородных фактов имеется и в песне «Как далеченько-далеченько во чистом поле» (там же, песня № 77 и др.).

147 Например, песни с завещанием С. Разина похоронить его между трех дорог (там же, песни № 20, 85, 86), песня об убийстве астраханского воеводы (там же, песня № 83), песня о сне С. Разина (там же, песня № 41).

148 М. Н. Сменцовский. К истории казни Степана Разина. «Каторга и ссылка», 1932, № 3.

149 В. Гиляровский. Где казнен Стенька Разин. «Красная нива», 1926, 20 июня.

150 Сб. док. АН СССР, т. III, док. № 291, стр. 366.

151 А. Н. Лозанова. Народные песни.., песни № 26, 52, 57, 77, 84, 100, 105.

песен, как уже отмечалось, присущи сильные модернизаторские моменты. Под влиянием изменяющейся в стране конкретно-исторической обстановки и характеризующих ее отдельных событий, в целях придания песням большей злободневности и лучшего их понимания, исполнители песен как бы обновляли и несколько осовременивали их. Это отразилось и на песенном содержании. Расширялась географическая номенклатура за счет новых названий. Особенно характерным является упоминание в песнях Петербурга.[152] Приводились в соответствие с современностью песенные названия должностных лиц царской администрации. Появились термины: губернатор, генерал, адмирал, тайный советник, штаб-офицер [153] и другие, не свойственные времени восстания под руководством Степана Разина названия. Собственные имена представителей царской администрации в отдельных песнях уступали место именам, им подобным и также враждебным народу. Поется в песнях о царских сановниках более поздних времен и упоминается имя самого царя Петра I.[154]

Некоторые песни разинского цикла, в противоположность их общей тенденции, проникнуты резкой враждебностью к Степану Разину и его соратникам. Они содержат в их адрес различные ругательства. Степана Разина называют в них «плутом», «злодеем», «шельмой», «бродягой», «вором-собакой» и т. п.[155] Вообще, в песенном обиходе представлена официальная правительственная, враждебная в отношении повстанцев — Степана Разина и его соратников — терминология: «воровской атаман», «воровской казак», «вор-разбойник», «воровские стружки» и т. п. В одной песне, основательно модернизированной, имя Степана Разина ставится даже в ряд с именем Ваньки Каина, якобы его товарища, известным персонажем повести М. Комарова, действительно плутом и злодеем.[156] В одной из песен действия Степана Разина осуждаются с моральных позиций. Гибель его объясняется несоблюдением им традиций уважения к старшим, тем, что он не «слушался отца с матерью», не «споважил ... крестова батюшку».[157] Ругательства в некоторых песнях сопровождаются проклятием и различными угрозами в адрес Степана Разина. Ему иносказательно угрожают в песнях угостить сухарями, которые «в Москве крошены, в Казани сушены», пирогами, «в Туле печеными» и т. п., т. е. пулями, ядрами и гранатами, изготовленными в указанных местах.[158]

Для того чтобы правильно оценить это явление в развитии

---

152 Там же, песни № 11, 13, 53.

153 Там же, песни № 7, 10, 23, 30, 35, 107 и др.

154 Там же, песни № 27, 32, 34, 35.

155 Там же, песни № 13, 26, 65, 90, 98, 113 и др.

156 М. Комаров. История Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою. СПб., 1815; А. Н. Лозанова. Народные песни..., песня № 89.

157 А. Н. Лозанова. Народные песни..., песня № 12.

158 Там же, песни № 82, 93, 109.

песенного творчества о Степане Разине и его соратниках, необходимо обратиться к условиям его бытования. Народное песенное творчество подвергалось гонению со стороны правящих верхов Московского государства еще до восстания под предводительством Степана Разина. Еще в начале царствования Алексея Михайловича на народную светскую песню был наложен «крепкий заказ», а скоморохи — их исполнители — были объявлены «сатанинскими учениками» и деятельность их запрещена.[159] «Лепше есть,— говорилось в старину,— спевати духовные песни, нежели свецкие, срамотные, бесовские».[160] Однако пафос антифеодальной борьбы широких народных масс, необычайная популярность в народе личности Степана Разина способствовали бурному развитию песенного народного творчества в годы крестьянской войны.

В условиях крестьянской войны песня, воспевающая ее участников и события, призывающая народ к борьбе против феодального гнета, являлась своеобразной формой идеологической борьбы повстанцев против существующего феодально-крепостнического строя. Она же являлась и одной из важнейших форм закрепления в народе традиций этой борьбы. Именно поэтому господствующие классы российского общества и правящие верхи заняли в отношении песен разинского цикла самую враждебную позицию, и, хотя официальный запрет, наложенный на народную песню в начале XVIII в., был снят,[161] они сделали все, чтобы замедлить их распространение и ослабить антидворянскую и антиправительственную их сущность. Народу строго возбранялось петь о своей социальной доле. Н. К. Пиксанов [162] приводит ряд колоритных фактов жестокой расправы дворян с крестьянами за пение подобных песен.

С конца XVIII в., т. е. с момента их первых публикаций, началась уже переделка текстов песен по цензурным соображениям.[163] А. С. Пушкин за разрешением на публикацию песен о Степане Разине должен был обратиться к самому шефу жандармов Бенкендорфу, на что последний заявил: «Песни о Стеньке Разине, при всем своем поэтическом достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева».[164] Положительные высказывания Н. А. Полевого о песнях, посвященных Степану Разину, послужили одной из причин закрытия в 1834 г. редак-

---

159 Г. А. Мартемьянов. Из истории цензуры русской народной песни. Исторический вестник, 1904, ноябрь, стр. 673—674.

160 Там же, стр. 677.

161 Там же, стр. 679.

162 Н. К. Пиксанов, ук. ст. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 59, 60.

163 Г. А. Мартемьянов, ук. ст. Исторический вестник, 1904, ноябрь, стр. 687.

164 Н. К. Пиксанов, ук. ст. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 60.

тируемого им журнала «Московский телеграф».[165] Печатание песен разинского цикла в период царствования Николая I почти не допускалось.[166]

Все это имело крайне отрицательное влияние на песенное содержание. Исполнители песен, остерегаясь неприятностей, сами смягчали их содержание, выпускали наиболее резкие обороты и эпитеты, направленные против дворянства и царской администрации. В этом же направлении происходили текстуальные искажения песен при их записи и печатании. В результате из них постепенно «исчезали яркие черты социального пафоса, пережитых некогда и закрепленных в поэтическом слове повстанческих настроений»,[167] выхолащивалась антифеодальная и антиправительственная направленность.

Антиразинская направленность, отмеченная в некоторых песнях, явилась результатом воздействия на них чуждой социальной среды. Потомки домовитого казачества, враждебно относившегося к Степану Разину, не приняли песенное творчество о нем в его первоначальном виде. В их среде некоторые песни были подвергнуты соответствующей переработке и стилизованы в угодном им духе. В состав песен были включены различные ругательные эпитеты и другие выпады в адрес Степана Разина. Закреплению этой враждебной антиразинской тенденции ряда песен способствовали идеологические изменения в настроениях казачества, происходившие в связи с его сословно-кастовым привилегированным положением, введенном с конца XVIII в. и крепко связавшим его с царизмом.[168] В чуждой Степану Разину и его соратникам социальной среде появилась и другая тенденция — приспособить песни о Разине и его имя к своим интересам. В одной из песен Степан Разин выступает в роли купца, а в другой — в качестве человека, принесшего много пользы «царю белому».[169] В целом следует согласиться с мнением Б. Н. Путилова, «что до нас не дошли песни, о которых можно было бы говорить как о созданных в среде, враждебной народу». Все дошедшие до нас песни разинского цикла сложились в сочувствующей повстанцам среде и являются подлинно народными. Враждебные антиразинские тенденции проникли в них из чуждой повстанцам социальной среды в условиях, крайне неблагоприятных для их бытования, и отложились в песнях «в виде отдельных деталей, переработанных мотивов и т. п.».[170]

Во многих песнях о восстании под предводительством Степа-

---

165 Исторический вестник, 1886, апрель, стр. 35, 38.

166 Г. А. Мартемьянов, ук. ст. Исторический вестник, 1904, ноябрь, стр. 689.

167 Н. К. Пиксанов, ук. ст. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 61.

168 Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 390; Н. К. Пиксанов, ук. ст. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 60.

169 А. Н. Лозанова. Народные песни..., песни № 14, 85.

170 Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 410.

на Разина, в показе быта, душевных переживаний и действий их персонажей нашли яркое выражение чисто разбойничьи настроения: прославление грабительских действий в целях обогащения,[171] картины «разбойного разгула»,[172] эпизоды «кабацкой гульбы»,[173] игорного азарта,[174] неблаговидного отношения к женщинам [175] и т. п. Все эти моменты, явившиеся результатом влияния на песенное творчество о С. Разине и его соратниках разбойничье-казацких песен, в какой-то мере отражают свойственный антифеодальному движению 1670—1671 гг., особенно на первом этапе его развития, некоторый разбойный оттенок и, конечно, несколько затемняют социально-политическую направленность песен разинского цикла.

Наконец, в песнях разинского цикла есть некоторые наслоения религиозно-мистического порядка. Народная среда была различна не только по социальному составу, но и по воззрениям. Под непосредственным влиянием церкви, обрушившейся на С. Разина как на отступника от религии, многие считали его еретиком.[176] Ему приписывалась связь с «нечистой силой», его действия и вызванные ими явления объяснялись якобы свойственным С. Разину чародейством. В песнях Степан Разин «заговорен» от смертоносного воздействия огнестрельного оружия («меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возмет»),[177] он уплывает из тюрьмы, окатившись водою,[178] обладает сверхъестественной силой, не позволяющей связать его вражески настроенным к нему людям [179] и т. п. Эти мистические элементы ослабляют реально-историческое содержание песен.

Подведем итоги. Песни разинского цикла являются источником изучения крестьянской войны большой сложности. Основная ценность песен как исторического источника заключается в том, что в них, несмотря на все неблагоприятные условия, характеризующие обстановку их бытования, сохранился материал, ярко и убедительно утверждающий антифеодальную и антиправительственную направленность борьбы, развернувшейся под знаменами Степана Разина, ее вольнолюбивый характер и вскрывается подлинное отношение к ней широких народных масс. Песни о восстании С. Разина, как его непосредственный продукт, явились одной из форм стихийной идеологической борьбы

171 А. Н. Лозанова. Народные песни..., песни № 17, 37, 45, 58, 85.
172 Там же, песни 55, 56.
173 Там же, песни № 35, 99.
174 Там же, песни № 27, 71.
175 Там же, песня № 65.
176 Н. К. Пиксанов, ук. ст. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 60.
177 А. Н. Лозанова. Народные песни..., песня № 70. — В этой песне отражены факты массового сочувствия восстанию со стороны местных стрелецких гарнизонов и неполноценного применения ими огнестрельного оружия против повстанцев: стреляли порохом и пыжами, без пуль и ядер.
178 Там же, песни № 23, 80.
179 Там же, песня № 13.

повстанцев против феодально-крепостного строя страны и в этом отношении заслуживают самого пристального внимания. Необходимо также учитывать исключительную роль песен в распространении и сохранении среди трудовых народных масс правильного представления о движении, возглавленном Степаном Разиным. Попытки господствующих классов вытравить из сознания народа эти представления не увенчались успехом. Песни явились по существу одной из наиболее действенных форм закрепления и передачи последующим поколениям трудового народа традиций антифеодальной борьбы, сложившихся в ходе восстания под предводительством Степана Разина. Наконец, большой научный интерес представляет и историографическое значение песен разинского цикла, роль их в развитии наших знаний о крестьянской войне. В песнях отразилась народная антиправительственная трактовка истории крестьянской войны, отличная от ее концепции, данной в официальных правительственных документах. Трактовка эта, правда, дана лишь по основным принципиальным вопросам и не получила необходимого фактологического раскрытия, но на протяжении длительного времени она была единственной, противополагаемой официальной концепции истории крестьянской войны. Народная песенная трактовка истории крестьянской войны положила начало борьбе двух тенденций развития научных знаний о ней — народной и официальной правительственной.

ИСТОЧНИКИ ФЕОДАЛЬНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ТЕНДЕНЦИИ

К источникам изучения крестьянской войны 1670—1671 гг. второй группы относятся разнообразные документы государственных учреждений и должностных лиц, сказания хронографов и повести, известия иностранцев. Все эти документы весьма тенденциозны, они освещают события крестьянской войны с позиций интересов господствующего класса феодалов, а во многих случаях дают им официальную правительственную трактовку.

Официальные правительственные документы

Официальные документы государственных учреждений и должностных лиц составляют самую обширную и разнообразную группу источников изучения истории крестьянской войны. Они являются непосредственным результатом деятельности государственного аппарата в целях мобилизации и организации правительственных сил для разгрома крестьянской войны. Сила и размах натиска восставших народных масс, преимущественно крестьянских, против феодально-крепостнического режима были так велики, что заставили феодалов и царское правительство мобилизовать для отпора все средства, имеющиеся в их распоряжении. В годы крестьянской войны весь аппарат государствен-

ного как центрального, так и местного управления был нацелен на борьбу с восставшим народом, и документы, имеющие непосредственное отношение к восстанию под предводительством С. Разина, отложились в делопроизводстве многих центральных и местных правительственных учреждений.

Наиболее полно они представлены в делопроизводстве учреждений, в административном ведении которых находились основные территории, охваченные восстанием: область донского казачества, взаимоотношения которого с царским правительством осуществлялись через Посольский приказ; Среднее и Нижнее Поволжье («Понизовые земли»); территория, примыкающая к Волге на протяжении от Н. Новгорода до Астрахани, состоявшая в административном подчинении Приказа Казанского дворца, и уезды, расположенные на южных окраинах страны, вдоль «засечной черты» Белгород — Воронеж — Тамбов, подведомственные Разрядному приказу.

Роль приказов Разрядного и Казанского дворца в организации сил правительственного лагеря на борьбу против повстанцев была особенно значительна. Разрядный приказ, помимо управления южными окраинными уездами, ведал служилыми людьми и военными делами всей страны. Во время крестьянской войны им осуществлялась мобилизация служилых людей в карательные войска, их служебные назначения, мероприятия по блокаде области войска Донского и др. Он руководил всеми карательными действиями против повстанцев на юге страны. Подобную роль в отношении Поволжья играл Приказ Казанского дворца. В делопроизводстве приказов (Посольского, Разрядного и Казанского дворца) и отложилась основная официальная документация о восстании под предводительством Степана Разина. В настоящее время сохранившаяся часть этих документов находится в составе многих фондов Посольского [180] и Разрядного приказов [181] Центрального государственного архива древних актов и в основной своей массе опубликована.[182]

Официальные правительственные источники о крестьянской войне 1670—1671 гг. состоят из разнообразных документов. Они представлены: царскими указами и статьями; грамотами и «памятями» от имени царя полковым и городовым воеводам; грамотами от имени царя и патриарха, обращенными к различным

[180] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Донские дела. Сношения России с Персией, Польшей, Крымом, Турцией, Арменией, Хивой, Грецией, Швецией; Калмыцкие и кабардинские дела.

[181] Там же, ф. Разрядный приказ, дела Московского, Белгородского, Приказного и Севского столов, Дополнительного отдела и Дел разных городов.

[182] Наиболее полная библиография публикаций архивных источников о крестьянской войне дана в статье М. Н. Сменцовского «Ст. Разин в науке, литературе и искусстве» («Каторга и ссылка», 1932, № 7). В нее не вошли последующие публикации: «Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 гг. Разинщина» (Сб. док. Центрархива. М., 1931), «Крестьянская война под предводительством С. Разина», тт. I—III (Сб. док. АН СССР) и др.

слоям населения и к служилым людям страны; наказными «памятями» и наказными статьями полковым и городовым воеводам и другим должностным лицам; многочисленными отписками полковых и городовых воевод, донских войсковых атаманов, сыщиков в приказы, особенно Казанского дворца и Разрядный, и друг к другу; расспросными речами пленных повстанцев, выходцев из мест, охваченных восстанием, побывавших в плену у повстанцев, станичников, вернувшихся из разведки, и др.; различными письмами и челобитными (повинными, явочными, изветными и др.); смотренными списками, сказками и доездами; переписными и расходными книгами и разного рода росписями; записями в книгах и выписями в доклад приказов Разрядного, Казанского дворца и следственными материалами: сыскными делами, обыскными и расспросными речами и многими другими документами. И все же в массе своей по содержанию они односторонни. Это было отмечено еще буржуазными историками в отношении документов, опубликованных А. Н. Поповым,[183] Г. Перетятковичем,[184] и применительно к более широкому их кругу — к столбцам фонда Разрядного приказа С. И. Порфирьев писал, что они «в гораздо большей степени могут служить источником для истории подавления восстания, чем для уяснения явлений самого движения и сил, его питавших».[185] С положением С. И. Порфирьева вряд ли можно не согласиться. Действительно, все разнообразные официальные источники содержат данные, касающиеся преимущественно жизни правительственного лагеря. Они всесторонне характеризуют мобилизацию правительственных сил на борьбу с восстанием, детально раскрывают операции карательных войск, рассказывают о различных мероприятиях правительства в целях подавления восстания, сообщают о его жестоких карательных мерах в отношении повстанцев и в этом отношении являются исключительно полными. Данных же, характеризующих внутреннюю жизнь повстанческого лагеря: планы повстанцев, характер и задачи поднятого ими восстания, организацию повстанческого войска, подготовку боевых действий против правительственных войск, политику, проводимую ими на освобожденной от царской власти территории и т. п.,— в официальных источниках содержится значительно меньше. На основании официальных источников легче изучать историю подавления крестьянской войны, а не историю ее развития, что с успехом и делали многие представители дворянско-буржуазной историографии. Однако недооценивать значение официальных источников для изучения подлинной истории крестьянской войны, ее развития, а не только подавления, нельзя.

---

[183] А. Н. Попов. Материалы...

[184] Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882, стр. 193.

[185] С. И. Порфирьев. Разинщина в казанском крае. Казань, 1916, стр. 2—3.

Они представлены подавляющей массой документов, которыми мы располагаем о крестьянской войне. Без них невозможно воссоздать общую картину этого грандиозного народного восстания.

Официальные документы о крестьянской войне содержат много данных о событиях, одновременно связанных как с действиями карательных войск, так и с действиями повстанцев; о многочисленных сражениях и столкновениях, происходивших между ними на огромной территории страны, охваченной восстанием; о переходе городов и других населенных пунктов из рук царской администрации к повстанцам и обратно. Официальные источники, фиксируя действия правительственного лагеря против восставших, одновременно отмечали в негативном плане и действия повстанческого лагеря против господствовавших в стране феодально-крепостнических порядков, что дает возможность представить общие контуры развития крестьянской войны, примерно наметить ее основные этапы и определить силу и территориальный размах. Каждое, даже самое скудное, сведение о подобных событиях представляет большой интерес, так как помогает более полно и конкретно раскрыть содержание и ход крестьянской войны.[186]

Письменная фиксация официальными документами событий 1670—1671 гг. обычно сделана в них, как показывает проверка, в точных координатах места и времени. Хронология и география этих событий в официальных документах несравненно более точна и полна, чем в любых других. Она служит основой для проверки и уточнения в этом плане всех других источников.

Обращаясь к существу содержания официальных источников об отдельных событиях крестьянской войны, следует иметь в виду, что, несмотря на отмеченную уже односторонность, они во многих случаях содержат косвенные, а иногда и прямые сведения о состоянии повстанческого лагеря, особенно о действиях повстанческих отрядов и атаманов, их тактике в борьбе с классово враждебными силами и т. п. Например, в отписках воевод Ю. Барятинского[187] и И. Милославского[188] об их действиях против наступавшего на Симбирск повстанческого войска С. Разина, о сражениях 4—6 сентября 1670 г., в результате которых один из воевод «отшел» от Симбирска к городу Тетюши, а другой занял оборону в Симбирском кремле — «рубленом городе»,

[186] Обычно такие сведения содержатся в отписках полковых воевод в приказы Разрядный и Казанского дворца и друг к другу. Имеются они и в других документах — отписках городовых воевод, доездах (Доезд полковника М. Кравкова. Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 397), иногда обнаруживаются в малозначительных документах. Например, сведения о сражении повстанцев с правительственными войсками под деревней Дуброва Тамбовского уезда имеются лишь в «памяти» об увеличении денежного оклада его участникам — служилым людям (там же, т. III, док. № 19).

[187] Там же, т. II, ч. 1, док. № 41.

[188] Содержание их дошло до нас лишь в пересказе другого официального документа — Статей Приказа Казанского дворца, посланных со стольником И. Чириковым. — Там же, док. № 306.

не только отражены в негативном плане действия войска С. Разина под Симбирском, но и содержатся разнообразные сведения, прямо или косвенно говорящие о повстанцах. Воевода Ю. Барятинский сообщает о симпатиях населения Симбирска к повстанцам и об использовании С. Разиным этих симпатий во время штурма повстанческим войском города. В отписках воевод имеются прямые сведения о скрытности подхода повстанческого войска к Симбирску («Ночью обшел Синбирск и стал выше Синбирска за полверсты от города»), об умелом использовании повстанцами полевых укреплений и артиллерии («И сели по крепким местом и пушки привели, безпрестани по нас стреляли»[189]), о его численности и многие другие. Все эти данные негативного характера, прямые и косвенные, о действиях повстанческого войска под Симбирском дают возможность восстановить с большим приближением к исторической правде общую картину событий под Симбирском 4—6 сентября 1670 г.

Официальные источники дают возможность в какой-то степени заглянуть и во внутреннюю жизнь повстанческого лагеря, сознакомиться с событиями, находящимися за пределами непосредственного соприкосновения (в сражениях и вооруженных столкновениях) повстанческого лагеря с правительственным, с действиями повстанцев в уездах и городах, оказавшихся под их властью, мерами, проводимыми ими в целях пополнения, вооружения и снабжения повстанческих войск, со «сборами» повстанческих отрядов для проведения больших совместных операций против царских войск, с их планами и т. п. Сведения подобного характера содержатся обычно в «расспросных речах» различных «выходцев» с территорий, занятых повстанцами.[190] Такими «выходцами», если не считать насильственно захваченных карательными войсками участников восстания, были: различные люди, плененные повстанцами и бежавшие из плена, должностные лица царской администрации занятых повстанцами уездов, служилые люди, побывавшие там с разведывательными целями, и, наконец, люди, оказавшиеся в районах восстания еще до начала его по различным торгово-промысловым делам. Все они, за редким исключением, были враждебно настроены к восстанию.[191]

Конкретное представление о характере подобных сведений и их значимости для изучения истории крестьянской войны дают, к примеру, «расспросные речи» служилого человека — симбир-

189 Там же, док. № 41.

190 Они представлены в виде отдельных документов, чаще же в виде вставок в тексты отписок полковых и городовых воевод.

191 Вот почему «расспросные» и «пыточные речи» участников восстания должны быть особо выделены при их источниковедческом рассмотрении, что нами и сделано. «Расспросные речи» различных людей, не связанных с восстанием, вышедших с территорий, занятых повстанцами, в сравнении с первыми несоизмеримо беднее содержащимися в них сведениями о внутренней жизни повстанческого лагеря, менее проникновенны, а главное — тенденциозны, как и все официальные документы.

ского помещика Я. Панова, не пропущенного повстанцами к месту его службы в полк воеводы И. Милославского и вынужденного бежать от них. Из них мы узнаем о мероприятиях С. Разина и их классовой направленности в первые дни после взятия Симбирска: о рассылке «по черте» и Симбирскому уезду «памятей», обращенных к «черным людям», «что б дворян и детей боярских и в городех воевод и подьячих всех переводили и побивали до смерти»; о мобилизации в действующее под Симбирском повстанческое войско «со всякой деревни по 2 человека» и о сборе «с уезду добрых лошадей», в частности коней, захваченных в плен, и побитых повстанцами государевых служилых людей.[192]

Источниковедческое значение документов делопроизводства правительственных учреждений о крестьянской войне под предводительством С. Разина не исчерпывается их основным содержанием, характеризующим подавление крестьянской войны правительственными силами. Негативная сторона этих документов, прямые и косвенные сведения, имеющиеся в них о жизни повстанческого лагеря, делают их одним из основных источников изучения истории развития крестьянской войны. Поэтому необходимо рассмотреть, насколько объективно отражена в официальных документах историческая действительность, насколько правдивы в них сведения, характеризующие жизнь и действия повстанцев, и какие обстоятельства вызывали в них искажение этой правды. Даже при беглом ознакомлении с содержанием этих документов фиксируются значительные расхождения и несоответствия, а иногда и недостоверность сведений о крестьянской войне. При тщательном их изучении вскрываются серьезные, заведомо сделанные отступления от исторической правды в показе, трактовке и оценке отдельных событий крестьянской войны. Все это обязывает в каждом отдельном случае внимательно анализировать содержание документа, проверив достоверность содержащихся в нем сведений перед тем, как им пользоваться. Причины и степень несоответствия с исторической действительностью тех или иных данных о развитии крестьянской войны, содержащихся в официальных документах, различны и определяются обстоятельствами как объективного, так и субъективного порядка. К первым относятся прежде всего трудности разведывания и получения их (особенно о планах и замыслах повстанцев, а также о событиях, происшедших в их лагере), а отсюда — использование в этих целях не всегда достаточно полноценных источников. Ко вторым — субъективные устремления лиц и классовая тенденциозность в подходе к ним.

Точные данные о событиях в жизни повстанческого лагеря представителям правительства, даже специально подосланным в него с разведывательными целями, получить было нелегко. Повстанцы умели охранять себя от проникновения вражеских

192 Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 48.

лазутчиков, а если нужно, то и дезориентировать их в своих замыслах и планах. Нередко царским воеводам приходилось довольствоваться лишь случайными сведениями, получаемыми от различных «выходцев» с территории, охваченной восстанием. Последние же сообщали о событиях в повстанческом лагере больше по слухам, а не как очевидцы. Естественно, что сведения были неточны, противоречивы, а иногда и ложны. Слухов по стране ходило много. Один из них (например, записанный со слов подьячего Н. Колесникова [193]) — о взятии повстанцами города Коротояка, имел под собой определенные основания,[194] другие, подобные слуху о переходе на сторону восставших городов Новгорода и Пскова,[195] не имели никаких оснований и, по-видимому, сознательно распространялись сторонниками восстания в целях дезориентации и дезорганизации людей правительственного лагеря.[196] Различных ложных сведений о действиях повстанцев в официальных документах зафиксировано немало.[197] Вся совокупность содержащихся в официальных документах сведений о развитии крестьянской войны убедительно свидетельствует об этом.

Значительно сложнее установления достоверности того или иного события в развитии крестьянской войны исторически правдивое, конкретное раскрытие на основании официальных источников содержания этих событий, так как сведения о многих из них в указанных источниках недостаточно полны, отрывочны и противоречивы. Например, факт взятия повстанческим войском С. Разина Самары очевиден. Об этом упоминается во многих официальных документах.[198] Но как это произошло и при каких обстоятельствах, зафиксировано так кратко и отрывочно, что раскрыть эти события с должной полнотой и конкретностью невозможно. Изучение имеющихся в различных официальных документах сообщений об этом событии приводит к выводу, что самое полное из них, охватывающее своим содержанием все остальные, находится в «Сказке», объявленной С. Разину перед казнью.[199] На осмысление и раскрытие этого сообщения и следует прежде всего обратить внимание.

---

193 Там же, т. I, док. № 182.

194 27 сентября 1670 г. повстанческое войско С. Разина сделало неудачную попытку захватить город Коротояк.

195 Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 2, док. № 153.

196 Распространение ложных сведений, рассчитанных на дезориентацию, как своеобразный метод борьбы применялся и правительственным лагерем. В конце сентября 1670 г. «мещеренин» Богдан Юматов привез от пензенского воеводы в Тамбов весть о восстании, якобы вспыхнувшем в Астрахани против власти С. Разина. — Там же, т. II, ч. 1, док. № 73.

197 Там же, док. № 48, 87, 186.

198 Там же, док. № 28, 32, 51, 67 и др.

199 В ней читаем: «...пошол ты, вор, к Самаре, и самарские жители город тебе здали по твоей... присылке и умыслу и заводу. И ты государеву казну пограбил же и воеводу Ивана Алфимова и самарцов, которые к твоему воровству не пристали, побил же». — Там же, т. III, стр. 86.

Несколько иначе обстоит дело со вторым походом повстанческого войска во главе с атаманом Ф. Шелудяком вверх по Волге и осадой им Симбирска. Это событие имело большое значение в развитии крестьянской войны. Отдельные отрывочные, крайне скупые и противоречивые сведения о нем рассеяны по многим документам.[200] Документа, где бы этому событию давалось полное и обобщенное освещение, не сохранилось.[201] И сведения о нем настолько неполны, что не содержат даже указания на точное время осады повстанцами Симбирска. Лишь сопоставление и сверка сохранившихся сведений, тщательный анализ всех документов и обобщение содержащихся в них данных, дают возможность, с какой-то степенью приближенности, восстановить историческую правду об этом интересном событии. Официальные документы настолько разнообразны по своему составу, содержанию и форме, что различных случаев их научного использования для изучения крестьянской войны может быть много. В каждом конкретном случае при решении отдельных вопросов истории крестьянской войны, в использовании того или другого вида официальных документов есть свои особенности.[202] Задача исследователя и заключается в том, чтобы определить эти особенности, использовать источники как можно эффективнее и дать подлинно научную, объективную трактовку событий в развитии крестьянской войны. Разнообразие официальных документов о крестьянской войне, дублирование во многих из них сведений о том или другом событии в ее развитии и особенно наличие в них различных вариантов этих сведений весьма благоприятствуют решению указанной задачи.

Значительные отклонения от исторической правды сведений о событиях крестьянской войны, содержащихся в официальных документах, явились результатом субъективных устремлений должностных лиц правительственного лагеря, по указаниям которых составлялись эти документы. Это необходимо во всех случаях их использования учитывать. Воеводы, руководствуясь личными интересами, чтобы выслужиться и не впасть в «царскую немилость», сознательно искажали события в развитии крестьянской войны. Они всемерно преуменьшали свои неудачи и, наоборот, преувеличивали свои успехи в действиях против повстанцев, выдавая иногда даже понесенные ими поражения от повстанцев за победу над ними. Очевидное, например, поражение царских воевод от повстанческого войска С. Разина под Сим-

200 Там же, док. № 78, 100, 109, 119, 121, 125, 132, 166, 173, 291 и др.

201 Таким документом являлась отписка воеводы П. Шереметьева от 23 июня 1671 г. К сожалению, она не сохранилась. — Там же, стр. 108.

202 Например, при решении вопросов определения на основе противоречивых данных, содержащихся в официальных документах, численности повстанческого войска С. Разина на отдельных этапах его действия на Волге, установления точности датировки того или другого недатированного события, выяснения последствий крестьянской войны по данным переписных книг и т. п.

бирском 4—6 сентября 1670 г., в результате которого карательные войска воеводы Ю. Барятинского в панике бежали от Симбирска к городу Тетюши, а войска воеводы И. Милославского оказались осажденными повстанцами в Симбирском кремле, в отписке первого из них затушевывается,[203] а в отписке второго выдается даже за победу царских войск.[204] Не хотел признаться в разгроме части подчиненных ему войск повстанцами 4 декабря 1670 г. под Тамбовом и в больших людских потерях, понесенных им в этом сражении, воевода И. Бутурлин. В своей отписке он сильно искажает события, связанные с этим сражением,[205] и только материалы специальной правительственной следственной комиссии стольника Д. Давыдова, направленной в Тамбов для выяснения причин этого поражения царских войск, в частности «расспросные речи» многих участников сражения и должностных лиц, дают возможность их исторически правдивого раскрытия.[206]

В воеводских отписках о сражениях и столкновениях карательных войск с повстанцами, и в случае их поражения от повстанцев и в случае победы над ними, силы повстанцев обычно преувеличиваются, а обстановка, в которой действуют воеводы, рисуется в неблагоприятном для них плане. В первом случае это делалось воеводами в целях смягчения их ответственности и виновности за поражения, во втором — для подчеркивания трудностей, преодоленных ими для достижения победы, а следовательно, и своих заслуг перед царским правительством. В этом отношении особо колоритными являются отписки козловского воеводы С. Хрущева. Он в погоне за «царской милостью» не постеснялся приписать себе особую роль и заслуги в сражении с повстанцами под Тамбовом 4 декабря 1670 г., сообщив в Разрядный приказ об активном участии своего карательного полка в этом сражении и о том, что его служилые люди «козловцы тех воров и мятещиков многих побили и их воровское знамя у них взяли. И с того, государь, бою те воровские казаки и мятежщики отступили...»[207] На что, узнав об этом, главный воевода царских войск, находящихся в Тамбове, И. Бутурлин в очередной своей отписке в Разрядный приказ сообщает, что «он, Степан (т. е. Хрущев.— *И. С.*), с полком своим на выручку... не ворачивался; и помочи от него ему... не бывало, и знамен никаких ево полку ратные люди у воровских людей не имывали. И взял... знамя у воровских людей моего... полку сотенной голова... Володимер Вердеревской, а другое знамя взяли сотенные люди резанцы». И. Бутурлин допускает, что небольшая часть служилых людей

---

203 Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 41.

204 Там же, стр. 384.

205 Там же, док. № 291.

206 Там же, док. № 297, 349, 377 и др.; И. В. Степанов. Из истории крестьянской войны 1670—1671 гг. «История СССР», 1964, № 2.

207 Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 297.

воеводы С. Хрущева приняла участие в сражении, «но для добычи, а не для помочи», и в заключение обвиняет воеводу С. Хрущева во лжи.[208]

Иногда воеводы в отписках в центральные правительственные учреждения, стремясь опять-таки оправдаться и «выслужиться», осуждают действия других воевод, даже находящихся по отношению к ним на положении старшего начальника. Воевода Ю. Барятинский одной из причин своих неудач под Симбирском в начале сентября 1670 г. считал медлительность действий своего начальника воеводы П. Урусова. Он сообщает в отписке, что если бы последний «к тому бою поспел, хотя бы у меня... было 2000 пехоты, и он бы (имеется в виду С. Разин. — *И. С.*) совсем пропал, не только бы... приступать к Синбирску, и к берегу бы не припустил».[209] Ю. Барятинский положил начало мнению, высказанному позднее и другими воеводами царских карательных войск, о медлительности действий П. Урусова, определившему, по-видимому, решение царя об его отстранении с указанного поста. Осуждает Ю. Барятинский и действия полковника А. Шепелева, якобы самовольно отказавшегося участвовать в его походе под Симбирск. В отписке он называет полковника «бунтовщиком» и возлагает на него всю ответственность за то, что «кровь пролилась в Синбирску и около Синбирска и по черте».[210] Все это свидетельствует о необъективности сведений в их отписках.

Из личных побуждений, подобно воеводам, чтобы показать себя в более выгодном свете перед царскими властями и избежать возможных неприятностей, крайне необъективно освещают события крестьянской войны, очевидцами или участниками которых они были, и рядовые служилые люди. В этом отношении особенно показательны «расспросные речи» стрельцов отряда головы И. Лопатина, разбитого повстанческим войском С. Разина под Царицыным. Все они подчеркнуто свидетельствуют о якобы жестокой расправе, учиненной над ними повстанцами, и тяжелых мытарствах, пережитые за время нахождения в плену,[211] что не подтверждается более объективными свидетельствами других очевидцев — участников восстания.[212] Характерной является и тенденция, свойственная «расспросным речам» служилых людей «по отечеству», вовремя не явившихся на службу в свои полки. В них служилые люди для смягчения своей вины всемерно стремятся доказать невозможность пробраться к месту службы ввиду действий повстанцев и в

---

208 Там же, стр. 445.
209 Там же, док. № 41.
210 Там же, стр. 195.
211 Там же, т. I, док. № 130; т. II, ч. 1, док. № 12, 22, 37, 39, 180; ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 692, лл. 178—182.
212 Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 184.

этом свете преломляют все виденное ими за время их пребывания на территории, охваченной восстанием.[213]

Были случаи сознательного искажения действительности и по служебным, в частности по военным, соображениям. Козловский воевода С. Хрущев 29 октября 1670 г. послал тамбовскому воеводе отписку с заведомо преувеличенными сведениями о численном составе своего войска, с которым он шел на защиту Тамбова от повстанцев, и о намерениях жестокой расправы над ними с расчетом, что посланные с этой отпиской служилые люди будут перехвачены повстанцами, содержание отписки будет им известно и они будут дезориентированы. Эта хитрость воеводы имела успех.[214]

Все рассмотренные отклонения от исторической действительности в развитии крестьянской войны, а также подобные им, имеющиеся в официальных документах и преднамеренно сделанные представителями царской администрации по личным и служебным соображениям, при широком использовании и сопоставлении этих документов сравнительно легко обнаруживаются.

Наиболее распространенные, грубые и особо нетерпимые искажения исторической правды в официальных документах определены их классовой тенденциозностью. Все они вышли из враждебного восстанию правительственного лагеря и во всех случаях, за исключением «расспросных пыточных речей» плененных карателями повстанцев, прямо или косвенно, в той или иной мере выражают классовые интересы феодалов. Последние же не были заинтересованы в объективном показе классовой борьбы крестьянства против установленного ими феодально-крепостнического режима в стране, угрожавшей их власти над народом и их материальному благополучию. Представители класса феодалов, заполнявшие правительственный аппарат страны, всеми способами стремились скрыть от широких народных масс подлинный характер восстания, поднятого С. Разиным, его классовое крестьянское содержание, и всячески дискредитировали его в глазах населения с тем, чтобы приостановить его распространение по стране и создать благоприятную обстановку для скорейшего разгрома. Это и определило основное содержание трактовки крестьянской войны и ее отдельных событий в официальных правительственных документах и легло в основу их классовой или правительственной тенденциозности.

Было бы неправильным считать, что тенденциозность в оди-

---

213 Там же, т. II, ч. 1, док. № 48.

214 «А сокольских, государь, и добринских служилых людей со мною, холопом твоим, не было, писал, государь, в отписке *сприбавкою нарочно, чаючи...* (курсив наш. — *И. С.*) посыльным людям от них, мятежщиков, поимки потому... что они, воры, под Тонбов пришли да той моей... отписки». — Там же, т. II, ч. 1, док. № 198.

наковой мере и в одних и тех же проявлениях свойственна всем официальным документам о крестьянской войне. Мера и конкретные формы проявления тенденциозности в трактовке крестьянской войны и ее отдельных событий официальными правительственными документами зависели прежде всего от характера самого документа. Сильнее и разнообразнее она проявляется в царских и патриарших грамотах, обращенных к различным слоям населения страны, в целях удержания его от присоединения к восстанию и привлечения на сторону правительственного лагеря, а также и в других документах, предназначенных к публичному прочтению, например в «Сказке», объявленной С. Разину в Москве с «лобного места» перед казнью. В этих официальных, пропагандистского характера документах — «увещевательных», т. е. уговаривающих население быть «верным» царю и правительству, «обнадеживающих», т. е. обещающих в случае сохранения указанной «верности» различные льготы и поблажки,[215] осведомляющих и в то же время дезориентирующих население о развитии восстания, — правительство не стеснялось в ругательствах по адресу С. Разина, его соратников и вообще восстания, искаженно освещало многие события в развитии крестьянской войны, шло на прямую их фальсификацию и широкие, резко отрицательные обобщения по поводу крестьянской войны в целом. В этих документах ярко отразилось содержание идеологической борьбы, которую вело царское правительство в интересах сохранения феодально-крепостнических порядков. В них еще в ходе восстания были изложены основные положения официальной концепции истории крестьянской войны 1670—1671 гг., сыгравшей большую роль в ее историографии. Близки к ним в этом отношении наказные «памяти» полковым воеводам, некоторые грамоты приказов Разрядного и Казанского дворца и другие документы, содержащие обобщающий материал по крестьянской войне.[216] Несколько иначе и не в такой мере проявляется тенденциозность основной массы официальных документов о крестьянской войне, не предназначенных к обнародованию и не содержащих широких обобщений, документов сугубо деловых, относящихся к сфере оперативных действий карательных войск и отдельных его отрядов против повстанцев, представленных прежде всего отписками полковых и городовых воевод в приказы Разрядный и Казанского дворца, а также друг к другу. Тенденциозность их проявляется в искаженном освещении и оценке сугубо конкретных событий и отдельных моментов крестьянской войны, ограниченных сравнительно узкими хронологическими рамками, о которых отчитывается (отписывается) воевода. Наконец,

---

215 Там же, т. II, ч. 2, док. № 144.

216 Выпись в Разрядном приказе о восстании С. Разина. — Там же, т. III, док. № 291.

некоторым официальным документам тенденциозность, если не считать применяемую в них терминологию, почти несвойственна. К ним относятся все виды деловых документов, предназначенных исключительно для внутреннего использования в системе учреждений тогдашнего государственного аппарата.

Одним из характерных проявлений классовой тенденциозности официальных документов о крестьянской войне является их терминология. К участникам восстания в документах обычно применяются эпитеты: «воры», «воровские люди», «воровские казаки», «чернь», иногда «бездомовные люди», затушевывается массовое участие крестьян в восстании, его классовая, преимущественно крестьянская, направленность. Однако в самом содержании официальных документов и особенно в «расспросных речах» пленных повстанцев нередко названия «воровские люди», «воровские казаки» и «чернь» получают определенное социальное раскрытие. Рассказывая, как происходил сбор повстанцев в селе Кременки для похода на Арзамас, пленный есаул А. Осипов сообщает, что с ним «собралось воровских... *казаков того села и из-ыных* (курсив наш. — *И. С.*) с 300 человек», что «хотели быть к ним в казаки из... села (Пуза. — *И. С.*) 200 человек», а если мало, то и «по головам», т. е. все поголовно, «да к ним же... пришел из Темникова на помочь ясаул... Исайка Фадеев, а с ним де пришло воровских казаков с 500 человек».[217] Социальное положение «воровских» казаков в данном случае не оставляет никакого сомнения. Это были крестьяне местных деревень. Остальные «воровские казаки, 7 человек, в роспросе сказались», сообщает уже от своего имени воевода Ю. Долгорукий: «темниковского уезду, розных помещиков крестьяня».[218] Характеризуя обстановку, сложившуюся на «черте» после поражения С. Разина под Симбирском, воевода И. Милославский сообщает о сборе там многих «воровских людей», к которым им отнесены «казаки (имеются в виду служилые казаки Симбирской черты. — *И. С.*) и крестьяня, татаровя и чюваша и мордва, тысячь с 6, да с ними воровских казаков 20 человек».[219] Крестьяне Избылетской слободы в «расспросных речах» попа И. Алексеева называются «чернью».[220] Широкое применение в официальных документах по отношению к участникам восстания названия «воровские казаки» в какой-то мере объясняется и сильными казацкими тенденциями среди восставших. Крестьяне, присоединяясь к повстанческим отрядам, как бы уходили в казаки и называли себя казаками. По рассказу служилого казака С. Татаринова, прибывшие в Лысогорский острог «Танбовского уезду розных сел волосных крестьян и крестьянских детей 6 человек, для

217 Там же, т. II, ч. 1, док. № 110.
218 Там же.
219 Там же, стр. 123.
220 Там же, док. № 124.

прелести называютца атаманьями донскими казаками».[221] Естественно, что если восставшие крестьяне называли себя казаками, то представители царской администрации применяли к ним давно бытовавший термин «воровские казаки».[222] При пользовании официальными документами, речь в которых идет о «ворах», «воровских людях», «воровских казаках» и «черни», действующих в районах страны с оседлым крестьянским населением, следует иметь в виду прежде всего восставшее крестьянство.[223]

Затушевывается в официальных документах и классовое содержание действий восставших. Эти действия обычно называются в них «воровскими», «грабительскими», «разбойными» и объясняются чисто корыстными побуждениями восставших. Сведения о том, против кого направлена классовая ненависть повстанцев, часто в них или опускаются, или даются в самых общих и неопределенных формулировках: «многие деревни и села жгут и людей побивают», «многие де дома грабят и людей до смерти побивают»[224] и т. п. Чьи дома грабят? Почему деревни и села жгут? Каких людей убивают? — на все эти вопросы, естественно возникающие при чтении приведенных формулировок, ответ содержится лишь в весьма немногих документах. В них содержатся преимущественно «расспросные речи» пострадавших от повстанцев помещиков и вотчинников. Например, по свидетельству сына боярского С. Невежина, восставшие убили его брата и зятя, а его «дом и иных многих людей (служилых людей, помещиков. — *И. С.*) те воровские козаки разграбили и жену ево пытали... да они ж де, ... в Кадомском уезде в селе Жукове... Матвея де Жукова... дом розграбили и... ево... двор сожгли».[225] Классовая направленность действий повстанцев здесь ясна. Они уничтожили помещичьи усадьбы Невежиных и Жуковых, побили членов семейств ненавистных помещиков и захватили принадлежащее им имущество. В отдельных случаях о классовой направленности действий восставших в официальных документах имеются и более обобщенные сведения. Воевода Ю. Долгору-

---

221 Там же, стр. 272.

222 Применение в отношении повстанцев названия «воровские» было даже обязательно для должностных лиц государственного аппарата. Гремяченского приказного человека С. Сафонова за применение названия в отношении повстанцев «воинские люди» вместо «воровские люди» было приказано «за недосмотр посадить в тюрьму на день», а дьячка «за прописку... бить батоги нещадно». — Там же, стр. 133—134, 560.

223 Донское казачество в общей массе восставшего крестьянства составляло малую часть. На упомянутом уже сборе повстанцев на «черте» по отписке воеводы И. Милославского, было «тысячь с 6, да с ними воровских казаков 20 человек» (там же, т. II, ч. 1, стр. 123). После сражения под селом Раковым, по свидетельству пленных крестьян, среди отходивших «воровских людей» донских казаков было «только. . человек с 40» (там же, стр. 312).

224 Там же, док. № 85.

225 Там же, стр. 109.

кий на основании данных, полученных им от бежавших из его поместий арзамасских дворян и детей боярских, в одной из своих отписок сообщает, «что в Арзамасском уезде во многих местех, которые... подались к Алаторскому уезду, в селах и в деревнях крестьяне забунтовали и помещиков и вотчинников побивают», а где их нет, «побивают прикащиков их з женами и з детьми и поместья и вотчины их разоряют».[226] Очевидно, что во всех случаях, когда в документах говорится об уничтожении восставшими дворов, деревень и сел и убийстве людей, следует иметь в виду прежде всего уничтожение ими феодальных поместий и вотчин и убийство их владельцев — помещиков и вотчинников и их приближенных.

Нередки случаи, когда в официальных документах затушевываются и замалчиваются антифеодальные и антиправительственные настроения социальных низов населения страны, ее отдельных городов и местностей, вызванные крестьянской войной. Особенно это свойственно различного рода челобитным, поданным царю и его воеводам представителями социальных верхов, адресуя их от имени всего населения города или уезда, т. е. и от имени социальных низов, хотя последние к подаче указанных челобитных не имели никакого отношения. От всех жителей города с просьбой прислать «ратных людей» для защиты от восставших подали челобитную духовенство, верхи посадских людей и приказные люди Н. Новгорода.[227] Этими они как бы скрыли подлинные настроения низов города, антифеодальные и антиправительственные устремления которых раскрываются многими другими документами. Низы Н. Новгорода не раз присылали своих представителей к атаману М. Осипову с просьбой, чтобы он скорее шел на Н. Новгород, обещая ему свое содействие.[228] Также фальсифицируется историческая правда «повинной челобитной» верхов населения города Кадома, поданной за 11 подписями от имени всех жителей города,[229] челобитной старосты от лица жителей города Ядрина с просьбой о назначении к ним воеводой Ф. Бобровича[230] и другими, им подобными. Во всех этих документах настроения и желания социальных верхов населения, за которыми скрываются их определенные классовые устремления, выдаются за настроения и желания всего населения. В сильно искаженном виде передаются настроения в лагере повстанцев и среди трудового населения в отдельных «расспросных речах» лиц правительственного лагеря, враждебно относящихся к восстанию, в частности стрельцов отряда головы И. Лопатина, побывавших в плену у повстанцев. В «расспросных речах» стрельца

226 Там же, стр. 83.
227 Там же, док. № 215, 222.
228 Там же, стр. 198, 234—235 и др.
229 Там же, док. № 250.
230 Там же, док. № 368.

Исая (Алексинца) утверждается, например, что по возвращении повстанческого войска С. Разина в Царицын в конце июля 1670 г. якобы «воровские казаки многия», недовольные С. Разиным, побежали на Дон и на Хопер и говорили друг с другом, «что взялся де он, Стенька, за худое дело и самому де ему от того пропасть».[231] О неблагоприятных для С. Разина настроениях в Астрахани много говорится также в «расспросных речах» стрельца И. Екимова.[232] По-видимому, на основе подобных искаженных сведений, распространяемых указанными лицами еще до их письменной фиксации в «расспросных речах», появился ложный слух о восстании против С. Разина, якобы вспыхнувшем в Астрахани.[233] Эти известия, полученные от московских стрельцов, другими, более объективными документами не подтверждаются. Очевидно, необходимо во всех случаях, когда в документах говорится о настроениях и желаниях населения вообще, обязательно выявлять их классовое существо и принадлежность. Особо критически следует относиться к свидетельствам о настроениях в среде восставших классово-враждебных восстанию лиц.

В целом официальные документы как источник изучения крестьянской войны 1670—1671 гг., несмотря на содержащиеся в них по различным причинам значительные отклонения от исторической действительности, в силу их многочисленности, сравнительно хорошей сохранности и разнообразности, повторяемости содержащихся в них сведений, наличия различных разночтений и вариантов в освещении одних и тех же событий, при условии использования всей их совокупности, широкого применения их текстуального сопоставления, критического подхода к отбору имеющихся в них сведений и тщательного анализа этих сведений с позиций их классового содержания, дают возможность достаточно полного и правдивого воссоздания как фактической стороны развития крестьянской войны, так и ее антифеодального и антиправительственного содержания.

Следует отметить, что официальным правительственным документам как источнику изучения крестьянской войны 1670—1671 гг. свойственна тенденциозность, которая имеет не только отрицательное, но и положительное значение. Классовая правительственная тенденция официальных документов как бы сама является источником для изучения истории крестьянской войны, в частности для характеристики идеологической борьбы, развернувшейся в ходе восстания. В этом плане, а также и в плане историографическом весьма существенным является рассмотрение трактовки крестьянской войны и ее отдельных событий, содержащейся в самых тенденциозных официальных до-

231 Там же, стр. 43.

232 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 692, лл. 178—182.

233 Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 73.

кументах, какими являются правительственные документы, предназначенные для обнародования населению (царские указы, царские и патриаршие грамоты, наказные памяти и другие, в том числе «Сказка», публично объявленная С. Разину перед его казнью). Эта трактовка характеризуется не только резко отрицательным отношением к восстанию, стремлением затушевать его классовую направленность заведомой фальсификацией фактов, что свойственно большей части официальных документов, но и некоторыми обобщениями по поводу крестьянской войны, составившими основу ее официальной истории.

Основную причину крестьянской войны правящие круги усматривали в самой личности Степана Разина. «Вор» и «изменник», «богоотступник» и «клятвопреступник» и его «проклятые товарищи» — вот кто, согласно официальной правительственной трактовке, является виновником восстания. Даже каких-либо намеков на социальные мотивы, обусловившие восстание, в рассматриваемых документах не содержится.

В целях дискредитации восстания в глазах населения и вызова религиозного фанатизма и ненависти к восставшим в правительственных документах особое внимание уделяется вопросам об отношении С. Разина и его соратников к религии, православной христианской церкви и морально-нравственным устоям тогдашнего быта. В них сообщается о том, что восставшие не признают и «хулят» бога, что С. Разин запретил на Дону строительство церквей, прогнал священников, не признает церковных обрядов, «велел венчатца около вербы» и вообще такое надругательство «чинит» над верой и церковью, «чего и у басурман не ведетца».[234] Богоотступничество Степана Разина и его соратников дополняется в них характеристикой их как людей, в морально-нравственном отношении крайне низких, для которых нет каких-либо сдерживающих начал, которые способны на всякие несправедливости и жестокости. Путем грубого искажения фактов им приписывается бесчеловечность и целый ряд неоправданных жестокостей. Казнь восставшими нескольких десятков человек служилой и посадской астраханской верхушки, сторонников правительственного лагеря, особенно ненавистных народу за их злоупотребления властью, показывается в правительственных документах как массовое, чуть ли не поголовное, жестокое истребление вос-

[234] Там же, док. № 16, 277. — Некоторые факты безразличного отношения Разина и его соратников к официальным церковным обрядам, сообщенные войсковым атаманом М. Самаренином 2 мая 1670 г. в Москве (там же, стр. 340) и вошедшие в приговор, объявленный С. Разину, а также и другие факты, упоминаемые в документах, не являются достаточным основанием к утверждению о «богоотступничестве» и атеизме С. Разина. Что касается его отношения к православной церкви, то оно определялось положением церкви как организации официальной, правительственной, враждебной восстанию.

ставшими астраханских служилых людей, вплоть до рядовых стрельцов и солдат «и купецких и всяких чинов астраханских жителей и приезжих купцов»;[235] захват восставшими имущества, принадлежавшего астраханской верхушке, своз его в Ямгургеев городок и организованное распределение среди повстанцев на кругу — как ничем неоправданный грабеж;[236] уничтожение повстанцами в сражении за Астрахань части иноземных торговых людей, принявших активное участие в обороне города в составе специально созданного отряда под командованием персидского посла Юсупа Эханбека, — как поголовное и ничем неоправданное их истребление.[237] Случайная же гибель во время взятия повстанцами Астрахани нескольких детей и казнь С. Разиным сыновей ненавистного народу астраханского воеводы И. С. Прозоровского вызвали появление в правительственных документах, в том числе и в смертном приговоре, объявленном С. Разину, обобщенной формулировки: «...и не насытяся тех неповинных кровей, и самих младенцев не щадил».[238] Крайне отрицательная характеристика С. Разина и его соратников в царских грамотах была сугубо усилена церковью. Официальная церковь в лице патриарха Иосафа объявила восстание под предводительством С. Разина «сатанинским» проявлением, наказанием за грехи, самого С. Разина — «представителем дьявола», «пагубным волком» и «сосудом дьявола», атамана В. Уса — «губителем православных христиан», атамана Ф. Шелудяка — «угодником дьявола» и «новым сосудом дьявола», а всех соратников С. Разина — «богоотступниками».[239]

Для усиления виновности восставших перед царем и государством, ради всемерного их «очернения» перед народом как изменников и клятвопреступников правящие круги пошли на грубейшую фальсификацию фактов. Вопреки действительному ходу событий, происшедших во время возвращения отряда С. Разина с Каспийского моря, когда царские власти в Астрахани, убедившись в своем бессилии разбить и разоружить отряд С. Разина, стремясь во что бы то ни стало «выманить» его с Каспийского моря, вынуждены были пойти на уступки и на основании царской грамоты на определенных условиях пропустили его на Дон, в правительственных документах излагается версия о том, что якобы царские войска под командованием князя С. Львова, высланные навстречу отряду С. Разина, «их, воров, сошли и обступили и хотели сечь», т. е. поставили их перед необходимостью сдачи, а потому С. Разин

235 Там же, док. № 16.

236 Там же.

237 «...всех побил и товары пограбил». — Там же, док. № 16; Я. Я. Стрейс, ук. соч., стр. 356; ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, кн. 15, лл. 144об — 158.

238 Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 16; т. III, док. № 81.

239 Там же, т. II, ч. 1, док. № 7; т. III, док. № 166.

и его соратники, «видя над собой промысл... ратных людей,.. в винах своих добили челом и крест целовали», а за это царь повелел им «вместо смерти дать живот», т. е. простил.[240] Но якобы вопреки этому великодушию царя С. Разин, забыв все свои обещания, вновь «Московскому государству изменил». Эта версия о необычайном великодушии царя и правительства, якобы проявленном в отношении С. Разина и его соратников, должна была поднять престиж царского правительства перед народом. Она вошла в состав всех правительственных документов, обращенных к населению, а также и в состав приговора, объявленного С. Разину.

Стремление правящих верхов страны во что бы то ни стало подорвать влияние С. Разина на трудовой народ определило появление и другой злостной фальсификации — версии о якобы совершенном С. Разиным предательстве по отношению к своим соратникам по оружию, тайном бегстве его с узким кругом близких людей из-под Симбирска 4 октября 1670 г., в разгар развернувшихся сражений повстанческих отрядов с царскими карательными войсками. Эта версия была пущена в обиход воеводой Ю. Барятинским.[241] Какими-либо другими источниками она не подтверждается, а наоборот, опровергается.[242] Опровергается она и всей последующей деятельностью С. Разина. Нелепость ее была настолько очевидна, что в то время она не получила широкого распространения в правительственных документах[243] и, естественно, не вошла в состав «Сказки», объявленной С. Разину перед казнью,[244] однако позже была широко использована в работах дворянско-буржуазных историков. Много содержится в правительственных документах и других инсинуаций в адрес повстанцев и Степана Разина, вплоть до утверждения, что последний, «будучи в Кагальнике... чего и бусурманы не чинят, православных християн в печи жог вместо дров».[245]

Попытки правящих кругов дезориентировать население сводились к тому, чтобы удержать народ на стороне правительства. Однако вопреки желаниям правящих верхов социальные низы населения, прежде всего крестьянство, активно поддерживали восстание, поднятое С. Разиным, и оно успешно разрасталось, охватывая все новые уезды страны. Скрыть эти успехи было невозможно, их следовало объяснить. В этих целях в официальных правительственных документах делаются некоторые обобщения. Встречаем мы их впервые в грамоте патриар-

[240] Там же, т. II, ч. 1, стр. 8.
[241] Там же, док. № 118.
[242] Там же, комментарии.
[243] Она есть в царской грамоте к князю Ю. Барятинскому. — Там же, док. № 281.
[244] И это понятно. Если изменил восстанию, отошел от него, то за что же смерти предавать?
[245] Сб. док. АН СССР, т. III, стр. 182.

ха Иосафа от 24 сентября 1670 г., и это свидетельствует о том, что потребность в подобных обобщениях появилась весьма рано. В ней успехи в развитии восстания, взятие Разиным Астрахани, Царицына, Саратова и других городов, объясняются тем, что он «обольстил» жителей указанных городов, т. е. уговорил, не гнушаясь и обманом, и привлек их на свою сторону. Патриарх призывает население «ни на какие прелести вора изменника Стеньки Разина с товарищи не прельщатися».[246] Так был сформулирован один из мотивов, которым объяснялось присоединение населения к восстанию. В последующих правительственных грамотах, обращенных к населению, формулировка: «прельщают всякими своими воровскими прелестьми», т. е. уговаривают и склоняют всякими обещаниями на свою сторону,[247] — обычно получает некоторое раскрытие. Особое внимание в них уделяется разъяснению неправомерности использования С. Разиным в интересах привлечения на свою сторону населения имени умершего царевича Алексея и бывшего патриарха Никона.[248] В некоторых грамотах «прельщение» населения восставшими объясняется его «малоумием»,[249] а иногда мотив «обольщения» своеобразно переплетается с мотивом «приневоливания»,[250] т. е. запугивания и устрашения. Характерно также, что круг «обольщенного» и присоединившегося к восстанию населения в правительственных документах преднамеренно сужается и сводится иногда лишь к «бездомовному люду», который ничего не имеет, ничем не рискует и легко сдается на уговоры и обещания.[251]

Таким образом, правительственная, антинародная тенденция трактовки истории крестьянской войны 1670—1671 гг. проявилась уже в ходе ее в правительственных документах, обращенных к населению страны. Существо содержания этих проявлений таково: восстание подняли преступные, отверженные от общества, морально-неустойчивые элементы, «воры» и «изменники» во главе со Степаном Разиным из корыстных побуждений. Путем обмана, соблазняя легкой жизнью и легкой наживой, они «прельстили» многих неустойчивых «малоумных» и «бездомовных людей», а иных запугали и устрашили.[252]

---

246 Там же, т. II, ч. 1, док. № 67.

247 Там же, док. № 107.

248 Там же, док. № 119, 171 и др.

249 «И то учинилось от него, вора и изменника Стенки, и от ево товарыщев и от своего им малоумия, для того, что они воровской прелести поверили». — Там же, док. № 171.

250 «И поневоле многие люди к нему, вору, пристали». — Там же.

251 «И потем прелесным воровским письмам незнающие и бездомовные люди в розных местех пошатались,.. к вором, к Стеньке Разину... пристали». — Там же, док. № 410.

252 В этом плане весьма важно отметить, что в правительственных грамотах, обращенных к населению, не говорится об участии крестьян в восстании. В «Сказке...», объявленной С. Разину в день его казни, слово крестьянин ни разу не упомянуто.

Склонили их на свою сторону всеми способами, вплоть до использования имен царевича Алексея и бывшего патриарха Никона, и с их помощью добились больших успехов. Но правительство восторжествовало, так как «милость Всевышнего Бога была на его стороне». Официальная православная российская церковь, стоя на страже интересов господствующего класса феодалов, внесла значительную лепту в правительственную трактовку истории восстания, объявив его «сатанинским» проявлением, наказанием божиим за грехи и тем придав ей религиозно-мистический оттенок. Так были заложены основы пресловутой «теории прельщения», с помощью которой дворянские историки длительное время выхолащивали социальное содержание крестьянской войны. Приговор, объявленный С. Разину 6 июня 1670 г., в день его казни,[253] царская грамота от 15 января 1672 г. с извещением о взятии царскими войсками Астрахани, излагающая события, происшедшие в развитии восстания после казни С. Разина, в духе того же приговора,[254] явились первыми своеобразными историческими произведениями о крестьянской войне, составленными в соответствии с указанной «теорией прельщения».

Так у самых истоков истории крестьянской войны 1670—1671 гг., еще в ходе ее, в условиях развернувшейся идеологической борьбы между восставшими и правительством проявились две тенденции ее трактовки: народная, особенно ярко выраженная в песнях о Степане Разине, и правительственная, нашедшая свое выражение в царских и патриарших грамотах, обращенных к населению страны.

Сказания хронографов и повести

Особую группу источников истории крестьянской войны под предводительством С. Разина, выражающих правительственную тенденцию ее трактовки, составляют сказания хронографов и повести. К ним относятся: «Сказание летописи о граде Астрахани...», или рукопись Петра Золотарева, «Известие о бунте и о злодействиях донского казака Стеньки Разина», «Сказание о нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшем от воров и изменников, воровских казаков», «Сказание о явлении и чудесах пресвятые владычицы нашея Богородицы, нарицаемые Тихвинская — о избавлении града Цивильска от нахождения воровских казаков Стеньки Разина с товарищи», Отрывок из хронографа, сообщенного К. И. Авериным, Летописец из собрания Погодина, Нижегородский летописец и др.

«Сказание летописи о граде Астрахани...», или рукопись Петра Золотарева, является одним из наиболее содержатель-

253 Сб. док. АН СССР, т. III, док. № 81.
254 Там же, док. № 166.

ных источников о крестьянской войне. Дошло оно до нас во многих списках. Наиболее полная библиографическая справка дана в работе М. Н. Сменцовского,[255] но она имеет ряд недостатков. Например, описания одного и того же списка «Сказания...», сделанные в разное время, выдаются М. Н. Сменцовским за два самостоятельных списка. Списки № 1—2, по Сменцовскому, по-видимому, являются одним списком «Сказания...». Преосвященный Филарет,[256] говоря о сочинении П. Золотарева, ссылается на рукопись, принадлежащую П. Н. Царскому. В описании рукописей П. Н. Царского[257] упомянута лишь одна рукопись П. Золотарева, т. е. «Сказания...», которой автор и дает соответственное описание. Списки № 6—7 в справке М. Н. Сменцовского также являются одним списком «Сказания...», который был принесен в дар Археографической комиссии АН в 1867 г. К. Н. Бестужевым-Рюминым[258] и описан в 1882 г. Н. Барсуковым,[259] а в 1909 г. А. А. Шиловым при подборе материалов для издания полного собрания русских летописей.[260] В отношении списка № 9 «Сказания...», упоминаемого в справке М. Н. Сменцовского и принадлежавшего Астраханской духовной семинарии, следует дополнить, что он давно утерян.[261] В существовании остальных списков «Сказания...», перечисленных в библиографической справке М. Н. Сменцовского, не приходится сомневаться. Кроме перечисленных М. Н. Сменцовским списков «Сказания...», следует указать на список № 1165 фонда Ундольского, хранящегося в настоящее время в рукописном отделе Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. В прошлом, по-видимому, списки эти имели значительное распространение. Один из них попал к П. Рычкову и послужил основанием для написания сочинения «О бунте и злодействах Стеньки Разина».[262] Немало было и списков повести «О страданиях и кончине митрополита Иосифа», более узкой по содержанию, чем «Сказание...», составленной на основании рукописей П. Золотарева.[263] К сожалению, до сих пор

255 М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 199—200.

256 Преосв. Филарет. Обзор русской духовной литературы. Уч. зап. 2-го отд. Импер. АН, кн. III. 1856, стр. 230.

257 П. Строев. Рукописи Славянские и Российские, принадлежащие П. Н. Царскому. 1848, стр. 530.

258 Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 5, отд. IV, 1871, стр. 33.

259 Рукописи Археографической комиссии. Пг., 1882, стр. 36—37.

260 Летопись занятий Археографической комиссии, вып. XXII, 1909, стр. 7.

261 В. Н. Сахаров. Памятник местной старины, хранящийся в библиотеке Астраханской духовной семинарии. Астраханский сборник исследователей Астраханского края (в дальнейшем: Астраханский сборник...), вып. 1. Астрахань, 1896, стр. 145, 167—170.

262 ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, № 152, д. 12, лл. 1—24 об.

263 Н. Н. Пальмов. К материалам для жизнеописания святителя Иосифа, убиенного митрополита астраханского и терского (1597—1671), кн. 12. Труды Киевской духовной академии, 1912, стр. 650—672.

подлинно научного издания «Сказания...», с учетом разночтений в тексте всех выявленных его списков, нет. Полный перечень изданий «Сказания...» дан М. Н. Сменцовским.[264] Заслуга первого издания его под названием «Сказание летописи о граде Астрахани...» принадлежит А. Н. Попову.[265] Сделано оно по одному из наиболее ранних списков «Сказания...», относящемуся к концу XVII в. (список принадлежал П. Н. Царскому). Публикация эта весьма несовершенна, в ней допущены пропуски, содержится много опечаток и различного рода других искажений.[266] Последующие публикации, сделанные в местных астраханских изданиях по спискам «Сказания...», хранившимся в Астраханской духовной семинарии и в Астраханском архиерейском доме, также неудовлетворительны. В них допущена перестановка текста, значительная модернизация языка и произвольные изменения оглавления рукописи и заголовков.[267]

О происхождении сказания и его авторе в специальной литературе преобладает мнение о том, что составителем его был митрополичий сын боярский Петр Золотарев.[268] Мнение это основывается на прямом указании об авторстве последнего, имеющемся в послесловии, сделанном в конце некоторых списков «Сказания...».[269] Предположение А. Н. Попова о том, что составителями «Сказания...» были «соборные попы Кирилл Алексеев и Петр Иванов»[270] объясняется, по-видимому, лишь тем, что он пользовался списком «Сказания...», не имеющим указанного послесловия.

---

264 М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 200.

265 А. Н. Попов. Материалы..., стр. 241—261.

266 В. Н. Сахаров, ук. ст. Астраханский сборник..., вып. 1. 1896, стр. 169—171; А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописей Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1882, стр. 271.

267 Астраханский сборник..., вып. II. 1896, стр. 145.

268 Преосв. Филарет, ук. соч. Уч. зап. 2-го отд. Импер. АН кн. III, 1856, стр. 230; В. Н. Сахаров, ук. ст. Астраханский сборник..., вып. I. 1896, стр. 167; ЖМНП, 1896, № XII. Критика и библиография. Рецензия, стр. 372, и др.

269 «Сие же Астраханское сказание и мучение преосвященного Иосифа митрополита, и боярина князь Ивана Семеновича Прозоровского с товарыщи и протчих всех православных христиан замученных, по благословению преосвященного Парфения митрополита и повелением боярина и воеводы Петра Михайловича Салтыкова с товарищи, писавы бывший первосвященного Иосифа митрополита оубиенного сын боярский Петр Золотарев во Р.П.З. году июля в 3 день (1679 г., 7 июля. — *И. С.*), и боярин и воевода Петр Михайлович Салтыков с сей книги списав список взял к себе того же году» (F IV, 1603. Рукопис. отдел ГПБ им. Салтыкова-Щедрина). Подобные послесловия, без существенных отклонений от приведенного, имеются и в списках «Сказания...», принадлежащих Петербургской духовной академии (А. Родосский. Описание 432 рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1894, стр. 313—314) и Астраханской духовной семинарии (В. Н. Сахаров, ук. ст. Астраханский сборник.., вып. I. 1896, стр. 167).

270 А. Н. Попов. История возмущения.., стр. 14—15.

В текст «Сказания...» почти полностью включены «расспросные речи» Кирилла Алексеева и Петра Иванова, данные ими во время следствия («розыска») об «убиении» астраханского митрополита Иосифа сообщниками Разина, проведенного боярином Я. Н. Одоевским в июле—августе 1672 г.[271] На подлиннике этих «расспросных речей» на обороте по склейкам написано: «К сему писму поп Петр Иванов руку приложил. К сему писму поп Кирилл Елисеев руку приложил».[272] А. Н. Попов без всякого основания распространил приведенное указание об авторстве попов Кирилла и Петра на весь текст «Сказания...». Не обратил он должного внимания и на приписку, сделанную в конце «расспросных речей» попов: «Писал митрополичь, сын боярской Петрушка Алексеев сын Золотарев, по их попов Кирилла и Петра веленью».[273] Противопоставление же Б. Н. Тихомировым рукописи Петра Золотарева[274] «Сказанию...» является не более чем недоразумением и не может быть всерьез принято.[275]

Петр Золотарев, «митрополичий сын боярский», был человеком, близким астраханскому митрополиту. По мнению В. Н. Сахарова, он пользовался его полным доверием.[276] Выполняя различные ответственные поручения астраханских духовных властей и вращаясь в среде служилой астраханской верхушки, близкой к воеводе, он был в курсе многих дел — знал всю подноготную многих событий, происходивших в Астрахани. Был не только очевидцем, но и участником их, судя по содержанию «Сказания...», убежденным сторонником правительственного лагеря.[277]

Вместе с тем нельзя не отметить наблюдательность и осо-

---

271 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ), т. IV. СПб., 1842, док. № 226/IV.

272 Там же.

273 Там же.

274 Под таким названием «Сказание...» опубликовано в Астраханском сборнике исследователей Астраханского края, вып. I. 1896, стр. 145—166.

275 Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 59—60. — Он принял списки «Сказания...», опубликованные А. Н. Поповым и в Астраханском сборнике, за два самостоятельных источника и дал каждому из них самостоятельную характеристику.

276 В. Н. Сахаров, ук. ст. Астраханский сборник.., вып. I, 1896, стр. 167. — Петру Золотареву, а не кому-либо другому, митрополит прежде всего прочитал царскую грамоту, доставленную Емамет мурзою, и ему же поручил скопировать ее, отмечает В. Н. Сахаров. Добавим еще от себя, что, читая царскую грамоту, митрополит Иосиф, не стесняясь проявления своей душевной слабости перед П. Золотаревым как человеком, ему близким, в его присутствии «плакал многое множество».

277 Не случайно также астраханские попы Кирилл Алексеев и Петр Иванов свои показания по делу убийства митрополита Иосифа поручили письменно оформить П. Золотареву. Ему же было поручено митрополитом Парфением, прибывшим на место митрополита Иосифа, и воеводой П. М. Салтыковым составить сочинение, прославляющее для канонизации убитого митрополита. В результате выполнения этого поручения, как видно из приведенного послесловия, в 1679 г. и появилось разбираемое нами «Сказание...».

бый интерес П. Золотарева к событиям, происходившим в Астрахани. От его внимания не ушли даже отдельные штрихи, характеризующие быт восставшей Астрахани. «Сказание...» содержит прямое свидетельство о том, что оно явилось не только результатом выполнения поручения, данного П. Золотареву астраханскими митрополитом и воеводой, но и результатом предварительной работы, проведенной им до получения указанного поручения и независимо от него. Составитель «Сказания...» обо всем, казавшемся ему примечательным в жизни Астрахани, делал письменные «пометы».[278] Больше того, есть все основания полагать, что интересы П. Золотарева распространялись не только на события, современные ему, но и на прошлые. Он интересовался историей Астрахани и делал свои письменные «пометы» о ее прошлом, по-видимому, еще до крестьянской войны. Список «Сказания...», хранившийся в Астраханской духовной семинарии, перед заголовком имел надпись. «Из помянутой же келейной книжицы». Есть все основания связать «келейную книжицу» с «пометами» П. Золотарева. В. Н. Сахаров полагает, что текст «Сказания...» составляет только отрывок тех записей, которые были сделаны в указанной «келейной книжице».[279] С этим нельзя не согласиться. Однако каковы были записи «келейной книжицы», содержали ли они готовый текст «Сказания...» или же только материал для составления его, вопрос остается открытым. О фактическом содержании «келейной книжицы» предшествующем записям о событиях, включенных в «Сказание...», нам также ничего неизвестно. Попытки отыскать эту «келейную книжицу» оказались безрезультатными.[280] Петр Золотарев оказался в роли составителя «Сказания...» по заказу астраханских властей не случайно. Он был искушенный в этом деле человек, к тому же зарекомендовавший себя весьма положительно в глазах царской администрации. Свои исторические «пометы» в «келейной книжице», чтобы не узнали повстанцы, он делал тайно в назидание потомству, как подчеркивается в заголовках большинства списков «Сказания...» — «памяти ради предыдущих родов».

Основательность источниковедческой базы «Сказания о граде Астрахани» Петра Золотарева не вызывает сомнения. Автором были широко использованы многие подлинные документы Астраханской приказной палаты, особенно из ее переписки с Приказом Казанского дворца, а отдельные из них, на-

[278] Заголовок большинства списков «Сказания...» завершается следующим текстом: «...списано сие с пометок, которые были вто их воровское казачество тайно, памяти ради предыдущих родов». Рукопис. отд. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, F-IV-575, F-IV 1603 и др.

[279] В. Н. Сахаров, ук. ст. Астраханский сборник..., вып. I. 1896. стр. 167.

[280] Д. В. Поленов. О летописях, изданных от св. Синода. Записки АН, т. IV, кн. 2, 1864, стр. 201.

пример показания попов Петра Иванова и Кирилла Елисеева из «Розыска о убиении Астраханского митрополита Иосифа сообщниками Разина»,[281] включены почти полностью в текст «Сказания...» и составили его отдельную часть под особым заголовком: «О убиении преосвященного митрополита Астраханского и Терского».[282] В состав «Сказания...» оказались включенными также частные письма о жестоком землетрясении, происшедшем в 1669 г. в городе Шемахе.[283] В тексте его встречаются прямые ссылки на использованные документы. Рассказывая, например, о приходе к Астрахани калмыков и сооружении ими земляных укреплений, автор сообщает: «о сем писано к Москве к великому Государю того ж 179 года ноября во 2 день».[284] Не менее важным источником «Сказания...» явились личные наблюдения его автора, человека, как уже отмечалось, весьма осведомленного в местных делах, проявлявшего к ним большой интерес и делавшего письменные «пометы» о всем примечательном, происходившем в городе, в поучительных целях для последующих поколений. Не всегда располагая необходимыми документальными данными и личными наблюдениями, стремясь в то же время к полноте и точности освещения событий, автор «Сказания...» прибегал к свидетельству третьих лиц, очевидцев или просто знающих — «искусных» людей. Точные данные о количестве захороненных в братской могиле представителей правительственного лагеря, погибших во время восстания в Астрахани и взятия ее повстанческим войском С. Разина, он получил, например, от старца, приставленного к этой могиле: «о сем поведа старец, который у оной могилы поставлен быть».[285] Наконец, обращался при необходимости составитель «Сказания...» и к народной молве, пользовался слухами, которые ходили по поводу того или иного события,[286] и т. п.

Непосредственным положительным следствием охарактеризованной источниковедческой базы «Сказания...» — использования автором официальных документов и обстоятельности его личных наблюдений, вовремя (по свежей памяти) письменно фиксируемых, явилась достоверность основных сведений, содержащихся в нем. На это обстоятельство — соответствие со-

---

281 АИ, т. IV, док. № 226/IV.

282 ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, F IV—575, *лл.* 235об. — 239.

283 Достоверность сведений этих писем подтверждается письмом Т. Брейна, присланным из Шемахи П. Марселису. — Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 98.

284 Рукопись П. Золотарева. Астраханский сборник..., вып. I, 1896, стр. 157.

285 Там же.

286 «Про брата же стольника князя Михаила Семеновича Прозоровского *говорят* что ...изменники убили із санапала поставленной в городовой стене», «*сказывали люди*, что-де был у них бой...», — читаем мы в отдельных местах рукописи. — Там же, стр. 153, 159 (курсив наш. — *И. С.*).

держания «Сказания...» документальным данным архива Астраханской приказной палаты, в частности данным документов, опубликованных за № 202 и 226 в четвертом томе «Актов исторических», давно уже обратили внимание исследователи.[287] Действительно, все основные события, происшедшие в Астрахани в годы крестьянской войны, особенно с момента выхода повстанческого войска С. Разина на Волгу весной 1670 г. и до взятия Астрахани царскими карательными войсками князя И. Б. Милославского, как показывает сверка их с документальными данными, получили в нем вполне достоверное фактическое освещение. Собственные имена действующих в «Сказании...» лиц почти полностью совпадают с именами, содержащимися в официальных документах, хронологические даты «Сказания...», за редким исключением, подтверждаются документами, находятся в правильном соответствии с указанными для них днями недели и помогают исследователю в уточнении датировки отдельных эпизодов, а в ряде случаев — и недатированных событий и документов.[288]

Другой положительной чертой «Сказания...» является его насыщенность разного рода дополнительными сведениями о событиях, происходивших в Астрахани в годы крестьянской войны, которых нет в официальных документах. В поле зрения П. Золотарева оказались такие стороны и детали деятельности правительственного лагеря в борьбе против восставших и жизни восставшей Астрахани вообще, которые дали ему возможность осветить многие события значительно подробнее, выразительнее и ярче, чем это сделано в официальных документах. Мероприятия астраханских властей по укреплению города в целях обороны его от повстанческого войска С. Разина, оборона Астрахани правительственными войсками, штурм повстанческим войском, поведение населения города во время штурма, мероприятия, проведенные повстанцами в захваченной Астрахани, и многие другие события ни в одном из источников так подробно и живо не освещены, как в «Сказании...». Интересны сведения о настроениях правящих верхов Астрахани, о растерянности в их рядах, особенно после получения известия о разгроме повстанцами под Царицыном правительственного отряда головы И. Лопатина, о планах астраханских властей на длительную оборону города до получения помощи из Москвы, о личных взаимоотношениях между митрополитом и воеводой и многие другие. Исключительное значение имеет свидетельство «Сказания...» о том, что низы астраханские «дворян, и сотни-

---

[287] П. Строев, ук. соч., стр. 530; А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 15; А. Ф. Бычков, ук. соч., стр. 272, и др.

[288] Например, грамота из Приказа Казанского дворца едисанским и енбулуцким мурзам (Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 132), датирована составителем сборника на основании одного из списков «Сказания...».

ков, и людей боярских, и пушкарей начаша рубити в городе, прежде казаков»,[289] т. е. о восстании в Астрахани в момент его штурма повстанцами. Красочны и колоритны отдельные штрихи быта восставшего города: о детских играх, об отношении жен участников восстания к женам дворян, стрелецких начальников и подьячих и т. п.[290]

Достоверность основного содержания «Сказания...» и насыщенность его разного рода дополнительными сведениями и подробностями о событиях в Астрахани делают его весьма ценным источником изучения крестьянской войны, что справедливо было отмечено в свое время А. Н. Поповым.[291] Утверждение Б. Н. Тихомирова о том, что в сравнении с «воеводской перепиской (т. е. данными официальных документов. — *И. С.*) „Сказание..." страдает многими неточностями и искажениями», является большим преувеличением,[292] но он также оценивает положительно «... ряд подробностей, сохранивших необычайную свежесть настроения и ярко рисующих тогдашнюю обстановку (агенты Разина, подробности взятия города и пр. — *И. С.*)», в частности признает, что «Сказание...» «дает богатый материал... для выяснения причин второго восстания в Астрахани 3 августа».[293]

Ценные фактические данные о крестьянской войне, содержащиеся в «Сказании...», однако, поданы в нем в резко тенденциозном плане и с сильным религиозно-мистическим налетом. Б. Н. Тихомиров называет «Сказание...» произведением «с ярко выраженной контрреволюционной тенденцией»,[294] и это верно. Оно насыщено ненавистью к восставшим, которые изображаются в нем подлинными разбойниками. К ним применяется, как и в официальных документах, самая враждебная ругательная терминология: «вор», «богоотступник», «злодей», «злочестивый бунтовщик», «злой пес и изменник» и т. п., тогда как люди правительственного лагеря наделяются положительными, восхваляющими эпитетами: воевода И. С. Прозоровский — «добрый боярин», «страдалец», митрополит Иосиф — «новый страдалец, мученик» и т. п. Восставшие показываются как лю-

---

289 Астраханский сборник..., вып. 1, 1896, стр. 153.

290 Там же, стр. 155.

291 А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 15.

292 Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 60. — В доказательство своего утверждения он приводит один, да и то надуманный факт: будто бы в «Сказании...» говорится, «что в Персии с Разиным бился сам Кизылбашский хан». Между тем слова «сам» в «Сказании...» нет. Отряд С. Разина сражался с войском астаринского хана Мамеда, одного из кизылбашских ханов, о чем в соответствии с действительностью и говорится в «Сказании...». Употребляя выражение «сам кизылбашский хан», Тихомиров, по-видимому, имел в виду самого персидского шаха. Но причем же здесь «Сказание...»?

293 Там же, стр. 60—61.

294 Там же, стр. 60.

ди морально падшие, действующие из низменных побуждений, преследующие цели «грабежа» и обогащения. Все действия восставших в Астрахани заведомо фальсифицируются в указанном плане и осуждаются. В «Сказании...» есть специальный раздел под одиозным заголовком «О неистовстве воров, паче басурманов», где в концентрированном виде дается резко отрицательная характеристика всем мероприятиям повстанцев, проведенным в Астрахани. Действия же правительственного лагеря всемерно восхваляются. Составитель «Сказания...» в порыве ненависти к С. Разину до того увлекается, что рассказывает, как последний якобы чуть ли не ради забавы, «ездя на коне по городу, за малое нечто овы закалая саблею, овы секая, а иных в воду сажая, иных руки и ноги отсекая».[295]

Религиозно-мистический налет был определен господством религиозной идеологии и духовной средой, к которой принадлежал его составитель. Все содержание «Сказания...» подчинено идее о том, что восстание является проявлением гнева божия, его наказанием за грехи людские. В нем рассказывается о многих знамениях и чудесах, якобы происходивших в Астрахани накануне взятия ее повстанцами. Составитель «Сказания...» придает их описанию настолько большое значение, что приспосабливает всю структуру своего повествования для более выразительного показа этих знамений и чудес. В «Сказании...» есть специальные разделы под заголовками: «О знамениях иже содеяся при боярине и воеводах», «О втором знамении», «О третьем знамении» и т. п. В них фактические данные, характеризующие развитие событий в годы крестьянской войны, излагаются соподчиненно с очередными знамениями, якобы бывшими в Астрахани. Немало встречается в тексте и различного рода религиозно-назидательных отступлений, рассчитанных на религиозные чувства читателя.[296] Язык его, особенно некоторых списков, содержит много слов и оборотов, попавших из церковной богослужебной и житийной литературы («поприщь», «бесоугодие», «приснопамятный», «бе бо между ими бысть любовь нелицемерна» и т. п.).

Преодоление классовой тенденциозности «Сказания...», освобождение его содержания от религиозно-мистических наслоений являются основной трудностью и необходимостью при его использовании.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что «Сказание летописи о граде Астрахани...» является важным, в ряде случаев незаменимым, источником изучения крестьянской войны 1670—1671 гг. В XVII и XVIII вв. списки его, по-видимому, имели значительное хождение, не случайно, что оно до появления

---

[295] Астраханский сборник..., вып. 1, 1896, стр. 155.

[296] «Но Человеколюбец Господь Царь Небесный умилосердися над погибающим христианством...» — Там же, стр. 166.

публикаций официальных документов о крестьянской войне и даже позже[297] являлось основной источниковедческой базой многих исторических работ, посвященных крестьянской войне.[298]

«Известие о бунте и о злодействиях донского казака Стеньки Разина» является источником, весьма близким по своему характеру и происхождению «Сказанию летописи о граде Астрахани...». Оно также составлено одним из современников крестьянской войны 1670—1671 гг. на основании официальных документов. Однако имя составителя «Известия о бунте...» нам неизвестно, а подлинный текст его не сохранился. Мы располагаем лишь печатной публикацией «Известия о бунте...», сделанной Ф. И Соймоновым в качестве приложения к его труду «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний...».[299] Публикатор «Известия о бунте...» ничего не сообщает об обстоятельствах обнаружения им этого любопытного сочинения и его дальнейшей судьбе. Он всего один раз, и то в самой общей форме, ссылается на него — разъясняет, что публикуемое им «Известие о бунте...» взято из «Российского хронографа того же время». До сих пор не обнаружено каких-либо списков разбираемого «Известия о бунте...» как самостоятельного произведения. Тем не менее подлинность этой публикации не вызывает никаких сомнений. П. Г. Васенко, занимаясь изучением списков так называемой Латухинской Степенной книги, обратил внимание на большое сходство, местами почти буквальное, печатного текста «Известия о бунте и о злодействиях донского казака Стеньки Разина» с текстом соответственных разделов рукописных списков этой книги, посвященных восстанию под предводительством С. Разина.[300] Он пришел к выводам, с которыми при самой

---

297 Если не считать нескольких документов, опубликованных Н. И. Новиковым (Древняя Российская Вивлиофика, ч. IV, изд. 1. СПб., 1774, стр. 368—384; ч. VIII, стр. 120—121), массовая публикация их началась с 30-х годов XIX в.

298 М. Щербатов. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774, стр. 188—224; С. Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств природы, ч. II. СПб., 1777, стр. 77—99; А. Ригельман. История или повествование о донских казаках, 1778; М. Рыбушкин. Записки об Астрахани. М., 1841, стр. 80—102; А. Писемский. Путевые очерки. «Морской сборник», 1857, февраль, т. XXVII, стр. 244—252.

299 «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах АН», 1763, № 11 (ноябрь), стр. 409—425.

300 Следующие разделы Латухинской Степенной книги: «О воровстве донского казака Стеньки Разина», «О второй измене Стеньки Разина великому государю царю», «О устремлении вора Стеньки ко граду Симбирску», «О победе на воров и о казни воровского отца их Стеньки», «О убиении преосвященнейшего Иосифа митрополита Астраханского», «О освобождении Астрахани от воровского мятежа», а также «Известие о сожжении Муращкина и казни Максимки» — почти текстуально совпадают с «Известиями о бунте и о злодействиях донского казака Стеньки Разина». — П. Г. Васенко. Заметки к Латухинской Степенной книге. СПб., 1902, стр. 80—81.

тщательной сверке указанных источников,[301] нельзя не согласиться. Текст «Известия о бунте...» вошел составной частью во все списки Латухинской Степенной книги. «Известие о бунте...» явилось одним из источников, использованных составителем этой книги. Латухинская Степенная книга в сравнении с «Известием о бунте...» содержит некоторые добавления, подробности и уточнения, а следовательно, включает в себя как бы несколько отличные списки последнего. Таковы выводы.

Время написания «Известия о бунте...» П. Г. Васенко определяет 1672—1678 гг.[302] Оно могло, по его мнению, появиться не ранее окончания крестьянской войны и не позже написания Латухинской Степенной книги.[303] На основании некоторых косвенных данных, содержащихся в «Известии о бунте...», время его составления может быть уточнено. В «Известии о бунте...» отмечается, «...что бояре приговорили его Стеньку казнили злою смертию четвертовали, а брату его Фролке голову отсекли».[304] Казнь Фрола Разина, как известно, произошла в 1676 г., следовательно и время составления рассматриваемого «Известия о бунте...» не может быть отнесено далее этого года. Временем его составления следует считать 1676—1678 гг. Это подтверждается и текстом, где перелагается соответственное место «Сказки, объявленной С. и Ф. Разиным перед казнью». В ней говорится, что «Апреля в 14 день милостию божиею и заступлением... и великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... благородного государя нашего царевича и великого князя Федора Алексеевича и благородного государя нашего царевича и великого князя Иоанна Алексеевича... счастием».[305] В «Известии о бунте...» при пересказе приведенного текста имя царевича Федора Алексеевича опущено.[306] И не случайно, так как оно писалось после смерти царя Алексея Михайловича и воцарения Федора Алексеевича, и автор, по-видимому, считал неудобным упоминать в нем царя Федора Алексеевича царевичем, так как царем его назвать было еще нельзя, а поэтому и опустил его имя из текста.

На достоверность сведений «Известия о бунте...» исследователи не раз обращали внимание. Правда, критерий этой достоверности брался ими не всегда удачно. Так, для П. Г. Ва-

---

301 Нами были сверены тексты списков Латухинской Степенной книги, хранящиеся в Рукописном отделе ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. F-IV-221, 597 с текстом «Известия о бунте...».

302 П. Г. Васенко, ук. соч., стр. 83.

303 Латухинская Степенная книга, как прямо свидетельствует акростих, была составлена архимандритом Макарьевского Желтоводского монастыря Тихоном в 1678 г.

304 «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах АН», 1763, № 11, стр. 421.

305 Сб. док. АН СССР, т. III, стр. 87.

306 «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах АН», 1763, № 11, стр. 421.

сенко им являлся труд С. М. Соловьева.[307] «Если сравнить, — пишет Васенко, — фактическую сторону изложения бунта Стеньки у С. М. Соловьева с разбираемым сказанием, то ясно будет видна достоверность последнего».[308] Разумеется, что с таким критерием в настоящее время трудно согласиться, так как работы С. М. Соловьева и в этом плане не являются безукоризненными. Б. Н. Тихомиров в своем источниковедческом очерке отмечает, что составитель «Известия о бунте...» пользовался официальными грамотами о восстании, и по-видимому, «Сказанием летописи о граде Астрахани...».[309] Но это предположение не подтверждается содержанием «Известия о бунте...». К тому же следует учесть, что время составления «Сказания...» — 1679 год — является, хотя и на один год, но более поздним, по отношению к составлению «Известия о бунте...» — 1676—1678 гг.

Обращаясь к конкретному раскрытию состава официальных источников, использованных составителем «Известия о бунте...», следует отметить, что публикатор его, Ф. И. Соймонов, в этом плане был значительно ближе к истине, чем П. Г. Васенко и Б. Н. Тихомиров. На одной из страниц своего обширного труда «Описание Каспийского моря...» автор, сообщая о своих планах публикации «Известия о бунте...», пишет: «... в то время сочинена на российском языке реляция о Стенькиных злодеяниях, *по которой можно поправить многие в смертном приговоре у Вебера находящиеся испорченные имена*».[310] Именно это замечание Ф. И. Соймонова и определило необходимость тщательной сверки текста «Известия о бунте...» с текстом «Сказки, объявленной С. и Ф. Разиным перед казнью».[311]

Результаты этой сверки показывают, что в «Известии о бунте...» составитель почти полностью и дословно переложил смертный приговор, объявленный С. Разину на Красной площади в Москве 6 июня 1671 г. Сличение текстов показывает, что бóльшая часть смертного приговора — от начала до абзаца «И будучи, ты, вор, под Синбирском...» — составляет большую часть «Известия о бунте...» (стр. 409—417). В «Известии о бунте...» текст смертного приговора лишь иногда пересказывается, но по содержанию передается точно. Во всех случаях составитель 2-е лицо, в каком изложен смертный приговор («Ты ж вор...», «Да по твоему ж воровскому умыслу...»), заменяет 3-м лицом («И он вор...», «Да по его воровскому умыслу...» и т. д.). Располагая возможностями использования и других официальных до-

[307] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III, т. 11, гл. 5.

[308] П. Г. Васенко, ук. соч., стр. 82.

[309] Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 63.

[310] «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах АН», 1763, № 10 (октябрь), стр. 321 (курсив наш. — *И. С.*).

[311] Сб. док. АН СССР, т. III, док. № 81.

кументов, составитель иногда уточняет и дополняет текст смертного приговора. Так, например, он указывает время прихода повстанческого войска С. Разина к Астрахани — 8 июня, чего нет в тексте смертного приговора.

Вторая часть «Известия о бунте...» (стр. 417—425) по своей источниковедческой базе более сложна. В ней продолжает отрывочно, но последовательно передаваться текст смертного приговора, используется «Сказка всяких чинов людям о сдаче Астрахани восставшими и ликвидации восстания» от 15 января 1672 г. и другие документы.[312] В части показа астраханских событий используются в «Известии о бунте...» и некоторые документы сыска, произведенного в Астрахани князем Я. Н. Одоевским. В частности, сведения о том, что «мая в 10 день приехали с Царицына в Астрахань 500 человек казаков» (стр. 421), нами обнаружены только в сыскном деле об атамане Ф. Шелудяке.[313] «Известие о бунте...» является произведением строго документированным, в основном почти дословно излагающим смертный приговор С. Разину и содержащим, особенно во второй его части (со стр. 417), ряд сведений, взятых из других официальных документов. Отмеченная источниковедческая база «Известия о бунте...» определяет как степень достоверности содержащихся в нем фактов, так и тенденциозный правительственный характер их трактовки. В этом отношении подход к «Известию о бунте...» как источнику изучения крестьянской войны 1670—1671 гг. таков же, как и к официальным правительственным документам.

А. Н. Попов писал, что «Известие о бунте...» и ему подобные источники «не представляют ничего нового и важного в сравнении с источниками, о которых говорено выше»,[314] т. е. в сравнении с официальными правительственными документами и со «Сказанием летописи о граде Астрахани...». С этим можно согласиться и не согласиться. «Известие о бунте...», как источник изучения крестьянской войны 1670—1671 гг., конечно, ни в какой мере не может быть поставлено в ряд со «Сказанием летописи о граде Астрахани...», хотя оно и близко к последнему как по характеру источниковедческой базы, так и по политическим тенденциям. В нем нет той колоритности и живости характеристики обстановки, той массы интересных деталей, того отражения настроений составителя, которые свойственны «Сказанию летописи о граде Астрахани...». «Известие о бунте...» — произведение более официальное, формально и сухо перелагающее содержание отдельных документов, совершенно обезличенное, хотя и имеет своего автора. Оно смонтировано из текстов отдельных документов. В нем нет ничего, чего бы не было в официальных документах. Его классовая дворянская тенденциозность строго преломлена через призму правительственной политики. Цен-

312 Там же, док. № 166.
313 Там же, док. № 187.
314 А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 15.

ность его как исторического источника в сравнении с официальными документами зависит от того, как основательны, насколько точно переданы, в какой мере сохранились и известны исследователям те официальные документы, которые в нем использованы. В этом отношении А. Н. Попов явно недооценил значение «Известия о бунте...». Напомним, что полный текст смертного приговора на русском языке дворянским историографам не был известен.[315] Они были вынуждены довольствоваться крайне искаженными текстами этого документа, опубликованными в трудах иностранцев.[316] В 1857 г. А. Н. Поповым совместно с текстом смертного приговора С. Разину на французском языке из «Relation des particularites de la rebellion de Stenko Rasin» был опубликован отрывок (без начала) русского текста приговора.[317] В 1869 г. неполный текст смертного приговора С. Разину на русском языке был опубликован М. Владыкиным.[318]

В первые годы советской власти, когда история крестьянских войн в России привлекла большое внимание советских историков, вопрос о необходимости восстановления подлинного русского текста смертного приговора С. Разину приобрел особое значение. В 1927 г. Б. Д. Греков, восполнив недостающую часть приговора на русском языке за счет перевода ее с немецкого, по изданию Вебера (Weber. Das veränderte Russland), впервые опубликовал его полный текст на русском языке.[319] Сравнение этого текста с «Известием о бунте...» показывает, что последнее является более совершенным переложением смертного приговора С. Разину в сравнении с иностранными. Парадоксально, что это обстоятельство до сих пор оставалось незамеченным, хотя «Известие о бунте...» широко использовалось в науке. Многие историки как до Великого Октября, так и в наше время, используя в качестве источника «Известие о бунте...», сами того не ведая, использовали полный, более совершенный в сравнении с иностранными, русский текст смертного приговора С. Разину. Для дворянско-буржуазных историков «Известие о бунте...» являлось «обильным кладезем» фактического материала и примером его приспособления в целях осуждения восстания. Нельзя не отметить, что и в настоящее время сведения, имеющиеся в «Известии о бунте...» о казни атамана Максима Осипова в Астрахани, являются единственными, ни в одном источнике не повторенными.

---

315 Этот текст был найден лишь в наше время, в 20-х годах в ЦГАДА, в составе фонда Донские дела (кн. 2, лл. 79—92) и впервые опубликован в Сборнике документов Центрархива в 1931 г. (док. № 161).

316 Weber. Das veränderte Russland; A Relation concerning the Particulars of the Rebellion lately raised in Moscow by Stenko Rasin... и др.

317 ЦГАДА, ф. Донские дела, 1671 г., № 2, лл. 8—12.

318 ЧОИДР, 1869, № 1, отд. 5, стр. 9—14.

319 Б. Д. Греков. Новые материалы о движении Ст. Разина. Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии, тт. 1—34. Л., 1927, док. № 3.

В настоящее время, когда официальные документы, использованные в «Известии о бунте...», хорошо известны и опубликованы, в том числе и подлинный текст смертного приговора С. Разину, фактологическое содержание его как источника потеряло былое значение. Однако его историографическая ценность как одной из наиболее ранних исторических работ о крестьянской войне 1670—1671 гг., с присущими его составителю примитивными и в тоже время своеобразными приемами использования официальных источников, ярко выразившими оценку отдельных событий крестьянской войны господствующим классом феодалов и определившими тенденциозно-правительственную трактовку ее истории в целом, несомненна.

Другим источником, наиболее полно раскрывающим одну из ярких страниц истории крестьянской войны 1670—1671 гг. — осаду и взятие восставшими крестьянами Макарьевского Желтоводского монастыря,— является «Сказание о нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшем от воров и изменников воровских казаков». Это сочинение с резко выраженным церковническим характером. Текст его дошел до нас в публикации А. Н. Попова,[320] который не дал точной ссылки на местонахождение использованного им источника, а ограничился лишь общим указанием на то, что подобные сказания находятся «в рукописных сборниках».[321] К сожалению, подобного рукописного сборника с текстом, полностью совпадающим с печатным «Сказанием о нашествии...», не обнаружено.[322] Тем не менее подлинность публикации «Сказания о нашествии...», как и рассмотренного «Известия о бунте и о злодействиях донского казака Стеньки Разина», очевидна, так как подтверждается списками Латухинской Степенной книги. П. Г. Васенко установил, и с этим нельзя не согласиться,[323] что текст глав последней («О приступе воровском в Желтоводской Макарьеве обители», «О приходе воровских собраний под монастырь Желтоводский», «О клятвопреступлении вора Максимки и о разорении Желтоводския обители от него») почти полностью соответствует тексту «Сказания о нашествии...» и является одним из источников, использованных составителем Латухинской Степенной книги архимандритом Тихоном и определяет хронологические рамки времени его появления — 1672—1678 гг.[324]

---

320 А. Н. Попов. Материалы..., стр. 262—268.

321 А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 16.

322 М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 199, 211.

323 П. Г. Васенко, ук. соч., стр. 81—82.

324 Допустить составление «Сказания о нашествии...» ранее 1672 г. нельзя, потому что патриарх Иосаф, скончавшийся в феврале этого года, называется в нем «предстательствовавшим»; позднее 1678 также нельзя, так как это год появления Латухинской Степенной книги, одним из источников которой оно явилось. — П. Г. Васенко, ук. соч., стр. 83—85.

П. Г. Васенко полагает, что «по массе подробностей относительно обстоятельств осады и топографии монастыря можно утверждать, что „Сказание" составлено в самой Желтоводской обители, и вероятно, очевидцем описываемых событий».[325] Действительно, в «Сказании о нашествии...» проявляется доскональное знание автором топографии монастыря и обстоятельств его осады восставшими, такое знание, которое невозможно допустить для человека постороннего, не связанного с монастырем, не являвшегося очевидцем его обороны. Есть основания высказать и дополнительные соображения к указанному. Составитель «Сказания о нашествии...», очевидно, был лицом духовного звания, что и наложило на содержание ярко выраженную религиозно-мистическую окраску, а также определило религиозно-назидательный характер изложения. Он принадлежал, по-видимому, к старшей монастырской братии, которая стояла во главе руководства монастыря и была в курсе всех событий, связанных с его жизнью и обороной. Автор был убежденным сторонником правительственного лагеря, ярым противником восставших и хорошо осведомленным в общем ходе событий, связанных с крестьянской войной.

В качестве источника для написания «Сказания о нашествии...» автором в какой-то мере были использованы официальные документы. Его начальная часть, до предложения с первым упоминанием имени атамана М. Осипова, является кратким пересказом содержания «Сказки, объявленной С. и Ф. Разиным перед казнью». Последующий текст, в той части, где автор излагает фактическую сторону событий, связанных с осадой монастыря восставшими крестьянами, по своему содержанию имеет некоторое совпадение с «расспросными речами» людей стольника П. Годунова, бывших в монастыре во время его осады,[326] и в значительной степени подтверждается как этими, так и другими официальными правительственными документами: «расспросными речами» казака Е. Иванова,[327] челобитной архимандрита Пахомия[328] и другими.[329] «Сказание о нашествии...» дает значительно более полную фактическую картину осады восставшими Макарьевского монастыря, чем все перечисленные документы, вместе взятые. А. Кабанов, сопоставляя сведения, имеющиеся в «Сказании о нашествии...», с данными об осаде восставшими Макарьевского Желтоводского монастыря, содержащимися в официальных документах, в особенности с «расспросными речами» людей стольника П. Годунова, обратил внимание на их расхождение и изложил на основании этого две версии осады мона-

---

325 Там же, стр. 83.
326 Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 217.
327 Там же, док. № 165.
328 Там же, док. № 407.
329 Там же, док. № 174; т. III, док. № 42, 233.

стыря.[330] Однако необходимо отметить, что в этих данных имеется больше моментов соответствия и восполнения их друг другом, чем расхождения. Сведения «Сказания о нашествии...» об осаде Макарьевского Желтоводского монастыря по их подробности, точности датировки, упоминанию многих имен, яркому описанию штурма монастыря восставшими крестьянами являются невосполнимыми другими источниками и не могут быть поставлены в один ряд с «расспросными речами» людей стольника П. Годунова. Составитель «Сказания о нашествии...», безусловно, был более осведомленным очевидцем осады монастыря восставшими, чем последние. Фактические данные об осаде восставшими крестьянами Макарьевского Желтоводского монастыря находятся в полном соответствии со всеми источниками о крестьянской войне, которыми мы располагаем, не противоречат им, и нет основания сомневаться в их достоверности.

Богатое фактами содержание «Сказания о нашествии...» характеризуется резко выраженной классовой тенденциозностью. Оно проникнуто, например, классовой ненавистью к восставшим, к которым, как правило, применяется ругательная терминология. Степан Разин характеризуется «яко зверь лютый, кровію православных не насыщенный»,[331] участники осады монастыря — свирепыми, «паче же яко медведь уязвенный паче свирепеет жесточае, или яко осы раздраженныя люте нападают».[332] Классовые мотивы действий осадивших монастырь крестьян тщательно затушевываются и рисуются разбойными, грабительскими, преследующими цель овладения богатствами, находившимися в монастыре как крупном торговом центре страны. Скрываются известные нам по другим источникам расхождения, возникшие в ходе обороны монастыря между его «старшей братией», с одной стороны, и монастырскими крестьянами, привлеченными к обороне монастыря, а также частью низшей монастырской братии—с другой. Искажаются истинные причины отказа последних от дальнейшего участия в обороне монастыря и уход из него. Замалчивается сочувственное отношение части обороняющих монастырь к осадившим его повстанцам, в частности воздействие на первых «прелестных писем» восставших и т. п.

Борьба, развернувшаяся за монастырь между повстанцами и его защитниками, подается в «Сказании о нашествии...» в религиозно-мистическом плане. Восставшие рисуются в нем противниками христианской религии и всех христиан, действия их объявляются проявлением дьявольской силы, на них призывается «гнев божий» и т. п. Наоборот, защитники монастыря рисуются стойкими поборниками христианства («готови суще во обители

330 А. Кабанов. Две версии осады Макарьевского Желтоводского монастыря разинцами в октябре 1670 года. В сб.: «Действия Нижегородской губернской ученой археографической комиссии», т. XVII, вып. III. Н. Новгород, 1914, стр. 1—6.

331 А. Н. Попов. Материалы..., стр. 262.

332 Там же, стр. 265.

святей главы свои положити»),[333] пользующимися якобы всемерной поддержкой от бога. В нем повествуется о «чюдодейственной силе» иконы преподобного Макария, под влиянием которой будто бы «великий страх нападе на супостаты» и был отбит штурм на монастырь восставших 10 октября 1670 г. и т. п. Стиль изложения «Сказания о нашествии...» носит религиозно-назидательный характер и явно рассчитан на то, чтобы, используя религию соответственным образом, воздействовать на читателя. Автор риторическими возгласами выражает свое возмущение восставшими и всячески восхваляет сторонников правительственного лагеря.

В заключение отметим, что ценность «Сказания о нашествии...» неоднократно отмечалась исследователями. А. Н. Попов видел в нем «единственный источник, в котором заключаются некоторые подробности» об осаде повстанцами Макарьевского Желтоводского монастыря,[334] «его насыщенность фактами и подробностями» отмечается Б. Н. Тихомировым.[335] Несмотря на эти лестные отзывы, оба автора далеко не в полной мере оценили действительное значение «Сказания о нашествии...» в изучении крестьянской войны. Оно стало очевидным лишь в условиях, когда основная масса документов о крестьянской войне 1670—1671 гг. опубликована, а остальная часть легко доступна для исследователей. «Сказание о нашествии...», несмотря на его церковнический характер, классовую тенденциозность и прочие недостатки, является основным источником, фактически более полным и подробным, изучения одной из героических страниц крестьянской войны — осады и взятия восставшими крестьянами Макарьевского Желтоводского монастыря. Оно представляет определенный интерес и как образец сочинения, посредством которого правительственный лагерь, в частности официальная церковь, после разгрома крестьянской войны продолжала вести идеологическую борьбу против их классовых противников, противопоставляя народным сказаниям и песням о ней тенденциозную правительственную трактовку ее истории, в частности ее отдельных событий.

Близко к «Сказанию о нашествии...», по его религиозно-мистическому содержанию, примыкает «Сказание о чудесах иконы Тихвинской богоматери в Цивильске».[336] Автор «Сказания о чу-

---

333 Там же, стр. 268.

334 А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 16—17.

335 Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 62.

336 «Сказание о явлении и о чудеси пресвятые владычицы нашей богородицы и присно девы Марии о дигитрии нарицаемые Тихвинския о избавлении града Цивильска от нахождения воровских казаков Стенки Разина с товарищи». Находится в рукописном сборнике XVIII в., ранее принадлежавшем известному археографу П. М. Строеву. В настоящее время хранится в Рукописном отделе ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ф. Погодина, № 1585; А. Ф. Бычков, ук. соч., ч. 1. СПб., 1882, стр. 22—23.

десах...» неизвестен. Вышло оно из монашеской среды расположенного в окрестностях Цивильска Тихвинско-Богородицкого монастыря и было распространено для привлечения в монастырь бо́льшего количества богомольцев.[337] Сюжет «Сказания о чудесах...» определен весьма примечательным событием в развитии крестьянской войны 1670—1671 гг. — упорной и длительной осадой восставшими крестьянами, преимущественно чувашскими, города Цивильска, продолжавшейся с перерывами около пяти месяцев (с сентября 1670 г. до января 1671 г.). Однако достоверных сведений об этих событиях в «Сказании о чудесах...» мало. Основой содержания является религиозный вымысел. В нем рассказывается о «чудесном явлении» вдовице Ульяне Васильевой иконы богоматери, сообщившей ей о предстоящем избавлении города от осады повстанцев и возникновении на месте ее явления монастыря, и о том, как в момент штурма города, по божиему провидению якобы, ослепли идущие на приступ повстанцы и стали сечь друг друга, чем и воспользовались осажденные, нанеся им поражение и сняв осаду города. Рациональным моментом «Сказания о чудесах...», соответствующим действительности и подтверждаемым официальными документами, является наличие в нем свидетельств: о большой настойчивости, проявленной повстанцами во время осады города,[338] о крайне тяжелом положении осажденных, которые были на грани неизбежности сдачи города повстанцам,[339] и достоверной хронологической ориентации в развитии событий.[340] Наличие указанных свидетельств, безусловно, не согласуется с категорическим утверждением Б. Н. Тихомирова о том, что «историческая достоверность сказания равна нулю».[341] В целом же нельзя не согласиться с ним в том, что «Сказание о чудесах...» является типичным памятником религиозной публицистики и хорошо характеризует методы идеологического воздействия господствующего класса феодалов на народные массы для укрепления феодально-крепостнического строя.

Отрывок из хронографа начала XVIII в., опубликованный К. И. Авериным,[342] содержит ряд своеобразных сведений о вос-

[337] Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 61.

[338] «Приидоша под Цывильск град воровские казаки с чувашею и в первый день около града выжгли вся слободы и начаша приступати ко граду днем и ночью». — Рукопис. отд. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ф. Погодина, № 1585, л. 1.

[339] «И во граде сидящие людие от таких жестоких приступов и хлебного глада, такожде пороховой казны умаление начаша скорбети и тужити и помышляша град за малолюдством здати и бежати во град Чебоксары». — Там же, л. 1.

[340] Наиболее активные действия повстанцев против города, как это и указано в «Сказании о чудесах...», развернулись с начала октября 1670 г. и продолжались около трех недель. — Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 290.

[341] Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 61.

[342] «Москвитянин», 1841, № 7, ч. IV, стр. 165—170.

стании под предводительством С. Разина, которые и привлекли к нему внимание ряда исследователей. По мнению А. Н. Попова, из всех хронографов, содержащих сведения о восстании С. Разина, «одно только... напечатанное в „Москвитянине" 1841 г. отличается от всех других по изложению происшествия»,[343] т. е. по оригинальности своего содержания. Действительно, неизвестный составитель его дал необычную концепцию восстания. Характеризуя действия С. Разина как сугубо разбойные и в то же время успешные, он рассказывает о том, что С. Разин, необычайно обогатившись и захватив много островов и городов на Каспии, по возвращении из похода бил царю челом в том, «что он имеет при себе великия богатства и сокровища персидския, всякия драгие вещи, которые он везет к его царскому Величеству; да к тому же обещает не токмо взятые им в Каспийском море острова в подданство России привесть, но и другия многия победы тамо обещает — только б милость его царского Величества к нему воспоследовала».[344] Царь, получив челобитную С. Разина, якобы немедленно потребовал его прибытия в Москву, но астраханский воевода, стремясь выманить у Разина как можно больше богатств, задерживал его отъезд. Много места уделяется в хронографе эпизоду вымогательства астраханским воеводой у С. Разина ценной шубы. Вынужденный отдать воеводе шубу, Разин будто бы с сердцем сказал: «Возьми брат шубу, только б не было в ней шуму». Эпизоду с шубой составитель хронографа придает преувеличенное значение. По его мнению, он определил весь дальнейший ход событий. Выведенные из терпения действиями астраханского воеводы, в отместку ему, казаки Разина напали на Астрахань и разграбили ее, после чего Разин пошел к Москве, но уже не с целью мириться с царем, а с тем, «чтоб ему... всех князей и бояр и знатных людей и все шляхетство российское побить».[345]

К публикации отрывка хронографа, сообщенного К. И. Аверинym, дано примечание редакции о том, что в ней «история Разина является в новом свете, если истинно показание хронографа... В Разине Россия имела бы второго Ермака, но стеклись враждебные обстоятельства». Используя указанное примечание и ссылаясь на косвенные данные об этом, имеющиеся якобы в других источниках (автор не указывает, в каких именно), Б. Н. Тихомиров высказал предположение о том, что правящие круги царя Алексея Михайловича надеялись «в Разине... увидеть второго Ермака, направив тем самым антикрепостническое движение в интересах московской колониальной политики».[346]

---

343 А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 15.
344 «Москвитянин», 1841, № 7, ч. IV, стр. 167.
345 Там же, стр. 169.
346 Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 62.

Несостоятельность этого предположения в настоящее время очевидна. Только что опубликованная переписка царского правительства с персидским шахом, относящаяся ко времени крестьянской войны под предводительством С. Разина,[347] полностью опровергает его. Царское правительство с начала похода казаков на Каспий всемерно стремилось установить контакт с шахом для совместной борьбы против Разина. Что же касается косвенных данных о роли, приписываемой С. Разину Б. Н. Тихомировым, то они обнаружены нами лишь в одной из записей устного народного творчества о Разине, произведенной П. И. Якушкиным в 1868 г. в Астраханской губернии.[348] Трудно допустить, что данное устное народное сказание имело какую-либо степень достоверности. Вероятнее всего, оно явилось результатом широко распространенного в развитии народного фольклора явления контаминации, в данном случае совмещения образа С. Разина с образом Ермака. А. Н. Лозанова, рассматривая первоначальные письменные повествования о С. Разине, считает, что они представляли «лишь единичные и отрывочные рассказы из устной стихии», т. е. основным источником их являлась народная молва.[349] С этим нельзя не согласиться и особенно применительно к рассматриваемому отрывку хронографа, сообщенного К. И. Авериным. Неизвестный составитель, вне сомнения, использовал прежде всего устные народные предания о С. Разине. Этим отрывком хронографа, по мнению А. Н. Лозановой, «заканчивается письменная историко-литературная стихия о Степане Разине».[350]

Все приведенные соображения о рассматриваемом хронографе не дают основания для полного отрицания достоверности его содержания. Факты о вымогательстве астраханским воеводой различных ценностей у С. Разина и его сподвижников, в том числе и эпизод с шубой, сообщаются не раз как в официальных источниках,[351] так и в известиях иностранцев.[352] В хронографе содержатся также, что уже отмечено Б. Н. Тихомировым, ценные сведения обобщающего значения о крестьянской войне, находящиеся в полном соответствии со свидетельствами других источников. В нем очерчено географическое распространение восстания С. Разина в Поволжье: «Города все низовые по реке Волге

---

[347] Сб. док. АН СССР, тт. I—III.

[348] П. И. Якушкин. Письмо VII. Соч., т. I. СПб., 1884, стр. 406—413. — В записи говорится, что С. Разин сказал воеводе: «Был... я на море, ходил в Персию, вот столько-то городов покорил; кланяюсь этими городами его императорскому величеству, а его царская воля: хочет казнит, хочет милует».

[349] А. Н. Лозанова. К истории развития народной легенды. Первоначальные повествования о Степане Разине. Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, т. V, 1926, стр. 187—188.

[350] Там же, стр. 189.

[351] Даже царь Алексей Михайлович интересовался эпизодом с шубой.— Сб. док. АН СССР, т. III, док. № 77.

[352] S. Konovalov. L. Fabritius's account of the Rasin Rebellion. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, стр. 78—79.

по самую Рязань и с уездами под свою власть приял, и намерен иттить к Москве». Дана оценка социально-политической направленности движения: «Искоренить всякое чиноначалие и власть, и учинить то, чтоб всякий всякому был равен». Отмечено активное участие в движении астраханских стрельцов и солдат («военные тамо бывшие») и особенно всяких работных людей, в частности бурлаков.

Имеются известия о восстании С. Разина и в других рукописных сборниках (летописях и хронографах) XVII—XVIII вв., один из летописцев «написан выбором из (3) старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей российской земле в нынешние времена и в прежние лета».[353] В нем имеются известия об отдельных событиях крестьянской войны, относящихся к 1670—1671 гг.: продвижении повстанческого войска С. Разина вверх по Волге, взятых им городах, границах распространения восстания («и по самой град Арзамас и по Нижней-Новгород вся понизовая страна и грады все кроме казанского царства к Синбирску все были за ним вором»), взятии повстанцами города Астрахани и казни царских воевод, о выступлении и действиях против повстанцев карательного войска князя Ю. А. Долгорукого, о миссии князя В. Д. Долгорукого и раздаче им золотых участникам подавления восстания, наконец, о пленении С. Разина казацкой старшиной и выдаче его царскому правительству. Достоверность этих известий не вызывает сомнений. Они даны составителями летописца на основании официальных документов. Об этом свидетельствует как содержание известий, так и точность данных в них хронологических дат, собственных имен и географических названий.[354] Однако краткость содержащихся в летописце известий о восстании С. Разина[355] и отсутствие в них каких-либо дополнительных, в сравнении с официальными источниками, сведений определяют его малозначительность в изучении крестьянской войны. Интересным моментом известий является показ в них роли местных городских жителей в ликвидации воеводской власти в занятых повстанцами городах[356] и больших потерь, понесенных восставшими от царских карательных войск («побито крестьянства, черемис и мордва многия тысячи»). В Нижегородском летописце[357] восстание

---

353 Находится в сборнике, состоящем из двух рукописей в 42 листа. Летописец начинается с 27-го листа сборника и написан скорописью XVII в. Хранится в Рукописном отделе ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ф. Погодина, № 1602; А Ф. Бычков, ук. соч., ч. 1. СПб., 1882, стр. 234.

354 В нем пересказан, например, царский указ от 2 января 1671 г. о посылке наград (золотых) в полк воеводы Ю. Долгорукого. — Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 1, док. № 382.

355 Все они изложены на двух последних листах (лл. 41, 42).

356 «А воевод во всех тех градах побили тех же градов жители».

357 Он относится ко второй половине XVII в. и доведен до 1688 г. Семь известных его списков описаны А. С. Гацисским. — А. С. Гацисский. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886.

под предводительством С. Разина называется «смутным временем». В нем в тенденциозном плане, характерном для официальных правительственных документов, бегло рассказывается о ряде событий, происшедших в эти годы в Н. Новгороде и его уезде; о больших сборищах повстанцев в селах Богородском, Мурашкине и Лыскове и у перевозов через реки Оку (Лисенском) и Кудьму (Ветчанском), о действиях в Н. Новгороде «лазутчиков» Разина и об их казни, о поражении повстанцев у села Мурашкино и др. Все эти сведения находятся в полном соответствии с данными официальных документов, которые, по-видимому, и служили основным источником для составителей летописца. В настоящее время, когда основная масса этих документов опубликована, фактическое содержание летописца не представляет особой ценности в изучении истории крестьянской войны. Интересна тенденция записей о восстании Разина, проведенная его составителями. В них все население Н. Новгорода показывается единым лагерем, стоящим на правительственных позициях, что идет вразрез с действительностью. Особую ценность в летописце имеют сведения о распространении под влиянием поражения крестьянской войны в среде нижегородских крестьян «раскольничества».[358]

В украинской «Летописи самовидца...»[359] имеется весьма краткая запись о восстании С. Разина: «Неякийсь Стенка Разин в Дону поднялся с казаками своевольными и пойшел на Хвалинское море и там прибрал много своеволе и по городам воевод мордовал, а людей посполитых себе приповорочал, аж и Астрахань узял. На которого по килка крот посылали и нечеть ону робити не могли, же стрельцы до него на тую своевольню приставали, который пред килко лет тое робил, поколя оного зредою узято, яко уже повернул у Дону, и на Москве оного чтвертовано». Не представляя особой ценности своим фактическим содержанием, она любопытна как свидетельство о некоторой тенденции в украинском летописании к более объективному, в сравнении с русским летописанием, показу восстания С. Разина, во всяком случае свободному от правительственной тенденциозности. Впрочем, эта тенденция была настолько слаба, что почти уже незаметна в другой украинской летописи, составленной в начале XVIII в. бывшим канцеляристом войска Запорожского Величко Самойло,[360] который называет С. Разина крамольником и злодеем, его единомышленников — «легкомысленниками» и с радо-

[358] «Во многих селах и деревнях крестьяня в церкви божией не приходили, и пения церковного и таинств не принимали, и во всем от раскольников развратилися, и многия ко прелести их с женами и с детьми на овинах пожигалися».

[359] Летопись самовидца о войнах Б. Хмельницкого, гетмана Запорожского, с поляки, трудом Гр. Грабянки собранная. Киев, 1878, стр. 97.

[360] Летопись событий в юго-западной России в XVII в., тт. I—IV. Составил Величко Самойло. Киев, 1848—1864. Т. II, на страницах которого говорится о С. Разине (стр. 235), вышел в 1851 г.

стью отмечает его казнь. В записи Величко Самойло, однако, дана весьма интересная характеристика С. Разина, заимствованная им «от старых людей русских, яко тот крамольник Разин был зросту высокого и уроди краснои, въ силіъ и мужествіъ изобилен».

В заключение следует отметить, что известия хронографов и отдельные повести о восстании С. Разина следует рассматривать не только в плане их источниковедческой значимости. Это были первые исторические работы о восстании С. Разина, от которых ведет свое начало и его историография. Известия хронографов представляют начальный этап в развитии исторических знаний о крестьянской войне под предводительством С. Разина, относящийся ко времени, когда они еще не обособились в самостоятельную отрасль науки с ее специальными задачами. Одной из наиболее характерных черт этого этапа является рассмотренная уже источниковедческая значимость представляемых работ — известий хронографов и повестей. Все они были составлены если не участниками и очевидцами событий крестьянской войны — их непосредственными свидетелями, то современниками, имевшими возможность использования официальных документов о крестьянской войне и народной молвы об ее отдельных сторонах и событиях на начальном этапе ее бытования, когда содержание этой молвы еще не утратило своей яркости и близости к действительности. Методы использования источников составителями сказаний и повестей были примитивными. Приемы научно-критического анализа источников еще не были известны. Практиковалась или текстуальная передача источника, или пересказ его содержания.

Сказания хронографов и повести о восстании С. Разина являются весьма специфическими историческими работами, возникшими в условиях, когда в жизни страны многое связанное с восстанием еще не было полностью изжито и не ушло окончательно в область истории. Резко выраженная классовая тенденциозность известий хронографов и отдельных повестей о восстании С. Разина является другой особенностью начального этапа в разработке его истории. Она, естественно, определялась самим характером использованных их составителями официальных правительственных документов. В большинстве сказаний и повестей социальный характер движения, поднятого С. Разиным, не вскрывается, всемерно затушевывается рассуждениями об «обольщении» и «устращении» трудового народа Разиным и его единомышленниками, но антигосударственная сущность характеризуется предельно ясно. Наконец, провиденциализм как стремление осознать все события в ходе восстания в плане проявления в них божьего предначертания является третьим характерным моментом, свойственным первым историческим работам о восстании С. Разина.

Сказания и повести о восстании С. Разина не получили пе-

чатного распространения и долгое время были представлены исключительно в рукописном виде.[361] Списков этих рукописей было, по-видимому, не так уж много, и каждый случай обнаружения их, даже в первой половине XVIII в., во времена, не столь отдаленные от восстания, вызывал большой интерес и внимание тогдашних научных кругов.

Известия иностранцев

Обширную группу источников о восстании под предводительством С. Разина представляют известия иностранцев. Значительность событий, охвативших страну в это время, была так велика, что они не могли не обратить на себя внимание за границей. События эти вызвали самый глубокий интерес в ряде зарубежных стран. По справедливому замечанию В. И. Веретенникова, «очень мало событий, и событий значительных, в истории России XVI и XVII вв. привлекали к себе такое внимание Европы, как это имело место в отношении восстания Разина».[362] Они нашли отражение в издаваемых в то время в некоторых западноевропейских государствах периодических изданиях — печатных листках, погодных хрониках, известиях [363] и многочисленных сочинениях как оригинального, так и компилятивного характера в массе своей написанных в первом десятилетии после поражения восстания С. Разина.[364]

По характеру использованных при их составлении источников, широте содержащихся в них сведений и источниковедческому значению все известия иностранных писателей о восстании С. Разина можно разделить на четыре группы. «Известия, касающиеся подробностей бунта, недавно поднятого в Московии

---

361 Первое, наиболее раннее печатное издание одного из них — «Известия о бунте...» относится лишь к 1763 г., т. е. вышло через 90 лет после подавления восстания.

362 В. И. Веретенников. Об иностранных, современных событию источниках для истории разинского восстания. «Наукові записки» (науково-дослідчої катедри історії европейської культури), історія і література, 1927, № II, стр. 171.

363 В частности, в Лейпцигских известиях, выходящих со второй половины XVII в. («Hollantsche Mercurius»); в погодных хрониках, издаваемых во Франкфурте-на-Майне («Theatrum Europaeum»); в сборнике Айтземы-Сильвия («Saken van Staeten Oorlogh...») и др. — А. Л. Гольдберг. Известия о России в западноевропейских периодических изданиях XVI—XVII веков. «Вопросы истории», 1961, № 7, стр. 204—207; С. Рождественский. Известия о России в историческом сборнике «Theatrum Europaeum». ЖМНП, 1891, май, ч. CCLXXV, стр. 57; Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900, стр. XXIV—XXV.

364 Наиболее полная библиографическая справка об этих сочинениях дана в статье М. Н. Сменцовского «Ст. Разин в науке, литературе и искусстве». («Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 216—223). Впрочем, ряд известий иностранцев о восстании С. Разина М. Н. Сменцовскому не был известен. К ним относятся: Л. Фабрициус. Сообщение о восстании С. Разина; S. Konovalov, op. cit., «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6; E. Kämpfer. Из перевода на английский язык рукописи, хранящейся в ЦГАДА в Рукопис. отд. б-ки МГАМИД, без номера и даты.

Стенькою Разиным...» английского анонима[365] и «Стенко Разинь — донски казакь изменник...» — сочинение на латинском языке, вышедшее в 1674 г. в Виттенберге и обычно приписываемое К. Шуртцфлейшу (Schurtzfleisch Conrad Samuel),[366] составляют одну из них как сочинения, специально посвященные восстанию, написанные преимущественно на основании официальных правительственных документов. Авторами их были современники восстания, побывавшие в это время в России. В исторической литературе по поводу содержания и значения этих сочинений высказано немало различных суждений. В обиход исторической науки сочинения эти вошли еще на заре ее становления, когда основная масса официальных правительственных документов, в том числе и полный текст смертного приговора С. Разину, не были известны, а потому долгое время имели значение первостепенного источника, откуда черпались основные сведения о восстании.

«Известия, касающиеся подробностей бунта...», составленные неизвестным автором, англичанином, в Архангельске на корабле «Царица Есфирь», в 1671 г. и в следующем году отпечатанные в типографии Фомы Ньюкомба являются первым по времени иностранным и первым печатным вообще сочинением о восстании С. Разина. Уже одно это обстоятельство определило их источниковедческое значение. Изданные в виде брошюры, почти одновременно на английском, французском, немецком и голландском языках, они получили широкое для того времени распространение по Европе и в течение некоторого времени являлись чуть ли не единственным источником сведений о восстании С. Разина. Заимствования из них обнаружены исследователями во многих, позже вышедших сочинениях иностранцев, содержащих известия о восстании С. Разина, в частности в главе 27-й «Описания путешествия посольства Кунраада фан Кленка», в сочинении итальянского анонима «Начертание Московии, посвященное кардиналу Алтиери...».[367] Не избежал этих заимство-

---

365 Русский перевод с английского А. Станкевича. ЧОИДР, 1895, № 3, стр. 1—21; подлинник на англ. яз.: A Relation concerning particulars of the rebellion, lately raised, in Muskovy by Stenko Rasin... Published by Authority. In the Savoy: Printed by Tho Newcomb. 1672, in 4. О других переводах и изданиях см.: М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 217—218.

366 На русский язык перевода нет. Его полное название: Id est Stephanus Razin Donicus Cosacus. Perduelle, publice disqutisitioni exhibitus praeside Conrado Samuele Schurtzfleisch. Histor. Prof. publ. Extraord., respondente Johanne Justo Martio Malhufa-Thuringe D (die). XXIX. Quintil Anno 1674. Wittenbergae, ex officina Christiant Schröteri». О других изданиях см.: М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 219.

367 В. И. Веретенников, ук. ст. «Наукові записки», 1927, № II, стр. 176—177; Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 66. Рассказ о восстании С. Разина в «Theatrum Europaeum...» является также пересказом с немецкого издания сочинения английского анони-

ваний и Я. Стрейс, хотя и был сам непосредственным очевидцем многих событий.[368] Использовались известия английского анонима в качестве первостепенного источника и русскими историками XVIII в.

Большое значение известий английского анонима в первоначальном осведомлении Западной Европы о восстании С. Разина и в написании первых исторических работ о нем объяснялось не только их приоритетом во времени появления. Исследователи обычно отмечают, и с этим нельзя не согласиться, большую осведомленность составителя и основательность содержащихся в нем сведений о восстании,[369] что было особенно важно в условиях, когда большая часть отечественных источников о восстании была еще неизвестна. Английский аноним, автор разбираемых известий, по-видимому, во время восстания Разина побывал в Москве и в других русских городах, присутствовал на казни С. Разина,[370] имел встречи с хорошо осведомленными официальными лицами, вращался в их среде,[371] а главное — получил возможность не только ознакомиться с определенным кругом правительственных документов о восстании, но и скопировать часть их. Только именно этим можно объяснить достоверность и соответствие с данными официальных источников передаваемых в этих известиях сведений о восстании и приложение к ним, хотя и далеко несовершенного, подлинного смертного приговора, объявленного С. Разину на месте казни.[372] Достоверность и обоснованность содержащихся в сочинении анонима сведений о восстании С. Разина в ходе времени, с включением в научный обиход новых источников остается не только не поколебленной, но еще более подтверждается. Например, весьма интересные и важные сведения сочинения анонима об откликах на восстание Разина в Подмосковье («не далее 12 миль от Москвы») и о сочувствии восставшим, в частности Степану Разину, населения Москвы получили документальное подтверждение лишь в последнее вре-

ма; С. Рождественский. Известия о России в историческом сборнике «Theatrum Europaeum...». ЖМНП, 1891, ч. CCLXXV, стр. 74.

[368] В. И. Веретенников, ук. ст. «Наукові записки», 1927, № II, стр. 175.

[369] Е. Козубский. Заметки о некоторых иностранных писателях о России в XVII в. ЖМНП, 1878, ч. CXCXII, кн. V, № 48; А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 19; В. И. Веретенников, ук. ст. «Наукові записки», 1927, № II, стр. 172; Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 64.

[370] О ней сообщается в известиях с такими подробностями и деталями, которые могли быть лишь результатом наблюдательности самого автора.

[371] Характерен в этом плане конец известий: «Таков был конец Стеньки Разина; его союзник Чертов Ус (Василий Ус. — *И. С.*), которого он оставил начальствовать в Астрахани, говорят, поднял новое возмущение, убил митрополита и других противившихся его замыслам».

[372] Полный русский текст подлинного смертного приговора С. Разину был обнаружен лишь в наше время и опубликован впервые в 1931 г. в Сборнике документов Центрархива (док. № 161) Долгое время он был известен лишь по переводу сочинения английского анонима.

мя.[373] В сочинении описаны некоторые подробности отдельных событий крестьянской войны, которые не нашли отражения в других источниках. Некоторая часть сведений анонима до сих пор остается неподтвержденной какими-либо другими источниками, хотя достоверность их весьма и весьма вероятна и возможности их подтверждения не исключены в дальнейшем. Такими, к примеру, являются: сообщение о брате С. Разина, якобы казненном в 1665 г. князем Ю. А. Долгоруким за неподчинение его приказу, об использовании Разиным в политических целях (в роли царевича Алексея) взятого в плен молодого князя Андрея Черкасского.[374] Содержится в сочинении анонима и немало различных деталей отдельных событий восстания, представляющих определенный интерес и вряд ли могущих быть подтвержденными какими-либо официальными документами: о двух судах, обитых черным и красным бархатом, якобы плывших по Волге во главе флотилии С. Разина с царевичем Алексеем и патриархом Никоном; о замыслах Разина поднять народ на восстание, будто бы имевшихся у него уже во время пребывания в Астрахани, после его возвращения из похода по Каспию; о мужественном поведении во время казни атамана восставших Алены и др.

Освещение и оценка событий восстания анонимом тенденциозна. Он стоит на стороне правящих верхов, сочувствует им и даже заканчивает свое сочинение пожеланием царю Алексею Михайловичу победы «над всеми его врагами». Следуя за использованными им источниками, с их официально-правительственной тенденциозностью, он характеризует действия восставших «злодейскими», приписывает им «злодейские посягательства», основной причиной восстания объявляет «злонамеренный и буйный характер» С. Разина, который якобы и толкнул его «на это гнусное предприятие», и соответственно с этим дает трактовку отдельным событиям восстания.[375] Однако тенденциозность не мешает анониму во многих случаях дать правильную характеристику социальной и политической направленности действий восставших. Он сообщает, что С. Разин «повсюду обещал уничтожение рабства, освобождение от ига (так он выражался) бояр или дворян... которые,— по его словам,— притес-

---

[373] Они полностью подтверждаются официальными документами, недавно выявленными и опубликованными. — Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 2, док. № 121, 133, 137, 147 и др.

[374] Косвенные данные вполне допускают вероятность указанного факта. В архиве Приказа тайных дел имелся допрос, к сожалению не сохранившийся до наших дней, князя А. Черкасского о его пребывании в плену у восставших. (Опись делам Приказа тайных дел 1713 г. Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического о-ва, т. 2, 1881). По-видимому, аноним знал о содержании допроса. Этот факт характеризует источники его осведомленности.

[375] Например, будто бы безвыходного положения отряда С. Разина в устье Волги, при встрече его с войском князя С. Львова.

няют простой народ», что народ хвалил его «как человека, заботящегося об общем благе... и свободе народа», что во время восстания «русские простолюдины... принадлежащие московским знатным господам... восстали против воевод, убивая и вешая их», что целью восставших была Москва, где они «намеревались убить всех бояр и знатных людей», и т. д. Весьма интересным является показ анонимом неорганизованности восставших как одной из причин их поражений.[376]

Следует признать, что несмотря на включение в научный обиход почти всей совокупности сохранившихся о восстании С. Разина официальных правительственных документов, сочинение анонима не утратило всей своей источниковедческой ценности. Сведения, содержащиеся в нем, продолжают с успехом выдерживать документальную проверку.

«Стенко Разинъ — донски казакъ изменникъ...»,[377] или «Шуртцфлейшева диспутация», как назвал это сочинение Ф. И. Соймонов,[378] — научный трактат, по-видимому, на соискание ученой степени. О том, кто был его автором, в специальной литературе нет единого мнения. Ряд исследователей приписывают это сочинение К. Шуртцфлейшу.[379] В. И. Веретенников, установив, что К. Шуртцфлейш не был в России во время восстания С. Разина, взял под сомнение приписываемое ему авторство и высказал предположение о том, что автором рассматриваемого сочинения было второе лицо, упоминаемое в его названии — Иоган Марций.[380] Предположение В. И. Веретенникова, на наш взгляд, является весьма убедительным, тем более, что в заглавиях многих диссертаций, печатаемых в то время в Германии, обычно ставились два имени — председательствовавшего на диспуте (президента) и соискателя ученой степени (респондента), что и создало большую трудность в установлении авторов.[381] В данном случае в роли президента, вероятно, выступал Шуртцфлейш как имеющий ученое звание, а в роли респондента — Иоган Марций. С. Коновалов в недавно опубликованной им

---

376 «...бунтовщики были разсеяны там и сям (т. е. по частям. — *И. С.*), а также и то, что они никак не могли сойтись в выборе одного главного начальника» (т. е. отсутствие единства в руководстве восстанием. — *И. С.*).

377 Под таким русским названием вышло его первое издание. Оно дополнялось приведенным уже, более полным названием на латинском языке, в переводе на русский язык: «Степан Разин, донской казак — изменник, преданный публичной казни, в присутствии Конрада Самуила Шуртцфлейша, экстраординарного профессора истории, отвечающего Иоганну Юстусу Марцию».

378 Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря. Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1763, октябрь, стр. 321.

379 А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 20; Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 66 и др.

380 В. И. Веретенников, ук. ст. «Наукові записки», 1927, № II, стр. 174.

381 «Отечественные записки», 1854, № 8, стр. 150—151.

работе[382] автором рассматриваемого сочинения безоговорочно считает Иогана Марция.

Как и всякий научный трактат, сочинение «Стенко Разинь — донски казакь изменник...», по мнению его исследователей, содержит весьма много общих рассуждений и различных соображений,[383] как считает В. И. Веретенников, в разъяснении социальной стороны описываемого явления «не всегда достаточно обоснованных и примитивных».[384] Что касается фактического содержания, то сравнительно с «Известиями, касающимися подробностей бунта...» (которое, по всем данным, было одним из источников, использованных автором) оно значительно ограниченнее и беднее, но в достоверности его «не приходится усомниться».[385] Автор сочинения был в России, пользовался официальными документами и был в какой-то мере знаком с русским языком. Особый интерес в рассматриваемом сочинении представляет характеристика отдельных моментов внутриполитического положения русского государства, которым, по утверждению автора, хорошо воспользовался С. Разин для возбуждения в стране всеобщего недовольства против правящей верхушки, создавшегося в связи с низложением патриарха Никона и враждебными замыслами бояр, будто бы собиравшихся «захватить власть и погубить государство, убив царевича» Алексея. В связи с этим автором сообщается неизвестный по другим источникам факт о том, что якобы накануне восстания С. Разина князь Ю. А. Долгорукий потребовал у правительства «отнять у казаков привилегии принимать и удерживать у себя (на Дону.— *И. С.*) беглецов, людей весьма опасных, на которых были на Руси наложены кары — они были обесчестены судом — и которых казаки принимали и безнаказанно у себя удерживали». Это, по мнению автора, и явилось основной причиной сбора вокруг С. Разина множества «злоумышленных людей».[386] На сочинении лежит определенная печать академического объективизма, но симпатии автора целиком на стороне правящей верхушки России. Он оправдывает жестокие феодально-крепостнические порядки, господствующие в стране,— «твердые законы», считает, что они призваны «исправлять этот народ», что кротость и снисходительность к русскому народу не применимы.[387]

«Стенко Разинь — донски казакь изменник...» как исторический источник изучения крестьянской войны 1670—1671 гг. по своему фактическому содержанию в настоящее время не представляет ценности. Однако он содержит ряд авторских замеча-

[382] S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 72.

[383] А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 20; Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 66.

[384] В. И. Веретенников, ук. ст. «Наукові записки», 1927, № II, стр. 174.

[385] Там же.

[386] «Стенко Разинь — донски казакь изменник», § 11—13.

[387] Там же, § 23.

ний и соображений, которые не могут не заинтересовать исследователя. Примечателен сам факт и обстановка его появления, свидетельствующие о большом интересе, вызванном в Западной Европе восстанием С. Разина. Это сочинение способствует в какой-то мере выяснению международного значения восстания С. Разина.[388]

Сочинения иностранцев, в годы восстания находившихся на службе царского правительства, написанные в основном по личным наблюдениям и впечатлениям, касающиеся преимущественно событий начального периода крестьянской войны, составляют вторую группу известий иностранцев о восстании С. Разина. К ней относятся: «Три путешествия» Я. Стрейса [389] с приложенными к нему копией с письма, «писанного в городе Исфагане Давидом Бутлером 6 марта 1671 года»,[390] и копией с письма, «писанного на корабле его царского величества под названием „Орел", стоявшем на якоре под городом Астраханью 24 сентября по старому стилю», анонима — одного из членов его экипажа,[391] и «Сообщение Людвига Фабрициуса о крестьянской войне на Руси под руководством Степана Разина».[392] Указанные сочинения находятся в большой связи друг с другом: во многих случаях содержат различные сведения и суждения об одних и тех же событиях, связанных с восстанием Разина, сообщают о деятельности одних и тех же лиц и как бы взаимодополняют друг друга, что весьма облегчает установление достоверности их содержания.

---

[388] Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 66.

[389] Я. Стрейс, ук. соч. — Записки Я. Стрейса были составлены на голландском языке и впервые изданы в Амстердаме в 1676 г. под названием «Drie aanmerkelyke en seer rampspolgige Beyzen door Italien Grieckenlandt, Lyflandt, Moscovien, Tortaryen, Medem Persier, Oost-Indien, Japan und unterschiedliche andere Länder Aangewangen anno 1647 + Haus gekommen 1673 an Ion Struys» (Amsterdam, 1676, см. библ. справку в ст.: А. Морозов. Парусный мастер Я. Стрейс и его путешествие. В кн.: Я. Стрейс, ук. соч., стр. 24—28).

[390] Напечатано в приложении к сочинению Я. Стрейса «Copia oder Abschrift eines Brieffes, geschrieben in der Koeniglichen Persichen Hof und Haupt-Stadt Isfahan von Capitan David Butler dem 6 Martic» (1671).

[391] Напечатано в приложении к сочинению Я. Стрейса: Abschrift eines Brieffes, geschrieben aus Ihrer Charishen Majest Schiffe genennet der Adler liegende zum Ancker for der Stadt Astracan. Gegeben den 24. Sept. St Vet anno 1669.

[392] Сообщение это находится в автобиографии Л. Фабрициуса («Riksarkivet Collection Biographca»), написанной на немецком языке, видимо в период 1688—1693 гг. В 1762 г. оно было опубликовано в Швеции в переводе И. Кемпе в составе «Koge Swenska Envaoien Ludvich Fabritii Lefverne Stockholm» (1762), но не получило распространения. Рукопись автобиографии была обнаружена в Стокгольмском государственном архиве С. Коноваловым, переведена на английский язык и в части, касающейся восстания С. Разина, опубликована в «Oxford Slavonic Papers» (1956, No 6, pp. 72—101) под уже указанным в тексте названием: S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6 (см. справку: «История СССР», 1958, № 1, стр. 207—208).

Автор «Трех путешествий» Я. Стрейс — лицо вполне определенное, исторически достоверное. Он — парусный мастер корабля «Орел», который стоял на Волге у Астрахани и был сожжен восставшими, человек бывалый, еще до своего приезда в Россию немало попутешествовавший по свету, бывший очевидцем многих событий, происшедших в Астрахани в начальный период восстания С. Разина.[393] Этим событиям он и посвятил специально XIII—XV главы описания своего третьего путешествия.[394]

О сочинении Я. Стрейса, ставшего известным в России еще со времени Петра I,[395] в специальной литературе высказано много самых противоречивых суждений. Все они сравнительно недавно обстоятельно рассмотрены А. Гайсиновичем и А. Морозовым,[396] и нет необходимости к этому возвращаться. Следует лишь заметить, что имеющиеся в литературе справедливые суждения о компилятивности и не всегда достаточной достоверности сочинения Я. Стрейса в целом в меньшей степени касаются глав, посвященных восстанию, и что В. И. Веретенников преувеличивает бесспорные, отмеченные также А. Морозовым, заимствования Я. Стрейса из сочинения английского анонима.[397] В действительности они весьма незначительны и содержатся лишь на первых трех страницах XIII и в начале первой страницы XIV глав, посвященных восстанию.[398] Главы сочинения Я. Стрейса, посвященные восстанию С. Разина, бесспорно являются результатом его самостоятельного творчества — они оригинальны, и в этом их большое достоинство.

Основным источником для написания указанных глав явились личные наблюдения и впечатления Я. Стрейса, а также рассказы очевидцев событий и хорошо осведомленных о них лиц. Бóльшая часть сведений касается событий, происходивших в начальный период восстания в самой Астрахани. Весьма интересны штрихи из жизни Астрахани во время пребывания в ней отряда Разина, возвратившегося из Каспийского похода. Ярко характеризуется в них недовольство существующими порядками астраханского населения — простого народа, с радостью воспринимавшего вести об успешном продвижении повстанческого войска С. Разина, а также стрельцов, раздраженных задержкой положенного им государева жалованья. Не менее ярко дана картина растерянности, охватившей астраханские верхи по получении известий о взятии С. Разиным города Черного Яра и присо-

---

393 Он был там с конца августа 1669 г. до начала июня 1670 г.

394 Я. Стрейс, ук. соч., гл. XIII—XV.

395 Первый перевод его был сделан по распоряжению Петра I. В статье А. Морозова «Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие», дается полный перечень изданий «Трех путешествий» на русском языке. В кн.: Я. Стрейс, ук. соч., стр. 27—28.

396 Там же, стр. 18—22.

397 В. И. Веретенников, ук. ст. «Наукові записки», 1927, № II, стр. 175; А. Морозов, ук. ст. В кн.: Я. Стрейс, ук. соч., стр. 34—35.

398 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 197—199, 202.

единении к нему стрельцов и солдат войска князя С. Львова. Немало содержится в главах сведений и о событиях, происходивших вне Астрахани: о пребывании отряда Разина на острове Четырех Бугров, о взятии восставшими Камышина, Черного Яра и т. д. Сведения эти даны в них не всегда с должной ориентацией во времени, с нарушением последовательности в развитии событий и содержат немало всякого рода неточностей: численность войска князя С. Львова в обоих случаях дана с большим преувеличением, вместо Л. Плохово говорится о Л. Богданове и т. п. На основании народной молвы включил Я. Стрейс в состав рассматриваемых глав слухи о съедении будто бы казаками С. Разина коней-аргамаков, присланных персидским шахом в подарок русскому царю и захваченных ими,[399] и предание о плененной персидской княжне, якобы принесенной С. Разиным в жертву реке Волге. В целом следует признать, что, за малым исключением, сомневаться в достоверности сведений о восстании С. Разина, содержащихся в сочинении Я. Стрейса, нет оснований. В массе своей, если они не подтверждаются другими источниками, то вполне с ними согласуются.

Известия Я. Стрейса о восстании С. Разина поданы во враждебном плане по отношению к восставшим. Как и английский аноним, автор рисует С. Разина жестоким и злонамеренным человеком, разбойником и в этом усматривает причины его выступления. Необузданные и глупые люди — вот кто, по мнению Я. Стрейса, прежде всего присоединились к С. Разину и поддержали его замыслы. «Глупый народ», сбитый с толку Разиным, — вот сила, будто бы определившая размах движения. Однако наблюдательность Я. Стрейса, несмотря на его малую образованность, отмеченную Аделунгом,[400] и его стремление глубже осознать происходившие события, определили наличие в его сочинении таких суждений и заключений, которые убедительно и остро вскрывают их классовое содержание и политическую направленность. Автор передает содержание призывов С. Разина: «За дело, братцы! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе»; показывает цели его действий: «Я пришел дать всем вам свободу и избавление»,— их направленность против «всех бояр»; отмечает огромную популярность Разина среди населения: «Весь простой народ склонился к нему...», — быстроту роста количественного состава повстанческого войска, страх, охвативший феодальные верхи: «Господа, надев дешевое, плохое платье, покидали жилища и бежали»,— и т. п. Совершенно уникальны по своей значимости сведения, данные автором о С. Разине: о его внешнем виде и поведении в отдельных конкретных случаях и в различной обстановке. Они характеризуют,

[399] Из официальных документов известно, что означенные кони были сданы казаками С. Разина астраханским властям.

[400] Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений, ч. II. М., 1864, стр. 211.

если освободить их от тенденциозности авторской подачи, скромность, преданность друзьям, заботу о трудовом народе, ненависть к его угнетателям и другие черты, свойственные С. Разину как вождю восставших, и тем дополняют наши представления о нем по другим источникам.

Приходится согласиться с мнением А. Гайсиновича о недопустимости недооценки и тем более игнорирования глав сочинения Я. Стрейса о восстании Разина как источника для его изучения.[401] Ценность их заключается прежде всего в том, что они существенно расширяют наши представления о событиях начального периода в развитии крестьянской войны массою метких, интересных и ярко поданных наблюдений над ними, сделанных очевидцем.

Письмо Д. Бутлера, приложенное к сочинению Я. Стрейса,[402] является как бы непосредственным продолжением рассмотренных глав сочинения Я. Стрейса. Автор его, капитан корабля «Орел», был в Астрахани значительно дольше Я. Стрейса и как очевидец взятия повстанческим войском С. Разина Астрахани и последовавших за этим событий описал их.[403] А. Н. Попов, подчеркивая достоверность содержания письма Д. Бутлера,[404] ставит его как источник изучения восстания С. Разина выше рассмотренных глав Я. Стрейса. С этим нельзя согласиться, хотя достоверность содержания письма в настоящее время еще более подтверждается, и не только официальными документами, но и недавно опубликованным сообщением Л. Фабрициуса, с помощью которого Д. Бутлер бежал из восставшей Астрахани и которого он, забыв свою клятву, бросил на произвол судьбы в лагере восставших.[405] Письмо Д. Бутлера автобиографично и в этой своей части оставалось мало подтвержденным. Сообщение Л. Фабрициуса полностью подтверждает его достоверность и в этом плане. Таким образом, достоверность содержания письма Д. Бутлера сейчас очевидна, и это безусловно является его большим достоинством.

Однако критерием значимости исторического источника является не только достоверность находящихся в нем сведений,

---

401 А. Гайсинович. Введение. В кн.: Я. Стрейс, ук. соч., стр. 22.

402 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 352—374.

403 Я. Стрейс бежал из Астрахани вместе с командою корабля «Орел» буквально накануне ее взятия повстанческим войском С. Разина. Д. Бутлер бежал из Астрахани позже, в момент вспыхнувшего в ней восстания, но неудачно. Был захвачен восставшими в пути и привезен обратно в Астрахань, где и пробыл до следующего бегства из нее, совершенного им с помощью офицера иностранца Л. Фабрициуса в конце августа 1670 г.: Я. Стрейс, ук. соч., стр. 355—364. S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 89.

404 «Все обстоятельства, — пишет он, — встречающиеся в рассказе, подтверждаются русскими источниками». — А. Н. Попов. История возмущения..., стр. 18—19.

405 S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 89.

а и их существо: содержится ли в них что-нибудь новое и важное о восстании Степана Разина и насколько глубоки и оригинальны имеющиеся в них обобщения и оценки как по поводу его отдельных событий, так и о нем в целом. Д. Бутлер рассказывает больше о себе, о своей судьбе и о событиях, находящихся непосредственно в связи с ней. Поэтому содержание письма Д. Бутлера является более узким и ограниченным в сравнении с содержанием глав Я. Стрейса. Ослепленный злобной ненавистью к восставшим, он не смог усмотреть в событиях того, что заметил последний. В письме меньше примечательных наблюдений о действиях восставших, которыми богато иллюстрированы главы Я. Стрейса. В нем значительно слабее вскрывается их социально-политическая направленность.

И все же письмо Д. Бутлера имеет бесспорное значение для изучения восстания С. Разина. Оно содержит немало интересных сведений о событиях, развернувшихся в Астрахани в начальный период: о мероприятиях по укреплению обороны города, проведенных воеводой; об использовании в этих целях находившихся в городе иностранцев, в том числе команды корабля «Орел»; о настроениях населения города; о поведении стрельцов и солдат астраханского гарнизона в момент штурма города повстанческим войском С. Разина; о действиях повстанцев в Астрахани после ее взятия и многих других, которые восполняют данные официальных документов.

Второе письмо, приложенное к сочинению Я. Стрейса, было написано неизвестным из состава команды корабля «Орел».[406] Оно, как и письмо Д. Бутлера, проникнуто злобной ненавистью к восставшим и особенно к С. Разину. Содержание его весьма узко. В нем рассказывается о прибытии отряда С. Разина и войска князя С. Львова осенью 1669 г. в Астрахань, о происходивших в связи с этим церемониях, о переговорах посольства Разина с астраханским воеводой. Очень ценны сведения письма о возрасте Разина, дающие возможность примерно определить время его рождения.[407]

«Сообщение...» является частью автобиографии Людвига Фабрициуса, написанной на немецком языке. Автор сообщения вместе со своим отчимом Паулем Рудольфом прибыл в Россию в 1660 г. и оказался на службе в русских правительственных войсках. Служба эта продолжалась с небольшим перерывом по 1677 г. За это время Л. Фабрициус был участником и очевидцем многих событий, происходивших в то время в России, в частности крестьянской войны под предводительством С. Разина. Вместе со своим отчимом он оказался в войсках князя И. С. Прозоровского, отправившихся в июле 1667 г. из Москвы на юго-во-

---

406 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 349—352.

407 Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 65.

сток страны для борьбы с казаками С. Разина, прибыл весной 1668 г. в Астрахань, где и продолжал службу. В июне 1670 г. Л. Фабрициус принял участие в походе войска князя С. Львова к Черному Яру против повстанческого войска Разина. Был там взят повстанцами в плен и вместе с ними вернулся в Астрахань. В сентябре 1670 г. он бежал в Персию и после долгих мытарств, когда уже Астрахань была взята царскими войсками, вновь вернулся, где и продолжал службу до 1673 г. Дальнейшая служба Л. Фабрициуса в русской армии проходила на Украине.[408]

Волею судьбы Л. Фабрициус оказался в самой гуще событий начального периода крестьянской войны под предводительством С. Разина.[409] Ему довелось не раз видеть Разина, говорить с ним и даже подносить кубок вина. Он лично знал многих царских воевод, руководивших борьбой против повстанческого войска, и многих атаманов, стоявших во главе восставших. Вращаясь в среде начальствующих лиц, находясь некоторое время в лагере повстанцев, он имел возможность многое узнать о событиях, очевидцем которых сам не был, от хорошо осведомленных лиц. Все это дало автору богатый материал для наблюдений и впечатлений, что и послужило основным источником его «Сообщения...». В отдельных случаях он, следуя за устной народной молвой, передает слышанные им предания: о боге — покровителе реки Яик Иване Гориновиче, которому С. Разин будто бы обещал за свои успехи отдать самое лучшее из богатств, им приобретенных; о принесении в жертву этому богу прекрасной татарской девушки, брошенной, по преданию, Степаном Разиным в воды реки Яик.[410] Следы использования автором каких-либо литературных источников или официальных документов в «Сообщении...» не обнаруживаются. Автобиографический жанр этого сочинения безусловно ограничил автора в передаче многих сведений, ему известных, но не имеющих прямой связи с его биографией.[411]

Достоверность сведений о восстании С. Разина в «Сообщении...» Л. Фабрициуса подтверждается всей совокупностью известных в настоящее время источников, как документальных, так и литературных. Очень точно передается в нем история похода войска князя И. С. Прозоровского в Астрахань, с указанием численности войск, времени прохождения отдельных пунктов по пути к Астрахани. Не менее точно описываются события, происходившие в Яицком городке во время пребывания там

---

[408] Подробные биографические сведения: S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, pp. 74—75; «История СССР», 1958, № 1, стр. 207—208.

[409] По существу, хотя он и не признается в этом, оказался на некоторое время в составе повстанцев, о чем говорит участие его в «дуване» — получение им определенной доли захваченной повстанцами «добычи».

[410] S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, pp. 77—78.

[411] Ibid., p. 75.

отряда С. Разина, о походах войска князя С. Львова к морю навстречу отряду и к Черному Яру, о трагических событиях, происшедших под этим городом, и т. д. Даже мелкие эпизоды, описанные в «Сообщении...», как, например, убийство повстанцами в Яицком городке стрелецкого головы И. Яцына, посылке ими холопа князя С. Львова в Астрахань и его казни там и многие другие, даны правильно, соответственно свидетельству других источников. Многие сведения, приведенные в «Сообщении...», совпадают или соответственно дополняют данные, содержащиеся в «Сказании летописи о граде Астрахани...». Сведения «Сообщения...» о личной судьбе Л. Фабрициуса также подтверждаются письмом Д. Бутлера. Девять раз на страницах своего письма говорит Д. Бутлер о Л. Фабрициусе и ни разу не противоречит «Сообщению...».[412] Сохранились «расспросные речи» Л. Фабрициуса в Посольском приказе, подтверждающие его пребывание в Астрахани в годы восстания С. Разина.[413]

Как и всем известиям иностранцев о восстании С. Разина, «Сообщению...» свойственна определенная тенденциозность. Автор явно не симпатизирует восставшим — «отщепенцам», «грабителям» и «негодяям», как он их называет, безосновательно приписывая им всевозможные жестокости, и в объяснении ряда событий проводит официальную правительственную точку зрения. К русскому народу он относится пренебрежительно и применяет по отношению к нему термин «варвары».[414] Вместе с тем тенденциозность не помешала Л. Фабрициусу заметить и включить в «Сообщение...» такие сведения и суждения, которые раскрывают антифеодальное содержание этого движения. Он сообщает о том, что С. Разин «обещал освободить простой народ от ярма бояр и освободить холопов», «искоренить богатых бояр», отмечает симпатии «простого народа» к Разину, очень ярко характеризует ненависть солдат к офицерам и т. п.[415] В отдельных случаях он дает вполне объективную оценку действиям восставших: говорит не об ограблении, а о конфискации восставшими имущества, принадлежащего царю, офицерам, купцам и другим, хорошо показывает демократические порядки казацкого круга, отмечает гуманное отношение к нему восставших.[416]

Обращаясь к содержанию «Сообщения...», следует отметить, что автор его, офицер по профессии, к тому же участник действий правительственных войск против восставших, особенно обстоятельно раскрывает военную сторону событий. Он сообщает о планах князя И. Прозоровского блокировать отряд С. Разина в Яицком городке и о провале этого плана, о неумелых действиях отряда царских войск головы И. Лопатина под Царицыным и

412 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 353, 362, 364, 370, 372.

413 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 210; т. III, док. № 287.

414 S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, pp. 76—79, 93.

415 Ibid., pp. 79—80, 82.

416 Ibid., pp. 80—82.

особенно подробно и ярко, как ни в одном источнике, о событиях, происшедших под Черным Яром, по существу определивших судьбу Астрахани. Сообщая о неудачах и поражениях правительственных войск в борьбе с восставшими, автор обычно объясняет и причины, обусловившие их.[417]

В «Сообщении...» Л. Фабрициуса в ряде случаев даются сведения большого принципиального значения для разработки истории восстания, которых нет в официальных документах. Утверждается с соответственным обоснованием, что якобы замыслы о поднятии открытого восстания были у Степана Разина уже во время пребывания его отряда в Астрахани осенью 1669 г.[418] Сообщается о «круге» повстанцев, будто бы состоявшемся под городом Черным Яром в июне 1670 г., по вопросу, который уже обсуждался и был решен на «кругах» в Царицыне: идти ли к Астрахани?[419]

«Сообщение...» содержит массу интересных деталей и штрихов, характеризующих отдельные события крестьянской войны: об отношении С. Разина к царской «милостивой грамоте»; о трудностях, преодоленных повстанцами при взятии Астрахани, и их потерях; о взаимоотношениях С. Разина с князем С. Львовым; о жестокостях князя Я. Одоевского и т. д.[420] Последний автору настолько антипатичен, что он называет его «скотиной».

Немало имеется в «Сообщении...» и интересных данных, характеризующих С. Разина как вождя восставших. Несмотря на антипатию к личности Разина, он вынужден был не раз отметить его гуманность, авторитет среди восставших и др.[421]

«Сообщение...» Л. Фабрициуса является источником ее изучения первостепенного значения. По широте затронутых вопросов, содержанию свежих, не повторяемых в других источниках сведений, яркости и убедительности различного рода деталей и штрихов об отдельных событиях крестьянской войны оно среди известий иностранцев о восстании С. Разина не имеет себе равных.

Сообщения о походе отряда С. Разина на Каспий и в Персию в сочинениях известного французского путешественника Шардена[422] и секретаря шведского посольства в Персии Энгель-

---

417 Ibid., pp. 80—81.

418 Ibid., p. 79.

419 «Либо им двигаться к северу вглубь страны или сначала обезопасить себя от Астрахани. Было решено принять последний путь...» — Ibid., p. 82.

420 Ibid., pp. 78, 79, 84, 92—93.

421 Ibid., pp. 79, 81, 85—86.

422 В 1686 г. в Лондоне вышла его работа: Chardin. Le couronnement de Soleiman III, roi de Perse, et se qui s'est passe de plus memorable dans les deux premieres annees de som regne. — Позже оно вошло в состав «Journal du Voyage du chevalier Chardin en Perse et aux Indes orientales par la mer Noir et par Colchiden». Полного русского перевода нет. См.: М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 217, а также: Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. (перевод Носовича). «Кавказский вестник», 1900—1901.

берга Кемпфера [423] составляют третью группу известий иностранцев о крестьянской войне под предводительством Разина. Шарден вообще в России не бывал, а Кемпфер проезжал через нее в 1683 г. в качестве секретаря шведского посольства в Персию. О некоторых событиях восстания Разина, связанных преимущественно с действиями его отряда в 1667—1669 гг. на Каспии и в Персии, они узнали из рассказов осведомленных лиц во время пребывания в Персии, в Исфагане, при дворе персидского шаха.[424]

Находясь там на протяжении нескольких лет (первый — на положении придворного ювелира, а второй — секретаря шведского посольства), будучи в близких отношениях со многими сановниками, они знали о событиях по информации, получаемой от лиц этого круга. Осведомленность же персидских правящих кругов о событиях, связанных с восстанием Разина, в частности даже о действиях его отряда на Каспии и на персидском побережье в 1667—1669 гг., была настолько плоха, что в среде их долгое время держалось убеждение о причастности к ним царского правительства, будто бы инспирировавшего действия С. Разина против Персии и снабдившего отряд всем необходимым для дальнейшего похода. Это обстоятельство наложило определенный отпечаток в части показа действий отряда Разина на Каспии в 1667—1669 гг., и на непосредственные отклики на поднятое им восстание в Персии как на сочинение Шардена, так и Кемпфера. В них отражены две противоположные тенденции понимания событий правящими верхами Персии, связанных с восстанием С. Разина и непосредственно коснувшихся ее.

Будучи при дворе персидского шаха во время начального этапа развития восстания Разина, когда в действиях его отряда, происходивших на Каспийском море и на территории Персии, преобладали разбойные устремления и правящие круги Персии были глубоко убеждены в причастности к этому царского прави-

---

[423] Э. Кемпферу принадлежит много рукописных сочинений, после его смерти в 1716 г. оказавшихся в библиотеке сэра Ганса Слоану, а затем с организацией в 1753 г. Британского музея — в составе его фондов. Извлечение из одного его рукописного сочинения «Diaruum Isitheris ad Aulam Moscovkam indeque Astracanum Suscepti» (Anno MDCLXXXIII) в переводе на русский язык опубликовано Ф. Аделунгом (Ф. Аделунг. Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827, стр. 323—372). Другое извлечение из неизвестного сочинения Э. Кемпфера, в части, касающейся действий отряда С. Разина на Каспии и в Персии, в переводе на английский язык под названием «Из рукописи Кемпфера, находящейся в руках сэра Итана Слоану, переведенной и изданной сэром Мортимером», хранится в ЦГАДА, в рукописном отделе б-ки МГАМИД, без номера и даты. Русским переводом с нее, представленным старшим научным сотрудником ЦГАДА Е. А. Швецовой, мы и пользовались. Последующие ссылки на него же.

[424] Шарден был там первый раз между 1665—1670 гг., второй раз — в 1671—1675 гг. Кемпфер прибыл в Исфаган в 1683 г. и пробыл там несколько лет. — Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. — «Кавказский вестник», 1900, № 2, стр. 1—2; Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение..., стр. 225.

тельства, Шарден воспринял эти настроения как соответствующие действительности и сделал их осью своего повествования о действиях казаков на Каспии. Существо этого повествования таково. Царское правительство, недовольное плохим приемом своего посольства в Персии в 1664—1665 гг., пользуясь смертью шаха Аббаса II в 1667 г., решило отомстить и направило на Персию донских казаков. Шарден обстоятельно вскрывает убежденность в этом правящих верхов Персии и сам этому верит. Убежденность персидских правящих кругов в причастности царского правительства к действиям казаков С. Разина на Каспии не была поколеблена ни казацкой станицей, обратившейся с просьбой предоставить казакам службу и убежище (имеется в виду станица, посланная С. Разиным.— *И. С.*), ни посольством царского правительства, привезшим к шаху письмо с соответствующим объяснением событий (имеется в виду посольство Т. Брейна.— *И. С.*), о чем подробно рассказывает Шарден. На этом фоне Шарден в своем повествовании сообщает немало различных сведений о действиях казаков С. Разина на Каспии. В целом они не противоречат данным других источников, в известной мере дополняют их, но пользоваться ими все же следует весьма осторожно, после тщательной сверки с другими источниками. Шарден, рассказывая о действиях казаков на Каспии, ни разу не упоминает имени Разина. Это показывает ограниченность и суммарность его знаний в этой части. Рассмотренное сообщение Шардена особенно ценно как источник, отражающий влияние крестьянской войны под предводительством С. Разина на политическую жизнь Персии.[425]

Э. Кемпфер был в Исфагане при дворе персидского шаха несколько лет, начиная с 1683 г., более чем через десять лет после подавления крестьянской войны под предводительством С. Разина, когда многие события уже были забыты, переоценены и потеряли свою четкость в представлении современников, когда в правящих кругах Персии ошибочность обвинения царского правительства в поддержке действий отряда С. Разина на Каспии была уже давно очевидна. Э. Кемпфер учел это и свое сообщение о действиях казаков Степана Разина в 1667—1669 гг. на Каспии подал в другом, отличном от Шардена, плане, плане полного отрицания содействия, якобы оказанного казакам С. Разина царским правительством во время их действий на Каспии, и ослабления представления об убежденности в этом правящих кругов Персии. Использовав сочинение Шардена в качестве одного из источников для своего сообщения, Кемпфер полемизирует с ним по указанным вопросам и доказывает несостоятельность его точки зрения. Большой фактический материал о действиях казаков С. Разина на Каспии и об отношении к ним

---

425 Voyages du chevalier Chardin en Perse.., t. 4. Amsterdam, 1735, pp. 314—318.

шахского правительства, привлеченный Кемпфером, более определенен, чем у Шардена. Он сообщает о казаках, действующих во главе с Разиным, о царском посольстве во главе с Т. Брейном, рассказывает о предложении царя шаху вести совместную борьбу против казаков С. Разина и о посылке с этой целью полковника Пальмара и т. д. И все же пользоваться сообщением Кемпфера как источником изучения восстания следует весьма осторожно ввиду его сложности и в ряде случаев запутанности и непоследовательности в изложении событий. Значение этого источника для изучения влияния крестьянской войны под предводительством С. Разина на политическую жизнь Персии очевидно. К рассмотренной рукописи Кемпфера есть приложение под названием «Экспедиция Стеньки Разина в Персию, рассказанная казаком, который присутствовал при этом и с 30 другими был взят в плен... на острове Дуване, когда они отправились грабить по собственной инициативе». В этом приложении особый интерес и ценность представляет подробный рассказ о сражении отряда С. Разина летом 1669 г. с флотом и войсками астаринского Менеды хана.

Четвертую группу известий иностранцев о восстании под предводительством С. Разина составляют: «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии»,[426] глава, посвященная ему в описании путешествия посольства Кунраада фан Кленка в Москву, составленная его секретарем Койэтдером,[427] и соответственный раздел итальянского источника «Начертание Московии, посвященное кардиналу Алтиери сочинителем, скрывшим свое имя под монограммами C.M.V.D.C.D.G.».[428] В них нет оригинальных, обобщающего значения сообщений о крестьянской войне под предводительством С. Разина, но имеются отдельные частного значения сведения и замечания, представляющие определенный интерес для исследования.

В «Сказаниях светлейшему герцогу Тосканскому...» содержатся сообщения о двух первостепенного значения событиях

---

426 De rebus Moscohviticis ad Severenissimum Magnum. Hetruriae. Ducem Cosmum Tertium. Patavii MDCLXXX. Typis Petri Mariae Frambotti Bibliopol sup perm. Padoa, 1680. (Русский перевод А. И. Станкевича. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. М., 1905). — См.: М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 218.

427 Historish Verhael of Beschryving van de Voyagie gadaen ander de suite van den Heere Koenraad van Klenk Extraordinaris Ambassadeur... Amsterdam, 1677, гл. 27. Русский перевод: А. М. Ловягина. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, гл. 27. СПб., 1900, стр. 265—571. См.: М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 218.

428 Ritratto della Moscovia consacrato all Eminentissimo e Reverendissimo Sig. Card. Altieri, da C.M.V.D.C.D.G. Извлечено А. И. Тургеневым из Ватиканского архива и напечатано в издании: Hirtorica Russiae Monumenta ex antiquis exterarum genetium archivis et Bibliotheis depromptacte A. I. Turgenevio. T. II. Petropoli Typis. Ed. Pyatzi. 1842, pp. 249—278 (О восстании С. Разина см. стр. 276—278. Русского перевода книги нет. — См.: М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 219).

крестьянской войны. Автор его, как очевидец, дал подробное и яркое описание казни С. Разина, равного которому нет ни в одном источнике.[429] Достоверность его не вызывает сомнений, так как соответствует сведениям, имеющимся о ней в официальных документах. Осенью 1670 г. Я. Рейтенфельс, вместе с другими иностранцами, специально приглашенными, присутствовал на смотре царем Алексеем Михайловичем под Москвой правительственных войск, предназначенных для борьбы с восставшими, и затем все детально описал.[430] Смотр происходил в течение 8 дней и имел не только военное, но и политическое значение. Он явился демонстрацией единодушия дворян и царизма в борьбе против народа и рассчитан был на внешнеполитический эффект. Царское правительство пышным военным смотром, проведенным в присутствии иностранцев, как бы стремилось подчеркнуть перед западноевропейскими державами свою устойчивость в стране. Сообщение Я. Рейтенфельса о царском смотре войск осенью 1670 г. в настоящее время нашло полное документальное подтверждение.[431]

В описании путешествия посольства Кунраада фан Кленка в Москву, состоявшемся в 1676 г., восстанию С. Разина посвящена 27-я глава,[432] в которой автор кратко изложил его историю. В качестве основных источников для ее написания, по мнению ряда исследователей, автором были использованы сочинения английского анонима и Я. Стрейса, бывшего в составе посольства на положении пушкаря, и в какой-то мере сведения, полученные Койэтдером от своего двоюродного брата, постоянно проживавшего в Москве и имевшего там стеклянный завод.[433] Мнение это полностью подтверждается соответствующим сопоставлением текста рассматриваемой главы с текстом указанных сочинений. Глава Койэтдера о восстании С. Разина является компиляцией и, по существу, не содержит каких-либо новых сведений о нем в сравнении с имеющимися в сочинениях английского анонима и Я. Стрейса. Однако трудно согласиться с категорическим заключением В. И. Веретенникова о том, что «Описание путешествия Кунраада фан Кленка...» в качестве источника для истории восстания С. Разина «должно быть сведено к нулю».[434] Койэтдер, работая над главой, не только перелагал

---

429 Я. Рейтенфельс, ук. соч., стр. 119.

430 Там же, стр. 128—130.

431 И. В. Степанов. К истории крестьянской войны под предводительством Степана Разина (смотренный список № 38 как исторический источник). Вестник ЛГУ, 1961, № 2.

432 Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900, стр. 443—457.

433 В. И. Веретенников, ук. ст. «Наукові записки», 1927, № II, стр. 176; Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 65; Посольство Кунраада фан Кленка..., стр. CXIV, CXXII—CXXIII.

434 В. И. Веретенников, ук. ст. «Наукові записки», 1927, № II, стр. 176.

содержание сочинений английского анонима и Я. Стрейса, но в некоторых моментах и переосмысливал их. На это обстоятельство обратил внимание Б. Н. Тихомиров. «Не расходясь в передаче фактических данных,— писал он,— с английским анонимом и со Стрейсом, Койэтдер, однако, значительно глубже подходил к оценке движения, признавая его огромное значение и роль С. Разина, заставившего трепетать всю Московию».[435] Это подтверждается характеристикой, данной Койэтдером Разину, и особым подчеркиванием в главе размаха крестьянского движения, охватившего страну.[436] Кроме того, в «Описании путешествия Кунраада фан Кленка...» имеется интересное сообщение автора о казни Фрола Разина, очевидцем которой он был.[437]

В сочинении итальянского анонима «Начертание Московии, посвященное кардиналу Алтиери...», где восстанию посвящены три страницы, написанные на основании сочинения английского анонима,[438] обращает внимание восторженный отзыв автора о С. Разине:[439] «Молодой и красивый по наружности, обладающий выдающейся храбростью и воинскою решительностью, твердый до самой последней минуты, несмотря на ужасающие мучения, в общем, он обладал такими талантами, что на мировой сцене он занял бы место героя, если бы из честолюбия не стал предателем».

Известия иностранцев о восстании С. Разина в настоящее время, когда основная масса отечественных источников о нем стала известна и вошла в обиход исторической науки, не являются основополагающими для его изучения. Все, что в них написано об основных событиях крестьянской войны, с гораздо большей точностью и определенностью излагается в официальных документах. Последние и являются основным критерием проверки их достоверности. Ценность известий иностранцев о восстании Разина определяется прежде всего содержащимися в них различного рода дополнительными сведениями и суждениями о событиях, явившихся результатом личного наблюдения людей, хотя и происходящих из привилегированных сословий западноевропейских государств, но не принадлежащих к феодально-крепостническим верхам России, к тому же людей бывалых, не лишенных определенного политического чутья и располагавших независимостью в своих суждениях. Наиболее ценными из известий иностранцев о восстании С. Разина являются именно те из них, в которых больше содержится разного рода

---

435 Б. Н. Тихомиров, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 66.

436 Посольство Кунраада фан Кленка, стр. 449, 454, 457.

437 Там же, стр. 514.

438 В. И. Веретенников, ук. ст. «Наукові записки», 1927, № II, стр. 177.

439 М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 219.

дополнительных сведений и суждений о событиях как результате личного наблюдения их составителей. Это прежде всего известия Л. Фабрициуса, Я. Стрейса и Д. Бутлера, т. е. известия, отнесенные нами ко второй группе. Сочинения английского анонима и И. Марция в этом плане являются менее ценными. Ценны известия иностранцев о восстании Разина и своими тенденциями, вскрывающими его влияние на умы современников, проживавших за пределами России, а также возможностями на основании их в какой-то мере осознать его влияние на другие страны. В целом известия иностранцев о восстании С. Разина значительно расширяют и углубляют наши представления о многих событиях и тем содействуют их правильному пониманию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА

Обширная литература о крестьянской войне под предводительством С. Разина ведет свое начало с 60—70-х годов XVIII в. Своим идейным содержанием, трактовкой восстания в целом и его отдельных событий она отражает две тенденции ее исторического осмысления: официальную — правительственную, антинародную, выражающую интересы господствующих классов страны, исходным моментом которой явились правительственные «Сказки» — обращения к населению, в частности смертный приговор С. Разину, и последующие сообщения о крестьянской войне в летописях и хронографах последней четверти XVII — начала XVIII вв.; антиправительственную, народную, отражающую классовые интересы крестьянства как основной массы трудового населения страны, начальным выражением которой явился народный фольклор, в особенности народные песни о С. Разине, передававшие традиции антифеодальной борьбы крестьянства от поколения к поколению.

Естественно, что не в интересах господствующих классов страны и официальных правительственных кругов была разработка подлинной истории классовой борьбы крестьянства против его угнетателей, в частности восстания под предводительством С. Разина. Поэтому дворянские и буржуазные ученые обращались к его истории обычно в крайних случаях, в условиях резкого обострения классовой борьбы крестьянства против помещиков и помещичьего государства, во время массовых восстаний, когда крестьянский вопрос принимал особую политическую остроту и значимость. Соответственно с этим исторические работы обобщающего характера о восстании С. Разина выходили по времени крайне неравномерно. Они оказались приуроченными к событиям: крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева, массовым крестьянским восстаниям в связи с реформой 1861 г., буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.

Дворянские и буржуазные историки всемерно искажали историю восстания С. Разина, приспосабливали ее к интересам господствующих классов и к сложившейся в стране политической конъюнктуре. По этой же причине царские власти препятствовали стремлению лучших представителей демократических слоев российского общества рассказать подлинную историческую правду о восстании. Они обрушивались всевозможными гонениями на народный фольклор о Разине, преследуя исполнителей, не допуская к публикации или же допуская, но с большими искажениями содержания, выхолащивающими его социальную и политическую сущность. Царская цензура ставила преграды к печатанию исторических работ о восстании, трактовка которых не соответствовала официальной тенденции. Возможности написания и публикации исторических работ о восстании Разина с позиций двух указанных тенденций были неравны. Вот почему в своей основной массе конкретно-исторические работы о восстании Степана Разина, за редким исключением, являются по духу антинародными, написанными с позиций, враждебных к восставшим, трактующих его в приемлемом господствующим классам плане.

Великая Октябрьская социалистическая революция, поставив на вооружение советской науки идейное богатство трудов Маркса, Энгельса и Ленина, вооружив ее марксистской методологией, коренным образом изменила указанное положение, создав все условия для разработки истории восстания С. Разина в интересах освободившегося от классового гнета народа. Народная тенденция историографии восстания С. Разина нашла в советской литературе полное конкретно-историческое раскрытие.

Историография крестьянской войны под предводительством Разина в свете учения марксизма-ленинизма о социально-экономических формациях естественно разграничивается по времени на три периода: дореформенный, характеризующийся господством в стране феодально-крепостнических отношений; пореформенный, характеризующийся господством в стране капиталистических отношений, и советский, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция.

ВОССТАНИЕ СТЕПАНА РАЗИНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА

Первые печатные работы о восстании С. Разина появились в 60—70 годах XVIII века. Это были сообщения в трудах Ф. Соймонова,[1] С. Гмелина и повести А. П. Сумарокова и М. М. Щербатова.

Ф. Соймонов побывал в ряде мест, где действовал Разин и в связи с этим сообщил некоторые сведения о восстании, преиму-

[1] Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах АН», 1763, июль—декабрь.

щественно на основании известий о нем иностранцев.[2] В одном из описаний, данном в связи с посещением Астрахани, автор высказывает типично официальную правительственную точку зрения на восстание С. Разина, рассматривает его как движение разбойников, смутивших золотом и драгоценностями худшие элементы народа — «злых людей» — на бунт и за то получивших заслуженное, по его мнению, наказание.[3] Заслугой Ф. Соймонова является находка им отечественного рукописного сочинения — «реляции» [4] о восстании С. Разина, опубликованной им в качестве приложения к своим трудам под названием «Известие о бунте и злодействиях донского казака Стеньки Разина».[5]

Одним из непосредственных результатов путешествия С. Гмелина, предпринятого по поручению Академии наук в 1768—1771 гг. для изучения прикаспийских стран, явилось его подробное сообщение о восстании С. Разина.[6] Текстуальное сличение этого «Сообщения» со «Сказанием летописи о граде Астрахани...» П. Золотарева убеждает, что оно является пересказом последнего. С. Гмелин, вероятно, в Астрахани получил возможность использования одного из списков указанного «Сказания...» П. Золотарева и включил его почти буквально в описание своего путешествия. С. Гмелин в какой-то мере модернизировал терминологию «Сказания...», в частности его ругательные эпитеты в адрес С. Разина, включил в него новые нюансы резко отрицательных суждений о репрессиях, проведенных восставшими против угнетателей народа — людей правительственного лагеря,[7] и в нескольких случаях дал свое дополнительное объяснение отдельным действиям астраханского воеводы.[8] Обращает внимание начало «Сообщения» С. Гмелина о восстании С. Разина, где он отмечает, что Астрахань во времена С. Разина «подверже-

---

[2] Ф. Соймонов был знаком с известиями о восстании С. Разина по сочинениям Я. Стрейса, И. Марция, Шардена, письмам Д. Бутлера и анонима, а также по произведению Вебера «Das veränderte Russland», в том числе с приложенным к нему смертным приговором С. Разину.

[3] Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах АН», 1763, июль — декабрь, стр. 23, 33, 321—324.

[4] Там же, стр. 321.

[5] Ф. И. Соймонов. Известие о бунте и злодействиях донского казака Стеньки Разина. «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах АН», 1763, № 11. — Значение этой публикации подробно рассмотрено в главе «Источники изучения истории крестьянской войны 1670—1671 годов».

[6] С. Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств природы, ч. II. СПб., 1777, стр. 77—99.

[7] Количество убитых восставшими людей правительственного лагеря во время взятия ими Астрахани в сообщении С. Гмелина преувеличено. — Там же, стр. 87.

[8] Казни воеводою И. Прозоровским попа Василия и безвестного холопа князя С. Львова, посланных в Астрахань Разиным (стр. 83—84), созыва им начальных людей астраханского гарнизона в целях напоминания о данной царю присяге и призыва к верной ему службе (стр. 85) и др.

на... была новому нещастию. Чего враги христианские зделать не могли (имеются в виду турки, не сумевшие взять Астрахань.— *И. С.*), то зделать осмелились сами христиане» (имеется в виду С. Разин, повстанческое войско которого взяло Астрахань.— *И. С.*).

Эта идея о большей опасности внутренних (классовых) врагов в сравнении с внешними (иноземными) была конкретизирована другим автором сочинения о восстании С. Разина, дошедшего до нас лишь в рукописи, П. Рычковым[9] и вполне соответствовала интересам господствующего класса дворян. «Сообщение» С. Гмелина о восстании С. Разина по существу явилось первой публикацией «Сказания летописи о граде Астрахани...» П. Золотарева.

Свое сочинение «О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в Астрахани» П. Рычков писал осенью 1773 г. в Оренбурге, осажденном в то время повстанческим войском Е. Пугачева, где он был управляющим губернской канцелярией. Факт этот весьма примечателен. Он показывает, какие обстоятельства обратили внимание историков к восстанию С. Разина. Основным источником для его написания была старинная рукопись о восстании Разина, как пишет автор академику Миллеру, «подробностями гораздо более обстоятельнее, чем как я читывал у наших и иностранных писателей».[10] Это была тетрадь, полученная автором от «приятеля, в Астрахани и в Кизляре не малое время бывшего».[11] М. Н. Сменцовский высказал предположение о том, что старинная рукопись, попавшая в руки П. Рычкова, была одним из списков «Сказания летописи о граде Астрахани...» П. Золотарева.[12] Текстуальное сопоставление этих сочинений дает полное основание сказать об этом не предположительно, а утвердительно. П. Рычков использовал один из списков «Сказания летописи о граде Астрахани...», и именно оно явилось основным источником для написания сочинения «О бунте и злодействах Стеньки Разина...».

П. Рычков переосмыслил «Сказание...» в целом, литературно обработал его, расчленил текст соответственно содержанию

---

[9] П. И. Рычков. О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в Астрахани (рукопись). ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, № 152, д. 12, лл. 1—24.

[10] П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности АН, т. II. СПб., 1868, стр. 137—138.

[11] П. И. Рычков. Введение к Астраханской топографии. М., 1774, стр. 49, 70. — Можно предположить на основании биографических данных о получении ее П. Рычковым или от А. Ригельмана, или от С. Гмелина, также побывавшего в указанных Рычковым местах, в предшествующее написанию его сочинения время.

[12] М. Н. Сменцовский. Ст. Разин в науке, литературе и искусстве. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 228.

на параграфы, в какой-то мере на основании других известных ему источников отечественного и иностранного происхождения проверил достоверность содержания,[13] дополнил его сведениями из других источников[14] и, что особенно важно, освободил его от всех моментов провиденциализма,[15] — опустил из «Сказания...» все, что «к настоящей светцкой истории» не имело отношения.[16]

Найденные и использованные Ф. Соймоновым и С. Гмелиным отечественные сочинения о восстании С. Разина — «Известия о бунте и злодействиях донского казака Стеньки Разина» и «Сказание летописи о граде Астрахани...» П. Золотарева, написанные в резко тенденциозном антинародном плане, вполне соответствовали настроениям российского дворянства, а публикация их была весьма кстати для дворянских историков. Эти два тенденциозных антинародных источника в совокупности с известиями иностранцев: английского анонима, Я. Стрейса, Д. Бутлера, И. Марция, Шардена и других, составили основу источниковедческой базы работ дворянских историков о восстании С. Разина.

Сочинения о восстании С. Разина А. П. Сумарокова[17] и М. М. Щербатова[18] явились непосредственным откликом на начавшуюся в 1773 г. крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачева. Авторы их, дворяне-аристократы, обратились к далекому прошлому страны, к народным протестам против господствовавших в ней феодально-крепостнических порядков, в частности к восстанию под предводительством С. Разина, не случайно. Примерами прошлых поражений народных выступлений против феодально-крепостнического гнета они как бы стремились успокоить российское дворянство и вселить в него надежду на победу в борьбе против восстания Е. Пугачева.

Повесть А. П. Сумарокова по существу является политичес-

---

[13] Это видно из приведенного уже его письма к акад. Миллеру. На л. 13 рукописи П. Рычкова читаем: «Из иностранных писателей о Ст. Разине находятся разные известия, но о взятии Астрахани и о злодействах... только очень коротко у них упоминается, а потому сие описание (т. е. „Сказание летописи о граде Астрахани...". — *И. С.*) по внесенным в него подробностям и можно почесть обстоятельным и вероятным».

[14] На листе 13 рукописи П. Рычкова имеется сообщение о восстании С. Разина из работы А. Манкиева «Ядро Российской истории» (см.: А. Я. Хилков. Ядро Российской истории. М., 1784).

[15] «Выбирая вышеописанное из имеющегося у меня описания, — говорится на листе 6 об. рукописи сочинения П. Рычкова, — выключил я здесь разные чудеса и знамения, вмещенные тут, как признал я, совсем к истории непадлежащими».

[16] П. И. Рычков. О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в Астрахани (рукопись). ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, № 152, д. 12, л. 13 об.

[17] А. П. Сумароков. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб., 1774.

[18] М. М. Щербатов. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774.

ким памфлетом на восстание Разина,[19] в котором нашла выражение злобная ненависть российского дворянства к развернувшейся борьбе крестьянских масс под знаменами Е. Пугачева. В ней автор, используя сочинения иностранных писателей и прежде всего английского анонима, а также и других,[20] сгущая краски и грубо фальсифицируя факты, всячески чернит Степана Разина и его единомышленников, объявив основной причиной поднятого ими восстания его «злобное Стеньки сердце» и стремление к «властолюбию».[21] Следуя за использованными им источниками, А. П. Сумароков утверждает, что успехи восстания Разина объясняются исключительно легкомыслием народа, который был обманут, соблазнен и устрашен.[22] Автором всемерно оправдываются массовые жестокие расправы, проведенные над восставшими царскими воеводами-карателями, в частности князем Ю. Долгоруким, а казнь С. Разина объявляется «пристойною ему смертью», якобы совершенною «ко удовольствию всего народа».[23] Утверждая, что массовых расправ над участниками восстания «требовала мораль и политика; мораль праведного отмщения..., а политика страха и образца казни; дабы никто не надеялся... что за такие беззакония не все плуты, но одни их защинчики казнимы бывают»,[24] автор, выражая настроения реакционного дворянства, по существу требовал жестоких массовых расправ и над участниками восстания под предводительством Е. Пугачева.

Источниковедческая база «Краткой повести о бывших в России самозванцах» М. М. Щербатова значительно шире повести А. П. Сумарокова. Щербатову — автору многих исторических трудов — были известны в то время многие источники о восстании С. Разина. Судя по содержанию повести, для написания ее были использованы не только упомянутые уже источники иностранного происхождения, но и отечественные: «Сказание летописи о граде Астрахани...», «Известия о бунте и злодействиях донского казака Стеньки Разина», «Сказание о нашествии на обитель... Макария Желтоводского», в то время еще не опубликованное, содержащее сведения о самозванстве атамана Макси-

---

19 Не случайно ее 2-е издание вышло в 1815 г. в качестве приложения под названием «Краткая повесть о бунтовщике и разбойнике Стеньке Разине» к книге М. Комарова «История Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою», в которой описываются похождения одного плута и пройдохи.

20 Главы сочинения «Три путешествия» Я. Стрейса, а быть может, и Койэтдера. М. Н. Сменцовский неправ, сводя повесть А. П. Сумарокова лишь к пересказу сочинения Я. Стрейса. — М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 229.

21 А. П. Сумароков. Краткая повесть.., стр. 4.

22 Там же, стр. 6.

23 Там же, стр. 16.

24 Там же, стр. 12—13.

ма Осипова, а быть может и некоторые официальные документы.[25]

Используя указанные источники, автор отверг присущий некоторым из них провиденциализм в объяснении событий восстания С. Разина, отобрал необходимые для повести факты и полностью принял их антинародную направленность, тем более, что тенденциозное освещение событий восстания Разина в интересах дворян и дворянского самодержавного государства, присущее им, отвечало целям предпринятого издания повести. М. М. Щербатов не вносит каких-либо существенных изменений в концепцию истории восстания, изложенную в указанных источниках. Он далек, как и все его предшественники, от понимания социальных причин, обусловивших восстание; более того: как убежденный крепостник, считающий, что помещики по отношению к крепостным крестьянам являются благодетелями и защитниками, без которых последние не могут жить, он, как это следует из содержания повести, не допускает, что их недовольство и участие «в бунте С. Разина» определено было этими отношениями.

Отношения эти, по мнению автора, могут лишь вызывать «некоторое огорчение» у крестьян.[26] Причины участия крестьян в бунте С. Разина, по представлению М. Щербатова, находятся вне этих отношений, они принесены извне. Внесли их в народ, в крестьянство «разбойники, развратные люди, в буйстве погруженная чернь», прежде всего Степан Разин и его сподвижники — люди с «развратными сердцами».[27] Они смутили, «прельстили» народ, распространили грамоты, «позволяющия поднять руки свои на господ»,[28] устрашили так, что «никто, видя себе неизбежную смерть, сопротивлятся не осмеливался».[29] Разбойный характер движения, решающая роль в нем личных побуждений Разина к обогащению и властолюбию, своеобразная «теория» прельщения и устрашения» народа, изложенная в официальных правительственных документах, были полностью восприняты Щербатовыми и поданы в повести в несколько модернизированном, более соответствующем времени варианте.

М. Щербатов усматривает большую опасность для дворянского государства в том, что С. Разин стремился «развратных рабов возбудить на господ своих... истребить благородных». Это, по его мнению, могло нарушить «подпоры государственные» и «благополучие империи».[30] Именно поэтому в своей повести Щербатов 27 страниц уделил С. Разину, хотя последний никогда себя царем не выдавал. Политическое значение восстания С. Ра-

[25] Впервые официальные правительственные документы о восстании С. Разина были опубликованы Н. И. Новиковым («Древняя Российская Вивлиофика», ч. IV, 1774; ч. VIII, 1775).

[26] М. М. Щербатов. Краткая повесть..., стр. 224.

[27] Там же, стр. 192—198, 202.

[28] Там же, стр. 224.

[29] Там же, стр. 219.

[30] Там же, стр. 213.

зина он приравнивает к выступлениям самозванцев, которые показаны им как политические авантюристы, стремившиеся «собственной своей выгоды достигнуть».[31] Следуя официальным правительственным документам, движение, возглавленное Разиным, расчленяется в повести на два бунта, а события более полно и систематично излагаются до поражения повстанческого войска С. Разина под Симбирском.

«Краткая повесть о бывших в России самозванцах» является сочинением тенденциозно дворянским. Автор его, на примерах прошлого, в частности восстания С. Разина, старался объяснить настоящее — показать, что «бедствия», обрушившиеся на дворянство в связи с восстанием под предводительством Е. Пугачева, «самозванца» Петра III, случались и раньше, но они исторически переходящи, и что спокойствие в жизни дворянства как привилегированного сословия вновь восстановится.

Подавив крестьянское движение под предводительством Е. Пугачева, укрепив свою диктатуру над крестьянскими массами рядом преобразований в системе государственного управления, российское дворянство не расположено было к воспоминаниям о пережитых тревожных временах в годы народных антифеодальных восстаний. Это обстоятельство в известной мере определило бесплодность дворянской исторической науки в дальнейшей разработке истории крестьянской войны под предводительством С. Разина.

Дворянские историки не дали ни одной работы о восстании Разина, которая освещала бы восстание в целом и вносила бы какие-либо существенные изменения в его концепцию, изложенную в повести М. М. Щербатова. В 1841 г. вышли «Записки об Астрахани» М. Рыбушкина, в которых автор изложил события восстания Разина в Астрахани по одному из списков «Сказания летописи о граде Астрахани...», обнаруженном им в библиотеке Астраханской духовной семинарии,[32] полностью сохранив его антинародную тенденциозность подачи материала и не внеся ничего нового. В 1846 г. была опубликована рукопись сочинения инженер-генерал-майора А. Ригельмана «История или повествование о донских казаках»,[33] написанного автором еще в 70-х годах XVIII в., в которой он под непосредственным влиянием «Краткой повести о бывших в России самозванцах», используя ее как первостепенный источник, изложил историю восстания С. Разина тенденциозно, непрестанно подчеркивая, что донское казачество является скопищем бродяг, живущих разбоями и грабежами, склонных к беззаконию, анархизму и участию в народ-

---

31 Там же, стр. 189.

32 М. Рыбушкин. Записки об Астрахани. М., 1841, стр. 80—102.

33 А. Ригельман. История или повествование о донских казаках. Чтения в Императорском о-ве истории и древностей Российских (ЧОИДР). М., 1846, № 3, стр. 58—74.

ных восстаниях.[34] Он показывает восстание Разина как разбойное движение казаков, вовлекших в него своими успехами, «лестью» (т. е. обещаниями и обманом) и устрашением неустойчивые элементы простого народа и государевых служилых людей. Проникнутый ненавистью к восставшим, он всячески клеймит их, называет «несмысленной чернью», «проклятыми еретиками», «сволочью» и т. п. По мнению А. Ригельмана, Разин своим бунтовством и разбоями якобы чуть было не восстановил против себя народ, но, вовремя поняв это, пошел на новую хитрость и стал действовать от имени царевича Алексея и патриарха Никона, чем привел народ в большое «сумнение».[35] Положительным моментом в сочинении А. Ригельмана является наличие в нем некоторых фактических сведений, не содержащихся в известных нам источниках о восстании, по-видимому собранных им на месте во время службы на Дону.[36] Остальные работы о восстании С. Разина, вышедшие в рассматриваемое время, касаются отдельных событий, эпизодов, личностей, связанных с восстанием, и являются или краткими включениями в различные научные труды,[37] или небольшими сообщениями в периодической печати,[38] или справками,[39] по духу своему обычно враждебными восставшим. Тематика их была определена если не сугубо краеведческими задачами, то стремлением запечатлеть в истории события и личности, сыгравшие определенную роль не в развитии, а в подавлении восстания. Ряд статей посвящается, например, астраханскому митрополиту Иосифу, сыгравшему активную роль в борьбе против восставших и казненному ими.[40]

Таким образом, дворянская историография восстания под предводительством Разина представлена работами, появление

---

[34] А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961, стр. 8.

[35] А. Ригельман, ук. ст. ЧОИДР, 1846, № 3, стр. 67—68.

[36] К ним, например, относится указание на место рождения Разина — станицу Зимовейскую. — Там же, стр. 58.

[37] А. Левшин. Историческое обозрение (происхождения и последующей судьбы) уральских казаков. «Северный Архив», 1823, ч. 6, № 12, стр. 397—398; В. Н. Берх. Царствование царя Алексея Михайловича, ч. 1. СПб., 1830, стр. 252—263 и 280; Н. С. Арцыбашев. Повествование о России, кн. 1. 1843, стр. 160—163; А. В. Висковатов. Флор Минаев — донской войсковой атаман. Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений, т. LXIII, № 251. СПб., 1846, стр. 268—280; А. Леопольдов. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848, стр. 36—38, 42—47.

[38] В. Юматов. Исследование о городе Гурьеве и взятии его С. Разиным. «Оренбургские губернские ведомости», 1848, № 24, 25; Схимник Филарет, в мире донской атаман Флор Минаев. «Донские войсковые ведомости», ч. неоф., 1854, № 9, стр. 43—44; А. Писемский. Путевые очерки. «Морской сборник», 1857, февраль, т. XXVII, стр. 244—252.

[39] Бороздин. Ст. Разин. Военно-энциклопедический лексикон, т. XI. СПб., 1847, стр. 231—233.

[40] К. П. Ширинский-Шихматов. Смерть преосвященного Иосифа, митрополита Астраханского и Терского. Труды Российской академии, ч. V, 1842, стр. 92—114; Смерть Иосифа, митрополита Астраханского и Терского. «Саратовские губернские ведомости», 1845, № 38, 39.

которых было определено непосредственными, узкоклассовыми интересами российского дворянства. Работы эти в трактовку восстания в целом и его отдельных событий по существу не внесли ничего нового в сравнении с использованными в них же сказаниями о восстании летописей и хронографов, составленных на основании официальных правительственных документов. Тенденциозность этих источников, их антинародный дух настолько устраивали дворянских историков, что они ограничились в ряде случаев почти текстуальной передачей их содержания. В лучшем случае, несколько модернизируя текст этих источников, они передали их содержание в более соответствующих времени вариантах. Социальный характер и антифеодальное содержание восстания С. Разина не получили в работах дворянских историков никакого раскрытия. Его политическая антигосударственная направленность трактуется в них весьма ограниченно, без какого-либо раскрытия взаимоотношений крестьянских масс с феодально-крепостническим государством, а лишь в плане признания ущерба, нанесенного дворянскому государству «разбоем», предпринятым С. Разиным. Ни один из дворянских историков не сделал даже попытки определения места и роли восстания Разина в истории страны.

В представлении дворянских историков присоединение к «разбою» С. Разина и его единомышленников — простых людей — объясняется не социальными условиями, а психологическими моментами: пристали к нему «развратные рабы», «легкомысленные» и «неустойчивые» люди. Сильно проявляется в работах дворянских историков тенденция к показу якобы антинародной направленности восстания.

Положительным моментом дворянской историографии о восстании Разина является включение в обиход исторической науки ряда источников отечественного и иностранного происхождения, создавших возможность восстановления фактической стороны в развитии восстания, особенно до момента поражения повстанческого войска под Симбирском.

* *
*

Антиправительственная, народная тенденция дореформенной историографии о восстании под предводительством С. Разина проявилась в работах зачинателя революционной исторической мысли в России А. Н. Радищева и дворянских революционеров-декабристов, которые подошли к оценке его, как и других крестьянских восстаний, с принципиально иных, чем это делали дворянские историки, антикрепостнических, сочувственных крестьянству позиций и высказали по поводу его ряд конкретных суждений.

Мировоззрение А. Н. Радищева сложилось под непосредственным влиянием развернувшейся классовой борьбы времени

крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева. Она определила переход А. Н. Радищева от мирного просветительства XVIII в. на революционные позиции. Решительно встав на сторону угнетенного крестьянства, он «стал первым глашатаем крестьянской революции, теоретически обосновавшим ее правомерность и неизбежность»,[41] явился зачинателем революционной исторической мысли. Радищеву понятно было антикрепостническое содержание крестьянских восстаний. Его идеи вооружали дореформенную историческую науку единственно правильным подходом к истории крестьянских восстаний как к борьбе крестьянства против феодально-крепостнического гнета, и были восприняты дворянскими революционерами и революционерами-демократами.

В работе А. Н. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии» имеется интересная оценка исторического значения личности С. Разина. Исходя из положения, что ведущая роль в историческом развитии принадлежит народным массам, а не выдающимся политическим деятелям, и что народные массы способны выдвинуть из своей среды «великих мужей для заступления избитого племени», Радищев ставит С. Разина в один ряд с выдающимися политическими деятелями,[42] т. е. признает его «великим мужем», вышедшим из народа, народным вождем, борцом против его угнетения, а не разбойником, как это делала дворянская историография. Движение, возглавленное Разиным, в представлении А. Н. Радищева являлось не разбоем, а восстанием угнетенного народа.

Декабристы были непосредственными преемниками А. Н. Радищева, подхватившими провозглашенную им идею необходимости ликвидации самодержавия и крепостничества и попытавшимися провести ее в жизнь. Считая, что крепостное право явилось результатом насилия над крестьянством со стороны помещиков и самодержавной власти,[43] декабристы, однако, к проявлениям классовой борьбы крестьянства, стихийным восстаниям, направленным на освобождение от крепостного права, относились отрицательно.[44] Связанность их «традициями своего класса, напуганного продолжающимся ростом волнений крепостных, живой памятью о Пугачеве среди крестьян, мешала лучшим из дворян своевременно правильно оценить крестьянские движения».[45] Декабристы боялись выступлений народных масс, как отмечает В. И. Ленин, они были «страшно далеки... от на-

---

[41] Э. С. Виленская. Радищев — первый идеолог крестьянской революции. «Исторические записки», 1950, № 34, стр. 313.

[42] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. в 3 томах. М.—Л., 1938—1952, т. I, стр. 178; т. II, стр. 128—129.

[43] Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1955, стр. 276.

[44] В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 1. Л., 1961, стр. 25.

[45] С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, стр. 373.

рода»[46] и, опасаясь, что «крестьянское восстание может захлестнуть их „слева“»,[47] стремились предупредить его задуманным государственным переворотом в интересах народа, но который должен быть совершен без его участия, и тем спасти Россию от угрожавшей якобы ей народной революции.

И все же в своих научных трудах и мемуарах декабристы нередко обращаются к истории крестьянских восстаний, в которых определяют свое отношение к ним, в частности к восстанию С. Разина. В 1824 г. декабрист А. Корнилович публикует в переводе на русский язык главы сочинения Я. Стрейса «Три путешествия», касающиеся восстания С. Разина.[48] О восстании Разина говорится во «Введении в опыт истории российского флота» Н. Бестужева.[49] Декабристом В. П. Ивашевым во время отбывания им каторги на Нерчинских рудниках была написана, к сожалению, до нас не дошедшая поэма «Стенька Разин».[50] Немало суждений, имеющих непосредственное отношение к восстанию С. Разина, содержится в мемуарах А. В. Поджио.[51] Эти факты свидетельствуют о несомненном интересе в среде декабристов к истории восстания.[52] Интерес этот, конечно, не был случаен. Относясь к стихийным крестьянским восстаниям отрицательно, как к неприемлемому для них средству решения задачи уничтожения крепостного права и самодержавия, декабристы в то же время в целях исторического обоснования правомерности своей революционной деятельности должны были обращаться к ним как к историческим событиям, наиболее убедительно характеризующим ненависть народных масс к господствующим в стране феодально-крепостническим порядкам.

Рассматривая содержание и оценивая перечисленные обращения декабристов к истории восстания С. Разина, напомним, что цензурные условия того времени не позволяли писать правду о борьбе народа против угнетения, подвергать какому-либо сомнению правомерность феодально-крепостнического строя и что возможности декабристов в их борьбе против официальной дворянской историографии были весьма ограниченными. В этих условиях внимание, уделенное декабристом А. Корниловичем главам о восстании С. Разина сочинения Я. Стрейса, было вполне правомерным. Несмотря на тенденциозность этих глав, в них нашло отражение, правда в негативном плане, антифеодальное

---

46 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

47 В. В. Мавродин. Крестьянская война в России.., стр. 25.

48 «Северный архив», 1824, ч. IX, № 5, стр. 275—290; ч. X, № 7, стр. 26—40.

49 Н. А. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка. М., 1860, стр. 180.

50 А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 175.

51 А. В. Поджио. Записки. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. I. М., 1931.

52 Б. Б. Кафенгауз. Об исторических взглядах декабристов. Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 10. М., 1956, стр. 41.

содержание и антиправительственная направленность восстания. Факт этот неправильно истолкован С. Волком, не обратившим внимания на эту сторону указанных глав сочинения Я. Стрейса и подчеркнувшим неоправданность их публикации А. Кориловичем.[53] В неопубликованном варианте «Введения...», по предположению С. Волка, «возможно, прочитанном в Вольном обществе любителей российской словесности», Н. Бестужев отмечает широкий размах восстания С. Разина, показывает, как «отовсюду стекались люди, которым обещана была свобода».[54]

Дворянские революционеры-декабристы в отношении к восстанию С. Разина стояли на передовых позициях своего времени. Им понятны были массовый народный характер возглавленного Разиным движения и его направленность против дворянства и дворянского государства. Оно представлялось им не «разбоем», а восстанием народных масс, и эти свои взгляды на него они стремились противопоставить официальной дворянской историографии. Они видели слабые стороны восстания Разина, как и других крестьянских движений — их стихийность и неорганизованность. Эти слабые стороны народных восстаний пугали декабристов и мешали им осознать их роль и место в истории страны. Один из них, А. В. Поджио, возвратясь из ссылки, обобщив историческое значение крестьянских восстаний Е. Пугачева, С. Разина и других, пишет в своих мемуарах: «...сила эта (имеется в виду народ, крестьянские восстания. — *И. С.*) до того росла, что вынудила, наконец, правительство осуществить на деле цель, которую наше общество (декабристы. — *И. С.*) преследовало, а именно освобождение крестьян».[55] Однако признание это было запоздалым и может быть использовано, как и все мемуары А. В. Поджио, переосмысленные и переработанные автором в условиях другой исторической эпохи, для характеристики исторических взглядов декабристов и их понимания восстания С. Разина весьма относительно.

Установилась традиция при рассмотрении исторических взглядов декабристов привлекать работы близких к ним историка донского казачества В. Д. Сухорукова и великого русского поэта А. С. Пушкина,[56] и это правомерно, потому что оба они, не являясь членами тайных декабристских обществ, были весьма близки к ним, разделяли их взгляды и являлись представителями одного и того же передового мировоззрения, решающее влия-

---

53 С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов, стр. 374.

54 Там же, стр. 374—375.

55 А. В. Поджио. Записки..., стр. 52.

56 В. Д. Сухоруков в литературе нередко безоговорочно причисляется к декабристам, хотя он был лишь привлечен по делу декабристов и выслан в отдельный кавказский корпус. — В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1955, стр. 8; Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 295; Историография истории СССР. М., 1961, стр. 152—153.

ние на формирование которого оказали революционные идеи А. Н. Радищева.

Перу В. Д. Сухорукова принадлежит глава, специально посвященная восстанию С. Разина, в его труде «Историческое описание земли и войска Донского».[57] В отличие от дворянской историографии, рассматривающей историю донского казачества лишь в связи с историей государства, В. Д. Сухоруков освещает его внутреннюю историю, стремясь показать все стороны жизни казачества.[58] Он идеализирует демократический строй донского казачества подобно идеализации новгородского вечевого строя декабристами, всемерно сглаживает существование социальных противоречий, заявляя, что «правление донских казаков... было народное в полном смысле этого слова и самое простое, особенных властей распоряжающих, равно как и старшинства лиц, у них вовсе не было».[59]

По мнению А. П. Пронштейна, эта идеализация демократического строя донского казачества, «отражая борьбу против самодержавно-крепостнического строя имела боевой революционный смысл».[60] В. Д. Сухоруков противопоставляет казацкое общество с его демократическим строем остальному обществу России, рассматривает казачество как общество отдельное, живущее особой жизнью.[61] В отличие от А. Ригельмана, усматривавшего источники восстания Разина в дурных нравах донского казачества, В. Д. Сухоруков в активном участии казачества в народных восстаниях видит проявление их «гордого духа и свободолюбивого характера».[62] В связи с этим он внимательно и сочувственно относится к народным восстаниям, в частности к восстанию под предводительством С. Разина. В числе немногих современников он поднялся до его исторического оправдания.

Содержание главы XIII о восстании Разина сочинения Сухорукова является строго документированным. Для написания ее автор привлек не только известные в то время источники, сказания хронографов и повести, известия иностранцев, но и значительный актовый документальный материал, собранный им в архивах донских станиц и городов. Для обеспечения должной источниковедческой базы своей работе над историей восстания автор обращался к известному археографу П. М. Строеву, у которого просил прислать «выписи о Степане Разине».[63] Часть

---

57 В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли и войска Донского, ч. 2, гл. XIII. Новочеркасск, 1872, стр. 368—434.

58 А. П. Пронштейн. Земля донская в XVIII веке, стр. 10.

59 В. Д. Сухоруков. О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия. Труды Вольного общества любителей российской словесности, ч. XXVI. 1824, стр. 189.

60 А. П. Пронштейн. Земля донская в XVIII веке, стр. 10.

61 С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов, стр. 371.

62 А. П. Пронштейн. Земля донская в XVIII веке, стр. 10.

63 И. Попов. К биографии В. Д. Сухорукова. СОВДСК, вып. 1. Новочеркасск, 1901, стр. 30, 41.

введенных им в научный обиход интересных документов опубликована в сносках его работы.[64] Антинародная тенденциозность, свойственная почти всем источникам о восстании, особенно «Сказанию летописи о граде Астрахани...» и «Известиям о бунте и злодействиях донского казака Стеньки Разина», использованным автором в тексте работы при их пересказе (приеме, широко практиковавшемся в то время в научной работе историков), значительно смягчена — убраны все ругательные эпитеты в адрес восставших, не применяются к восставшим уменьшительные имена — Стенька, Васька, Федька и т. п. (они применяются лишь при цитировании документов), замененные в главе полными названиями — атаман Разин, атаман В. Ус, атаман Шелудяк и т. п. В главе отмечается антиправительственная направленность действий С. Разина (стр. 375), рассказывается о его популярности в народе, о восторге народа при встрече с ним. «Вся чернь,— пишет автор,— народ и вообще все воинские чины, восклицали: Отец наш! Живи долго и будь победителем всех бояр и князей!» (стр. 404—405). В. Д. Сухоруков писал свою главу о восстании С. Разина с сочувствующих восставшим позиций, отметил в ней на конкретных примерах его антифеодальное содержание и антиправительственную направленность.

«Описание...» В. Д. Сухорукова в первоначальном его тексте, к сожалению, не дошло до нас. В разгаре работы над ним автор был привлечен к следствию по делу декабристов и выслан. Работу по завершению «Описания...» продолжали его сотрудники, которым было дано указание о соответственной правке его. По предположению С. Волка, наиболее серьезной правке была подвергнута XIII глава — о восстании С. Разина.[65] И все же публикация «Описания...» правительственными чиновниками была признана невозможной. Впервые оно было опубликовано в 1869—1872 гг.

Глава XIII «Описания...» В. Д. Сухорукова почти до самого последнего времени сохраняла значение источника изучения истории восстания Разина, так как многие документы, использованные в ней, не были опубликованы.

Великий русский поэт А. С. Пушкин в понимании роли народных масс в истории пошел дальше декабристов. Он видел в русском народе силы, способные свергнуть самодержавие. Понимал антидворянский характер восстаний. Интерес его к народным восстаниям, его вождям, особенно к С. Разину, проявился весьма рано. А. О. Смирнова вспоминает, как Пушкин говорил ей: «Стенька Разин был моим первым героем, и я уже мечтал о нем, когда мне не было восьми лет...»[66] С годами этот интерес не только не пропал у А. С. Пушкина, но еще более усилился. В 1824 г. он писал брату Льву Сергеевичу из села Ми-

64 М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 213.
65 С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов, стр. 375.
66 В. В. Мавродин. Крестьянская война в России.., стр. 35.

хайловского о Разине как «единственном поэтическом лице русской истории» и просил составить о нем историческую справку.[67] В первой главе «Истории Пугачева», вышедшей в 1834 г., он опять возвращается к образу С. Разина, отмечая его мужество и отвагу. Героический образ Разина, вождя восставшего народа, был дорог поэту на протяжении всей его жизни.

Однако усилия А. С. Пушкина в конкретном изучении интересовавшей его народной борьбы сосредоточились на восстании 1773—1775 гг. как более близком по времени, результатом чего и явилась «История Пугачева». В этой замечательной исторической работе поэт рассматривает восстание как единственную и справедливую защиту народом своих прав, вскрывает непримиримость интересов крестьян и помещиков, характеризует Пугачева как вождя народных масс, показывает историческое значение восстания. Понимание Пушкиным восстания Е. Пугачева дает основание для суждения и о его отношении к восстанию Разина. В представлении А. С. Пушкина это движение было не разбоем, а народным восстанием со всеми основными чертами, присущими восстанию Е. Пугачева.

В феодальную эпоху, с конца XVIII в., началась публикация официальных документов о восстании Разина, что имело положительное значение для последующего развития его историографии. Зачинателем ее, как уже отмечалось, явился Н. И. Новиков.

В последующее время отдельные документы о восстании Разина вошли в состав «Собрания государственных грамот и договоров...», изданного комиссией Московского архива министерства иностранных дел,[68] Полного собрания законов Российской империи,[69] Актов, собранных в библиотеках Российской империи Археографической экспедицией П. М. Строева [70] и Актов исторических.[71] Кроме того, были опубликованы отрывок из хронографа «О Стеньке Разине»,[72] Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в.[73] и Дворцовые разряды,[74] содержащие неко-

[67] Там же, стр. 30; Н. К. Пиксанов. Социально-политические судьбы песен о Стеньке Разине. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926, стр. 55.

[68] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. IV. М., 1828, док. № 71, 72, 74, 75, 77, 87, 89, 94, 95, 96, 99.

[69] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. I. СПб., 1830, № 480, 483, 484, 488, 489, 491, 493, 503, 504, 511, 560 и др.

[70] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. IV. СПб., 1836, № 177—180, 182, 183, 185, 186.

[71] АИ, т. IV. СПб., 1842, № 181, 202, 218, 226, 227, 247. Дополнения к Актам историческим (ДАИ), т. VI. СПб., 1857, № 2, 12, 19.

[72] К. И. Аверин. О Стеньке Разине. Отрывок из хронографа. «Москвитянин», 1841, ч. IV, № 7, стр. 165—170.

[73] Летопись событий в юго-западной России в XVII в., тт. I—IV. Составил Величко Самойло. Киев, 1848—1864 (О С. Разине — т. II, стр. 235).

[74] Дворцовые разряды, изданные II отделением собственной е. в. канцелярии, т. III. СПб., 1852, стр. 811—872, 882, 1010, 1023, 1163, 1433.

торые сведения о С. Разине и возглавленном им восстании. Отдельные официальные документы о восстании вышли в Воронеже в местных краеведческих изданиях, посвященных истории Воронежской и соседних с ней губерний.[75] Часть их стала публиковаться на страницах начавшей выходить в первой половине XIX в. местной периодической печати.[76] Наконец, в 1857 г. вышел впервые специальный сборник документов о крестьянской войне под предводительством С. Разина, составленный А. Н. Поповым.[77]

Подавляющее число опубликованных документов касается правительственных мероприятий, направленных на подавление восстания С. Разина: мобилизации царских войск, награждения царских воевод и служилых людей, «увещевания» населения, чтобы оно было «верно царю», задержки участников восстания и расправы над ними, информации населения об успехах царских войск в подавлении восстания и т. п.[78] Публикацией не были затронуты документы, дающие социальную характеристику движения: «расспросные речи» участников восстания, «прелестные» грамоты восставших и т. п. Это полностью соответствовало взглядам официальной дворянской историографии на восстание. Уровень археографической обработки опубликованных документов был низким, допускались произвольные пропуски целых абзацев и ошибки в воспроизведении текста, опускались «приписи» и другие отметки, сделанные на документах и т. п.[79]

И все же недооценивать публикацию официальных документов о восстании С. Разина и сводить ее значение к появлению нескольких «малозначительных документов», не имеющих значения для разработки его истории,[80] нет оснований. Среди опубликованных документов оказались: следственные дела участников восстания в Астрахани, выпись из дела Приказа Казанского дворца в Посольский приказ о действиях отряда С. Разина в 1668—1669 гг., Записная книга Московского стола 1670—1671 гг., имеющие первостепенное значение для изучения начального этапа крестьянской войны. Опубликованные документы давали

---

[75] Де Пуле. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, состоящие из царских грамот и других актов XVII—XVIII веков, кн. I. Орловские акты. Воронеж, 1851, док. № III—IV и XXVIII; Н. Второв и К. Александров-Дольник. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова, кн. I. Воронеж, 1851, док. № VII и XXVIII; кн. III. Воронеж, 1853, док. CXLIX и CLVII.

[76] «Воронежские губернские ведомости», 1849, № 5, 41; 1851, № 1; «Саратовские губернские ведомости», 1850, № 6; «Вологодские губернские ведомости», 1854, № 46; «Казанские губернские ведомости», 1852, № 42, 43.

[77] А. Н. Попов. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857.

[78] Перечень этих документов дан: М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, док. № 13, 15, 16, 22, 23, 28, 30, 32, 44, 47, 55, 63, 81, 81а.

[79] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 11—12.

[80] Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1, стр. 556.

возможность установления достоверности и уточнения фактических данных о развитии восстания, содержащихся в источниках неофициального характера, как отечественного, так и иностранного происхождения.

Подводя некоторые итоги в развитии историографии восстания Разина эпохи феодализма, следует отметить, что господствующее положение в ней занимали работы реакционных дворянских историков, выражавших правительственные антинародные взгляды на его историю как на разбойное движение, поднятое Разиным и его единомышленниками в корыстных интересах и вовлекшее в него худшие элементы народа. Классовое антифеодальное содержание этого движения и его политическая направленность в указанных работах всемерно замалчивались. Фактический ход событий соответственно искажался. Публикуемые в это время документы касались преимущественно мероприятий правительства, направленных на подавление движения. Работы, представляющие дворянскую историографию восстания Разина, по существу не имеют отношения к подлинной науке, но положительным результатом явилось включение в научный обиход определенного круга источников, позволивших воссоздать основной ход событий начального этапа в развитии восстания.

Антиправительственная народная тенденция в развитии историографии восстания Разина в тот период времени нашла выражение в высказываниях о нем в работах А. Н. Радищева и дворянских революционеров-декабристов, рассматривавших это движение как массовое народное восстание и видевших причины его в борьбе крепостного крестьянства против гнета и произвола со стороны помещиков, подошедших к оценке его с позиций, сочувственных народу. Несмотря на то, что указанные взгляды на восстание С. Разина в силу определенных условий не получили раскрытия в конкретно-историческом плане, их значение для последующего изучения истории восстания трудно недооценить. Они явились первой попыткой подлинно научного подхода к его истории и получили дальнейшее развитие в трудах следующего поколения борцов против самодержавия и крепостного права — революционных демократов.

ВОССТАНИЕ СТЕПАНА РАЗИНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

Развитие в эпоху капитализма историографии крестьянской войны под предводительством С. Разина, содержание ее основных направлений и работ в значительной мере было определено развернувшейся общественно-политической борьбой в русском обществе в годы подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. Господствующий класс — дворянство — стремился провести отмену крепостного права в стране «„сверху", не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещи-

ков»,[81] без участия крестьян и за их счет. Крестьянство повсеместно волновалось, стихийно поднималось на открытые восстания, борясь за уничтожение крепостного права «снизу». Борьба эта нашла яркое отражение в деятельности русских революционных демократов — А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др., политически осмысливших ее, вызвала в стране кризис верхов и определила возникновение в России революционной ситуации. В этих условиях либерально-дворянская буржуазная историческая мысль в поисках защиты от нараставшего крестьянского движения и революционных демократов обратилась к прошлым крестьянским восстаниям и доказывала, что все они «были направлены против основных устоев человечества — против государства, против отношений собственности» [82] и были бессмысленны.

О крестьянской войне под предводительством С. Разина в канун реформы 1861 г. почти одновременно вышли три конкретно-исторические работы: А. Н. Попова,[83] С. М. Соловьева [84] и Н. И. Костомарова,[85]— определившие развитие буржуазной историографии. Появление этих работ, их содержание и научный уровень были подготовлены предшествующей их выходу публикацией документов о восстании, составивших источниковедческую базу для их написания и придавших им большую фактичность, а также успехами, достигнутыми в развитии дворянско-буржуазной исторической науки к середине XIX в.,—научными концепциями, в свете которых указанные авторы стремились осознать исторический процесс развития России в целом и его отдельные события, определившими их своеобразие в трактовке восстания.

А. Н. Попов, продолжая традиции дворянской историографии, не раскрывает социальное содержание восстания С. Разина, не связывает его с борьбой крестьян против крепостного права или с какими-либо другими социальными проблемами в жизни русского народа. Его интересует политическая сторона событий крестьянской войны и прежде всего их значение в развитии самодержавного государства. Для него восстание являлось одним из событий, направленных против «внутреннего порядка» в жизни государства, нарушенного во время «междуцарствия и самозванства» и начавшегося восстанавливаться с момента установления династии Романовых, т. е. фактором, мешавшим укреплению самодержавного государства. Утверждая, что в развитии Русского государства в XVII в. проявляется борь-

[81] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

[82] С. Пионтковский. Историография крестьянских войн в России. «Историк-марксист», 1933, № 6, стр. 86.

[83] А. Н. Попов. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857.

[84] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XI, гл. 5. СПб., 1861.

[85] Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. «Отечественные записки», 1858, кн. XI, XII.

ба двух противоположных направлений, одно из которых «желало неизменно сохранить все старое, другое, напротив, стремилось к улучшениям и потому изменениям», он видит в восстании С. Разина проявление первого направления — консервативного, стремившегося сохранить старые порядки времени «междуцарствия и самозванцев»,[86] и относит его к числу казацких волнений, характеризуя последних, по примеру А. Ригельмана, скопищем бродяг, не связанных «никакими узами гражданского и государственного быта».[87]

Следуя официальным правительственным документам, автор разграничивает восстание С. Разина на два «возмущения» (этапа). Первое из них характеризуется «простым набегом разбойничьей шайки», вызванным противодействием казацким разбоям со стороны царской администрации. Второе показывается как движение политическое, направленное против бояр и воевод, в котором приняли участие не только казаки и беглые люди, «бродяги», но и масса крестьян, обманутая Разиным, поднятая на восстание именем царевича Алексея Алексеевича и патриарха Никона.[88] В целом восстание рисуется как казацкий бунт, который случайно получил широкое распространение и ничего народу не дал. В показе отдельных событий восстания автор строго придерживается их трактовки официальными документами, принимая их содержание за неопровержимую историческую правду, не вскрывая их классовую тенденциозность, что наложило на монографию печать типичного буржуазного объективизма. Больше того: относясь к восстанию явно враждебно, он не стесняется в подборе резко отрицательных документальных свидетельств о восставших, в частности о Разине, вздорность которых очевидна. В монографии акцентировано особое внимание на событиях под Симбирском 1—4 октября 1670 г. и возводится клевета на вождя восставших, якобы обманувшего крестьян-повстанцев, бросившего их на произвол судьбы и тайно бежавшего от них из-под Симбирска.[89] «История возмущения Стеньки Разина» А. Н. Попова является подробным описанием действий правительственных сил против восставших, в ходе которых царские воеводы, казня повстанцев и милуя покорившихся, восстановили в стране порядок.

Положительными моментами работы А. Н. Попова над историей восстания Разина явились: введение им в научный обиход большого количества официальных правительственных документов, которые составили широкую и разностороннюю источниковедческую базу монографии, определив ее фактическую обстоятельность; раскрытие основных событий в развитии восстания после поражения повстанческого войска под Симбирском, ранее

[86] А. Н. Попов. История возмущения.., стр. 21.
[87] Там же, стр. 23.
[88] Там же, стр. 79—80.
[89] Там же, стр. 85.

почти неизвестных, и первый специальный обзор источников о восстании, сделанный автором в качестве введения к монографии.

Монография А. Н. Попова и сопутствующий ей сборник документов, посвященные восстанию Разина, вызвали большой интерес в официальных научных кругах того времени. По представлению историка официального направления Н. Г. Устрялова, автору и составителю была присуждена награда, учрежденная П. Н. Демидовым.[90] Факт этот примечателен: он свидетельствует, что монография А. Н. Попова, со свойственной ей ярко выраженной классовой тенденциозностью, злобной ненавистью к восставшим, весьма импонировала официальным правительственным кругам.

С. М. Соловьев, один из выдающихся представителей русской буржуазной исторической науки периода ее подъема,[91] в «Истории России с древнейших времен» посвятил восстанию С. Разина отдельную главу,[92] в которой определил его резко отрицательную роль в развитии русской государственности. Как представитель либеральной буржуазии в условиях революционной ситуации, сложившейся в стране, он боится революции, нарастающего крестьянского движения и беспокоится о судьбах самодержавного государства. Считая высшим достижением русской истории создание Московского государства, на основе которого сложилась позже Российская империя, он решительно осуждает в прошлом страны все, что мешало укреплению «государственного начала». Народные восстания трактуются им во всех случаях как проявление анархических — антигосударственных тенденций, направленных на разрушение государственного организма. Источником этих тенденций он считает прежде всего казачество и сожалеет, что в прошлом Российское государство, будучи недостаточно сильным, допустило его существование, безнаказанность казацкого «воровства» и т. п.

Восстание Разина в представлении С. М. Соловьева — это казацкий бунт, который получил широкое распространение по стране лишь в силу особых обстоятельств: потому, что Турция построила крепость в низовьях Дона и закрыла казакам их традиционный путь в Черное море, а царское правительство создало препятствия на пути к Каспийскому морю. «Лишенная таким образом надежды гулять по Каспийскому морю,— пишет он,— огромная шайка опрокидывается внутрь государства в надежде воспользоваться его неприготовленностью и поднять низшие слои народонаселения на высшие. Таков смысл явления, известного в нашей истории под именем бунта Стеньки Разина».[93]

---

[90] Двадцать седьмое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1859, стр. 105.

[91] Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1, стр. 347.

[92] С. М. Соловьев. История России..., т. XI, гл. V.

[93] Там же, стр. 291.

Каких-либо социальных мотивов в восстании Разина С. М. Соловьев не усматривает, не видит он и социальной близости казачества к крестьянству. Влияние казачества на народ и его участие в поднятом им восстании он объясняет поэтическими представлениями «тогдашнего русского человека» о казацкой жизни, «отрывавшие его от повседневной однообразной жизни, переносившие его в иной, фантастический мир».[94] Особенно «искусительно», по мнению автора, действовала на народ их разгульная жизнь и «прелесть добычи».[95] Ради получения этой добычи, по представлению автора, к С. Разину присоединялись торговые люди и стрельцы, крестьяне истребляли помещиков и приказчиков и т. п.[96] В целом автором дается картина необычного всероссийского грабежа, вдохновителем которого является С. Разин. Автор не скупится на темные краски и ругательные эпитеты для всемерного опорочивания восставших. Большой фактический материал работы подан в плане раскрытия действий правительственных сил в целях подавления восстания. По существу автор дал не историю восстания С. Разина, а историю его подавления, торжества «государственного начала» над силами анархии. Положительными моментами работы С. М. Соловьева явились ее фактичность и почти текстуальная передача в ней многих документов, извлеченных автором из архивов (они перелагаются даже в том случае, когда противоречат друг другу), что придало ей на длительное время значение своеобразной энциклопедии. Примечательно также, что автор, определив в негативном плане место восстания в истории страны, впервые включил его в общий курс русской истории.

Н. И. Костомаров в своих исторических трудах отражал взгляды нарождавшейся украинской буржуазии, которые выражали «стремление буржуазии к компромиссу с помещиками и самодержавием в интересах совместной борьбы с крестьянскими движениями и революционно-демократическим течением».[97] Он является создателем схемы исторического развития России, в основу которой была положена борьба двух начал: федеративного, удельно-вечевого, господствовавшего на Руси до татаро-монгольского завоевания, и единодержавного, утвердившегося окончательно в XVII в.[98] После утверждения самодержавия старое удельно-вечевое начало, как пишет автор, обосновалось на юге, облачась в казацкий образ. Казачество было «противодействием старого новому». Даже в условиях XVII в., когда казачество оказалось на положении особого военного сословия Мос-

---

[94] Там же, стр. 299.
[95] Там же, стр. 300.
[96] Там же, стр. 300, 301, 314.
[97] Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1, стр. 606.
[98] Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования, т. II. СПб., 1863, стр. 203—205.

ковского государства, оно продолжало свою борьбу против самодержавия, и на Дону «постоянно было две партии в отношении русского правительства: верные, хотевшие согласить свою вольность с повиновением верховной московской власти, и воровские, которые хотели действовать свободно и считать Дон независимым и самоуправным».[99] К середине XVII в., по мнению автора, казачество «охватывало более чем пол-Руси, а народное недовольство... давало ему пищу и силы».[100]

Восстание С. Разина, по мнению Н. И. Костомарова, и было выражением борьбы удельно-вечевого федеративного начала против самодержавного начала, централизующего жизнь страны. Бунт Стеньки Разина был проявлением анархического, антигосударственного, казацкого начала. Казаки, являвшиеся основной движущей силой, используя народное недовольство в стране, стремились возродить старое удельно-вечевое начало. Однако стремление это было запоздалым, так как удельно-вечевой строй уже изжил себя и не мог победить. Восстание Разина автор считает бесплодным, «как метеор, много обещающий незнакомому с тайнами природы и никогда не исполняющий этого обещания».[101] Даже в случае победы восстания, по мнению Н. И. Костомарова, страна «возвратилась бы к старому (т. е. к существовавшему в ней.— *И. С.*) порядку. Малороссия служит наглядным образчиком того, к чему могло привести стремление распространить на весь народ казацкое устройство, составлявшее идеал восстания Стеньки».[102] Такова надуманная идеалистическая общая схема монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Необоснованность этой схемы была отмечена еще современниками.[103]

Автор резко отрицательно относится к восстанию и, несмотря на занимательность и драматичность изложения событий,[104] трактует их в духе официальных документов, используя присущие им ругательные термины в адрес восставших и обыгрывая все допущенные в них фальсификации в объяснении их действий, в том числе и утверждение об измене С. Разина.[105] В то же время в показе восстания Костомарову свойствен некоторый псевдодемократический налет, своеобразная апелляция к народности. Это проявляется в широком использовании автором народных песен и легенд о восстании Разина, что само по себе является фактом положительным и справедливо было отмечено

---

99 Там же, стр. 208.

100 Там же, стр. 211.

101 Там же, стр. 212.

102 Н. И. Костомаров. Стенька Разин. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, кн. 2-я. СПб., 1912, стр. 286.

103 М. П. Устинов. Бунт Стеньки Разина. Сочинение Н. Костомарова. «Библиотека для чтения», 1859, № 6, стр. 7—8.

104 К. Н. Бестужев-Рюмин. [Рец.]. «Московские ведомости», 1859, № 92, стр. 692.

105 Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, т. II, стр. 317.

современниками, рецензентами его монографии.[106] Однако нельзя согласиться с мнением К. Н. Бестужева-Рюмина, что Костомаров использовал народные песни и предания о С. Разине «чрезвычайно удачно». Привлечение этого интересного источника во многих случаях является научно неоправданным и тенденциозным. Приписав ряд песен и преданий к определенным событиям восстания в качестве иллюстраций,[107] без соответственного критического разбора сборников, откуда они были им извлечены, «он соединяет с историей Разина сюжеты, ему не принадлежащие»,[108] в отдельных случаях содержащемуся в песнях и преданиях художественному вымыслу придает значение достоверности и необоснованно использует их «для подтверждения своих выводов»;[109] главное же, выпячивает на первый план не положительные стороны, присущие народному фольклору о Разине, а характерный для многих песен и особенно преданий религиозно-мистический налет. Используя это, автор говорит о чародействе С. Разина, называет его колдуном и дает характеристику как «извергу рода человеческого», обладающему «какой-то сверхъестественной силой» влияния на народ, «против которой невозможно было устоять»,[110] называет восстание «страшной грозой» для народа, сохраненной в его памяти «в бледных фантастических образах»,[111] и завершает монографию пересказом одного из преданий, где говорится, что «Стенька... это мука мирская... (т. е. народная. — *И. С.*). Не дай, господи, всякому доброму крещеному человеку дожить до той поры, как опять придет Стенька».[112] Такая же печать псевдодемократизма лежит и на рассуждениях автора о порядках жизни на Дону — вольности, равенстве, выборности начальства и т. п. Утверждая, что для народа эти порядки были «самым желанным образом общественного строя»,[113] он в то же время говорит о бессмысленности борьбы народа за указанные порядки[114] и необычайно принижает роль участвовавших в восстании нерусских народов: мордвы, марийцев, чувашей, которые, по его мнению, поднялись «сами, кажется, не зная, за что бунтуют».[115]

Наиболее рациональным моментом взглядов Н. И. Костомарова на восстание С. Разина является тезис о связи его с народ-

[106] К. Н. Бестужев-Рюмин. [Рец.] «Московские ведомости», 1859; № 92; М. П. Устинов, ук. ст. «Библиотека для чтения», 1859, № 6.

[107] Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, т. II, стр. 238—239, 260, 292.

[108] А. Н. Лозанова. Народные песни о С. Разине. Саратов, 1928, стр. 12—13.

[109] Там же, стр. 12.

[110] Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, т. II, стр. 239.

[111] Там же, стр. 376.

[112] Там же, стр. 380.

[113] Н. И. Костомаров. Стенька Разин, стр. 271, 272, 283, 286; Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, т. II, стр. 312, 313.

[114] Н. И. Костомаров. Стенька Разин..., стр. 286.

[115] Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, т. II, стр. 318.

ным недовольством, резко проявившимся в стране в десятилетия, предшествующие восстанию, которое «давало ему пищу и силы».[116] Тезис этот подробно раскрыт и обоснован в главе III монографии и в выгодном плане характеризует ее в сравнении со всеми дореформенными работами о восстании. В главе обстоятельно вскрываются тяжелые условия жизни народа, особенно крестьянства и холопов, отмечается резко отрицательное влияние на их жизнь крепостнического законодательства, в частности Уложения 1649 г., рассказывается о бегстве крепостного населения и о его «разбоях», дается картина тяжести налогообложения и злоупотреблений властью со стороны царской администрации. «Царствование Алексея Михайловича,— по мнению автора,— было временем побегов и шатаний»,[117] и причины этого «лежали во внутреннем организме гражданского порядка».[118] «Весь порядок тогдашней Руси, управление, отношение сословий, права их, финансовый быт (т. е. социально-политическая обстановка.— *И. С.*) — все давало казачеству пищу в движении народного недовольства, и вся половина XVII века была приготовлением эпохи Стеньки Разина».[119] Наличие этой главы в составе монографии Н. И. Костомарова, с ее надуманной схемой рассмотрения восстания как борьбы удельно-вечевого начала с единодержавием и раскрытием фактического содержания восстания в тенденциозном духе официальных правительственных документов, отражает всю противоречивость его буржуазно-либерального мировоззрения. Выступая противниками крепостного права и боясь революционных ситуаций, либералы стремились укрепить самодержавную власть в стране путем буржуазных преобразований, которые подвели бы под нее определенный правопорядок и гарантировали бы от случайностей и произвола царской администрации. Н. И. Костомаров, являясь сторонником самодержавного строя, утверждает его правомерность и авторитетность среди населения страны, заявляет, говоря о восстании Разина, что «легко было возмутить народ ненавистью к боярам и чиновным людям; легко было поднять и рабов против господ; но было трудно поколебать в массе русского народа уважение к царской особе».[120] В то же время он подвергает критике господствовавшие в то время в стране социально-политические порядки: крепостное право, произвол царской администрации,— и этим как бы подчеркивает необходимость обновления этих порядков в настоящем.

Н. И. Костомарову принадлежит бесспорная заслуга раскрытия в конкретно-историческом плане связи восстания С. Разина с недовольством социальных низов страны, вызванным крепост-

116 Там же, стр. 211.
117 Там же, стр. 234.
118 Там же, стр. 233.
119 Там же, стр. 212.
120 Там же, стр. 312.

ным правом, тяжелым налогообложением и произволом царской администрации. Это было новым, необычным в трактовке восстания и произвело впечатление на современников, вызвав появление ряда положительных рецензий на его монографию.[121] Автор рецензии в «Санкт-Петербургских ведомостях» писал: «...частности превосходно сгруппированы автором в одно общее, поражающее суммой неурядицы и своеволия, выражавшейся во всех явлениях общественной и административной жизни», и патетически восклицал по поводу порядков XVII в.: «Какая печальная картина общества! Какое жалкое состояние правосудия! Бесправие, взяточничество, грабеж, даже разбой! Полное уничтожение личности селянина!» М. П. Устинов, упрекая Костомарова в том, что он не показал, приняты ли были в результате восстания С. Разина «какие-либо меры ... к отстранению на будущее время народного недовольства», видел в содержании его книги предупреждение правительству и дворянству не доводить это недовольство до взрыва.[122] Отрицательное освещение в монографии Н. И. Костомарова социально-политических порядков, господствовавших в жизни Московского государства накануне восстания С. Разина, в первую очередь, а также художественно-повествовательная форма ее изложения и широкое использование народного фольклора сделали ее на долгое время наиболее популярной работой о восстании и определили силу ее влияния на последующее развитие как буржуазной, так и народнической историографии. Учитывая популярность этой работы Н. И. Костомарова среди русских революционных народников, веривших «в возможность поднять в России новую разинщину», и желая понять действительные причины восстания Разина, К. Маркс также обратился к ней.[123] В конце 70-х годов XIX в. он обстоятельно изучил и законспектировал ее, уделив особое внимание главам, характеризующим социальные условия, определившие возникновение восстания.[124]

Несмотря на отмеченные различия в понимании исторического развития России, А. Н. Попов, С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров единодушно отнесли восстание С. Разина к сфере политической борьбы, развернутой казачеством (носителем старых удельно-вечевых порядков, анархизма и антигосударственности) против государственного начала — самодержавия, его централизующей и организующей роли в развитии страны. Размах и сила восстания объясняются ими поддержкой, полученной С. Разиным от социальных низов населения, склоненных на сторону восстав-

[121] К. Н. Бестужев-Рюмин. [Рец.] «Московские ведомости», 1859, № 92; М. П. Устинов, ук. ст. «Библиотека для чтения», 1858, № 6; Рецензия. «Русский мир», 1859, № 18, стр. 438—439; Рецензия. «Санкт-Петербургские ведомости», 1859, № 99.

[122] И. З. Серман. Карл Маркс о русских исторических песнях разинского цикла. Сб. «Русский фольклор», т. IV. М.—Л., 1959, стр. 278.

[123] Там же.

[124] К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 105.

ших казаков: обманом — именем царевича Алексея Алексеевича и патриарха Никона (А. Н. Попов); притягательностью казацкого образа жизни, его вольностями и особенно «прелестью добычи» (С. М. Соловьев); использованием народного недовольства, вызванного плохими социальными условиями жизни — крепостным правом, налоговыми тяготами, произволом царской администрации (Н. И. Костомаров). Восстание это было бессмысленным, по их мнению, так как ничего не дало народу, и если бы даже оно одержало победу, страна все равно возвратилась бы к старому порядку. Все темные краски в показе событий восстания были заимствованы указанными авторами из дворянской историографии и даже значительно усилены. Они не видели в восстании С. Разина революционной борьбы крестьянства, ее антифеодального характера и прогрессивного значения.

В пореформенный период, вплоть до революции 1905—1907 гг., буржуазная историография не дала ни одной обобщающей работы по истории восстания С. Разина, в которой содержалось бы что-либо новое в его трактовке. Не получило должного освещения восстание и в общих курсах русской истории ведущих буржуазных историков. Они не пошли по следам С. М. Соловьева и даже в негативном плане не нашли возможным подробно писать о нем в своих трудах. В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» ограничился лишь краткой справкой о восстании С. Разина как об огромном мятеже, охватившем юго-восток страны, зародившемся среди казачества и получившем «чисто социальный характер, когда с ним слилось им же возбужденное движение простонародья против высших классов»,[125] по существу повторив в ней основные выводы Н. И. Костомарова. Такая пассивность буржуазной историографии в дальнейшем обобщении материалов о восстании С. Разина в рассматриваемый период может быть объяснена отсутствием побуждающих политических мотивов. Буржуазные преобразования 60-х годов XIX в. определили шаг российской феодальной монархии по пути превращения в буржуазную монархию,[126] на определенное время они удовлетворили классовые претензии буржуазии — пугать самодержавие призраками народных восстаний в интересах получения от него дальнейших уступок не было необходимости. В то же время растущее крестьянское и рабочее революционное движение, революционная ситуация 1879—1880 гг. вызывали в кругах буржуазии большую настороженность, что отразилось и на буржуазной исторической мысли, переставшей проявлять интерес к обобщениям исторического материала, касающегося народных востаний, в частности восстания С. Разина.

Однако отсутствие в пореформенный период обобщающих работ о восстании Разина отнюдь не означало, что его научная

---

[125] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. III. М., 1957, стр. 240.
[126] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 165.

разработка буржуазными историками была вовсе прекращена. Это было время, когда их усилия оказались направленными на изучение его частностей: отдельных сторон и моментов, событий и эпизодов, и на конкретное раскрытие проявления восстания в отдельных местностях и городах страны. В ряде работ, посвященных истории отдельных казачеств, получил некоторое раскрытие вопрос об их участии и роли в восстании Разина.[127] Был поставлен вопрос о связи событий церковного раскола с восстанием С. Разина, в частности о влиянии последнего на восстание в Соловецком монастыре.[128] Подвергнуты были специальному рассмотрению такие события, как осада повстанческим войском Разина города Симбирска;[129] рассмотрены события в Астрахани в связи с казнью восставшими митрополита Иосифа;[130] вскрыты некоторые детали отдельных эпизодов восстания, содействующие их уточнению и более правильному пониманию: о чертеже, изображающем поход стрельцов против восставших,[131] об укреплении Н. Новгорода,[132] об отлучении Разина от церкви (анафемствовании)[133] и его пытках во время допроса[134] и др. Несмотря на то, что сама тематика перечисленных работ по преимуществу отражает борьбу правительственного лагеря с восстанием, а содержание их тенденциозно, подано в духе, враждебном народу, некоторые из них имеют определенную научную ценность, помогая более полному конкретному раскрытию событий восстания.

Из работ, раскрывающих развитие восстания С. Разина в отдельных местностях и уездах страны, обращают внимание своей

---

127 П. Головинский. Слободские казачьи полки. СПб., 1864, стр. 90—97; А. Рябинин. Уральское казачье войско, ч. I. СПб., 1866, стр. 23—26; И. Попко. Терские казаки с стародавних времен, вып. I. СПб., 1880, стр. 74—78.

128 Н. С. Соколов. Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1889, стр. 16; Д. Л. Мордовцев. Соловецкое сидение. 1880, стр. 44, 108, 129; И. Я. Сырцев. Возмущение Соловецких монахов старообрядцев в XVII в. Кострома, 1889, стр. 268—270, 288—289; П. Ф. Николаевский. Жизнь Никона в ссылке и заключении. СПб., 1886, стр. 108—109.

129 Г. Мартынов. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, стр. 18—23; М. Ф. Суперанский. Симбирск и его прошлое (1648—1898). Симбирск, 1899, стр. 9—15.

130 Я. Лебединский. Жизнь и мученическая кончина Иосифа, митрополита Астраханского и Терского. «Астраханские епархиальные ведомости», 1876, № 13, 16, 17, 20; Н. Т. Каменский. Краткая история Астраханской епархии. Астрахань, 1886, стр. 48—56.

131 П. П. Пекарский. О старинном чертеже, изображающем выступление стрельцов в поход против Разина. Известия русского археологического о-ва, т. V, вып. I. СПб., 1863, стр. 474—477; В. Прохоров. Рисунки, изображающие поход стрельцов против Разина. «Сборник русской древности». СПб., 1876, стр. 48—52.

132 А. Гациский. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886, стр. 68, 70—76.

133 К. Т. Никольский. Анафемствование (отлучение от церкви). Историческое исследование о чине православия. СПб., 1897, стр. 249—252.

134 Русские пытки. «Русский архив», 1867, стр. 1162—1166.

обстоятельностью труды Г. Перетятковича,[135] А. А. Голубева [136] и К. Ф. Федорова.[137] Первый дает краткий очерк восстания С. Разина в Поволжье на основании и в духе работ С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова, но увязывает его с колонизацией Поволжья и приходит к заключению об ее усилении в результате «испомещения служилых людей» после подавления восстания.[138] Не менее интересны выводы автора об участии в восстании поволжских народов. Он отмечает «сильное численное превосходство» среди участников восстания «инородческого элемента над русским» и подчеркивает, «что более зажиточные из инородцев примыкают крепко к русскому правительству и не принимают участия в восстаниях».[139] А. А. Голубев на основании попавшегося ему из частного владения архивного столбца, содержащего отписки бывшего Тотемского воеводы М. Ртищева, впервые дал обоснованную фактическую картину развития восстания С. Разина в Заволжье, в бассейне притоков Волги — Ветлуги и Унжи. К. Ф. Федоров также обстоятельно осветил крупнейшие события в развитии восстания С. Разина на территории Нижегородского уезда: захват восставшими сел Мурашкино, Лысково и Макарьевского Желтоводского монастыря. Подобные работы локального характера, раскрывающие в известной мере ход восстания в отдельных уездах страны, появились в пореформенный период по Саратовскому,[140] Пензенскому [141] и Тамбовскому [142] уездам. Однако в научном отношении они несравненно слабее рассмотренных работ. Им свойственна документальная необоснованность, предвзятость в истолковании фактов и беллетристическая форма изложения.

Появление в пореформенный период многочисленных статей о восстании С. Разина в журналах, газетах и сборниках, а также в справочной литературе, в ряде случаев снабженных даже его портретами, как бы дополняло содержание работ А. Н. Попова, С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова. Буржуазная историческая мысль в условиях подготовки и проведения в стране буржуазных

---

135 Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII веков. Одесса, 1882, стр. 200—215.

136 А. А. Голубев. Атаман Илюшка Пономарев. Исторический вестник, 1888, № 8, стр. 355—363; Его же. К истории бунта С. Разина в Заволжье. ЧОИДР, 1895, № 2, стр. 17—18.

137 К. Ф. Федоров. Село Большое Мурашкино. М., 1891.

138 Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII веков, стр. 210.

139 Там же, стр. 207.

140 А. И. Шахматов. Исторические очерки города Саратова и его округа, вып. I. Саратов, 1891, стр. 70—81.

141 А. И. Масловский. Бунт Ст. Разина в Пензенской губернии. Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 г. Пенза, 1888, стр. 368—387.

142 И. И. Дубасов. Казацко-крестьянское движение Разина в пределах Тамбовского края. Очерки истории Тамбовского края, вып. II. М., 1883; Его же. Тамбовские смуты. «Наблюдатель», 1890, № 11, стр. 108—123; С. Терпигорев. Раскаты Стенькина грома в Тамбовской земле. Исторический вестник, 1890, № 40, 41.

преобразований, выработав общую концепцию понимания восстания, теперь проявлялась в разработке и уточнении его конкретного содержания. Наиболее положительным следствием этого явилась развернувшаяся во второй половине XIX в. публикация документов о восстании. Много их вышло в свет в составе томов завершившихся в то время крупных документальных публикаций,[143] в различных документальных сборниках,[144] местных документальных изданиях,[145] в губернских ведомостях,[146] в качестве приложений к монографиям.[147] В числе опубликованных оказались редкие и весьма важные для изучения восстания С. Разина документы: жалованная грамота бывшему владельцу села Лундана А. Вишнякову, выясняющая отношение Разина к казанским татарам и его поведение на допросе,[148] статья государева письма о расспросе Разина,[149] письма стряпчего А. Горяинова к брату — настоятелю Толгского монастыря и к вологодскому архиепископу Симону о привозе С. Разина в Москву и приготовлениях к его казни,[150] столбец Н. С. Кашкина с отписками тотемского воеводы М. Ртищева[151] и другие. Кроме того, во второй половине XIX в. были изданы: летопись Самовидца, отдельные списки «Сказания летописи о граде Астрахани...», Дело о патриархе Никоне, отрывок смертного приговора С. Разину, известия иностранцев о восстании — английского анонима и Я. Стрейса.[152] Отрицательным моментом в публикации документов о восстании Разина в рассматриваемое время была бессистемность и разрозненность их издания, в силу чего многие документы оказались опубликованными неоднократно, а также низ-

---

143 Акты Южной и Западной России собранные и изданные Археографической комиссией, т. 7. СПб., 1872, № 9/2, 28, 63, 65, 68, 72, 93, 95.

144 А. А. Лишин. Акты, относящиеся к истории войска Донского, т. I. Новочеркасск, 1891, № 38, 44, 49, 78; М. И. Семевский. Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий. ЧОИДР, 1869, № 4 (Смесь, № 21 и 22); Г. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП, 1899, июнь, стр. 320—321 и др. (Полный перечень см.: М. Н. Сенцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, ч. 1, стр. 196—216).

145 Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. I. Воронеж, 1887, № 51, 55, 58, 61, 63, 143; П. И. Писарев. Собрание материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии. Тамбов, 1878.

146 Исторические материалы по Симбирской губернии, сообщил А. П. Яровой. «Симбирские губернские ведомости», 1874, № 10, ч. неоф.; «Донские войсковые ведомости», 1864, № 14-16, ч. неоф.

147 В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, Приложение II; В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли войска Донского, ч. 1, 2. Новочеркасск, 1867—1872.

148 «Пензенские губернские ведомости», 1876, № 142, ч. неоф.; «Древняя и новая Россия», 1877, № 3, стр. 319. Столбец из архива владельца с. Лундан.

149 Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического о-ва, т. II. СПб., 1861, стр. 735.

150 «Ярославские губернские ведомости», 1872, № 38, ч. неоф., стр. 144; «Вологодские епархиальные ведомости», 1867, № 20, ч. неоф., стр. 686—689.

151 ЧОИДР, 1894, № 3.

152 О всех этих публикациях см. подробно в главе «Источники изучения истории крестьянской войны 1670—1671 годов».

кий уровень их археографической обработки, что весьма затрудняет их использование.

В целом, буржуазная историография в рассматриваемое время разработала не только общую концепцию понимания восстания С. Разина в свете интересов господствующих классов и правящих кругов страны, но и накопила большой фактический материал для его дальнейшего изучения, включив в обиход исторической науки многие неизвестные до того времени источники.

* *
*

Выразителями народной антиправительственной тенденции пореформенной историографии восстания под предводительством С. Разина явились революционеры-демократы и революционные народники, подошедшие к его истории с принципиально иных позиций, чем это делали буржуазные историки.

Революционеры-демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и другие в своих трудах отстаивали классовые интересы крестьянства, его стремление освободиться от крепостного права и всех его порождений «в экономической, социальной и юридической области».[153] Единственным путем к достижению этих чаяний крестьянских масс они считали свержение самодержавия и призывали к революционному выступлению — «к топору». С этих позиций подходили они и к истории борьбы крестьянства против феодально-крепостного гнета, в частности к восстанию С. Разина. Они не оставили конкретно-исторических работ о крестьянских восстаниях, в том числе и о восстании С. Разина,[154] но в своих публицистических и философских сочинениях часто обращались к ним: давали характеристики их вождям, вскрывали социальное содержание и причины их возникновения, отмечали их положительные стороны и недостатки и т. д. Особенно много подобных высказываний содержится в трудах А. И. Герцена.

Восстание под предводительством С. Разина революционеры-демократы рассматривали не как движение разбойников в целях грабежа и обогащения, не как бесплодный бунт, вызванный анархистствующими элементами — казачеством, против централизующей роли самодержавного государства, а как выражение глубокого протеста трудового крестьянства против гнета со стороны помещиков и их государства. Опровергая ложную идеализацию славянофилами социальных отношений в допетровской Руси, их представления о рабской покорности народа властям, В. Г. Белинский писал, что «исторические факты слишком резко

---

153 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 519.

154 Это, по-видимому, и определило ошибочное, неправомерное замалчивание революционеров-демократов в историографии крестьянских войн в России. — См.: С. Пионтковский, ук. ст. «Историк-марксист», 1933, № 6.

противоречат этому убеждению»,[155] и ссылался на народные восстания времени царствования Алексея Михайловича, в том числе и на восстание под предводительством С. Разина.[156] А. И. Герцен не раз возмущался тем, что «таких людей, как Стенька Разин... изображают разбойниками с большой дороги»,[157] и усматривал в этом непонимание глубокого народного протеста, лежащего в основе поднятого им восстания, а также клевету, возведенную на него представителями господствующего класса и правящими верхами. Понятны были революционным демократам и социальные истоки казачества, сыгравшего большую роль в восстании С. Разина, его близость к народным массам страны.[158] Казачество и «разбойничество» рассматривались ими как особые явления в жизни народа. По мнению Герцена, «обычай разбойничества дожил до времени Пугачева, и весьма вероятно, что своим широким распространением он обязан... глухой борьбе, начатой крестьянами, протестовавшими против закрепощения».[159] Таким образом, уход в казачество и «разбойничество», широко распространенные во времена Разина, революционеры-демократы рассматривали как особые формы проявления народного протеста, а выразителем этого протеста считали С. Разина. В то же время, характеризуя Разина защитником интересов народных масс, А. И. Герцен прибегает к неправомерным сопоставлениям его личности с Петром I, которого он идеализировал.[160]

Революционеры-демократы правильно подошли к пониманию причин, определивших восстание С. Разина. «Крепостное состояние,— писал А. И. Герцен,— исподволь лукаво введенное в семнадцатом столетии, приняло в восемнадцатом огромные размеры; более трети всех земледельцев было отдано в частное владение». Это, по его мнению, и явилось причиной того, что «народ не раз восставал, более ста тысяч людей стояло на Волге с Стенькой Разиным».[161] Н. Г. Чернышевский основной причиной протеста крестьянских масс считал их желание добиться «коренных изменений в своем материальном быте».[162] Недовольство обычным ходом жизни и существовавшими порядками, по мнению А. Н. Добролюбова, явились главнейшими причинами, «которые увлекали народные массы за Разиным...»[163]

---

[155] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах. М., 1953—1959, т. V, стр. 138.

[156] В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды В. Г. Белинского. М., 1953, стр. 182.

[157] А. И. Герцен. Соч. в 30-ти томах. М., 1954—1965, т. XIII, стр. 156.

[158] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 439; А. И. Герцен. Соч., т. VII, стр. 187.

[159] А. И. Герцен. Соч., т. VII, стр. 187.

[160] Там же, т. XIV, стр. 31; т. XVIII, стр. 368.

[161] Там же, т. XII, стр. 260.

[162] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16-ти томах. М., 1939—1953, т. VI, стр. 374.

[163] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в 6-ти томах. М., 1939—1941, т. 4, стр. 203.

Отмечают революционеры-демократы и свойственную времени С. Разина силу и размах народного протеста — «могучего, широкого, глубокого народного движения... Едва Романовы уселись,— писал А. И. Герцен,— северо-восток Руси покрылся разбойниками, с ними воюют как с неприятелями, против них посылают войска и пушки, их вешают сотнями при царе Алексее Михайловиче».[164] В статье «Русское крепостничество», говоря об инертности выхода крестьянства на путь революционной борьбы и заявляя, что «нужны целые века страданий и религиозная борьба, чтобы возникла крестьянская война, как в XVI столетии», Герцен следует за Ф. Энгельсом, впервые в русской литературе применяет название «крестьянская война», правда в иносказательном плане, по отношению к восстанию С. Разина, имея в виду его необычный размах. Он пишет, что «даже лживые правительственные хроники не могли обойти молчанием войны „разбойников". Стенька Разин, один из их предводителей, возглавил 200 000 человек».[165]

Считая основным творцом истории, ее движущей силой народные массы, революционеры-демократы рассматривали народные восстания, в том числе и восстание Разина, как события революционные и прогрессивные. Борьба за уничтожение крепостного права, за землю и волю — это прогрессивная борьба. России самодержавно-крепостнической, реакционной в трудах А. И. Герцена противопоставляется Россия народная, революционная, носительница национального прогресса. Прослеживая борьбу между ними в прошлом, он ставит в один ряд крестьянские восстания С. Разина и Е. Пугачева с революционной деятельностью А. Н. Радищева и декабристов.[166] По представлению Н. А. Добролюбова, народная масса «таит в себе огромные нравственные силы и способна на разрешение больших исторических задач. Эта народная масса уже проявила себя в движении Разина, Пугачева; она проявит себя и в будущем».[167]

В трудах революционеров-демократов мы находим и понимание ими некоторых слабых сторон восстания Разина — стихийность и неорганизованность,[168] «разбойничество»,[169] веру народа в царя. По мнению Н. А. Добролюбова, слух о нахождении царевича Алексея на Дону, ходивший в народе во времена восстания Разина, «многих привлекал к мятежнику».[170] Однако объяснение причин дается ими не всегда правильно. А. И. Герцен часто связывал их с географическими условиями существования русского народа, рассеянного «по необозримым долинам

---

164 А. И. Герцен. Соч., т. XII, стр. 47, 107.
165 Там же, стр. 44, 47.
166 Очерки истории исторической науки, кн. 1, стр. 472.
167 В. Полянский. Н. А. Добролюбов. М., 1935, стр. 144.
168 А. И. Герцен. Соч., т. XIV, стр. 31.
169 Там же, т. VII, стр. 187.
170 Н. А. Добролюбов. Соч., т. III, стр. 198.

и живущему в деревнях, открытых со всех сторон, ничем не защищенных, кроме лесов».[171]

Восстание С. Разина получило также некоторое отражение в трудах А. П. Щапова, революционера-демократа, историка по профессии, обосновавшего так называемую «земско-областную теорию» понимания русского исторического процесса.[172] В работе «Земство и раскол» в особенности, а также и в других он рассматривает восстание Разина в связи с показом роли «земско-областного» начала в развитии русского государства, носителем которого являлись народные массы. По представлению Щапова, восстание Разина, как и другие народные движения, возникло в стране потому, что, несмотря на требования народа об избавлении его от насилия, произвола и бюрократии, развертывании общинно-областного строя, страна «не получила правильного, цельного и прочного земского строения. И вот, вследствие разъединения, разделения государства и земского дела, вследствие нестройности, неладности земского устроения, — в земстве произошел разлад и раскол. Начались народные движения, бунты, ознаменовавшие царствование Алексея Михайловича и почти всю вторую половину XVII столетия».[173]

Автор устанавливает формы проявления народного недовольства: «бегство и скрытие» населения от угнетения, «разбойничество», церковный раскол, вызванный реформами Никона, и «бунты». «Бегство и скрытие», по мнению Щапова, являлось «реальным, практически жизненным, деятельным, демократически-оппозиционным отрицанием всякой крепостности и помещичества, и ревизской, и казенно-податной и церковной...»[174] Ему придается большое значение в восстании. Казаки и вообще «голутвенные люди», собравшиеся на Дону и Волге, характеризуются А. П. Щаповым как «народные борцы», а выбранный ими атаман Степан Разин — «могучим предводителем».[175] «Разбойничество» в России было следствием тяжелого положения крепостных, служилых и чернорабочих масс и «было каким-то злобным, свирепым мщением, большей частью направленным на богачей, на дворян-помещиков, на начальников».[176] Раскол рисуется как «могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя — церковного и гражданского»[177] — и связывается с антикрепостническими крестьянскими движениями XVII в., в частности с восстанием С. Разина. Наконец, «бунты» — восстания — как самое

171 А. И. Герцен. Соч., т. XII, стр. 108.

172 А. П. Щапов. Великорусские области и смутное время (1606—1613). Соч. в 3-х томах. СПб., 1906—1908, т. I.

173 Там же, стр. 459.

174 Там же, стр. 547; П. Кабанов. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова. М., 1954, стр. 76.

175 А. П. Щапов. Великорусские области..., т. I, стр. 466.

176 Там же, стр. 530.

177 Там же, стр. 460.

мощное выражение народного недовольства — представляются как «движение могучей физической силы, вышедшей из терпения... буйное движение наболевшего в сердцах народных недовольства, мятежный порыв несносно-сдержанных могучих сил народа к выходу из-под векового гнета».[178] Таковым и было, по представлению А. П. Щапова, восстание Разина. Связывая с ним все перечисленные формы выражения народного недовольства, в то же время преувеличивая роль раскола в народной жизни, Щапов до крайности преувеличивает, не считаясь с фактами, и его значение в восстании Разина, нередко сводя содержание последнего исключительно к расколу. Так, например, в одном случае он пишет: «Тут в бунте Стеньки Разина, раскол явился уже объединяющей силой, душой движения. Бунт Стеньки Разина был уже вместе и бунтом раскола, первым явным народным движением его, так как донское казачество тогда уже обратилось в раскольничью общину и возводило даже свои казачьи рады, круги до религиозной санкции в образе религиозных рад или радений и святых кругов».[179] Щапов приписывает Разину даже стремление сделать «древнее Астраханское царство... в противоположность... Московскому государству, царством казачества и раскола, к чему и после, со второй половины XVIII столетия, стремились раскольники, особенно бегуны».[180]

И все же, несмотря на искусственные отправные позиции в рассмотрении восстания С. Разина, его «земско-областную» теорию и крайнее преувеличение в нем роли раскола, А. П. Щапов правильно понял его классовую направленность. Во время «бунтов» второй половины XVII в., в частности во время восстания Разина, пишет он, «только и было у бунтующего народа нашего избивать бояр, воевод, дьяков и... всех дворян...».[181] Обратил внимание он и на энергичное участие в восстании поволжских народов, в котором усмотрел проявление «национальной оппозиции», направленной против «тягот московского владычества» — бесчеловечного обращения, насильственного крещения, лишения земли и др. Восстание Разина, в представлении Щапова, — это движение революционное, глубоко народное, прогрессивное, так как направлено против угнетателей народа за его исконно народные начала жизни. Оно показало «всю необходимость государственного возрождения и обновления России».[182]

В 1863 г. вышла популярная работа историка, участника Ишутинского кружка И. А. Худякова, в которой одна глава посвящена восстанию С. Разина.[183] В основе работы лежит концеп-

178 Там же, стр. 544.

179 Там же, стр. 466—467.

180 Там же, стр. 467.

181 Известия О-ва археологии истории и этнографии, т. XXXIII, вып. 2-3. Казань, 1926, стр. 57—58.

182 А. П. Щапов. Великорусские области..., т. I, стр. 413—414.

183 И. А. Худяков. Древняя Русь. СПб., 1867, гл. 17, Положение народа. Бунт Стеньки Разина.

ция, что государство, уничтожив элементы существовавшего общинно-вечевого строя, выражавшего интересы всего народа, сыграло в истории России отрицательную роль, т. е. концепция, весьма близкая к «земско-областной теории» А. Щапова.[184] Концепции эти несколько позже берутся на вооружение революционными народниками и получают свое дальнейшее развитие. Книга И. А. Худякова импонировала народникам и распространялась ими среди народа наряду с нелегальными брошюрами.[185] Глава книги, посвященная восстанию Разина, написана на основании работы Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Однако автор весьма умело взял из нее все, чтобы показать восстание и его вождя в самом выгодном свете перед читателем из народа, подчеркнул глубокую народность восстания, показал его направленность против бояр, приказных людей и помещиков, его широкий территориальный размах и вызванную им панику в правительственном лагере. По мнению автора, «если бы Стенька не промедлил в Астрахани и воспользовался переполохом, то вероятно, он побывал бы в Москве».[186] Заканчивая главу, Худяков подчеркнул, что «положение народа по-прежнему осталось тяжелое», т. е. поставил вопрос о неизбежности дальнейшей борьбы.

Принципиальную оценку восстания Разина дал другой историк-революционер 60-х годов И. Г. Прыжов. В I томе «Истории кабаков в России...», написанной в 1863 г.,[187] он рассматривает восстание С. Разина как непосредственное следствие тяжелого положения народа, как одно из наиболее крупных звеньев цепи восстаний, происшедших в Московском государстве в XVII в. «За бунтом московской черни 1648 г., — пишет он, — последовал мятеж в Сольвычегодске и Устюге против дьяков; затем мятеж в Новегороде и Пскове от худых людишек... и наконец громадный бунт Стеньки Разина. Народ был озлоблен против бояр».[188] Несмотря на близость в понимании восстания в целом, в работах И. А. Худякова и И. Г. Прыжова есть существенное различие. Худяков связывает восстание с изменениями в положении русского крестьянства, тогда как Прыжов «выдвигает на первый план участие в волнениях кабацкой голи, которой он приписывает роль зачинщика всех выступлений». Не случайно рассказ о восстаниях XVII в. он начинает фразой: «Начались мятежи, поднимаемые толпами кабацкой голи».[189] И. Г. Прыжов и

---

184 А. Н. Цамутали. И. Г. Прыжов — историк-революционер. Вестник ЛГУ, 1964, № 2, стр. 53—64.

185 В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, стр. 168.

186 И. А. Худяков. Древняя Русь, стр. 224.

187 И. Г. Прыжов. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань, 1868.

188 Там же, стр. 113.

189 А. Н. Цамутали, ук. ст. Вестник ЛГУ, 1964, № 2, стр. 60.

И. А. Худяков были связаны с одним (из наиболее ранних) народническим кружком ишутинцев, участники которого мечтали о переустройстве России на началах общинного и кооперативно-артельного «социализма», однако в их трактовке восстания Разина эта особенность народнического мировоззрения, в то время еще только складывавшегося, не проявилась.

Революционные народники, как и революционеры-демократы, также интересовались народными восстаниями, в том числе и восстанием С. Разина. Интерес их к нему, как и к другим восстаниям, определялся практическими соображениями. Они обращались к его истории для обоснования своей программы действий и отношение к нему выразили преимущественно в своих теоретических работах, в заявлениях программного значения и в практике своей революционной деятельности. Являясь непосредственными преемниками революционеров-демократов, отражая своей революционной деятельностью стихийную борьбу крестьянства против самодержавия и других пережитков крепостничества, за свободное его развитие по пути капитализма, они не понимали мелкобуржуазной природы крестьянства и неправильно представляли — искажали — содержание его борьбы как в настоящем, так и в прошлом. В общинном строе жизни русского крестьянства они видели самобытность экономического строя России вообще и особые пути ее развития. Крестьянское общинное землевладение, уравнительный раздел земли, крестьянская идея «права на землю», в чем не было «*ни грана* социализма»,[190] были объявлены ими его основой. В целях укрепления и дальнейшего развития общинного строя русской деревни как основы социализма они развернули среди крестьянства пропаганду идей утопического социализма (народники-лавристы), стремились вызвать «всенародный бунт», в результате которого было бы разрушено государство и уничтожены основы всякой государственности (народники-бунтари) как силы чуждой и враждебной народному общинному строю, мешающей его дальнейшему социалистическому совершенствованию и т. п.

Революционная борьба народных масс в прошлом, восстания С. Разина, Е. Пугачева и другие понимались ими как борьба за те же самые народные начала жизни — за общинный строй как основу социализма, — во имя которых вели борьбу сами народники. Разина, как и Пугачева, они объявили одним из своих предшественников—«народным революционером-социалистом»,[191] отнеся к его так называемым социалистическим действиям «отнятие земель от помещиков и бояр; изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение „казачьих кругов", т. е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяе-

190 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.
191 «Земля и воля», 1878, 25 октября, стр. 3.

мыми исполнителями народной воли».[192] Обосновывая цели хождения «в народ», один из идеологов народничества, анархист М. А. Бакунин, апеллирует к прошлому — к России «бунтовской, Стеньки Разиновской, Пугачевской»[193] — и выводит свойственную русскому народу революционность из его бесконечных страданий, чрезмерной нищеты и рабского положения. По его мнению, все эти тяжелые условия своего существования народ русский «...переносит.., не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже... двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и Пугачевским бунтом, и не перестающим поныне проявляться в беспрерывном ряде частных крестьянских бунтов».[194]

Восстание С. Разина в представлении народников — это стихийный бунт, взрыв, вызванный отчаянным положением угнетенного народа. В возникновении его они придают решающее значение личности Разина, что соответствует их преувеличенному представлению о роли личности в истории. «Стенька Разин был богатырь, — писал М. Бакунин, — но он был один между всеми и над всеми; его личная громадная сила не могла устоять против сплотившейся и организованной государственной силы, так как в народе, предводительствуемым им одним, не было и тени организации. Погиб он, и все погибло. Теперь будет не то. *Не будет, вероятно, народного богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающего в своем лице всю народную жизнь и силу.* Но будет зато легион бессословной и безымянной молодежи», которая, по идее М. А. Бакунина, заменит Разина.[195] Эта идея о коллективном Разине — русской революционной молодежи — не раз высказывалась Бакуниным и в других случаях. Народ, по его мнению, ждал нового Стеньку Разина, чтобы восстать. Так же преувеличенно оценивали народники и роль в восстании ближайшего окружения Разина — казачества и вообще «беглого бродячего населения», «неведомых борцов за народ», считая его основной революционной силой страны.[196] Прогрессивность восстания была очевидна для них, так как оно выражало борьбу «народного начала» с «государственным началом», живущим «только для самого себя и только на счет народа».[197] В революционные традиции времени восстания Разина, как и других народных восстаний, народники глубоко верили и попытались их

---

192 Там же.

193 В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов, стр. 89.

194 М. А. Бакунин. Государственность и анархия. Прибавление «А». Революционное народничество семидесятых годов XIX века. Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 43.

195 М. А. Бакунин. Листок. «Несколько слов к молодым братьям в России». Женева, 1869, опубл. в кн.: В. Богучарский. Активное народничество..., стр. 137—138 (курсив наш. — *И. С.*).

196 «Народная воля», 1881, 5 февраля.

197 С. Пионтковский, ук. ст. «Историк-марксист», 1933, № 6, стр. 92.

использовать. «По нашему убеждению, — писал Вл. Дебогорий-Мокриевич, — на Волге, Доне и Днепре сохранилось в народе более революционных традиций... так как самые крупные народные движения происходили на окраинах: Пугачевщина была на Волге, бунт Стеньки Разина — на Дону, гайдаматчина на Днепре... и потому решили, не разбрасываясь по всей России, сосредоточить наши силы (имеется в виду хождение «в народ».— *Н. С.*) в таких именно местностях».[198] Обратили внимание народники и на «самозванство», проявившееся в народных восстаниях прошлого страны, как следствие «веры в царя», присущей народу и являвшейся, по мнению М. А. Бакунина, отрицательным моментом в его жизни, омрачающим положительные народные идеалы.[199] Однако это не помешало народникам понять практическое значение «самозванства». Отмечая, что все «крупные народные движения в России совершались под знаменами самозванцев» и что «Разин, для придания себе большего значения в глазах народа, распустил слух, будто с собою возит царевича», по словам Дебогория-Мокриевича, народники считали, что хотя бунты Пугачева и Разина «и не привели к победам и были задушены правительством, но все-таки им удалось расколыхать всю восточную Россию».[200] По мнению исполнительного комитета партии «Народная воля», народ «целыми волостями стекался... в лагерь самозванцев», когда видел, что «на знамени их — борьба с государством и поворот к народным началам вечевого периода, борьба с помещиками и переход земли в руки крестьянства».[201]

Таким образом, вслед за революционерами-демократами революционные народники видели в восстании С. Разина глубокий народный протест против жестокого угнетения, сочувствовали ему, отмечали его сильные и слабые стороны, прогрессивное значение в развитии страны, но извратили его природу и исторические перспективы — не поняли определяющего значения в нем антикрепостнической борьбы крестьянства за свободное развитие по пути превращения в товарных производителей, борьбы, ускоряющей переход к буржуазным общественным отношениям, — объявили Разина своим предшественником — «революционером-социалистом», приписали возглавленному им восстанию не свойственные ему черты «социалистической» направленности и не свойственное ему значение события, предрешающего переход власти в стране в руки эксплуатируемого народа и установление социалистических общественных отношений.

Трактовка восстания революционными народниками не нашла себе преемников. Народники-либералы не были сторонни-

198 Вл. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания. СПб., 1906, стр. 126—127.

199 М. А. Бакунин ук. ст. Сб. док. АН СССР, т. I; стр. 46.

200 Вл. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания, стр. 204.

201 «Народная воля», 1881, 5 февраля, ред. ст.

ками крестьянской революции. Отражая классовые интересы буржуазных слоев русской деревни — кулачества — и выдавая себя за выразителей общенародных интересов — «друзей народа», т. е. прежде всего крестьянства в целом, они, как и либеральная буржуазия, обращались к восстанию Разина, как и к другим крестьянским восстаниям, лишь для того, чтобы устрашить правящие круги страны и самодержавие возможными повторениями крестьянских восстаний, чтобы добиться определенных уступок. Народники-либералы, как и революционные народники, не видели в восстании борьбы за уничтожение крепостного права и превращение крестьянина в свободного товаропроизводителя, не признавали революционного, прогрессивного значения восстания в развитии страны, рассматривая его как бессмысленный страшный бунт, выражающий народную оппозицию правительственной политике.

В то же время трактовка восстания Разина революционными народниками вызвала определенную реакцию в исторической литературе как демократического, так и консервативно-монархического направлений. В 1873 г., за год до массового выхода народников в деревню, в одном из наиболее прогрессивных журналов того времени «Дело» была опубликована статья революционера-демократа Н. В. Шелгунова (под псевдонимом Н. Радюкина) «Романтизм русский», в которой специальная глава была посвящена Разину. В ней дается причудливая психологическая характеристика Разина как выразителя «народного романтического порыва», стоившего народу больших потерь. По мнению автора статьи, «в самом Разине не было никакого головного содержания, ни одного из тех гражданских идеалов, который он мог бы противопоставить старому московскому порядку», а потому, в результате, поднятое им восстание явилось не только громадным бедствием для народа, но и «русская мысль не выиграла ничего, не выработала никакой новой идеи... и не внесла никакого улучшения в государственный и социальный строй».[202]

Н. В. Шелгунов сочувственно относился к народу и к его борьбе против угнетения; но абсолютизируя стихийность восстания Разина, он пришел к ошибочному заключению, как и враждебная народу дворянско-буржуазная историография, о его бессмысленности. Примечательно, что 1873 г. — время выхода этой статьи — явился годом подготовки народников к массовому «хождению в народ», прежде всего в районы, охваченные в прошлом восстаниями Е. Пугачева и С. Разина, с тем чтобы лучше использовать революционные традиции этих восстаний для осуществления народных «социалистических» идеалов. В статье как бы подчеркивалась бессмысленность народнических расчетов, и автор предсказывал их неудачу.

Позже, в 1895 г., когда в России наряду с крестьянским раз-

---

[202] Н. Радюкин. Романтизм русский. «Дело», 1873, № 9, стр. 37—38.

вернулось уже рабочее революционное движение и социальная база для пропаганды социалистических идей расширилась, в журнале «Исторический вестник» консервативно-монархического направления появилась статья о восстании Разина под дезориентирующим названием «Русский социалист XVII века», автор которой охарактеризовал «социалистическую» направленность действий Разина, приписанную ему народниками, как стремление его «к чужому добру», путь к которому он «взялся показать» обездоленному люду с тем, чтобы выручить его из беды.[203] В статье подчеркнуто показана разбойная деятельность восставших в духе трактовки ее официальными правительственными документами. Так антинародная историография о восстании Разина использовала искажение народниками его классовой природы и исторической перспективы в целях борьбы против идей социализма, их дискредитации в глазах широкого круга читателей. Г. В. Плеханов, освободившись от ошибочных народнических представлений о крестьянстве, следуя за революционерами-демократами, в своих трудах 80—90-х годов связывал восстания крестьян в прошлом, в том числе и восстание Разина, прежде всего с борьбой против крепостного права, считал эту борьбу революционной. В своих работах «Наши разногласия» и «Чернышевский и его время» он применял в отношении к восстанию Разина, как и к восстанию Пугачева, термин «крестьянская война».[204] Однако в своих трудах последующего времени он не только не развил указанные положения о восстании Разина, но и полностью отказался от них, перейдя в оценке его на позиции буржуазной историографии.

* *
*

В начале XX столетия, в десятилетие, непосредственно предшествующее Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях вступления страны в последнюю и высшую, империалистическую, фазу капитализма, резкого обострения классовых противоречий, в частности в деревне, буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., складывания предпосылок первой в мире победоносной пролетарской революции, крестьянский вопрос приобретает в общественно-политической жизни страны особую остроту. Повышенный интерес к крестьянскому вопросу всех направлений общественно-политической мысли в то время, борьба за крестьянство между буржуазными партиями и партией большевиков как за союзника в осуществлении решаемых ими задач оказали определенное влияние на развитие

---

[203] С. Адрианов. Русский социалист XVII века. Исторический вестник, 1895, октябрь, стр. 204—230.

[204] Г. В. Плеханов. Соч. в 24 томах. М.—Л., 1923—1927, т. II, стр. 133; т. V, стр. 4; А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Л., 1962, стр. 156—157.

исторической науки, уделившей, особенно в связи с революцией 1905—1907 гг., большое внимание восстанию Разина. В это время о восстании публикуется немало работ как общего характера — охватывающих его в целом, так и частного значения — касающихся его отдельных сторон, событий, эпизодов и т. п.

Интерес к восстанию С. Разина в рассматриваемое время проявили даже историки официально-охранительного направления, замалчивавшие его со времен реформ 1861 г., не давшие о нем с тех пор ни одного обобщающего труда. В начале XX в. из-под их пера выходят несколько подобных работ. К ним следует отнести прежде всего «Историю России» Д. И. Иловайского.[205] В трудах историков указанного направления в условиях назревающего революционного взрыва в стране сильно проявлялись тенденции к историческому обоснованию необходимости сохранения в России дворянско-монархического строя и решительного осуждения народных движений как бессмысленных «смут» и «мятежей». Тенденции эти нашли яркое выражение в работе Д. И. Иловайского о восстании Разина. По его мнению, «на царскую власть, столь глубоко внедрившуюся в умы русского народа», С. Разин не решился открыто посягнуть и «постоянно твердил, что вооружился за великого государя против его изменников московских бояр и приказных людей». Этим он подчеркивал якобы глубокую народность и жизненность дворянско-монархического строя. «Новая смута, — как автор называет восстание, — обнаружила только крепость Московского государственного начала и окончательно утвердила его самодержавный строй, вместе с помещичьим крестьяно-владельческим служилым сословием. Эта победа государства была также и дальнейшим его шагом в деле централизации, т. е. в более тесном подчинении окраин и вообще областей центральному Московскому правительству».[206] Не отрицая социального содержания восстания и указывая даже на крепостное право как на одну из причин народного недовольства, он связывает, однако, участие народных масс в восстании со злоупотреблениями бояр и приказных людей — сословий, которые были особо «нелюбимы народом», — и с притягательностью призывов Разина «к свободе и казацкому равенству». В несколько ином плане пытается решить охранительные задачи в интересах дворянско-монархического строя В. Я. Уланов в своей работе «Разиновщина».[207] Признавая восстание явлением чрезвычайно сложным как по составу участников, так и по задачам, стоявшим перед ним, применяя к нему название «социальной революции», пламя которой грозило, по мнению автора, «разлиться по всему государству»,[208]

---

[205] Д. И. Иловайский. История России, т. V. М., 1905, гл. VIII.

[206] Там же, стр. 353—354, 368.

[207] В. Я. Уланов. Разиновщина. В сб.: «Три века». М., 1912, стр. 204—229. (Сборник был подготовлен к 300-летию династии дома Романовых.)

[208] Там же, стр. 204.

он в то же время всемерно стремился дискредитировать восстание, показывал его якобы внутреннюю несостоятельность и неспособность решить стоявшие перед ним задачи. «Разиновщина, — писал автор, — была задавлена не силою Московского государства и не 100 000 гекатомбой повешенных... а тем, что в самый разгар восстания сломилось хрупкое древко знамени, которое объединило разнородные элементы населения в общем движении против тяжелого гнета московского режима».[209] Таким «хрупким древком» он считает Степана Разина. Через всю работу проходит идея всемерного опорочивания Разина как слабого и непригодного вождя, не раз будто бы обманувшего и предавшего восставших. Всемерно доказывается неправомерность поэтических представлений о Разине в устном народном творчестве — песнях и легендах. «На самом деле, — заявляет он, — реальная личность Разина неизмеримо меньше его эпического и литературного образа».[210] Завершая свою работу, В. Я. Уланов пишет: «Не по Стеньке-казаке оказалась та шапка, которая принадлежала идеальному Разину».[211] Опорочивание Разина как вождя восстания и показ неправомерности его положительной характеристики в народных песнях и легендах проводится и в статье В. Корсаковой, написанной для русского биографического словаря[212] преимущественно на основании монографии Н. И. Костомарова, и в ряде других популярных работ, рассчитанных на массового читателя.[213] В целях дискредитации восстания, помимо отмеченного, В. Корсакова возрождает тенденцию трактовки действий Разина и казаков, проявленную еще в повести А. П. Сумарокова, как антинародных. По ее мнению, «народу приходилось тяжело не только от воровских казаков, но и от воевод».[214]

Таким образом, официально-охранительная историография в трактовке восстания подчеркивала верность народных масс, даже в условиях восстания, самодержавной власти и всемерно дискредитировала восстание, показывая его якобы внутреннюю несостоятельность, явившуюся причиной его поражения, а также опорочивала казаков и самого Разина, поднявших народ на восстание, вплоть до объявления их действий антинародными. Переживая глубокий кризис, официальная охранительная историография не смогла дать самостоятельного нового обобщения

---

209 Там же, стр. 229.
210 Там же, стр. 218.
211 Там же, стр. 229.
212 В. Корсакова. Разин Степан Тимофеевич (Стенька). Русский биографический словарь. СПб., 1910.
213 Н. Иванов. Бунт Стеньки Разина. М., 1906; В. А. Никольский. Стенька Разин и разиновщина. СПб., 1911; Б. Лебедев. Стенька Разин. М., 1912, и др.
214 В. Корсакова, ук. соч. Русский биографический словарь. СПб., 1910.

истории восстания и по существу заимствовала его у буржуазных историков С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова, приспособив их концепции к условиям своего времени и к классовым задачам монархически настроенного дворянства. Антинаучный характер рассмотренных работ, их политическая тенденциозность очевидны.

В таком же остро политическом плане рассматривала восстание С. Разина в начале XX в. и либерально-буржуазная историография, исторически обосновывавшая стремление буржуазии к ограничению власти царя представительными буржуазными учреждениями и к отстранению от руководящей роли в политической жизни страны правомонархических элементов. Мысль о связи восстания «с освободительным движением» 1905 г. была высказана еще на одном из банкетов в Саратове.[215] Затем она была развита в работах Б. Глинского, И. Катаева и других историков. Все они усматривают в Разине чуть ли не предтечу развернувшейся в стране борьбы за буржуазные свободы. По мнению Б. Глинского, «Разин не посягал в своей проповеди разрушения на политический принцип, положенный в угол русской государственности, ни на самодержавие, ни даже на личность Алексея Михайловича; он не искал союза с врагами России, не изменял ей, *а лишь объявил себя врагом боярства как власти бюрократической* (курсив наш. — *И. С.*) и дворянства, как представителей крупной земельной собственности и рабовладельцев. Его клич был кличем свободы, разгульной и необузданной, его призыв был призывом *и доверия к царю, но ненависти к тем слоям, которые стояли между самодержцем и народом.* Психология его программы как нельзя... отвечала народным (вернее буржуазным. — *И. С.*) политическим идеалам — „союзу царя с народом и инстинктом собственности и воли"».[216] И. Катаев основной причиной восстания считал «недостатки государственного устройства»,[217] с которыми народ не мог смириться, так как такой «государственный порядок не охранял безопасности личности и имущества».[218] В современных условиях, по мнению автора, причин для подобного недовольства еще больше, так как «...жители городов и уездов в то время (в XVII в. во времена восстания Разина. — *И. С.*) пользовались одним правом, которым русские люди не пользуются в настоящее время (в 1905 г.— *И. С.*), — правом подавать правительству коллективные... просьбы и жалобы-челобитные».[219] Так, волею либерально-буржуазной историографии Разин, один из ярких представителей

---

215 Известия О-ва археологии истории и этнографии при Казанском ун-те, т. XXIII, вып. I. Казань, 1907, стр. 396.

216 Б. Глинский. Годы смуты и борьбы (исторические параллели). Исторический вестник, 1905, март, стр. 933.

217 И. Катаев. Стенька Разин. М., 1906, стр. 4—5.

218 Там же, стр. 7.

219 Там же, стр. 15.

стихийной борьбы крестьянства против феодального гнета, был превращен в зачинателя борьбы русской буржуазии за политическую власть. Факт такого использования истории показателен — он говорит и о большой гибкости русской буржуазии в борьбе за свои классовые интересы, и о кризисе в развитии либерально-буржуазной историографии.

Использовала русская буржуазия и другую сторону восстания Разина — размах и силу народного гнева. Восставшие угрожали «обратить всю имущую и правящую Россию в груду мертвых тел, а ее собственность и вотчины — в кучу развалин и пепла», — пишет Б. Глинский.[220] Вывод очевиден: для того чтобы подобные времена не возродились в современных условиях, а для этого есть все основания, самодержавию следует проявить благоразумие и пойти на удовлетворение политических требований буржуазии. Восстание Разина было использовано русской буржуазией для давления на самодержавие в целях получения от него определенных уступок. Буржуазные историки рисовали восстание С. Разина красками С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова — страшным, разрушительным, жестоким и бессмысленным событием, возникновение которого нельзя впредь допустить.

Из всех трудов мелкобуржуазной историографии начала XX в. о восстании Разина наибольшего внимания заслуживают работы профессора Казанского университета Н. Н. Фирсова,[221] в основу которых легла публичная лекция о восстании, прочитанная им в 1905 г. в Казани под непосредственным впечатлением начавшейся революции. Лекция носила явно политический характер, что нашло отражение и в его работах, получивших широкую известность и оказавших определенное влияние на последующую литературу о восстании Разина как вышедшую до Великой Октябрьской революции, так и в первые годы после нее. В своих работах Н. Н. Фирсов поставил задачу дать общую характеристику восстания Степана Разина «как социологического и психологического явления народной жизни». Всемерно подчеркивая особую роль в восстании личности Разина, он принял для него название «разиновщина»,[222] дав этому соответственное обоснование, чем и способствовал широкому распространению этого термина в исторических работах последующего времени.

«Разиновщина», по мнению автора, была «борьбой преимущественно политического характера, *борьбой с боярско-приказ-*

---

220 Б. Глинский, ук. ст. Исторический вестник, 1905, март, стр. 994.

221 Н. Н. Фирсов. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни, изд. 1-е. СПб.—М., 1906; изд. 2-е, СПб.—М., 1914. Все ссылки даны на 2-е изд; Его же. Крестьянские волнения до XIX века. В сб.: «Великая реформа», 1911; Его же. Крестьянские волнения до XIX века. В сб.: «Исторические характеристики и эскизы», т. I. Казань, 1921.

222 Термин этот к восстанию С. Разина был ранее применен А. П. Щаповым.

ным порядком управления».[223] Социальное содержание движения, хотя и отмечается автором, но относится на второстепенный план. Будучи далеким от научного понимания существа деления общества на классы и оперируя понятием «простой народ», к которому он относит «весь черный люд города и села», автор не понял преимущественно крестьянского содержания развернувшейся борьбы. Он не смог выделить из состава народа крестьянство, со всей спецификой его классовых интересов, и показать его решающую роль в восстании Разина.

Путь к открытой борьбе народа с правительством объясняется Н. Н. Фирсовым психологически. Для этого он вводит в научный обиход придуманное антинаучное понятие — «народная душа» и утверждает, что для открытого возмущения народных масс необходимо, чтобы «в коллективной душе народа» создалось «то смутное, безысходно гнетущее состояние, охваченные коим люди вообще не могут ручаться за свои поступки».[224]

Выразителем народных чаяний — «коллективной народной души» — автор считает Степана Разина, смелое разбойное выступление которого во главе казацкой голытьбы возбудило народ на открытую борьбу против господствующего политического и общественного строя, что привело к «разиновщине». Он не раз подмечает историческую обусловленность появления и действий Разина. Считает его одним «из тех самородков, которые иногда выбрасываются из таинственных недр народной жизни на ее поверхность», объявляет его сильным и ярким выразителем оппозиционного настроения народных масс. Однако в характеристике Разина автор не свободен и от явного преувеличения его роли в восстании. Вслед за Н. И. Костомаровым он наделяет его сверхчеловеческими чертами: «истинно богатырскою неукротимостью воли», необузданной жестокостью, в которой «было много нездорового, ненормального», необъяснимой силой «могущественного влияния на толпу» и т. п.[225] Автор вводит в научный оборот антинаучное понятие — «разинский дух», который, будто бы войдя в «коллективную психологию» народа, продолжает проявляться до сих пор, и в этом он видит историческое значение «разиновщины».[226] «Под термином „разиновщина",—пишет он,— можно разуметь не только известный исторический факт, но и определенный комплекс чувств и стремлений, вызываемый живущими в народе воспоминаниями о знаменитом вожде „голи кабацкой"».[227]

Чаяния народных масс во время восстания и перспективы

---

223 Н. Н. Фирсов. Крестьянские волнения до XIX века. В сб.: «Исторические характеристики и эскизы», т. I. Казань, 1921, стр. 119 (курсив наш.— *И. С.*).

224 Н. Н. Фирсов. Разиновщина как социологическое и психологическое явление..., стр. 7.

225 Там же, стр. 28—32.

226 Там же, стр. 49—50.

227 Там же, стр. 47.

развития страны в случае его победы были истолкованы Н. Н. Фирсовым неправильно. По мнению автора, казацкий уклад жизни якобы тревожил воображение народа и был его «социальной мечтой».[228] В казацком круге в выборности атаманов, казацких дуванах, уравнительной тенденции, будто бы свойственной жизни казаков, проявлявшейся особенно при дележе добычи, Фирсов усматривает некие социалистические начала. «Разиновщина», утверждает он, это внушение и пропаганда замены «боярского царства казацким»,[229] и она привлекла на сторону Разина широкие народные массы, тем более что его царистские тенденции — действия от имени царевича Алексея Алексеевича — импонировали их наивно монархическим настроениям.[230] Эту сторону восстания Н. Н. Фирсов называет «положительной тенденцией». Однако сам лично он не сочувствует ей и в стремлении восставших к уравниванию собственности видит угрозу принципу частной собственности, а потому рисует восставших, в духе С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова, разбойниками и грабителями. Положительная тенденция движения — стремление «образовать вместо Московского государства гигантское казацкое общество — царство» была слабее его отрицательной тенденции — стремления «истребить бояр и отомстить сильным и имущим людям за все политические и социальные несправедливости». Это обстоятельство и явилось, по мнению автора, одной из главнейших причин неудачи восстания Степана Разина.[231]

Несоответствие народолюбивой терминологии Н. Н. Фирсова, взятой из арсенала народнической публицистики и введенной в историческую науку, с недружелюбным отношением автора к восставшим существенно дополняет характеристику рассматриваемых работ. Автор не сочувствует народной борьбе. В ней он усматривает угрозу частной собственности. Краски для ее характеристики он берет из работ А. Н. Попова, Н. И. Костомарова и С. М. Соловьева, из «превосходных, по его мнению, повествований о разинском возмущении».[232] Он принимает всю фактическую сторону перечисленных работ, с их отрицательными характеристиками и ругательными эпитетами в адрес Разина и других участников восстания, с их фальсификациями вплоть до пресловутой версии о его предательстве.

Научная ценность рассмотренных работ Фирсова весьма относительна. Она является одним из примеров, характеризующих кризис буржуазной исторической науки периода империализма,

---

228 Н. Н. Фирсов. Крестьянские волнения до XIX века. В сб.: «Исторические характеристики и эскизы», т. I. Казань, 1921, стр. 119.

229 Там же, стр. 119.

230 Н. Н. Фирсов. Разиновщина как социологическое и психологическое явление..., стр. 41.

231 Там же, стр. 43—44.

232 Там же, стр. 9.

ее беспомощность и неспособность дать что-либо принципиально новое и более совершенное в трактовке важнейших событий отечественной истории. И все же работы Н. Н. Фирсова сыграли некоторую положительную роль в историографии крестьянской войны 1670—1671 гг. Никто до него не охарактеризовал так силу и размах народной борьбы. Мятеж антигосударственных анархических элементов во главе с Разиным, сосредоточившихся преимущественно на Дону, против «государственного начала», как писали Соловьев и Костомаров, превратился в работах Н. Н. Фирсова в острое проявление «народной оппозиции» существующему государственному и общественному строю, которая охватила все социальные низы русского общества, причем «достойно внимания... что русские мятежники действовали рука об руку с инородцами».[233]

Работы Н. Н. Фирсова были данью времени, больше результатом его политических устремлений и меньше — научных изысканий. Подчеркнутым показом массовости и разрушительной силы народного протеста во время восстания Разина, его политической направленности он как бы стремился запугать самодержавие возможным повторением подобного протеста в условиях развертывающихся революционных выступлений в стране и вынудить его пойти на уступки оппозиционным буржуазным кругам. В то же время он показал неприемлемость положительной тенденции восстания — стремления восставших распространить казацкий уклад жизни с его уравнительными началами на всю страну. Он подчеркнул слабость этой тенденции в восстании и его бессмысленность. По утверждению Фирсова, «разинский дух» к моменту революции 1905—1907 гг. «хотя и выродился, но не исчез. Он проявляется и в современных условиях и особенно живуч в неимущих слоях населения, в среде люмпен-пролетариата, голи кабацкой».

В духе Фирсова дана трактовка восстанию и в работе Е. Сташевского.[234] Автор предельно четко выразил свое отношение к нему, заявив, что программа восставших образовать «гигантское казацкое общество... с его уравнительной тенденцией стояла в противоречии с буржуазными инстинктами всех мало-мальски обеспеченных общественных элементов государства, не согласовалась даже с фактическим состоянием домовитого казачества; потому движение Разина в обществе, построенном на социальном неравенстве, заранее было обречено на неудачу».[235] Он искажает историческую обстановку восстания, распространяя на XVII в. современные общественные отношения, т. е. буржуазные, и тем затушевывает его антифеодальную направлен-

---

233 Там же, стр. 25.

234 Е. Сташевский. Народные волнения в Московском государстве. В сб.: «Русская история в очерках и статьях». Под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. III. Киев, 1912, стр. 470—486.

235 Там же, стр. 485.

ность. Он подчеркнул также свое отрицательное отношение к этой программе, заявив, что в «идее раздела богатств и круга не было созидательных движущих начал» и к тому же «стихии вечевой вольницы были давным давно угасшей стариной», а потому борьба за них является бессмысленной. В заключение автор подкрепляет свое мнение словами Н. И. Костомарова о том, что эпоха Разина «пронеслась бесплодно как метеор».[236]

В начале XX в. изменил свое отношение к крестьянству и крестьянским восстаниям и Г. В. Плеханов. В работе «История русской общественной мысли» он отрицает революционные возможности крестьянства, считает его консервативной антиреволюционной силой.[237] Соответственно этому он стал трактовать восстание Разина не как крестьянскую войну, а как казацкое восстание. По его мнению, крестьянство во времена Разина поднималось на борьбу лишь «там, где появлялись казаки, и покорно подставляло шею под старое ярмо там, где казаки вынуждены были предоставить ее собственным ее силам».[238] Да и само казачество, по мнению Плеханова, было противодействием «не нового старому», а «старого новому».[239] Он отрицал значение восстания в создании условий перехода к новым, более прогрессивным производственным отношениям и новым общественно-политическим порядкам, отрицал его прогрессивность.[240]

После поражения революции 1905—1907 гг., в условиях господства жестокой реакции в стране, нарастания «веховских» настроений среди русской буржуазии — открытого восхваления ими реакции и всемерного опорочивания и оплевывания как революции 1905—1907 гг., так и всего русского освободительного движения, — буржуазная историография сделала последний шаг в своем враждебном отношении к крестьянским восстаниям прошлого, в частности к восстанию С. Разина, объявив их событиями реакционными, что являлось естественным следствием предшествующего признания их бессмысленности. П. Струве писал: «Социальные результаты смуты для низов населения были не только ничтожные, они были отрицательные. Поднявшись в анархическом бунте, направленном против государства, оседлые низы только увеличили свое собственное закрепощение и социальную силу господ», и, касаясь восстания 1670—1671 гг., продолжал: «И вторая волна социальной смуты XVII в., движение, связанное с именем Стеньки Разина, стоившее множества жертв, бессмысленно жестокое, совершенно „воровское" по своим приемам, также бессильно, как и первая волна, разбилась о государственную мощь».[241] По его мнению, «дело кресть-

[236] Там же, стр. 485—486.
[237] Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 112.
[238] Там же, стр. 362.
[239] Там же.
[240] Там же, стр. 101—105.
[241] П. Струве. Интеллигенция и революция. Сб. «Вехи». М., 1909, стр. 157.

янского освобождения было не только погублено» в ходе этих восстаний, «но и извращено в свою противоположность „воровскими" противогосударственными методами борьбы за него».[242] В этих условиях разгула реакции неудивительно, что на книжном рынке страны появились популярные брошюры, в которых восстание Разина рисовалось как разгул и бесчинство пьяных людей, «озверелых до полной потери человеческого облика», которые, «выпачканные в крови, шатались по улицам, горланили песни, непристойно ругались».[243]

Таким образом, либерально-буржуазная историография начала XX в., как и официально-охранительная, обратилась к восстанию Разина из политических соображений, в данном случае в целях исторического обоснования устремлений буржуазии к ограничению власти царя. Она особенно подчеркивала политическую направленность восстания: против «боярства как власти бюрократической» (Б. Глинский), против государственного порядка, который «не охранял безопасности личности и имущества» (И. Катаев), на борьбу «с боярско-приказным порядком управления» (Н. Фирсов). Волею либерально-буржуазных историков Разин был превращен как бы в зачинателя борьбы русской буржуазии за политическую власть. Не отрицая социального содержания восстания, буржуазные историки начала XX столетия отводили ему второстепенное значение и искажали его природу, наделяли общественно-политический строй XVII в. чертами современных им буржуазных общественно-политических отношений и тем затушевывали антифеодальный характер восстания, приписывали несвойственные восставшим задачи борьбы за уничтожение частной собственности вообще, за уравнительные начала, якобы присущие казацкому укладу жизни как идеалу восставших. Считая казацкий уклад жизни стариной, уже изжившей себя, а возврат к нему невозможным, они делали выводы о бессмысленности и реакционности восстания и раскрывали его содержание в резко антинародном духе. Всем своим содержанием работы историков начала XX в. о восстании Разина выражали глубокий кризис, переживаемый буржуазной исторической наукой, потерявшей из узко классовых соображений всякую меру объективности в подходе к историческим событиям.

Однако неспособность дворянско-буржуазной исторической науки дать более совершенную концепцию восстания в целом нельзя связывать с полным застоем и упадком в его изучении. Накопление полезных для развития науки конкретных материалов и знаний о восстании продолжалось и в рассматриваемое время — велись конкретно-исторические исследования по отдельным частным вопросам восстания, публиковались и вводились в научный обиход новые источники.

---

242 Там же, стр. 158.
243 Б. Лебедев. Стенька Разин. М., 1912, стр. 67.

К исследованиям, имеющим определенное научное значение в разработке восстания Разина, следует отнести статьи А. И. Соловьева [244] и С. Порфирьева.[245] Ценность обеих статей заключается прежде всего в широком использовании авторами официальных правительственных документов, извлеченных из фондов бывшего Разрядного приказа и позволивших детально восстановить фактическую сторону событий, развернувшихся в Среднем Поволжье в годы восстания Разина. Часть этих документов была впервые опубликована в качестве приложений к указанным работам. С. Порфирьевым в текст работы был включен интересный и очень важный документ о восстании — письмо С. Разина к населению Цивильского уезда.[246] Содержание работ Соловьева и Порфирьева выходит за пределы указанных в их названиях губерний. А. И. Соловьев не только обстоятельно и подробно восстановил фактическую сторону подступа повстанческого войска к Симбирску, осады им города, поражения его от царских воевод, но и осветил многие другие вооруженные столкновения повстанцев с царскими карательными войсками, бывшие до этого неизвестными. В работе С. Порфирьева раскрывается роль города Казани как опорного пункта царских карательных войск в подавлении восстания. Под этим углом автор впервые освещает многие не известные до этого события борьбы восставших с царскими войсками в различных местах Среднего Поволжья. Часть работы Порфирьева, посвященная участию в восстании поволжских народов,[247] интересна не только фактическим ее содержанием, но и полемикой автора с Г. Перетятковичем по вопросу о решающем противоречии, определившем участие в нем народов Поволжья. Автор берет под сомнение правильное заключение Г. Перетятковича, что таким противоречием был классовый антагонизм, склонивший верхушку поволжских народов на сторону правительственного лагеря. Говоря о роли поволжских народов в восстании, он считает, что «быстрота, с которой мятеж проник в глубь инородческого края, свидетельствует о национальной оси движения среди инородцев».[248] На обеих работах лежит печать большого влияния трудов С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова. Авторы не сочувствуют восставшим, называют их «бунтовщиками», «ворами» и почти не интересуются вопросами внутренней жизни повстанческого лагеря.

Близко по своей научной ценности к рассмотренным работам примыкает «Историческое обозрение Симбирска» К. И. Нево-

---

[244] А. И. Соловьев. Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии. Симбирск, 1908.

[245] С. Порфирьев. Разинщина в Казанском крае. Известия О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, т. XXIX, вып. 5-6. Казань, 1916.

[246] Там же, стр. 312—318.

[247] Там же, стр. 356—366.

[248] Там же, стр. 366.

струева.[249] Оно содержит много сведений и деталей, взятых автором из документов различных симбирских архивов (позже сгоревших во время пожара города), особенно о двукратной осаде Симбирска войском Разина, а затем повстанцами во главе с атаманом Ф. Шелудяком. Автор проявляет правильное понимание антикрепостнической направленности восстания Разина, который «взбунтовался против царя и хотел освободить крестьян от помещиков»,[250] но не сочувствует восставшим и восхваляет защитников города, выдержавших две осады. Статья А. Кабанова,[251] последняя по времени о восстании Разина, опубликованная до установления Советской власти, в которой автор освещает «приемы борьбы обеих враждующих сторон как разинцев, так и московского правительства»,[252] на большом фактическом материале их столкновений в пределах территории Нижегородского края. Статья тенденциозна, в ней автор оправдывает зверские приемы расправы карателей над восставшим народом. Соответственно фальсифицируя справедливые меры восставших против своих угнетателей, он пишет, что «приемы „воров" встречали почти точное соответствие и в приемах правительства».[253]

В начале XX в. были выявлены и включены в научный обиход многие весьма важные для изучения истории восстания источники. Систематически стали выходить из печати тома документов бывшего Посольского приказа фонда Донские дела,[254] содержащие богатые материалы о положении на Дону в десятилетия, предшествующие восстанию Разина, и о взаимоотношениях донского казачества с царским правительством. Опубликованы были дела Тайного приказа,[255] давшие немало любопытных сведений о восстании. Появились в русском переводе сочинения иностранцев с известиями о восстании: Койэтдера,[256] Шардена,[257] Рейтенфельса.[258] Публиковалось много отдельных документов о восстании в качестве приложений к работам, посвященным ему, и включений в различные документальные издания,[259] среди которых «Письмо С. Разина к казанским татарам»,

[249] К. И. Невоструев. Историческое обозрение Симбирска. Симбирск, 1909.

[250] Там же, стр. 14.

[251] А. Кабанов. Разинцы в Нижегородском крае (приемы бунта и усмирения). Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.

[252] Там же, стр. 416.

[253] Там же, стр. 420.

[254] Донские дела, кн. I. СПб., 1898; кн. II. СПб., 1906; кн. III. СПб., 1909; кн. IV. СПб., 1913; кн. V. СПб., 1917.

[255] Дела Тайного приказа, кн. I. СПб., 1907.

[256] Посольство Кунрада фан Кленке к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900

[257] Путешествие кавалера Шардена от Константинополя до Джульфа. Кавказский вестник, 1900—1901.

[258] О событиях Московских светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III. ЧОИДР, 1905, № 3.

[259] М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, док. № 24, 26, 50, 51, 54, 65, 66, 71, 72.

«Чин анафемаствования С. Разина» и другие интересные документы.

Подводя итоги изучения восстания С. Разина за указанный период, необходимо отметить, что еще В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» писал, что «домарксовская „социология" и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса».[260] Это положение полностью применимо и к дворянско-буржуазной историографии восстания. Дворянские и буржуазные историки, в силу своей классовой ограниченности, отражая боязнь господствующих классов революционных выступлений крестьян и рабочих, не смогли подняться до подлинно научного понимания восстания в целом.

Они не видели в нем выражения классовой революционной борьбы крестьянства и изображали его как движение разбойных казаков, увлекших за собой своими преступными действиями и обманом «худшие», «неустойчивые» элементы народа (дворянские историки); как бунт анархически настроенных элементов населения страны, прежде всего казачества, против централизующей и организующей роли государства, использовавшего в своих разрушительных антигосударственных целях народные массы страны, примкнувшие к ним по различным причинам, в том числе и из-за недовольства тяжелыми социальными условиями жизни (буржуазные историки); как выражение «извечной народной оппозиции» к существовавшим в стране порядкам «боярско-приказного» управления, наиболее активными силами которой опять-таки являлись казацкие «голутвенные», в широком понимании этого термина, слои населения (буржуазные историки начала XX в.).

Все они не раскрыли социальное существо восстания — антифеодальное и антикрепостническое содержание: дворянские историки замалчивали и отрицали его; Н. И. Костомаров и другие буржуазные историки или не придавали ему должного определяющего значения или же, применяя по отношению к восстанию термин «социальная революция», недооценивали социальные противоречия, свойственные восстанию, — искажали их классовую природу. Они трактовали действия восставших как борьбу, направленную против частной собственности вообще, за уравнительные принципы пользования ею, тем самым искажая исторические перспективы восстания (буржуазные историки начала XX в.). В отдельных случаях некоторыми буржуазными историками отмечалась борьба восставших против крепостного права, но из этого не делалось каких-либо обобщающих выводов для трактовки восстания в целом.

Относя восстание Разина прежде всего к области политиче-

---

[260] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57.

ской борьбы, дворянско-буржуазные историки искажали ее содержание, трактуя эту борьбу не как протест крестьянства против гнета феодально-крепостнического государства, а как борьбу, направленную на разрушение государственности вообще (С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров), или же как борьбу, вызванную непорядками и злоупотреблениями в системе государственного управления, виновниками которых были правящие верхи — бояре, воеводы и приказные люди (дворянские и буржуазные историки XX в.). Первые, используя народную веру в царя, «наивный монархизм», проявленный в ходе восстания, видели в нем доказательство народности и прочности дворянско-самодержавного строя (Д. Иловайский); вторые же, подчеркивая направленность восстания против правящей верхушки страны, усматривали в этом историческое обоснование необходимости введения в стране буржуазных представительных учреждений и рисовали восстание как одно из событий, положивших начало борьбе за буржуазные свободы (Б. Глинский, И. Катаев, Н. Фирсов и др.).

Идеалы к которым якобы стремились, по представлению дворянско-буржуазных историков, восставшие: желание поживиться и приобрести возможности к легкой жизни (дворянские историки); добиться распространения казацкого уклада жизни, с его будто бы уравнительными принципами, создание казацкого царства (буржуазные историки) — не содержали в себе ничего положительного, исторически уже изжили себя, других же идеалов восставшие не смогли создать, а потому восстание было лишено всякого смысла — оно было бесплодно и бессмысленно. Даже в лучшем случае, при его победе, страна должна была вернуться к старому порядку. Его прогрессивность и положительное историческое значение дворянско-буржуазными историками решительно отвергалось. Несмотря на присущую некоторым из них апелляцию к народности (Н. И. Костомаров, Н. Н. Фирсов и др.), все их работы проникнуты пренебрежительностью и ненавистью к восставшим, написаны в антинародном духе. Проявляется также в работах дворянско-буржуазных историков тенденция показа восстания Разина как движения антинародного (А. П. Сумароков, Н. И. Костомаров, В. Корсакова и др.).

Трактовка восстания дворянско-буржуазной историографией, общая концепция понимания его, далекая от исторической правды и искажающая ее, не содержали ничего положительного, подлинно научного, достойного наследования советскими историками. Вместе с тем классовая тенденциозность в отборе источников, их низкий археографический уровень обработки, отсутствие должного источниковедческого анализа и разбросанность по многочисленным изданиям весьма затрудняют, а в некоторых случаях делают невозможным их научное использование.

Но нельзя не отметить, что огромный фактический материал

о восстании, содержащийся в работах дворянских и буржуазных историков, освещение в них отдельных сторон и событий в его развитии, несмотря на внешне описательный характер, классовую тенденциозность и односторонность, выразившуюся в преимущественном отражении действий правительственного лагеря, направленных на подавление восстания, а не показе борьбы восставших и т. п., имело определенное положительное значение для развития советской историографии о восстании С. Разина, особенно на ее начальном этапе.

Далекими от исторической действительности, искажающими ее были и представления о восстании революционных народников, видевших в нем борьбу за общинный строй жизни крестьянства, в основе которого якобы лежали социалистические принципы.

Начало достойного наследства в понимании восстания С. Разина, воспринятого советскими историками, было заложено А. Н. Радищевым, декабристами и революционерами-демократами, которые, хотя и не оставили ни одной специально посвященной восстанию конкретно-исторической работы, но в своих публицистических трудах правильно поставили и решили основные принципиальные вопросы: его глубоко народное революционное содержание, антикрепостническую направленность и историческую прогрессивность. Взгляды эти на восстание Разина, как и на другие крестьянские восстания феодального периода, получили дальнейшее развитие во многих трудах В. И. Ленина, творчески преломившего при анализе российской исторической действительности идеи, высказанные по вопросу крестьянских восстаний основоположниками марксизма — К. Марксом и Ф. Энгельсом. Труды классиков марксизма — К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, — их взгляды на крестьянские восстания феодальной эпохи и явились тем драгоценнейшим наследством, на основании которого советские историки разработали свою концепцию понимания восстания.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1670—1671 ГОДОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась поворотным моментом в разработке истории героической борьбы трудящихся нашей страны против гнета помещиков, капиталистов и самодержавия вообще и крестьянской войны 1670—1671 гг. в частности. Методологической основой советской исторической науки стало учение марксизма-ленинизма. Основоположники его творцом истории считают народ — широкие массы трудящихся, осуществляющие производство материальных благ, необходимых для существования и развития общества. Они утверждают, что роль трудящихся масс в истории классовых обществ находит особо яркое выражение в борьбе против эксплу-

ататорских классов. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту рабовладельческого, феодального и капиталистического обществ. Именно имея в виду историю указанных обществ и придавая этому особое значение, в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что вся предшествующая история общества есть история борьбы классов.

В истории феодального общества классики марксизма придают решающее значение борьбе крестьянства против угнетателей — феодальных землевладельцев, так как в те времена крестьянство представляло подавляющее большинство трудящихся масс и основная линия классовой борьбы определялась антагонизмом крестьян и феодалов. «Все крупные восстания средневековья исходили из деревни...», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии».[261] «Вся эпоха крепостного права... полна постоянных восстаний крестьян... Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России», — говорил в лекции «О государстве» В. И. Ленин.[262]

Важнейшие принципиальные вопросы истории крестьянских восстаний периода феодализма получили освещение в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Определяющей причиной крестьянских восстаний периода феодализма было стремление крестьян избавиться от феодальной эксплуатации и крепостного права. Накануне крестьянской войны 1525 г. в Германии «грабеж крестьян дворянством с каждым годом становился все более изощренным. Из крепостных высасывали последнюю каплю крови, зависимых людей облагали новыми поборами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями»,[263] — писал Ф. Энгельс. В стремлении крестьянства избавиться от этого гнета и зависимости он видел основную причину восстаний. Стремление к уничтожению крепостничества, говорил В. И. Ленин, было основным и в борьбе русского крестьянства дореформенного времени.[264] «...Мысли об *уничтожении*... собственности... власти (помещиков. — *И. С.*), — писал В. И. Ленин, — ...не могли не бродить в головах крепостных крестьян».[265] Это стремление крестьянства к избавлению от феодальной эксплуатации и крепостного права, к уничтожению «собственности и власти помещиков» и придавало всей борьбе резко выраженный антифеодальный и антикрепостнический характер. Перед угрозой обнищания и полного разорения крепостной крестьянин поднимался на открытую борьбу против всех

---

261 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 52.
262 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.
263 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 350.
264 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 80.
265 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

форм феодальной зависимости, чтобы добиться более или менее сносных условий для ведения своего хозяйства и жизни. Он стремился получить личную свободу.

Классики марксизма-ленинизма в своих работах отметили характерные особенности классовой борьбы крестьян периода феодализма, отличающие ее от борьбы рабочего класса при капитализме, — стихийность и неорганизованность. В. И. Ленин считал, что в России даже накануне 1861 г. «народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными „бунтами"».[266]

Неорганизованность крестьянских выступлений против феодального гнета, отмечал Ф. Энгельс, явилась результатом их разобщенности по отдельным мелким селениям, феодальным владениям и в самом процессе сельскохозяйственного производства. «Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего соглашения».[267] Наиболее отрицательным проявлениями неорганизованности крестьянских выступлений явились их локальность[268] и неподготовленность.[269] Стихийность крестьянской борьбы была результатом, подчеркивал В. И. Ленин, «неразвитости и темноты крестьян»[270] и сказалась в неспособности их политически осознать задачи этой борьбы — «они были неспособны... ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже „бунтов", не освещенных никаким политическим сознанием».[271] Несмотря на тяжелый гнет, их «все же трудно было, — писал Энгельс, — поднять на восстание».[272] Этому мешала их разобщенность и «долгая, переходившая от поколения к поколению привычка к подчинению».[273] Лишь доведенные до крайности жестокой эксплуатацией и произволом, ожесточенные крестьяне отдельных мест и селений внезапно восставали — «бунтовали».

Одним из проявлений стихийности крестьянского движения было непонимание русским крестьянством классовой природы царской власти. Ф. Энгельс писал, что «русский народ... устраивал... бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *против царя — никогда,* кроме тех случаев, когда во главе народа ста-

---

266 Там же, стр. 140.
267 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 357.
268 См. там же.
269 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 195—196.
270 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 229.
271 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.
272 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 357.
273 Там же.

новился *самозванец* и требовал себе трона».[274] «Крестьяне требовали отмены крепостного права, — писал В. И. Ленин, — ничего не имея против царской власти и веря в царя».[275] В работах, посвященных 9 января 1905 г., В. И. Ленин не раз и более детально останавливался на отношении русского крестьянства к царю. Он называл эту веру в царя «исконной крестьянской верой», «наивной», «патриархальной», отмечал, что «долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру», что от царя крестьяне (а до 9 января 1905 г. и рабочие) надеялись найти облегчение «своего невыносимо тяжелого положения», обвиняя «во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже *только* обманывающих царя чиновников».[276] Крестьянство не понимало, «почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения».[277] Его «наивный монархизм» мешал этому.

Характеризуя исторические условия, в которых развертывалась борьба русского крестьянства против феодального гнета, В. И. Ленин особое внимание обратил на отсутствие в то время таких социальных сил, которые могли бы оказать помощь разобщенному и темному крестьянству — на одинокость крестьянства в борьбе против феодального гнета и крепостного права. В. И. Ленин с сожалением отмечал, что «когда было крепостное право... у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих».[278] В другом случае — в статье «О конституционных иллюзиях», — ставя этот вопрос хронологически шире и не только применительно к России, В. И. Ленин подчеркивал необходимость такой помощи для крестьян и указывал, от кого она может быть ими получена: «...организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата».[279]

Борьбу крестьянства феодального периода классики марксизма-ленинизма считают борьбой революционной, а следовательно, прогрессивной. Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии», говоря о «революционной оппозиции» против феодализма, проходившей через все средневековье и проявлявшейся, «соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»,[280] име-

---

274 К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1948, стр. 49.

275 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр 80.

276 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 217.

277 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 211.

278 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

279 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 41.

280 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 361.

ет в виду прежде всего борьбу крестьянства. В. И. Ленин во многих случаях говорит о революционности крестьянского движения против крепостного права и его пережитков. Мысли крестьян об уничтожении собственности и власти помещиков он называет «революционными мыслями» и отмечает, что они «не могли не бродить в головах крепостных крестьян».[281] В проекте Программы нашей партии он указывает, что «наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит... ни малейшему сомнению».[282] Мысль о реакционности крестьянского движения В. И. Ленин считает «идиотской», «ренегатской», «чудовищным извращением марксизма».[283] Однако, говоря о революционности, он не отождествляет его с сознательным (вооруженным научной программой действий) и организованным (ведущимся под руководством парторганизаций) революционным движением рабочих. Он считает, что в момент отмены крепостного права «революционное *движение* в России было... слабо до ничтожества, а революционного *класса* среди угнетенных масс вовсе еще не было... В 1905 году родился на Руси революционный *класс* — пролетариат, который сумел поднять и крестьянскую массу на революционное движение».[284] Стихийная и неорганизованная борьба крестьянства против феодально-крепостного строя была революционна, а следовательно, и прогрессивна, так как велась она революционными методами в интересах широких масс трудового крестьянства и расчищала пути для более прогрессивного общественного строя.

Обращаясь к конкретной истории крестьянских движений периода феодализма, классики марксизма обратили внимание на разнообразие форм крестьянской борьбы. На примере немецкого крестьянства Ф. Энгельс отметил особую роль религиозных ересей, под покровом которых часто велась эта борьба.[285] В. И. Ленин связывал также рост «в крестьянской среде сектантства и рационализма» с нарастающим в его среде протестом и отмечал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития».[286] Наиболее распространенной формой антифеодальной борьбы крестьян Ф. Энгельс считал местные восстания.[287] В. И. Ленин, говоря о крестьянском движении в дореформенный период, обычно отмечает, что крестьяне «были неспособны... ни на что, кроме раздробленных единичных

---

281 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.
282 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.
283 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 229.
284 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 172.
285 См.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 360—361.
286 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.
287 См.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 357.

восстаний».[288] Ф. Энгельс назвал свою работу о восстании немецких крестьян в 1525 г. «Крестьянской войной в Германии». Таким образом, он выделил борьбу немецких крестьян в 1525 г. из обычных крестьянских восстаний. Крестьянская война, по мнению Энгельса, это особая форма антифеодальной борьбы — такая форма, при которой она получает размах «общенационального крестьянского восстания».[289] Эта форма отнюдь не является национальной особенностью антифеодальной борьбы немецкого крестьянства. К тому времени «англичане, французы, чехи, венгры, — писал Ф. Энгельс, — уже успели проделать свои крестьянские войны».[290]

Социально-экономическая обстановка, в условиях которой возникали крестьянские войны, характеризуется классиками марксизма-ленинизма, как переходный период от феодализма к капитализму. Ф. Энгельс относит крестьянскую войну в Германии ко времени «разложения феодализма в обществе».[291] В. И. Ленин считал, что примерно с XVII в., времени, с которого в России стали возникать крестьянские войны, начался «новый период русской истории», который характеризуется «растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок», созданием национальных и буржуазных связей.[292]

Несмотря на открытый характер, остроту и ожесточенность антифеодальной борьбы во время крестьянских войн, Ф. Энгельс считает эту борьбу в основе такой же стихийной и неорганизованной, какой была классовая борьба крестьянства периода феодализма вообще. Именно в этом он и усматривает их обреченность и неизбежность поражения. Все крупные восстания крестьянства периода средневековья «из-за раздробленности и связанной с ней крайней отсталости крестьян, — считали К. Маркс и Ф. Энгельс, — ...оставались совершенно безрезультатными».[293] В ходе крестьянской войны 1525 г., писал Энгельс, немецкие крестьяне «действовали в каждой провинции на собственный страх и риск, постоянно отказывая в помощи соседним восставшим крестьянам, и потому поочередно истреблялись в отдельных сражениях войсками, численность которых не достигала даже десятой части всей массы восставших»,[294] что явилось следствием «взаимной отчужденности крестьян различных провинций».[295] Он отмечал, что в большинстве местностей Германии

---

288 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

289 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 357.

290 Там же, стр. 437.

291 Там же, стр. 354.

292 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153, 154.

293 К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 52.

294 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 435.

295 Там же.

«даже крестьяне и плебеи... не смогли объединиться для совместных действий и становились друг другу поперек дороги»[296] и что «местная и провинциальная раздробленность и неизбежно порождаемая ею местная и провинциальная узость кругозора привели все движение к гибели».[297] Немецким крестьянам времени крестьянской войны, по мнению Энгельса, «некоторые шансы на победу мог... дать только союз с другими сословиями; но как могли они (крестьяне. — *И. С.*) заключить союз с другими сословиями, если каждое из них без исключения являлось эксплуататором крестьян?»[298] Вообще, Ф. Энгельс считал, что в основе «неудачи» крестьянской войны 1525 г. лежали объективные условия — «раздробленность Германии», определившая и «распыление классовой борьбы».[299] В. И. Ленин причинами поражения крестьянских восстаний в России считал: темноту и несознательность крестьян, отсутствие у них «ясных *политических* требований», неподготовленность выступлений и одиночество.[300]

Отмечая обреченность крестьянских выступлений, в том числе и крестьянских войн, против феодального гнета, вскрывая причины их поражений, классики марксизма-ленинизма в то же время придают этой борьбе большое историческое значение. Ф. Энгельс, подчеркивая особое значение для истории Германии крестьянской войны 1525 г., называет ее «Великой крестьянской войной».[301] Она положила начало открытой борьбе за уничтожение феодализма, что, «выражаясь положительно, есть то же самое, что установление буржуазного строя».[302] В широком перспективном плане Ф. Энгельс связывает крестьянскую войну 1525 г. с буржуазной революцией 1848 г., вскрывает значение уроков и традиций крестьянской войны для борьбы за победу более прогрессивного буржуазного общественного строя над феодальным. В еще более широком перспективном плане, выступая на открытии памятника Степану Разину, В. И. Ленин показал историческое значение крестьянской войны 1670—1671 гг. в борьбе многих поколений русских крестьян и рабочих за свободу действительную «когда членами общества будут только работники».[303]

В трудах классиков марксизма-ленинизма содержится также ряд конкретных соображений и характеристик, относящихся к истории крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Карл Маркс, интересуясь социально-экономическим положением России, изучил труды многих русских историков, и в

296 Там же.
297 Там же.
298 Там же, стр. 357.
299 Там же, стр. 434, 435.
300 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194—196.
301 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 345.
302 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1932, стр. 13.
303 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 326.

том числе монографию Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Особое внимание К. Маркса привлекли первые три главы указанной монографии, в которых автором рассматривается социальная обстановка в стране, определившая широкое развитие поднятого Степаном Разиным восстания. Эти главы Карл Маркс законспектировал с особой полнотой и тщательностью. И это не случайно. Главы своим фактическим содержанием соответствовали известному положению, высказанному К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в их коллективном труде «Немецкая идеология»: «Все крупные восстания средневековья исходили из деревни...»[304] Указанные главы являются лучшей частью монографии Н. И. Костомарова.

Внимательное сопоставление конспекта с монографией убеждает, что К. Маркс творчески переосмыслил излагаемый Н. И. Костомаровым материал, отбросил буржуазно-объективистские положения, отверг антинародный, враждебный дух, присущий монографии, изменил в ряде случаев характеристики некоторых участников войны и сделал немало интересных обобщений и замечаний об отдельных событиях.

Резко отрицательная характеристика, данная Н. И. Костомаровым Степану Разину, не была воспринята К. Марксом. В конспекте Маркс счел необходимым отметить лишь связь Степана Разина с голутвенным казачеством и его взаимоотношения с атаманом Корнилой Яковлевым.[305] Правительственная версия о якобы предательском бегстве Степана Разина из-под Симбирска, обыгранная в монографии, также не нашла отражения в конспекте. Маркс отметил лишь сам факт ухода Степана Разина от Симбирска как следствие понесенного им там поражения и отрицательное значение этих событий для последующего развития крестьянской войны.[306] Многие страницы работы Н. И. Костомарова с подробным описанием «неистовств», учиненных Степаном Разиным и его сподвижниками в Астрахани, вызвали у Маркса размышления о классовой направленности действий Степана Разина, и он записал: «...его везде встречали с ликованием крестьяне и городские народные массы, поскольку их вообще можно назвать городскими».[307] Это замечание К. Маркса исключительно важно. Оно определяет классовый, преимущественно крестьянский характер движения, возглавленного Степаном Разиным.

На несоответствие характеристики, данной К. Марксом атаману Корниле Яковлеву, с характеристикой его в книге Н. И. Костомарова, в литературе уже обращалось внимание.[308] Следует лишь дополнить, что Маркс несколько раз говорит о Корниле

---

304 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 52.
305 См.: «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 119.
306 См. там же, стр. 123.
307 Там же, стр. 122.
308 См. там же, стр. 105.

Яковлеве[309] и во всех случаях в отрицательном плане. Весьма интересны и отдельные обобщения, которыми Маркс заменяет целые страницы монографии Костомарова. Так, например, существо взаимоотношений между возвратившимся из Каспийского похода Степаном Разиным и астраханскими властями, о которых так много и противоречиво говорится в монографии, Маркс определяет кратко и метко: «Разин вошел с ними в соглашение (разыгрывает из себя верноподданного россиянина)».[310] Конспект Карла Маркса «Степан Разин» содержит немало ценных конкретных суждений, характеристик и замечаний, помогающих изучению истории крестьянской войны под предводительством Степана Разина.

В работах В. И. Ленина имя Степана Разина впервые упоминается в статье «О чем думают наши министры?». Критикуя в ней министра внутренних дел Дурново, писавшего о недопустимости использования в воскресных школах в роли преподавателей лиц, не угодных правительству, которые говорят там о «закрепощении и раскрепощении сословий» и упоминают «о бунте Разина и Пугачева», В. И. Ленин заключает: «Должно быть, эти... имена и напугали так доброго министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы»,[311] т. е. крестьянские бунты. Так Ленин иносказательно связал имя Степана Разина, как и Емельяна Пугачева, с мятежным крестьянством. Много позже, в речи на открытии памятника Степану Разину, В. И. Ленин вновь вернулся к этой мысли и теперь уже прямо и открыто назвал Степана Разина представителем «мятежного крестьянства».[312]

Таким образом, в трудах классиков марксизма-ленинизма были поставлены и решены основные методологические вопросы истории крестьянских войн: о социально-экономической обстановке и причинах возникновения войн, о характере и особенностях борьбы крестьян в период крестьянских войн; о методах действий восставших крестьян и их идеологии; о причинах поражения крестьянских войн и их глубоко прогрессивном историческом значении. Решены были и многие конкретно-исторические вопросы применительно к отдельным крестьянским войнам и в частности крестьянской войне 1670—1671 гг. в России.

* *
*

В первые годы существования Советского государства особое внимание трудящихся нашей страны — рабочих и крестьян — привлекла история революционного движения, в том числе и история крестьянских войн. Народ хотел знать всю правду о борьбе своих предков против гнета помещиков, капиталистов и само-

309 См. там же, стр. 124, 125.
310 Там же, стр. 122.
311 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 79.
312 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 326.

державия, имена героев, беззаветно отдавших свою жизнь за свободу, за уничтожение власти помещиков и капиталистов.

Героическая борьба времен крестьянской войны 1670—1671 гг., имя ее предводителя Степана Разина не были забыты советским народом. В Москве 1 мая 1919 г. состоялась закладка памятника Степану Разину, на которой присутствовал и выступал В. И. Ленин. В своей речи, определяя историческое значение восстания Степана Разина, Ленин сказал: «Гибли лучшие люди пролетариата и крестьянства, борцы за свободу, но не за ту свободу, которую предлагает капитал, свободу с банками, с частными фабриками и заводами, со спекуляцией. Долой такую свободу, — нам нужна свобода действительная, возможная тогда, когда членами общества будут только работники. Много труда, много жертв надо будет положить за такую свободу. И мы сделаем все для этой великой цели, для осуществления социализма».[313] В своем выступлении В. И. Ленин как бы наметил единую линию героической борьбы трудящихся за «действительную свободу» от далеких времен восстания Степана Разина до построения социализма. Он определил классовое — крестьянское — содержание этого движения, назвав его организатора одним «из представителей мятежного крестьянства». Выступление В. И. Ленина 1 мая 1919 г. при закладке памятника С. Разину имеет исключительное значение для изучения истории крестьянской войны 1670—1671 гг. советскими историками.

Одним из первых советских историков, обратившихся к истории крестьянской войны 1670—1671 гг., был М. Н. Покровский. В вышедшую в 1920 г. книгу «Русская история в самом сжатом очерке» он включил главу «Крестьянская революция», в которой изложил события, связанные с народными движениями от времен Лжедимитрия до восстания под предводительством Степана Разина.[314] Самим названием главы «Крестьянская революция» автор подчеркнул классовое крестьянское содержание восстания под предводительством Степана Разина и его прогрессивное значение, что полностью соответствовало духу выступления В. И. Ленина на Лобном месте 1 мая 1919 г.[315]

Крестьянский характер восстания, возглавленного Степаном Разиным, и его историческое значение М. Н. Покровский позже не раз подчеркивал. Например, в лекциях слушателям Коммунистического университета в 1923 г., полемизируя с Б. Н. Чичериным, он говорил: «куда он (Чичерин. — *И. С.*) спрятал Разина, куда он спрятал Пугачева? Да разве одного Пугачева было недо-

313 Там же.

314 М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1920.

315 Вышесказанное является одним из многочисленных фактов, объясняющих положительное отношение В. И. Ленина к книге М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», который поздравил его с успехом и отметил «оригинальное строение и изложение» книги. — В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 488.

статочно, чтобы оценить, как крестьяне реагировали на закрепощение? А у нас был не один Пугачев, был еще Разин».[316] В 1926 г. в предисловии к первому тому документов о крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева,[317] правда, в косвенной форме, но не впервые, как замечает М. Нечкина,[318] М. Н. Покровский классовое содержание восстания Степана Разина опять-таки определяет крестьянским. «Последнее крестьянское восстание (имеется в виду восстание Е. Пугачева. — *И. С.*), — пишет он, — не выработало своей идеологии даже в том зачаточном виде, в каком она была у Разина». Наконец, в 1928 г. в статье «Н. Г. Чернышевский как историк», не соглашаясь с его положением, что «пока существует самодержавие, нет классовой борьбы», М. Н. Покровский с полной определенностью писал: «А смутное время, а разинщина, а пугачевщина, а бесчисленные бунты крестьян и убийства помещиков во времена уже самого Чернышевского? Это не классовая борьба?»[319] В «Русской истории в самом сжатом очерке» он характеризовал восстание Степана Разина как попытку «крестьянской массы сопротивляться надвигавшейся на нее бешеной эксплуатации, связанной с ростом товарного хозяйства».[320] Понимал М. Н. Покровский и классовое, крестьянское существо казачества. Чтобы в этом убедиться, достаточно раскрыть страницы той же «Русской истории...», где рассказывается о возникновении донского казачества: «...кто посмелее (имеются в виду беглые крестьяне. — *И. С.*), тот не останавливался... и пробирался по ту сторону пограничных лесов на совсем уже вольную землю (на Дон. — *И. С.*), где власть московского царя существовала только по имени и где крестьяне были в полной безопасности от царских приставов, помещиков и от тогдашней полиции... Так на юге московского рубежа образовались вольные казацкие поселения».[321]

Странным в этом свете, кажется утверждение М. Нечкиной о том, что якобы М. Н. Покровский лишь в 1923 г. в своих лекциях слушателям Коммунистического университета[322] признал «крестьянское существо казацких масс», и то «неполно и с оговорками».[323] Крестьянское классовое существо казачества было пре-

---

316 М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. I. М.—Л., 1933, стр. 40.

317 «Пугачевщина». Сб. док. Центрархива, т. I. М.—Л., 1926.

318 М. В. Нечкина. Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского. В сб.: «Против исторической концепции М. Н. Покровского». М.—Л., 1939, стр. 254.

319 М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. II, М.—Л., 1933, стр. 202.

320 М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932, стр. 107.

321 Там же, стр. 46.

322 М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. I, стр. 90.

323 М. В. Нечкина, ук. ст. В сб.: «Против исторической концепции М. Н. Покровского», стр. 254.

дельно ясно Покровскому, а поэтому и название движения Степана Разина «казацко-крестьянским восстанием» не смущало его. Оно выражало не противопоставление казачества крестьянству, а их единство и в то же время подчеркивало особую роль в восстании казачества. Приведенные данные дают полное основание считать, что уже тогда, в первые годы Советской власти, Покровский правильно определил свое принципиальное отношение к восстанию под предводительством Степана Разина.

Несколько слов о терминологии, применяемой Покровским по отношению к движению Степана Разина в «Русской истории...» и в последующих его работах. Пренебрежительный термин «разинщина», по существу выражавший отрицательное отношение к восстанию и ориентирующий на признание преувеличенного значения в движении личности Степана Разина, что идет вразрез с марксистским пониманием роли народных масс и личности в истории, получивший широкое распространение в работах буржуазных и мелкобуржуазных историков XX в., не нашел полного признания в работах Покровского. В «Русской истории...» он ни разу не употреблен, так же как и уменьшительное имя Степана Разина — Стенька. Почти не употребляет Покровский этот термин и в своих последующих работах. Можно указать лишь несколько подобных случаев.[324] Утверждение М. В. Нечкиной, что «всюду у Покровского, как и принято было в дворянско-буржуазной исторической литературе, восстания Разина и Пугачева именуются „разинщиной" и „пугачевщиной"»,[325] является преувеличением. Термин «разинщина» пришел в советскую историческую науку не от Покровского и не через него. Если уже говорить о его роли в терминологии истории восстания Степана Разина, то прежде всего следует отметить применение им термина «революция». Он вошел в историю крестьянских войн России и получил несколько позже широкое распространение в науке с легкой руки Покровского. В «Русской истории...» он применяется автором в двух значениях: в широком, когда он называет главу книги, охватывающую хронологически большой отрезок времени, заполненный активными выступлениями крестьян против феодального гнета, — «крестьянская революция», и в узком, когда он использует его лишь применительно к восстанию Степана Разина и называет его «казацко-крестьянской революцией». Насколько правомерно применение термина «революция» в обоих случаях? В. И. Ленин называл крестьянское движение против феодального гнета и крепостного права революционным, имея в виду революционные методы борьбы крестьян и ее прогрессивное значение. Следуя существу ленинских высказываний, о крестьянской революции можно говорить в широком плане,

---

324 См.: М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. I, стр. 40; «Пугачевщина», т. I, Предисловие.

325 М. В. Нечкина, ук. ст. В сб.: «Против исторической концепции М. Н. Покровского», стр. 255.

как о борьбе крестьянства против феодального гнета, крепостного права и всех пережитков крепостничества на протяжении всего периода перехода от феодального строя к буржуазному. В этом свете восстание во главе со Степаном Разиным можно считать одним из моментов или проявлений развития крестьянской революции — революционной борьбы крестьянства. В. И. Ленин не применял термина крестьянская революция к отдельным крестьянским восстаниям, хотя и считал их революционными. Не применял, по-видимому, потому, что само понятие революция предполагает сознательные и организованные действия, что никак не согласуется со стихийностью и неорганизованностью крестьянского движения. Следовательно, использование М. Н. Покровским в своих работах названия «крестьянская революция» и «казацко-крестьянская революция» было неправомерно. Но название крестьянского восстания «крестьянской революцией» выражало определенно положительное отношение к борьбе крестьян против феодального гнета и указывало на понимание ее прогрессивности, хотя применение этого термина являлось модернизацией и таило большие опасности в трактовке степени сознательности и организованности действий восставших крестьян в ходе крестьянских войн. У М. Н. Покровского это нашло проявление в его предисловии к первому тому документов «О крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева».[326] Несколько позже это стало одним из обстоятельств, определивших большое преувеличение сознательности и организованности крестьянской борьбы, особенно во время крестьянских войн, в работах некоторых советских историков, приведшее к недопустимым искажениям исторической правды.

Подводя некоторые итоги сказанному о взглядах М. Н. Покровского на историю восстания, следует отметить его принципиально правильные позиции в решении основных вопросов: признание прогрессивного значения восстания в историческом развитии страны и классового, преимущественно крестьянского содержания. Эта позиция Покровского была передовой и оказала положительное влияние на дальнейшую марксистскую разработку истории крестьянской войны 1670—1671 гг. Ему принадлежит также бесспорная заслуга включения, в позитивном плане, истории крестьянской войны 1670—1671 гг. в общий курс истории нашей страны. Однако неразработанность марксистской концепции отечественной истории, неумение Покровского правильно применить для ее разработки учение классиков марксизма об общественно-экономических формациях, преувеличение в истории страны роли торгового капитала не позволили ему более четко и конкретно определить место и значение крестьянской войны 1670—1671 гг. в исторических событиях феодальной России XVII в. Однако сам факт такой попытки и показ клас-

[326] «Пугачевщина», т. I, Предисловие.

сового содержания восстания Степана Разина имели положительное значение для дальнейшего изучения. Историзм в подходе к научному наследию М. Н. Покровского, который мало свойствен статье М. Нечкиной «Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского» и всему сборнику «Против исторической концепции М. Н. Покровского»,[327] где она помещена, с неизбежностью ведет к признанию за ним определенных заслуг в марксистской разработке истории крестьянской войны 1670—1671 гг.

М. Н. Покровский не привел свои конкретные суждения по отдельным вопросам истории крестьянской войны 1670—1671 гг., высказанные им в «Русской истории...», в полное соответствие с принципиальным отношением к нему как движению революционному и прогрессивному, а по классовому содержанию крестьянскому. Этому помешали все те же, только что указанные причины. Он не смог правильно охарактеризовать социально-экономическую обстановку возникновения крестьянской войны 1670—1671 гг. как времени растущего значения в развитии феодального общества товарно-денежных отношений, резкого усиления на этой основе эксплуатации крестьянства и ухудшения его правового положения, а связал ее в самой общей форме с действиями торгового капитала. Он не понял общероссийского характера тех социально-экономических условий, которые явились причиной восстания, сведя их к противоречиям местного значения, свойственным Поволжью (территории, где, по его мнению, особенно активно действовал торговый капитал), и обосновал его «периферийность». Он не смог конкретно показать положительное историческое значение крестьянской войны, а лишь его декларировал. Наконец, применением к истории крестьянской войны 1670—1671 гг. термина «революция» допустил модернизацию в ее понимании.

Мы нарочито подробно остановились на разборе взглядов Покровского на крестьянскую войну 1670—1671 гг. Нельзя забывать, что он имел многих последователей и подражателей. Естественно, что все сказанное им о крестьянской войне 1670—1671 гг. было воспринято и получило в работах молодого поколения историков дальнейшее развитие как в позитивном, так и в негативном плане. Да и не только историки молодого поколения учились у М. Н. Покровского, но и многие историки, взгляды которых сложились еще в дореволюционное время, ориентировались на Покровского и многое заимствовали у него.

Стремление к социологическому осмыслению крестьянских восстаний периода феодализма, в частности восстания Разина, подобно Покровскому, проявилось и у других авторов исторических работ широкого диапазона. Например, М. Балабанов в

---

[327] М. В. Нечкина, ук. ст. В сб.: «Против исторической концепции М. Н. Покровского».

своих трудах [328] уделяет определенное место классовой борьбе крестьян периода феодализма. Его особенно интересует вопрос, почему эта борьба, принимавшая «яркие формы революционной борьбы... (вплоть до массовых вооруженных восстаний и гражданской войны)... не приводила к революционному кризису». Применяя ленинское учение о революционной ситуации, он приходит к правильному заключению, считая, что в те времена не было всех трех элементов, необходимых для создания революционной ситуации. «В верхах не только не было кризиса, но господствующие классы обладали достаточной силой, чтобы и удерживать свое господство, и приводить крестьянство к „покорности". Крестьянская масса проявляла исключительную активность, на которую она способна, но эта активность разбивалась силой дворянства».[329] Этим аргументом автором была дана основа как для решения вопроса о причинах поражения восстания С. Разина, так и для признания неправомерности применения к нему в отдельности названия революции.

В работе И. И. Полосина [330] на вопрос: «Что такое разиновщина?»,— дается определенный ответ: это «революционное движение второй половины XVII века». В предисловии к сборнику документов — «Крестьянские движения XVII—XVIII веков», составленному В. Викторовым,[331] народные восстания XVII—XVIII вв. характеризуются прежде всего как крестьянские, «где главную действующую силу составляло крестьянство».[332] Автор считает, что «крестьянские движения в России заключали в себе некоторые черты возможных буржуазных преобразований» [333] и что в случае успеха восстания Разина могли бы создаться «условия для развития торгово-капиталистических отношений на основе роста городского ремесла и фермерского крестьянского хозяйства»,[334] что неизбежно привело бы «к расцвету буржуазных отношений в России».[335]

Марксистское обобщение русского исторического процесса в работах М. Н. Покровского и других историков-марксистов имело большое влияние на развитие исторической науки в первые годы Советской власти, но оно не было всеохватывающим. В те времена на всех участках жизни страны происходила активная борьба с идеологией господствующих классов, в том числе и в

---

328 М. Балабанов. История революционного движения в России. Киев, 1925; Его же. Очерки истории революционного движения в России. Л., 1929.

329 М. Балабанов. Очерки истории революционного движения в России, стр. 5.

330 И. И. Полосин. Крестьянская революция (XVII в.). М., 1926, стр. 45.

331 В. Викторов. Крестьянские движения XVII—XVIII веков. Сб. док. и матер. с примечаниями. М., 1926.

332 Там же, стр. V.

333 Там же, стр. VII.

334 Там же, стр. VI—VII.

335 Там же, стр. VI.

области исторической науки. Появлялись еще исторические работы, по своим идейным позициям весьма и весьма далекие от марксизма. Авторами этих работ были буржузные и мелкобуржуазные историки. Они продолжали разрабатывать отдельные исторические проблемы с позиций своих прежних взглядов на историческое развитие России, не имеющих никакого отношения к марксизму. Особенно много таких работ появилось в первые годы Советской власти по истории феодальной России, так как старое поколение историков-марксистов — историки-большевики — проблематикой феодального периода истории России занималось мало, а молодое поколение историков-марксистов обратилось к ней несколько позже.[336]

Мелкобуржуазный историк Н. А. Рожков в первые годы Советской власти, вслед за Плехановым, открыто проповедовал по существу меньшевистские взгляды о реакционности крестьянского движения.[337] В одной из лекций, прочитанных на педагогических курсах в 1918 г., он объявил мнение о прогрессивности восстания С. Разина, как и восстаний И. Болотникова и Е. Пугачева,— легендой. Он утверждал, что все указанные восстания, хотя и возникли «от несносного положения народных масс... были протестом против этого положения», но «по тому направлению, которое в них скрывалось, были прямо реакционны».[338] По его мнению, С. Разин, И. Болотников, Е. Пугачев «желали возврата... к тому положению, в котором находилась Россия в Киевский период, когда главными отраслями хозяйства были (якобы.— *И. С.*) охота и рыболовство с некоторой примесью экстенсивного и крайне несовершенного скотоводства».[339] Если бы восстание Разина победило, то, по представлению Н. А. Рожкова, России «пришлось бы пережить снова тот исторический период, который прошел между IX веком и XVII».[340] Обосновывая свою «идиотскую» и «ренегатскую» точку зрения о реакционности крестьянского восстания[341] С. Разина, Н. А. Рожков не только допустил большие отклонения от исторической правды в характеристике социально-экономического строя древней Руси, но произвольно приписал ему стремление вернуться к тем далеким временам. Позже в «Русской истории в сравнительно-историческом освещении»,[342] где Рожков попытался дать свою концепцию русской истории, по его мнению будто бы марксистскую,

336 Л. В. Черепнин. Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма. «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 39.

337 Эти взгляды в завуалированной форме высказывались им в одной из его ранних работ «Город и деревня в русской истории» (Краткий очерк экономической истории России. Пг., 1918).

338 Н. А. Рожков. Методика преподавания истории и история XIX века. Пг., 1918, стр. 23.

339 Там же.

340 Там же.

341 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 229.

342 Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики), тт. I—XII. М.—Пг.—Л., 1919—1926.

он в схеме, положенной в основу этого труда, не нашел должного места для крестьянской войны под предводительством Степана Разина, ограничившись несколькими попутными замечаниями о ней. В одном из разделов главы X, посвященной духовной культуре XVII в., автор, резонно отмежевываясь от А. П. Щапова, крайне преувеличившего значение раскола в восстании, все же рассматривает восстание в свете развития старообрядческого движения и допускает ошибочные утверждения того же рода. «Бунт Разина» приводится им в качестве яркого примера «религиозно обоснованного» и «идеологически освящённого» раскольниками «неподчинения дворянскому государству».[343] Идея о реакционности крестьянского движения, в частности восстания Разина, являлась не только абсурдной, но и политически вредной. Она перекликалась с меньшевистским утверждением о контрреволюционности крестьянства и отрицанием его роли как союзника пролетариата. Она лила воду на мельницу врагов пролетарской революции и являлась «чудовищным извращением марксизма».[344]

Взгляды Н. А. Рожкова на историю крестьянской войны 1670—1671 гг. как на движение реакционное не встретили поддержки у советских историков. Они нашли лишь некоторое отражение в работах Н. Н. Фирсова и М. Я. Феноменова.

Из-под пера историков старой буржуазной школы в 20-х годах вышло несколько обобщающих работ по истории крестьянской войны 1670—1671 гг., в которых авторы в новых условиях советского строя в какой-то мере пересмотрели и переоценили результаты ее изучения дворянско-буржуазной историографией. Это были работы Н. Н. Фирсова, М. Я. Феноменова, В. Н. Пичеты и С. И. Тхоржевского. Обращение этих историков старой школы к тематике крестьянских войн в России может быть оценено положительно. Это свидетельствовало, наряду с другими фактами, об определенных сдвигах в идеологии буржуазных историков, а также об их исканиях дальнейших путей развития исторической науки, которые в конечном результате многих из них стихийно или сознательно привели к марксизму.

Н. Н. Фирсов и в годы Советской власти продолжал разработку истории восстания Разина и явился автором многих работ по этому вопросу.[345] В них он стремился преодолеть антинауч-

343 Там же, т. IV, стр. 325.

344 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 229.

345 Н. Н. Фирсов. Разиновщина. В кн.: «Народные движения в России до XIX века». М., 1924; Его же. Рецензия на книгу С. И. Тхоржевского «Стенька Разин». «Каторга и ссылка», 1924, № 4; Его же. К вопросу об изучении народных движений в России (рецензия на книгу С. И. Тхоржевского «Народные волнения при первых Романовых»). В сб.: «Исторические характеристики и эскизы», т. III, вып. 1. Казань, 1926; Его же. Замечания к вопросу о крестьянском движении в России. В сб.: «Исторические характеристики и эскизы», т. III, вып. 1. Казань, 1926; Его же. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. М.—Л., 1927; Его же. Разин и разиновщина. В сб.: «Исторические характеристики и эскизы», т. III, вып. 2. Казань, 1930.

ную трактовку восстания, данную в его дореволюционных работах, а вернее, старался с минимальными отступлениями внешне приспособить ее к новым условиям развития исторической науки.[346] Это приспособление особенно проявилось в модернизации многих общественных явлений времени С. Разина и в стремлении согласовать свою прежнюю трактовку восстания с трактовкой М. Н. Покровского. Естественно, поскольку автор с трудом отступал от своих прежних взглядов на историю восстания, все вновь заимствованное являлось наносным, неустойчивым, плохо согласованным с прежним и противоречащим ему. Автор, отдавая дань времени, признает крестьянское движение вообще[347] и восстание Разина в частности не только народно-оппозиционным, что он делал в своих прежних работах, но и революционным. Отмечая «стихийно-революционные чувства» в народных массах, породившие «народно-революционное движение, громовые раскаты которого отозвались во всех уголках сермяжной Руси», он говорит о революционных целях Разина, о стихийной народной революции, о крестьянской революции, о великой народной революции и т. п.[348] Одну из глав своей работы «Народные движения в России до XIX века» он называет «Революционное выступление Разина».[349] Следуя за «Русской историей в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского, где одна из глав названа «Крестьянская революция», он называет свою работу «Крестьянская революция на Руси в XVII веке».[350] Однако это признание революционности действий, методов борьбы восставших не согласуется с фактическим содержанием работ, которое осталось в основном прежним.[351] Признание автором революционности движения Степана Разина по существу было скорее чисто внешним, терминологическим, модернизаторским.

Стремясь осовременить далекое прошлое, придать ему определенную политическую остроту, Н. Н. Фирсов широко вводит новую терминологию, применяя к голутвенному казачеству термин «казацкий пролетариат», к казацкой верхушке — «казацкая буржуазия». Московское государство он именует «приказно-кулацким», пишет о «торгово-кулацком гнете», отождествляет революционную инициативу с «воровской» и, наконец, договаривается до того, что в уравнительных тенденциях, якобы свойст-

---

346 Он ни разу не отказывается от этой трактовки, не признает ее ошибочности даже в частностях, без каких-либо изменений переиздает эти труды, работу же «Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни», вышедшую впервые в 1906 г. и явно устаревшую, продолжает рекомендовать до конца своих дней.

347 Н. Н. Фирсов. Замечания к вопросу о крестьянском движении в России, стр. 106.

348 Н. Н. Фирсов. Разиновщина, стр. 58—59, 66—67; Его же. Крестьянская революция на Руси в XVII веке, стр. 5, 122.

349 Н. Н. Фирсов. Разиновщина, стр. 67.

350 Н. Н. Фирсов. Крестьянская революция на Руси в XVII веке.

351 Н. Н. Фирсов. Разин и разиновщина, стр. 47.

венных казацкому быту и особенно проявлявшихся при разделе военной добычи, усматривает особый «казацкий коммунизм распределения» — «своеобразный примитивный коммунизм», который «прекрасно совмещался с анархией потребления».[352] В то же время, наряду с новой, модернизирующей восстание Разина терминологией, автор не освободился и от характерного для его дореволюционных работ употребления терминов народнического толка: «простой народ», «простонародье», «сермяжная Русь»,[353] дополненного психологическими домыслами автора: о «психике простого народа», «уравнительных тенденциях в психике трудового народа», «психологических источниках обаяния и власти Разина»[354] и т. п. Вся эта разнообразная терминология выражает крайнюю противоречивость содержания его работ.

В отличие от дореволюционных сочинений Н. Н. Фирсова, посвященных восстанию Разина, в работах советского периода автор уделяет значительно большее внимание характеристике социально-экономических отношений того времени. Они рисуются им более определенно — в духе М. Н. Покровского, от которого он заимствует преувеличенное представление о роли торгового капитала в историческом развитии России. В рецензии на книгу С. И. Тхоржевского «Стенька Разин» Н. Н. Фирсов возмущается тем, что автор считает «общество, подавившее разиновщину... отнюдь не „буржуазным", а сословно-крепостническим... Беда,— по мнению Н. Н. Фирсова,— заключалась как раз в том, что „общество" было слишком „буржуазным", и начатый им натиск на собственность имущих классов ради уравнительного распределения всего приобретенного между всеми, приставшими к Разину, был непопулярен даже среди самого казачества. Домовитые... не хотели делиться с чернью. Они... и выдали Разина как вождя всех бедняков на Руси».[355] В отдельных случаях Фирсов без всяких оговорок применяет к крестьянству и городским социальным низам XVII в. название «мелкая буржуазия».[356] Приведенные выдержки весьма характерны. Они показывают, что Фирсов и в советский период своей деятельности был далек от правильного понимания исторической обстановки и исторических перспектив восстания. Оказывается, «простой народ» боролся не против гнета «сословно-крепостного строя» (феодального угнетения), а против тягостей, вызванных буржуазным развитием московского общества. Это была борьба всех неимущих с имущими за уравнительное распределение, за

[352] Н. Н. Фирсов. Разиновщина, стр. 33, 35, 36, 63, 66; Его же. Крестьянская революция на Руси в XVII веке, стр. 84.

[353] Н. Н. Фирсов. Разиновщина, стр. 36, 59; Его же. Крестьянская революция на Руси в XVII веке, стр. 121.

[354] Н. Н. Фирсов. Разиновщина, стр. 36, 37, 59, 106.

[355] Н. Н. Фирсов. Рецензия на книгу С. И. Тхоржевского «Стенька Разин».

[356] Н. Н. Фирсов. Крестьянская революция на Руси в XVII веке, стр. 122.

«примитивный коммунизм» — такова сущность восстания Разина в представлении Фирсова. Борьба эта была бесперспективна и бесплодна. Она потерпела неудачу и «остались только ее отголоски в психологии новых массовых движений и в подернутых грустью воспоминаниях черного народа».[357]

Осознавая недостаточность трактовки восстания Разина как борьбы «простого народа» — неимущих — с имущими, Фирсов не раз стремился подвести под нее более определенное классовое содержание. Однако эти попытки не дали должных результатов, так как автор, как и прежде, был далек от научного понимания классового деления общества. По его представлению, например, на Дону, на почве анархии потребления «образовалось два класса казаков — „домовитые", которым впрок пошла воля и добыча, и «голутвенные», которые на воле богатели только на минуту, а затем пропивались и проигрывались».[358] Не мог он определить и классовую специфику крестьянства, хотя в статье «Замечания к вопросу о крестьянском движении в России» и признал ее.[359] Крестьяне действуют в работах Фирсова на втором плане, а на первом всегда находится «простой народ» во главе с «голутвенными элементами», к которым автор относит людей, выбитых из нормальной колеи жизни, оторвавшихся от производственной деятельности, и считает, что при их нищете им нечего было терять, но можно было рассчитывать на приобретение многого.[360] Им, этим «обездоленным и бедствующим элементам», автор во всех случаях уделяет преимущественное внимание.

Большое место в работах Фирсова уделяется личности С. Разина. Хотя в ряде случаев он и обусловливает его деятельность социально-экономическими условиями,[361] но в целом показывает его с позиции преувеличения исторической роли выдающихся личностей. Ему отводится решающая роль в возникновении и развитии восстания. Эта роль проявилась в двух направлениях: организаторском и идейном. Первое из них ясно: Разин выступает как лихой атаман, организатор необычного по размаху выступления казацкой голытьбы, положившего начало восстанию. Для понимания второго следует учесть, что первейшее значение в возникновении и развитии восстания автор придает влиянию казацких идей на народ. Ярким выразителем этих идей, идейным вдохновителем восстания опять-таки выступает Разин. Модернизируя эти казацкие идеи, автор объявляет их «казацким примитивным коммунизмом» и ставит в заслугу Разину, вождю «всей голутвенной Руси, всего тогдашнего пролета-

---

357 Н. Н. Фирсов. Разиновщина, стр. 106.

358 Н. Н. Фирсов. Разин и разиновщина, стр. 14.

359 Н. Н. Фирсов. Замечания к вопросу о крестьянском движении в России, стр. 102—104.

360 Н. Н. Фирсов. Крестьянская революция на Руси в XVII веке, стр. 86; Его же. Разин и разиновщина, стр. 14—15.

361 Н. Н. Фирсов. Разин и разиновщина, стр. 23.

риата»,[362] то, что он «бросил в обездоленные народные массы зародыш коммунистической идеи».[363] Что касается значения в восстании социально-экономической обстановки, то ей часто отводится место благоприятствующего деятельности С. Разина фактора. Неудачу восстания автор связывает с поражением под Симбирском, когда «как-то сразу сделалось повсюду ясным, что... (оно.— *И. С.*) означает гибель всего его громадного предприятия против Москвы».[364] Дальнейшим событиям, не связанным непосредственно со Степаном Разиным, в работах уделяется незначительное внимание. Личные качества Разина характеризуются исключительно противоречиво: резко отрицательное, надуманное, фальсифицированное, взятое из дворянско-буржуазной историографии, сочетается с положительным, поданом автором или в крайне модернизированном, или мистическом плане, вплоть до признания какой-то «невидимой силы», якобы тянувшей к Степану Разину «всех обездоленных и угнетенных».

Н. Н. Фирсову не удалось преодолеть взгляды дворянско-буржуазной историографии по самым основным вопросам истории восстания. Преимущественно крестьянское, классовое содержание восстания не было понято и раскрыто автором. Оно рассматривается «как общее движение низов на верхи общества».[365] Социально-экономическая обстановка времени восстания получила искаженное освещение в плане резкого преувеличения роли «торгового капитализма», «буржуазности» в развитии России XVII в. Признание революционности восстания носит ограничительный характер, так как не было связано с признанием его исторической неизбежности и прогрессивности. Восстание, в изложении автора, оставалось бесцельным и бессмысленным. В то же время необычная модернизация событий положила начало искажению истории крестьянской войны в плане преувеличения в ней элементов сознательности и организованности.

Положительное научное значение трудов Фирсова по истории крестьянской войны 1670—1671 гг. заключается в постановке и решении в них ряда частных вопросов. Много рационального высказано об особенностях социально-экономической обстановки того времени в Поволжье. Немало полезных суждений имеется и по вопросу об участии в восстании народов Поволжья. Интересны соображения об отношении восставших к церкви и религии. Немаловажным является и то, что в ряде случаев автором введен был в научный оборот новый архивный круг источников, позволивший более обстоятельно раскрыть отдельные события крестьянской войны. Впервые, например, был дан материал о ка-

---

362 Н. Н. Фирсов. Разиновщина, стр. 60.

363 Н. Н. Фирсов. Рецензия на книгу С. И. Тхоржевского «Стенька Разин», стр. 290.

364 Н. Н. Фирсов. Разиновщина, стр. 99.

365 Н. Н. Фирсов. Крестьянская революция на Руси в XVII веке, стр. 112.

зацких кругах в городе Царицыне, где обсуждался вопрос о направлении продвижения повстанческого войска Степана Разина в Москве, и др.

М. Я. Феноменов в своей работе «Разиновщина и пугачевщина»[366] подошел к восстанию как к событию, стоящему в одном ряду с восстаниями Уотта Тайлера в Англии, Жакерией во Франции, Гуситскими войнами в Чехословакии и крестьянской войной XVI в. в Германии.[367] Автор проводит немало исторических параллелей, в частности с крестьянской войной в Германии, с помощью которых раскрывает социальный смысл отдельных сторон и событий истории восстания Степана Разина.[368]

Характеризуя социально-экономическую обстановку времени восстания, автор особое внимание уделяет росту поместного землевладения, с которым он связывает усиление эксплуатации крестьянства и его массовое бегство в окраинные уезды и в Поволжье. Уложение 1649 г., удовлетворившее притязания помещиков на крестьян, способствовало установлению, по его мнению, «крепостного права в полном смысле слова»[369] и определило основное классовое содержание восстания Степана Разина — борьбу против крепостничества. Правительственному гнету, давившему на народные массы, уделяется значительно меньшее место — лишь в самом общем плане говорится о тяжести государственных налогов, административном произволе и взяточничестве. Концепция «торгового капитализма», свойственная разобранным ранее работам М. Н. Покровского и Н. Н. Фирсова, не нашла отражения в работе М. Я. Феноменова. Автор говорит не о «торговом капитализме» и его всесилии, а о росте «денежного хозяйства» и правильно отмечает, что под влиянием его в XVII в. «усилились все виды эксплуатации труда, а вместе с тем обострилась и ненависть низов к господствующим классам».[370]

Рассматривая восстание Степана Разина как протест против господствующего общественного и политического строя «всех классов общества, кроме правящей аристократии и приказной бюрократии», где «социальное движение низов шло рядом с политическим брожением в средних классах»,[371] автор считает главной силой этого протеста казачество и крестьянство, а потому применяет к нему названия «крестьянская революция», «казачье-крестьянская революция» или «крестьянская война», «казацко-крестьянская война».[372] Восстание Степана Разина, как и все крестьянские революции, по мнению автора, было бесперспективно. Оно не могло одержать победу, так как главная социаль-

366 М. Я. Феноменов. Разиновщина и пугачевщина. М., 1923.
367 Там же, стр. 9—12.
368 Там же, стр. 30, 108, 133, 147.
369 Там же, стр. 21.
370 Там же, стр. 87.
371 Там же, стр. 107—108. — Под средними классами автор имеет в виду мелких служилых и посадских людей.
372 Там же, стр. 32, 87, 109, 110.

ная сила восстания — крестьяне (в их числе и казаки) — без «мелких служилых людей (основного среднего класса, по мнению автора.— *И. С.*), идущих против господства правящей олигархии», не могла захватить центральной власти. «Социальная революционность» крестьян могла сыграть «роль лишь в местных аграрных движениях, а не в захвате центральной власти».[373] Больше того, «социально-революционный характер» борьбы крестьян находился в резком противоречии с «политической революционностью» средних классов. Усиление первой ослабляло вторую, а потому общий политический фронт неимущих и средних классов общества против правительства оказался невозможным. В этом автор и усматривает одну из основных причин неудачи восстания Степана Разина. Все крестьянские революции, по мнению автора, «кончаются одним и тем же: крушением, усмирением и реакцией», если не получают подкрепление от более сознательного и организованного городского населения (имеются в виду буржуазия и пролетариат), как это было во время буржуазной революции 1789—1794 гг. во Франции, или во время пролетарской революции 1917 г. в России, «в ходе которых достигло своих целей и революционное крестьянство».[374]

Основное классовое содержание восстания Степана Разина, борьбу «низших классов» (имеются в виду прежде всего казачество и крестьянство) против крепостного права автор раскрывает в плане показа противоречий между казачеством и крестьянством. Признавая преимущественно крестьянский по происхождению состав донского казачества и общность их интересов, он в то же время неоправданно резко противопоставляет друг другу. «Узы родства и общая ненависть объединяли крестьянина с казаком. Но задачи у них были разные».[375] Уходя к казакам, утверждает он, беглый крестьянин хотя и «уносил с собой озлобление против господствующих классов, но ... не ставил себе прямой задачи борьбы с ними. Он просто от них бежал».[376] У оторвавшегося от крестьянства и земли казака, по мнению автора, «крестьянская социальная революция обращалась наполовину в обычный поход за зипунами» и, больше того, при благоприятных условиях, «хорошенько тряхнув помещичьею Москвой, казаки сами грозили переродиться в помещиков».[377] Они не могли последовательно поддерживать крестьянство, так как «из разряда людей, живущих производительным трудом, казак перешел в разряд представителей непроизводительного труда, живущих в конечном счете эксплуатацией тех же крестьян».[378] И все же казачество Феноменов считает более революци-

[373] Там же, стр. 140.
[374] Там же, стр. 12.
[375] Там же, стр. 61.
[376] Там же, стр. 29.
[377] Там же, стр. 11.
[378] Там же, стр. 61.

онным по сравнению с крестьянством. Без него крестьяне не смогли бы «сколько-нибудь широко развернуть свою борьбу», пишет он.[379] Казаки были организаторами восстания.[380] Активная, ведущая роль казачества признается им одной из важнейших особенностей крестьянских революций в России.[381] Степень революционности различных слоев крестьянского населения страны автор ставит в прямую зависимость от степени занятости их земледельческим производством. Крестьянская масса центра страны, занимавшаяся исключительно земледелием, обескровленная уходом ее лучших, наиболее непримиримых к эксплуатации элементов, задавленная произволом и гнетом государства и помещиков, рисуется в работе беспомощной, потерявшей «всякую способность к сопротивлению».[382] Чем дальше от центра и ближе к окраинам, тем более революционными становились крестьянские массы, к примеру в Поволжье, благодаря «разнообразию занятий население... было более подвижным, а потому и более воинственным, чем чистые земледельцы».[383] Еще более революционными были казаки, находившиеся за пределами «черты» государства и потерявшие всякую связь с земледелием. Так рисуются автором противоречия внутри крестьянства, между его оторвавшейся от земледельческого производства частью и основной масой крестьянства, крепко связанной с земледелием, во время восстания Степана Разина. Эти противоречия неблагоприятно сказались в ходе восстания и привели, как рисует автор, к резкому расхождению между крестьянством и казачеством, в результате которого последние в конечном счете предали крестьянство. «Казаки Разина выдают головой... союзников своих — крестьян, писал Феноменов, и они, крестьяне, «покинутые казачеством, брошенные на волю победителей, доканчивают свою борьбу... без всякой уже надежды на успех».[384] Чтобы обосновать приведенный тезис, автор обыграл события 1—4 октября 1670 г., когда якобы Степан Разин, сознательно дезориентировав и обманув крестьян, тайно бежал с казаками вниз по Волге. Под Симбирском «казак с головой выдал крестьянина», заключает он.[385] «Несплоченность социальных низов», особенно ярко проявившаяся в событиях 1—4 октября 1670 г. под Симбирском, и явилась, по его мнению, одной из причин «неуспеха казацко-крестьянского восстания».[386]

В соответствии с двумя разновидностями крестьянства, связанного с земледельческим производством и оторвавшегося от него и участвовавшего в восстании, автор определяет основное

379 Там же, стр. 10.
380 Там же, стр. 30.
381 Там же, стр. 32.
382 Там же, стр. 26.
383 Там же, стр. 30, 31.
384 Там же, стр. 11.
385 Там же, стр. 119.
386 Там же, стр. 138.

содержание установленных им периодов. Первый период движения Степана Разина — до 1670 г.,— главным событием которого был поход на Каспийское море и в Персию, автор не признает «социально-революционным» по содержанию. Он связывает его исключительно с казацкими интересами, считает, что это было «предприятие коммерческое... житейское и необходимое», сходное «с военно-торговыми экспедициями варягов — Руси или Новгородских ушкуйников»,[387] и только. Вообще, автор считает, что все действия Степана Разина до выхода его к Симбирску «затрагивали лишь казачество и некоторый слой посадского населения».[388] С выхода повстанческого войска на Волгу весной 1670 г. и особенно с момента разгрома им карательных сил князя Ю. Барятинского под Симбирском (т. е. с момента выхода в район оседлого крестьянского населения) наступает, по мнению автора, новый период в развитии движения. Оно становится массовым, народным — «начинается настоящее крестьянское восстание».[389] Этому периоду автор придает особое значение и относится более сочувственно и с большим вниманием, чем к первому, но содержание и характеристику его дает преимущественно по работе С. М. Соловьева,[390] т. е. показывает не столько борьбу повстанцев против угнетателей, сколько действия царских карательных отрядов по разгрому их. Автор отмечает упорство борьбы крестьян, несмотря на их неорганизованность и «казацкое предательство», и подчеркивает, что «крестьянская война с участием Разина продолжается всего месяц, без него — три месяца».[391]

Роль личности Разина, особенно на втором этапе развития восстания (после выхода повстанческого войска к Симбирску), в работе М. Я. Феноменова не только не преувеличивается, но даже преуменьшается. Автор считает Разина вполне пригодным для предводительства казачеством, но ставит под большое сомнение его деятельность как предводителя крестьянства. Он считает, что Степан Разин был недостаточно связан с крестьянством. Он не решился окончательно связать свою «судьбу с судьбой крестьянского восстания... для этого он был слишком казак».[392] Автор наделяет Разина «взбалмошностью», «непоследовательностью», «жестокостью», «корыстолюбием» и многими другими отрицательными чертами,[393] повторяет все фальсификации, пущенные в оборот дворянско-буржуазной историографией, а в некоторых случаях даже усиливает их. Он обвиняет его в

---

387 Там же, стр. 43—45.
388 Там же, стр. 109.
389 Там же.
390 С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XI, гл. V.
391 М. Я. Феноменов. Разиновщина и пугачевщина, стр. 110.
392 Там же, стр. 45, 119.
393 Там же, стр. 102, 119, 135.

диктаторстве, в замашках Ивана Грозного, «в демократическом цезаризме» и т. п.[394]

В работе Феноменова обнаруживаются некоторые рецидивы взглядов Плеханова — Рожкова о реакционности крестьянских войн, проводится мысль о том, что казаки, «хорошенько тряхнув помещичьею Москвой... сами грозили переродиться в помещиков, и тогда началась бы старая песня сначала».[395]

Несмотря на стремление автора к историзму, ради которого он сохранил термин «бунт» и полуимя «Стенька» как «искони бытующих в нашем языке»,[396] он не избежал ненужной модернизации, особенно свойственной исторической науке того времени. В работе весьма разнообразно, не всегда, с научной точки зрения, правильно и удачно используются термины «революция» и «революционность». Вообще, автор играет этими терминами: открывает особую «астраханскую революцию», говорит «о революционных казнях», «о революционной присяге», «о контрреволюции», «о революционных волонтерах» и т. п.[397] Применяются по отношению к далекому прошлому и другие современные понятия: казачества называются «автономными казацкими республиками», Макарьево-Желтоводский монастырь — банком и т. п.[398]

Подводя итоги всему сказанному о концепции М. Я. Феноменова по истории восстания Разина, следует отметить ее противоречивость. В ней новые мысли и соображения причудливо переплелись со старыми утверждениями, идущими от дворянско-буржуазных историков. В плане фактического содержания работы автор ничего нового не дал, не привлек каких-либо свежих источников при написании своей книги, а использовал для этого преимущественно не раз уже упомянутые труды А. Н. Попова, Н. И. Костомарова и С. М. Соловьева. Научная ценность работы М. Я. Феноменова заключается в постановке и решении ряда общих принципиальных вопросов истории восстания Степана Разина и в новой трактовке ее отдельных конкретных событий. Весьма рационально определение автором места восстания Разина в борьбе как российского крестьянства, так и крестьянства крупнейших европейских стран, а также применение к нему названия «крестьянская война».[399] Правильно применил автор и марксистское положение о руководстве крестьянским движением

---

394 Там же, стр. 83, 84, 102, 131, 132, 137.

395 Там же, стр. 11.

396 Там же, стр. 39.

397 Там же, стр. 9, 87, 89, 101, 102, 108, 109, 144, 145, 147, 151 и др.

398 Там же, стр. 32, 83, 113.

399 Это наиболее раннее применение термина, взятого из известной работы Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», применительно к русской действительности. Вслед за М. Я. Феноменовым он употребляется С. М. Дубровским, популярная статья которого, опубликованная в 1925 г. в журнале «Крестьянский интернационал», № 3-5, называется «Крестьянская война в России XVII—XVIII веков».

со стороны буржуазии или пролетариата как необходимом условии его победы — ликвидации феодально-крепостного гнета.

В. И. Пичета, придавая большое значение историко-революционной проблематике, в 1923 г. начал издавать «Историю крестьянских волнений в России»[400] и внес свою лепту в изучение истории восстания Разина. Он поставил перед собой ограниченную цель «...выяснения социологических условий, которые в течение трех столетий поддерживали и развивали в крестьянской массе настроение, враждебное интересам и идеалам командующего класса в России»,[401] т. е. вскрытия социальных причин крестьянских волнений в стране. Фактическая сторона развития крестьянских волнений автора не интересовала и была, как он отмечает, «оставлена без рассмотрений».[402]

В работе В. И. Пичеты примечателен сам факт включения движения Степана Разина в историю крестьянских волнений в России, т. е. принципиальное признание его преимущественно крестьянского характера. Автор считает, что в основе движения лежат прежде всего мотивы социальные (это «социальная революция»); а не политические, хотя первоначально оно было направлено почти исключительно против бояр как носителей государственной власти. Исходный момент восстания, охватившего огромнейшую территорию страны, Пичета ищет не на Дону, а за его пределами — в тяжелых условиях жизни крестьянства страны. В соответствующих разделах работы он обстоятельно рассматривает эти условия: жестокую эксплуатацию крестьян помещиками, произвол приказчиков в обращении с крестьянами, бесправность, крепостническое законодательство, усугубленное Уложением 1649 г.,[403] тяжелый налоговой гнет на население страны, произвол и непомерные злоупотребления царской администрации.[404] В совокупности всех этих тяжелых условий жизни крестьянства Пичета и видит основную причину движения во главе со Степаном Разиным. Обстановка возникновения восстания правильно трактуется автором. Отмечается массовое бегство крестьян и людей других низших социальных категорий населения на юг и юго-восток, подчеркиваются их антикрепостнические и антиправительственные настроения. «Объединенные общими социальными условиями, придавленные сверху московской правительственной военной системой, — пишет он, — все эти элементы готовы были подняться против... социального и политического угнетения».[405] Подчеркивается слабость царской администрации на окраинах страны, что, по

---

400 В. И. Пичета. История крестьянских волнений в России, ч. I. Минск, 1923.

401 Там же, стр. 3.

402 Там же.

403 Там же, стр. 21—25.

404 Там же, стр. 30.

405 Там же, стр 32.

справедливому мнению автора, способствовало сосредоточению там указанных элементов. Своеобразие социально-экономической обстановки в Поволжье — жестокая эксплуатация «инородцев» русскими вотчинниками, широкая миссионерская деятельность православной церкви, средоточие там плохо обеспеченных служилых людей и беглых крестьян — определило особую роль этого края в восстании, но возникло оно не в результате свойственных Поволжью особенностей. Автор усматривает основные причины его возникновения в противоречиях общероссийского значения. Выступление донских казаков во главе с Разиным, по его мнению, явилось лишь «внешним толчком», приведшим социальные силы в движение. В связи с оценкой роли донских казаков в крестьянском движении 1670—1671 гг. автор высказывает ряд интересных соображений о Степане Разине. Не соглашается Пичета и с характеристикой его в работах Н. И. Костомарова и Н. Н. Фирсова как какого-то сверхчеловека, с необузданными страстями, сверхъестественной силой влияния, с обвинениями его в непомерных и необычных жестокостях, а также с психологическими объяснениями причин влияния Степана Разина на народ. Автор заступается за него, заявляя, что «жестокость, порой самая ужасная, не только удел Разина, а обыденное явление в ту эпоху». В связи с этим он отмечает историческую обусловленность его действий. По мнению автора, Степан Разин «был только лишь продуктом определенных социальных условий и отношений».[406] Влияние Разина на народ Пичета объясняет не присущей ему якобы сверхъестественной силой, а тем, что «его деятельность отвечала надеждам возмутившегося люда, который с его именем соединял представление о грядущем социальном раскрепощении».[407] При рассмотрении вопроса о роли в восстании религиозных мотивов в книге правильно отмечается факт преувеличения ее в работах дворянско-буржуазных историков. Пичета пишет, что «в момент восстания ни на Волге, ни на Дону... еще не возникло никаких оплотов раскола и старообрядчества». Наконец, заслуживает внимания и постановка в работе вопроса о причинах поражения восстания. Они усматриваются автором не только в неорганизованности восставших, представлявших «отнюдь не закаленный в борьбе класс», но и «в классовой организованности» феодальных верхов страны.[408]

Наряду с правильной постановкой и решением ряда вопросов истории крестьянской войны 1670—1671 гг. в работе содержится немало неверных положений. Искажалась историческая перспектива восстания. Она усматривалась в стремлении Степана Разина к уничтожению «политических и социальных

---

406 Там же, стр. 35.
407 Там же.
408 Там же, стр. 38.

угнетателей народа» и к установлению всеобщего социально-экономического равенства, т. е. в стремлении восставших к социализму. По мнению автора, хотя Разин и выступал защитником «всенародного царя», но «в пылу социальной революции (т. е. в случае победы восстания. — *И. С.*) погибла бы и царская власть».[409] Автор утверждал, что после поражения повстанческого войска под Симбирском «восстание пошло на убыль» и событиям последующего времени не уделяется никакого внимания. Говорилось о якобы резко враждебном отношении народов Поволжья («инородцев») к русскому населению края, «в своей ненависти грабивших и разорявших» его, как одном из проявлений слабости восставших и одной из причин поражения восстания.[410] Результаты восстания, вслед за Н. Н. Фирсовым, усматривались лишь в области психологии. «Социально-экономический уклад, — писал Пичета, — остался без изменений и только в народной душе оставалась тоска „по правде истине и правде справедливости“».[411]

Прежде чем разбирать по существу работы об истории крестьянской войны 1670—1671 гг. С. И. Тхоржевского,[412] следует обратить внимание на крайне противоречивую их оценку в исторической литературе. В основном эти книги получили положительную оценку. В рецензиях справедливо отмечается их научная обоснованность и занимательность, ставится в заслугу автору глубокое знание литературы вопроса, использование им всей совокупности печатных источников и устанавливается приоритет в привлечении материалов подготовленного к печати, но не вышедшего в свет 6 тома Донских дел,[413] признается большая ценность этих работ[414] по сравнению с другими. Однако Б. Тихомиров отрицательно оценил труды Тхоржевского, отметив, что постановка вопроса в них «остается старой. Он считает крестьянскую революцию обреченной на неудачу и реакционной».[415] Еще более отрицательная оценка трудов С. И. Тхоржевского дана С. Пионтковским, усмотревшим в них свидетельство неизменности «политической линии буржуазной

---

409 Там же, стр. 36.

410 Там же, стр. 37, 38.

411 Там же.

412 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. Пг., 1923; Его же. Разиновщина. В кн.: «Народные волнения при первых Романовых». Л., 1924, стр. 144—222.

413 Н. Н. Фирсов. Рецензия на книгу С. И. Тхоржевского «Стенька Разин». «Каторга и ссылка», 1924, № 4, стр. 288—290; А. А. Сергеев. Рецензия на книгу С. И. Тхоржевского «Народные волнения при первых Романовых». «Каторга и ссылка», 1924, № 3, стр. 277—278; Н. Н. Фирсов. Рецензия на книгу С. И. Тхоржевского «Народные волнения при первых Романовых». В сб.: «Исторические характеристики и эскизы», т. III, вып. 1. Казань, 1926, стр. 112—123.

414 И. И. Полосин. Русская история в вопросах и ответах. Под ред. В. И. Невского. М., 1926, стр. 58.

415 Б. Н. Тихомиров. Разинщина. М.—Л., 1930, стр. 8.

историографии» и проповедь «враждебной диктатуре пролетариата политической программы».[416] Все это обязывает отнестись к этим оценкам с особой настороженностью при разборе содержания указанных работ.

С. И. Тхоржевский в своих работах, посвященных восстанию Степана Разина, сделал удачную попытку преодоления классовой ограниченности дворянско-буржуазной историографии в трактовке истории крестьянской войны 1670—1671 гг. Тщательное рассмотрение этих работ убеждает в полной неправомерности приведенных выше резко отрицательных оценок, данных Б. Тихомировым и С. Пионтковским.

Работы Тхоржевского написаны не с враждебных, как это было свойственно дворянско-буржуазной историографии, а с сочувственных повстанцам позиций. Автор разоблачает и опровергает в них фальсификации дворянско-буржуазной историографии, порочащие восставших. В противовес чрезмерному преувеличению жестокости С. Разина как одной из основных черт его характера, неоднократно подчеркивавшейся в дворянско-буржуазной исторической литературе, автор приводит примеры гуманного отношения Разина к своим врагам,[417] всемерно защищает его от необоснованных обвинений. «...В жесткости следует, — по его мнению, — видеть не столько черту Разина, сколько черту эпохи».[418] С. И. Тхоржевскому принадлежит заслуга разоблачения злостного обвинения Разина в предательстве, якобы совершенном им в момент оставления Симбирска 4 октября 1670 г. В своих работах автор весьма убедительно доказывает несостоятельность этого обвинения.[419]

Социальный протест, лежащий в основе восстания Степана Разина, его преимущественно крестьянский характер (не в пример дворянско-буржуазной историографии) очевиден для автора: «Избиение дворян и их приказчиков определяет социальную сущность движения, как протеста против закрепощения крестьян».[420] «Настоящую свою опасность для политического и социально-экономического строя Московского государства разиновщина, — категорически утверждает автор, — показала во всю ширь там, где она встретила массы закрепощенного крестьянства».[421] Что касается роли Дона (донского казачества) в развернувшейся борьбе, то она сводится им к признанию его очагом движения, откуда «вышли его вожди... образовалось его основное боевое ядро».[422] Немаловажно указать, что С. И. Тхоржевский в специальных разделах книги, посвящен-

---

416 С. Пионтковский, ук. ст. «Историк-марксист», 1933, № 6, стр. 102.
417 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 107.
418 Там же, стр. 110.
419 Там же, стр. 91; С. И. Тхоржевский. Разиновщина, стр. 204.
420 С. И. Тхоржевский. Разиновщина, стр. 200.
421 Там же, стр. 199.
422 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 8.

ных донскому казачеству,[423] и в других своих работах[424] правильно ставит вопрос о крестьянском происхождении казачества.

Не содержится в разбираемых работах и каких-либо утверждений о реакционности восстания, приписываемых их автору Б. Тихомировым. Наоборот, Тхоржевский во всех случаях, когда это необходимо, подчеркивает революционность развернувшейся под знаменем С. Разина борьбы. Он называет ее «грандиозным революционным движением»,[425] отмечает «перерождение разбойного движения в революционное»,[426] называет Степана Разина «революционным деятелем»[427] и т. п. Следует отметить, что понимание Тхоржевским революционности движения было далеко от той модернизации, которой страдали многие исследователи и которая определила крайнее преувеличение в его развитии роли сознательности и организованности. Автор понимает стихийный характер революционности рассматриваемых им событий. С. Разина он считает вождем «стихийного революционного движения»,[428] который был «увлечен на путь восстания стихийным ходом событий — независимо от того, была или не была у него мысль о нем раньше».[429] Автор показывает, «как стихийно совершалось перерождение разбойного движения в революционное».[430] Наконец, Тхоржевский ни разу не позволяет себе применить к революционному движению Разина термина «революция», искажающего всю его историческую перспективу, которая в целом правильно трактуется автором. Он далек от концепции преувеличения роли торгового капитала в жизни страны того времени. Полемизируя с Н. Н. Фирсовым, он прямо пишет о том, что общество, «подавившее разиновщину, было отнюдь не „буржуазным", а сословно-крепостническим».[431] Перспективы развития страны в случае победы восстания рисуются им как развитие ее по пути буржуазному. «Победа восстания, — пишет он, — означала бы „оказачение" всей Московии, т. е., прежде всего, уничтожение крепостного права, превращение крестьян в класс мелкой буржуазии».[432] Автор утверждает, что «успех восстания, вероятно, сделал бы Россию более буржуазной...».[433]

---

423 Там же, разд. I, II.
424 С. И. Тхоржевский. Донское войско в первой половине XVII века, стр. 9—28.
425 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 8, 13, 104; Его же. Разиновщина, стр. 176.
426 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 8, 104.
427 Там же, стр. 112.
428 Там же, стр. 26.
429 Там же, стр. 104.
430 Там же.
431 Там же, стр. 127.
432 Там же.
433 Там же.

В работах Тхоржевского проявляется весьма рациональный подход при решении и других вопросов истории крестьянской войны 1670—1671 гг. Подчеркнута историческая обусловленность действий С. Разина.[434] В широком плане поставлен вопрос об участии в развернувшейся борьбе поволжских народов («инородцев»): отмечена большая степень активности выступления чувашей, мордвы и мари,[435] преобладающее значение в них социальных (классовых) мотивов, а не национальных, которые никогда «не вытесняли вполне классовых»,[436] хотя «национальное чувство, развиваемое правительственным угнетением, проявило свою силу и в разиновщину»,[437] что проявилось в «ненависти к русской администрации», иногда распространявшейся и на русских крестьян, «своих недавних союзников». По мнению автора, «национальные мотивы осложняли социальную борьбу» народов Поволжья.[438] В не менее широком плане решается автором и вопрос о причинах поражения восстания. По его мнению, Степан Разин, не в пример Богдану Хмельницкому в борьбе с панской Польшей, «оказался перед лицом Московского правительства один на один... Но на стороне (последнего. — *И. С.*) была огромная сила инерции, организованность и... западноевропейская военная техника».[439] Кроме того, восстанию «не хватало организованности: разрозненные отряды посадских, крестьян и инородцев, плохо вооруженные, разбивались сравнительно немногочисленными отрядами рейтар и солдат, вооруженных и обученных по иноземному образцу».[440] Тем не менее восстание С. Разина, как пишет автор, явилось «самым сильным потрясением общественного строя Московской Руси со времени вступления на престол новой династии»,[441] «судьба Московского правительства одно время висела на волоске».[442] Утверждение С. Пионтковского,[443] что якобы единственным результатом восстания, отмеченным Тхоржевским, явилось изменение положения донского казачества, необоснованно. Правда, автор рассматривает вопрос весьма кратко, но достаточно ознакомиться с некоторыми страницами его работ,[444] чтобы убедиться в правильном понимании им традиций классовой борьбы времен Разина на ее

---

434 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 104, 105, 110, 128; Его же. Разиновщина, стр. 188.

435 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 87; Его же. Разиновщина, стр. 195.

436 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 87.

437 С. И. Тхоржевский. Разиновщина, стр. 197.

438 Там же, стр. 196, 197.

439 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 126—127.

440 С. И. Тхоржевский. Разиновщина, стр. 217.

441 Там же.

442 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 8.

443 С. Пионтковский, ук. ст. «Историк-марксист», 1933, № 6, стр. 103.

444 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 99—100; Его же. Разиновщина, стр. 217—218.

последующее развитие. Также необоснованным является и другое утверждение С. Пионтковского о том, что якобы в работах Тхоржевского не вскрывается «идеология разинщины».[445] Автор дает для этого некоторый прецендент, сомневаясь в правомерности постановки вопроса об идеологии С. Разина. «...Трудно говорить об идеологии, в точном смысле, — пишет он, — у донского казака XVII века».[446] В действительности же к вопросам идеологии восстания автор обращается неоднократно: освещает отношение восставших к государству и царской власти, к христианской церкви и религии, их социальные устремления и чаяния. Он считает, что «...едва ли у самого Стеньки был план нового государственного устройства России».[447] Однако «он вовсе не был анархистом... У восставших был готовый образец политической организации — „великое войско Донское"». Разин действует от имени войска Донского, а иногда Яицкого и Запорожского. Всюду им назначаются свои атаманы. Везде по казацкому обычаю происходят «круги» населения. «Московскую Русь могла ожидать судьба Малороссии, которая после Хмельницкого политически была поглощена „войском Запорожским"... Можно сомневаться в целесообразности и устойчивости такой политической организации; но это — отнюдь не „безгосударственное состояние"», как его представляют мелкобуржуазные историки народнического толка. Однако, приспосабливаясь „к политической идеологии масс", к их слепой вере в царя, Степан Разин идет по традиционным путям, и в его лагере провозглашается царем царевич Алексей Алексеевич.[448] Автор отвергает антирелигиозные моменты в движении С. Разина, объясняет все отступления восставших от выполнения религиозных обрядов. Считает, что Разин не был и противником церковной организации, а использовал церковь в своих целях. В то же время он отвергает и религиозные мотивы в движении Степана Разина, резонно утверждая, «что религиозное движение против господствующей церкви могло быть поднято только раскольниками... Но раскол тогда был еще слаб». Отсюда автор приходит к убедительному выводу о сношениях Разина с Никоном и использовании его имени в интересах восстания. Имя Никона привлекло внимание восставших как имя человека, пострадавшего от бояр, глубоко ненавидевшего их и могущего поднять авторитет действий восставших.[449] В трактовке социальных чаяний восставших С. И. Тхоржевский не соглашается с утверждениями многих историков народ-

---

[445] С. Пионтковский, ук. ст. «Историк-марксист», 1933, № 6, стр. 103.
[446] С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 112.
[447] Там же, стр. 117.
[448] Там же, стр. 112, 117—119; С. И. Тхоржевский. Разиновщина, стр. 191.
[449] С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 119—123; Его же. Разиновщина, стр. 191

нического толка, в частности с Н. Н. Фирсовым, о господстве якобы в быту казаков уравнительных имущественных тенденций и отсюда о социалистических чаяниях восставших. Он считает, что никакого имущественного равенства в быту казаков в то время не было «и Разин (судя по документам и вопреки распространенному мнению) вовсе его не проповедовал».[450] По мнению автора, «оказачение всей Московии означало прежде всего уничтожение крепостного права, превращение крестьян в класс мелкой буржуазии» — и только.[451]

Работы Тхоржевского являются примером добросовестного и всестороннего изучения источников, отсутствия предубежденного подхода к ним. Автор по существу пересмотрел трактовку основных вопросов истории крестьянской войны 1670—1671 гг., сделанную в трудах дворянско-буржуазных историков. Он дал «известному новое толкование», замечает Н. Н. Фирсов.[452] Результаты этого пересмотра были плодотворны. Автор обосновал классовое, преимущественно крестьянское, содержание движения Разина, его революционный характер и прогрессивность, а также определил его объективно историческое значение как одного из важнейших событий в борьбе за ликвидацию крепостного права и переход к более передовому буржуазному общественному строю. Он оживил конкретную картину развития крестьянской войны правдивым освещением фактов, освободив их от всевозможных искажений фальсификаторов. Нельзя не отметить, что в трактовке истории крестьянской войны 1670—1671 гг. С. И. Тхоржевский избежал ошибок, допущенных М. Н. Покровским в «Русской истории в самом сжатом очерке», связанных с преувеличением роли «торгового капитализма», признанием ее периферийного значения и некоторой модернизацией.

Автору все же не удалось полностью порвать с некоторыми традициями дворянско-буржуазной историографии. Источниковедческая база работ Тхоржевского в основном не выходит за пределы круга источников, использованных дворянско-буржуазными историками. Эта ограниченность источниковедческой базы не позволила автору во всех случаях с достаточной конкретностью обосновывать высказываемые им новые суждения и оценки об отдельных сторонах и событиях крестьянской войны, наложила на работы печать некоторой декларативности, что снижает их ценность.[453] Несоответствие между значимостью освещаемого вопроса и степенью полноты его изложения в рабо-

---

[450] С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 127.

[451] Там же.

[452] Н. Н. Фирсов. Рецензия на книгу С. И. Тхоржевского «Стенька Разин», стр. 288.

[453] Научный аппарат работ также несовершенен. Ссылок на источники почти нет. Автор ограничился приложением списка использованных им источников и литературы.

тах выглядит неправомерно. Классовый, преимущественно крестьянский, характер движения С. Разина не подкрепляется развернутой характеристикой его положения и действий накануне и в ходе восстания.

В работах встречаются формулировки, по духу мало отличающиеся от традиционных, свойственных дворянско-буржуазной историографии. Например, краски для характеристики быта казаков и Степана Разина периода их похода в Каспийское море полностью берутся с палитры дворянско-буржуазной историографии, хотя в самом походе и отмечаются «черты революционного движения». Наконец, терминология работ Тхоржевского по отношению к восстанию и восставшим часто остается по традиции прежней, нередко употребляются термины «бунт» и «мятеж». К участникам восстания иногда применяется название «воровская шайка» и уменьшительные наименования — «Мишка Харитонов» и т. п.

В целом следует признать, что для времени становления советской исторической науки это были лучшие работы по данному вопросу.

Общественно-политические условия развития страны, так сказать, «дух времени», сложившийся в результате Великой Октябрьской социалистической революции, способствовали появлению в 20-х годах значительной исторической литературы, рассчитанной на массового читателя, в том числе и по истории восстания С. Разина.[454] Своим содержанием она как в зеркале отразила все то положительное и отрицательное, что было свойственно рассмотренной уже нами научной литературе, и в этом отношении не требует специального разбора. Поэтому ограничимся в отношении нее лишь несколькими замечаниями. Исходным моментом этой литературы явилась закладка памятника С. Разину и выступление В. И. Ленина. Весьма характерной положительной чертой этой литературы является широкое использование в ней народного фольклора о восстании, в особенности песенного творчества, и подчеркнуто уважительное отношение к личности С. Разина и его сподвижников.

Появились в 20-х годах по истории восстания и работы краеведческого характера,[455] авторы которых в основном излагали известный, а в некоторых случаях дополнительно собран-

---

[454] В. Фирсов. Кому пролетариат ставит памятник. Стенька Разин — вольный атаман. М., 1919; Ал. Алтаев и А. Феличе. Атаман Степан Разин. Пг., 1920; А. Шефер. Вольный атаман Стенька Разин — предводитель крестьянского восстания. М., 1923; Его же. Степан Тимофеевич Разин. М.—Л., 1925; Г. Ладоха. Разинщина. В кн.: «Разинщина и пугачевщина». М.—Л., 1928.

[455] А. А. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—XVIII веках, гл. XIII. Саратов, 1923; П. К. Черменский. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии, вып. 1. Тамбов, 1926, стр. 45—49; М. Звенигородская. Социальные взаимоотношения в XVII веке и разиновщина в Симбирском крае. Сб. «Край Ильича». Казань, 1926.

ный ими фактический материал применительно к истории отдельных местностей страны, охваченных восстанием. Чего-либо принципиально нового в трактовку крестьянской войны 1670—1671 гг. работы эти не вносят.

Несколько иначе в этом отношении выглядит научная значимость вышедших в 20-х годах работ по истории донского и яицкого казачества.[456] В них содержится интересный материал, характеризующий социально-экономическую и политическую обстановку на Дону в десятилетия, предшествующие восстанию С. Разина, а также поставлен принципиальный вопрос о роли казачества (в революционном движении) в классовой борьбе того времени.

В ряде смежных по тематике работ и специальных статей происходила в рассматриваемое нами время разработка и уточнение отдельных, сугубо узких вопросов истории восстания. В статье А. Н. Казаринова[457] получил освещение вопрос об осаде города Судая повстанцами во главе с атаманом И. Пономаревым; в статье Н. Ржига — о связи церковно-раскольнического движения в Нижегородской губернии с восстанием Разина;[458] в сборнике Царицынского Истпарта — о взятии повстанцами Царицына;[459] в статье В. Гиляровского — о месте казни С. Разина;[460] в работе А. П. Иванова — о судьбе сподвижников Разина, участвовавших в восстании в Соловецком монастыре.[461] Об участии соратников Разина в Соловецком восстании был дан некоторый материал в работе А. А. Савича.[462] Все перечисленные работы, несмотря на узость тематики, являются полезным вкладом в дело разработки истории крестьянской войны 1670—1671 гг.

В плане источниковедческом были рассмотрены и подвергнуты научному анализу в работе В. И. Веретенникова[463]

---

[456] С. И. Тхоржевский. Донское войско в первой половине XVII века; М. Донецкий. Донское казачество. Ростов-на-Дону, 1926; Участие казаков в революционных движениях Московского государства. В сб.: «Урало-Каспийский край». Краеведческий справочник по истории, экономике и быту русского населения Уральского края, гл. XV. Оренбург, 1927.

[457] А. Н. Казаринов. Бывший город Судай Архангелогородской губернии. Труды Костромского научного о-ва по изучению местного края, вып. XXX. Нерехта, 1921.

[458] Н. Ржига. Разиновщина и раскол в Нижегородской губернии. Труды Нижегородского пед. ин-та, т. I. Н. Новгород, 1924.

[459] Царицынский Истпарт. Из прошлого Царицынского края. Сб. «Наш край», вып. 1. Царицын, 1924.

[460] Вл. Гиляровский. Где казнен Стенька Разин. «Красная нива», 1926, 20 июня.

[461] А. П. Иванов. Соловецкая монастырская тюрьма. Материалы Соловецкого о-ва краеведения, вып. VI. Соловки, 1927.

[462] А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII веков. Пермь, 1927.

[463] В. И. Веретенников. Об иностранных, современных событию, источниках для истории Разинского восстания. «Наукові записки». Наукоо дослідчої катедри історії европейської культури», вып. II (історія і література), 1927, стр. 171—177.

наиболее значительные иностранные известия о восстании С. Разина, в результате чего были внесены существенные поправки и уточнения в научное представление о них, сложившееся на основании работ Ф. Аделунга,[464] А. Н. Попова[465] и других дворянско-буржуазных историков. В исследованиях Н. К. Пиксанова[466] и А. Н. Лозановой[467] была проведена большая работа по систематизации народных песен о восстании и произведен научный источниковедческий анализ их содержания, что сделало их более доступными для использования.

Значительно большая работа по изучению восстания С. Разина была проведена в библиографическом плане, что также в дальнейшем имело немалое значение для его исследователей.[468]

Б. Д. Грековым в 20-х годах было положено начало публикации документов по истории крестьянской войны 1670—1671 гг.[469] Греков выявил и опубликовал документы астраханских учреждений XVII в., не вошедшие в «Акты исторические». Они содержат интересный фактический материал о социальном составе участников восстания и о ходе следствия, проведенного царскими воеводами после взятия Астрахани. Кроме того, в указанную публикацию вошел и полный текст приговора по делу С. Разина, восстановленный Б. Д. Грековым[470] путем сличения его немецкого издания в работе Вебера[471] с сохранившимся отрывком русского списка.

Таким образом, в первое десятилетие советской власти исторической наукой в изучении истории крестьянской войны 1670—1671 гг. были достигнуты большие успехи. Это был период, когда в основном были преодолены антинаучные концепции дворянско-буржуазной историографии восстания Разина, когда на базе марксистской методологии и конкретных выска-

---

464 Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, ч. II. СПб., 1846. Перевод с нем. А. Клеванова. М., 1864.

465 А. Н. Попов. История возмущения...

466 Н. Пиксанов. Социально-политические судьбы песен о Стеньке Разине. В сб.: «Художественный фольклор». М., 1926.

467 А. Н. Лозанова. Народные песни...

468 А. Н. Лозанова. К библиографии о Ст. Разине. Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, 1927, т. VI, вып. III; Р. С. Мандельштам. Революционное движение в России. Систематический указатель литературы. Приложение к журналу «Каторга и ссылка» за 1927 г. М., 1927; И. Владиславлев. Литература великого десятилетия (1917—1927 гг.), т. I. М.—Л., 1928; Н. Чужак. Последняя литература о Пугачеве и Разине. «Каторга и ссылка», 1928, № 6; Я. Е. Киперман. Спутник читателя. Предметно-тематический указатель художественной литературы русской и переводной. Л., 1929; М. Н. Сменцовский, ук. ст. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 195—196.

469 Б. Д. Греков. Новые материалы о движении С. Разина. Летопись занятий историко-археологической комиссии за 1926 г., вып. 1 (34). Л., 1927, стр. 203—238.

470 Там же.

471 Weber. Das veränderte Russland... Frankfurt—Leipzig, 1738, SS. 316—323.

зываний ее основоположников по истории крестьянского движения были поставлены, применительно к нему, многие принципиальные важные вопросы. Прежде всего, и это имело особое значение, был изжит враждебный антинародный подход, свойственный дворянско-буржуазным историкам, к событиям, связанным с восстанием, и на смену ему пришло сочувственное отношение к ним. Это способствовало очищению истории восстания от многих фальсификаций, обильно пущенных в оборот в дореволюционной литературе для его опорочения в глазах народа. Преодолены были неправильные представления о движении как о бунте-мятеже антигосударственных элементов, сосредоточившихся на окраинах страны, особенно на Дону, и обоснованы подлинно научные представления о нем как о движении, вызванном глубокими социально-экономическими условиями развития страны, тесно связанном с широкими народными, в основном крестьянскими, массами. Признана прогрессивность восстания и сделаны первые попытки его конкретного раскрытия как в плане исторического развития России, так и в плане истории стран Западной Европы. Тезис о реакционности восстания, нашедший место в работах Г. В. Плеханова и Н. А. Рожкова, несмотря на некоторые его рецидивы, признан несостоятельным и навсегда отвергнут. Революционность борьбы восставших во главе с Разиным, хотя и была истолкована в отдельных работах по-разному, с различной степенью полноты и модернизации, однако была очевидна для всех, и признание ее вошло в советскую науку как положение бесспорное. Высказаны обоснованные соображения по периодизации восстания, в частности о выделении и особом значении периода борьбы повстанцев, начавшегося с момента выхода казацко-крестьянского войска к Симбирску в сентябре 1670 г. и продолжавшегося до конца этого года, периоду, которому дворянско-буржуазные историки не уделяли почти никакого внимания. С указанного момента, как отмечает М. Я. Феноменов, развертывается «настоящая крестьянская война».[472]

Признавая движение С. Разина социальным, советские историки того времени, однако, не смогли решить ряд вопросов, тесно связанных с этим признанием. Крестьянство не всегда безоговорочно рассматривается ими основной движущей силой восстания. Искаженно трактуется роль казачества, которое часто отрывается от крестьянства и противопоставляется ему. Термин «разинщина» получает в это время широкое распространение, и не случайно. Им исследователи выражали сложность социального состава участников восстания, в том числе и крестьянства, объединенного в процессе восстания действиями и именем Степана Разина. Противоречиво дается и характеристика социально-экономического строя страны времени

---

472 М. Я. Феноменов. Разиновщина и пугачевщина, стр. 109.

восстания. Говорится о «сословно-крепостническом» строе вне связи его с феодализмом. Преувеличивается, вслед за М. Н. Покровским, роль «торгового капитализма» и т. п. Это в значительной мере объясняется неразработанностью (в то время) периодизации исторического развития страны в свете учения классиков марксизма об общественно-экономических формациях. Противоречивость указанных представлений в свою очередь вызывала не меньшую противоречивость и необоснованность в решении вопроса о перспективе развития страны в случае победы восстания, что отдельными авторами при определенных условиях допускается. Результаты победы связываются с «оказачиванием» страны, подобно тому как в результате движения Б. Хмельницкого произошло «оказачивание» Украины. Однако с «оказачиванием» отдельные авторы связывают различные социальные результаты: М. Я. Феноменов — установление социально-экономического равенства (социализма), С. И. Тхоржевский — уничтожение крепостного права и превращение крестьян в класс мелкой буржуазии. Большим недостатком рассматриваемой литературы являлась также модернизация далеких событий под современные, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией, что определило отклонения от исторической правды в трактовке восстания.

Значительные рецидивы взглядов дворянско-буржуазной историографии, отмеченные во всех специальных обобщающих исследованиях того времени о восстании С. Разина, в том числе и в лучших из них — работах С. И. Тхоржевского, объяснялись рядом причин: принадлежностью всех ее авторов к поколению дореволюционных историков, особыми трудностями в преодолении историками-немарксистами традиций дворянско-буржуазной историографии; использованием для написания указанных работ в основном источниковедческой базы, выявленной и собранной дворянско-буржуазными историками, не позволявшей осветить с достаточной полнотой многие, особенно вновь поставленные, вопросы истории восстания и определившей в известной мере декларативность многих новых суждений о нем, высказанных в работах советскими историками. Необходимость расширения источниковедческой базы, выявления и публикации свежих документов по истории восстания стала ощущаться буквально на заре советской исторической науки. Уже тогда ставился вопрос об организации коллективной работы «по выявлению всех материалов, относящихся к разинскому движению».[473] Однако решить эту задачу советской исторической науке в рассматриваемый период оказалось не под силу. Положено было лишь начало частичной публикации документов по истории восстания. Впрочем, в узкоспециальной

[473] А. А. Сергеев. Рецензия на книгу С. И. Тхоржевского. «Народные волнения при первых Романовых». «Каторга и ссылка», 1924, № 3, стр. 277—278

литературе этого времени, посвященной отдельным сторонам и событиям восстания, нашло отражение немало ранее не известных источников.

* *
*

Со второй половины 20-х годов в изучение истории России феодального периода постепенно включаются историки, получившие научную подготовку в Институте красной профессуры, Коммунистической академии и других научных и учебных советских учреждениях. Вооруженные знаниями трудов классиков марксизма, они внесли в научную разработку истории крестьянских войн большое оживление.

Дискуссия «О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке» в связи с вышедшей в 1928 г. книгой Д. М. Петрушевского,[474] обсуждение книги С. М. Дубровского[475] сыграли положительную роль «на пути усвоения советскими историками учения об общественно-экономических формациях и творческого применения этой теории к выработке марксистской схемы исторического развития России».[476] Обсуждение работы Г. Меерсона[477] в свою очередь способствовало более правильному пониманию роли и места крестьянских войн в истории страны.

Начало 30-х годов ознаменовалось выходом в свет многочисленной и разнообразной по задачам специальной литературы о восстании С. Разина, в которой оно получило более широкое освещение в сравнении с предшествующим десятилетием.

Из обобщающих работ этого времени, трактующих проблему восстания в целом, обращает внимание прежде всего работа Б. Н. Тихомирова,[478] считавшего, что «только М. Н. Покровский правильно поставил вопрос о разинщине как о крестьянской революции», а потому его работы должны служить «исходным пунктом марксистского исследования крестьянских революций».[479]

Широко используя труды классиков марксизма, вслед за М. Н. Покровским, но не в социологическом, а в конкретно-историческом плане, Б. Н. Тихомиров обосновывает классовый, преимущественно крестьянский характер восстания Разина. Он применяет к нему термины «крестьянская революция», «кре-

---

474 Д. М. Петрушевский. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.—Л., 1928.

475 С. М. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929.

476 Л. В. Черепнин. Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма. «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 46.

477 Г. Меерсон. Ранняя буржуазная революция в России. (Пугачевщина.) Вестник Коммунистической академии, 1925, № 13.

478 Б. Н. Тихомиров. Разинщина.

479 Там же, стр. 8.

стьянская война», но отказывается от термина «казацко-крестьянская революция». Он видит истоки восстания не на Дону в среде голутвенного казачества, хотя и понимает его крестьянское происхождение, а в деревне, в среде местного крестьянства, «которое до прихода разинцев поднялось против помещиков, избивая их, разоряя и сжигая их усадьбы».[480] «Крестьянство в своей массе, — по мнению Б. Н. Тихомирова,— оказалось революционней своего идеолога», т. е. С. Разина. Крестьянская война обрушилась на помещика, «и здесь остановить ее было невозможно».[481]

Б. Н. Тихомиров не ограничивается признанием крестьянства основной движущей силой восстания, но, понимая неоднородность крестьянства как класса, стремится определить роль и место в восстании его отдельных компонентов. Решающая роль в восстании, инициатива восстания, по его мнению, принадлежала «местному», т. е. сохранившему связь со своим мелким трудовым хозяйством, не находившемуся в бегах крестьянству. Наиболее же действенными среди крестьянского населения страны в развернувшейся борьбе были холопы, посаженные на пашню (т. е. «задворные» и «деловые» люди), и холопы, работающие на барском дворе на положении ремесленников. Их автор объявляет «предпролетариатом крепостной эпохи», «несомненно революционным ферментом эпохи» и т. п.[482] Такую же роль в восстании в условиях Поволжья он отводит крестьянам-«сведенцам», насильно поселенным вдоль пограничной «черты» на положении «служилых людей по прибору», «будникам», т. е. крестьянам, работающим на выработке поташа, и «гуляющим людям» — ярыжным, бурлакам из крестьян-«отходников» или беглых, работающих по найму на волжских промыслах и в судоходстве.[483] Наконец, голутвенное донское казачество, состоявшее в основном из беглых крестьян и холопов, Б. Н. Тихомиров объявляет важным «социально-революционным элементом»,[484] а холопов, состоявших в составе боярской челяди, т. е. собственно дворовых людей — «контрреволюционной силой».[485] Не со всем, сказанным Тихомировым по поводу движущих сил восстания, можно согласиться, но сделанная им попытка раскрытия места и роли отдельных компонентов крестьянского населения страны в восстании представляет несомненный научный интерес.

Положительно решен Тихомировым и вопрос об объективном значении восстания С. Разина, об исторических перспективах в развитии крестьянского хозяйства в случае победы

---

480 Там же, стр. 87.
481 Там же, стр. 103
482 Там же, стр. 27—28.
483 Там же, стр. 44—46.
484 Там же, стр. 57.
485 Там же, стр. 28.

восстания. Развивая положение, высказанное М. Н. Покровским, о том, что в восстании нашло выражение «стремление русского крестьянина быть мелким самостоятельным производителем»,[486] он считает, что «крестьянская революция эпохи феодализма и крепостничества означала собой борьбу крестьян за свободное от помещичьей эксплуатации развитие производительных сил»[487] и что если бы крестьянству удалось сбросить «крепостнические путы», то оно пошло бы «по пути свободного развития мелкого производителя в товаро-производителя»[488] — и это правильно. Считая, что развитие производительных сил страны прежде всего определялось развитием производительных сил крестьянского хозяйства[489] и что освобождение его от «крепостнических пут» в результате восстания создало бы условия для превращения его в хозяйство товаропроизводящее, т. е. более производительное, Б. Н. Тихомиров делает вывод о прогрессивности восстания С. Разина. Восстание потерпело поражение, но это не значит, что оно было бесплодно, ибо и впредь, как заключает автор свою работу, «восставшие против крепостничества брали за образец Степана Разина», т. е. использовали традиции классовой борьбы, сложившиеся в ходе возглавленного им восстания.[490]

В содержательной работе Б. Н. Тихомирова, написанной на широкой источниковедческой основе, было поставлено немало важных вопросов из истории восстания: о роли в его развитии стихийности и сознательности,[491] о периодизации восстания,[492] об идеологии восставших,[493] о роли национального движения в восстании,[494] о различных направлениях в среде восставших на последнем этапе восстания,[495] о причинах поражения восстания[496] и др. Независимо от их решения сама постановка автором этих вопросов в проблемном плане представляла большой научный интерес, не потерявший полностью своего значения и для наших дней. Что касается существа решений перечисленных вопросов, то на них лежит печать своего времени, особенно влияния отрицательных моментов исторической концепции М. Н. Покровского.

Правильно отмежевываясь от необоснованной трактовки Г. Меерсоном восстания Е. Пугачева как ранней буржуазной

---

[486] М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М.—Л., 1924, стр. 8—9.
[487] Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 13.
[488] Там же, стр. 16.
[489] Там же.
[490] Там же, стр. 140.
[491] Там же, стр. 18.
[492] Там же, стр. 65. 77, 84, 126.
[493] Там же, стр. 100—114.
[494] Там же, стр. 114—119.
[495] Там же, стр. 133.
[496] Там же, стр. 137.

революции в России[497] и попыток Л. Ладохи распространить эту трактовку на восстание С. Разина,[498] подчеркивая, что «разинщина совершалась в условиях крепостного хозяйства, в основе которого все еще лежит натуральное хозяйство»,[499] сам автор не свободен от преувеличений значения буржуазности в развитии России XVII в. и отдает определенную дань «теории торгового капитализма». Он заявляет, что «развитие торгово-денежных отошений» в России XVII в. «приводит... к установлению крепостного хозяйства»,[500] как будто бы последнее не существовало ранее указанного времени; колонизацию Поволжья связывает не со стремлением класса феодалов к расширению феодального землевладения, а с движением «московского торгового капитала на восток»;[501] включает в свою работу раздел под названием «Голутвенное казачество в борьбе с торговым капиталом на волжском пути», в свете которого и показывает поход отряда С. Разина на Каспий как «первый период разинщины»,[502] и т. п.

Преувеличиваются в работе и элементы организованности в восстании. К нему неправомерно применяется название «крестьянская революция», значение которой Б. Н. Тихомиров считает равнозначным названию «крестьянская война», т. е. ставит в один ряд организованность и сознательность действий восставших в революции с некоторым преодолением стихийности — местной ограниченности крестьянства, свойственной ему раздробленности и разобщенности — в ходе крестьянской войны.[503] По мнению автора, во «второй период разинщины», к которому он относит поход повстанческого войска вниз по Волге и взятие Астрахани, «местная ограниченность» будто бы была преодолена полностью и «...выдвинута задача всеобщей борьбы с крепостническим порядком».[504] Казачеству и «пред пролетариату», о составе которого уже говорилось выше, он приписывает особую роль той социальной силы, под воздействием которой «поднималось крестьянство над уровнем своей повседневной разобщенности».[505] Роль «предпролетариата» трактуется автором опять-таки преувеличенно. Его представителей — атаманов, действовавших по назначению С. Разина в отдельных городах и местностях, захваченных повстанцами, модернизуя обстановку того времени, он называет «комиссарами» Разина, поставленными над местным самоуправле-

497 Г. Меерсон. Ранняя буржуазная революция в России.
498 Г. Ладоха, ук. ст. В кн.: «Разинщина и пугачевщина». М.—Л., 1928, стр. 24, 36—37; Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 14.
499 Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 14.
500 Там же, стр. 13.
501 Там же, стр. 62.
502 Там же, стр. 65.
503 Там же, стр. 17.
504 Там же, стр. 83.
505 Там же, стр. 18.

нием,[506] и видит в этом попытку «создания революционной диктатуры».[507] Наконец, логически следуя от представления восстания С. Разина как крестьянской революции, в работе ставится вопрос о революционной ситуации, будто бы сложившейся в России в 50—60 годах XVII в., хотя в то же время правильно отмечается «известная консолидация землевладельческого класса», характерная для этого времени, т. е. отрицается наличие одного из основных признаков ленинского определения революционной ситуации кризиса верхов, без которого говорить о ней невозможно.[508]

Само название работы — «Разинщина» — и широкое употребление в ней этого термина наряду с терминами «крестьянская революция» и «крестьянская война» говорят о большой противоречивости ее содержания.

В целом основные принципиальные вопросы истории восстания: о его классовом крестьянском содержании, антикрепостнической направленности, прогрессивности и революционности борьбы восставших, историческом значении восстания, — решены в работе Б. Н. Тихомирова правильно. В основе отмеченных недостатков лежит свойственное для того времени непонимание учения классиков марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, нашедшее яркое выражение в преувеличении в историческом развитии России XVII в. роли торгового капитала. «Теория торгового капитализма», сквозь призму которой преломлены автором события восстания, во многих случаях мешала раскрыть их подлинную историческую правду. Однако источниковедческая основательность рассматриваемой работы, научная добросовестность определили наличие в ней многих правомерных суждений и заключений по поводу отдельных сторон и событий в развитии восстания, в исторической правдивости которых нет оснований сомневаться. Б. Н. Тихомиров освещает активное участие низов городского населения в восстании, предпролетарских кругов посада, как он их называет, и отмечает особую роль торгово-ремесленных сел и районов, тяготеющих к ним, население которых состояло в «основной части из ремесленной бедноты». Он отмежевывается от С. Г. Томсинского, объявившего революционное движение в селах Лысково и Мурашкино «в основе своей кулацким»,[509] и проводит через всю работу правильную мысль о классовой направленности действий восставших не только против бояр, воевод и помещиков, но и вообще «против мирских кровопивцев», — посадской верхушки и «кулацких слоев деревни»,[510] о консолидации сил господствующего класса «во-

[506] Там же, стр. 93, 109.
[507] Там же, стр. 110.
[508] Там же, стр. 21, 25.
[509] Там же, стр. 26, 27, 37.
[510] Там же, стр. 43.

круг московского торгового капитала» (т. е. самодержавия. — *И. С.*), в том числе и «городской буржуазии». В этом он правомерно видит одну из основных причин поражения восстания.[511]

Правильна постановка в работе вопроса о роли национального движения в восстании. Ему уделен в ней специальный раздел. Б. Н. Тихомиров считает, что «национальное движение угнетенных народностей составляло одну из главных сторон крестьянской революции»[512] и что определяющим в нем был не национальный, а классовый момент — «инородцы-крестьяне вели борьбу, по своим формам аналогичную борьбе русских крестьян».[513] Интересна постановка вопроса о наличии в среде восставших определенных расхождений и направлений, которые усложнили «задачу преодоления крестьянской разобщенности и ограниченности», что явилось также одной из причин подавления восстания[514] и т. п. Автор подчеркнул общенациональный характер восстания С. Разина, его широкий территориальный размах и массовость участия в нем населения, охватившего «в той или иной форме всю страну»,[515] что Ф. Энгельс считает основной особенностью, характерной для крестьянской войны как одной из форм классовой борьбы крестьянства периода феодализма.

В работе Б. Н. Тихомирова о восстании Разина, несмотря на содержащиеся в ней недостатки, правильно решен и правомерно поставлен ряд важных вопросов, расширяющих и углубляющих его научное понимание, что и на сегодняшний день сохраняет определенное научное значение и вызывает интерес исследователей.

С. Г. Томсинский в своих многочисленных противоречивых работах о восстании С. Разина[516] довел до крайности ошибочные положения о нем, высказанные М. Н. Покровским.

Будучи далек от правильного понимания учения классиков марксизма об общественно-экономических формациях, он хотя и отмежевывается от С. М. Дубровского, объявившего крепостничество особой формацией,[517] но, противопоставляя крепостное помещичье хозяйство вотчинно-феодальному способу производства,[518] объявляет крепостничество «своеобразной

---

511 Там же, стр. 137.
512 Там же, стр. 114.
513 Там же, стр. 117.
514 Там же, стр. 137.
515 Там же, стр. 126.
516 С. Г. Томсинский. Разинщина (1666—1671 гг.). В сб.: «Проблемы марксизма», № 2, 1930; Его же. Колонии Московского государства накануне восстания Разина. В сб.: «Крепостная Россия». Л., 1930; Его же. Предисловие к Сб. док. Центрархива; Его же. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М.—Л., 1932.
517 С. Г. Томсинский. Колонии Московского государства..., стр. 100.
518 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 127.

формой. процесса первоначального капиталистического накопления в России»,[519] утверждая, что в России «в лице помещика персонифицировался ростовщик, землевладелец и торговец».[520] Социально-экономическую обстановку времени восстания он рассматривает как «эпоху первоначального накопления капиталов».[521]

До крайности преувеличивая буржуазность в развитии России XVII в. и роль буржуазных слоев населения в ее жизни, применяя в отношении их термины «крупная буржуазия», «средняя буржуазия», «мелкая буржуазия», «крестьянская буржуазия», «кулачество» и т. п., он договаривается в ряде случаев до того, что объявляет чуть ли не основным содержанием восстания борьбу «крестьянской буржуазии» «за свободу торговли, за выход на рынок».[522] По мнению С. Г. Томсинского, «там... где „лутчая", т. е. богатая, кулацкая торгующая часть крестьянства составляла значительную общественную силу, она являлась основным фактором движения». Так обстояло дело в селах Лысково и Мурашкино, где «происходили столкновения между крестьянами-торговцами и монастырем» и где «крестьяне-торговцы, объединившись с рабочими поташных заводов, развернули большие бои».[523] С. Г. Томсинским пущена в научный оборот ошибочная антиисторическая формула, рецидивы которой до сих пор проявляются, будто бы восстание Разина являлось борьбой крестьянина-товаропроизводителя «за свободу торговли, за выход на рынок, за развитие буржуазных отношений»,[524] тогда как в действительности определяющей была борьба крестьянина как непосредственного производителя за свободное развитие своего мелкого трудового хозяйства, за пути его превращения в товаропроизводителя, к признанию чего, в конечном итоге, пришел и автор.[525]

Читая работы Томсинского о «разинщине», в схеме их построения и выводах не чувствуется, что основным ее содержанием является массовое восстание крестьян против феодально-крепостнического гнета, хотя автор и не скупится на использование термина «крестьянская революция». Об антикрепостнической направленности борьбы крестьянства в его работах повествуется противоречиво, и она относится нередко на задний план. «Разинщина» — термин, от которого Томсинский не случайно не может отказаться, хотя и понимает его ненаучность, подобно термину «махновщина».[526] В него он вкладывает не

519 С. Г. Томсинский. Колонии Московского государства..., стр. 99.
520 Там же, стр. 100.
521 Там же, стр. 97.
522 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 98—99.
523 Там же, стр. 123.
524 Там же, стр. 96, 127, 128.
525 С. Г. Томсинский. Крестьянские движения в феодально-крепостной России, стр. 88.
526 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 127.

только массовую борьбу крестьянства против феодально-крепостнического гнета, но и все разнообразное проявление классовых устремлений отдельных социальных групп российского общества, характеризующих внутриполитическую обстановку того времени и не имеющих подчас никакого отношения к антифеодальной борьбе крестьянства, как, например, движение «детей боярских» и «... национального помещика... за право владеть крепостными крестьянами».[527] В отдельных случаях он говорит о правомерности применения к «разинщине» термина «крестьянская война», но не отождествляет его, подобно Б. Н. Тихомирову, с названием «крестьянская революция», утверждая, что крестьянская война лишь при определенных условиях может перерасти в революцию буржуазную, если ею будет руководить буржуазия, и буржуазно-демократическую, если ее возглавит пролетариат, т. е. отождествляет крестьянскую войну с революционной ситуацией[528] буржуазной революции.

Противоречиво и непоследовательно трактуется в работах Томсинского вопрос о движущих силах восстания Разина. В одних случаях его движущей силой объявляется «крепостное крестьянство, крестьянский товаропроизводитель и мелкая городская буржуазия».[529] В других случаях утверждается, что «основной движущей силой разинщины был не товаропроизводитель, а закрепощенный и закрепощаемый крестьянский непосредственный производитель, продукт которого урезывался „сверх известной меры“».[530] Большое внимание при характеристике движущих сил восстания автор уделяет «плебейщине», к которой относит бурлаков, беглое крестьянство, разорившуюся городскую «мелкую буржуазию», стремившихся «взорвать почву крепостнических отношений».[531] Ей он отдает преимущественное значение в восстании и при перечислении социальных групп населения, участие которых придало определенную окраску «разинщине», ставит ее на первое место.[532] Автор не раз пытается раскрыть движущие силы восстания, чтобы показать роль и место отдельных социальных групп, но делает это противоречиво и неубедительно. Для него не ясны роль и место основной массы крестьянства — «местного», как его назвал Б. Н. Тихомиров, крестьянства, не оторвавшегося от своего мелкого трудового земледельческого хозяйства, т. е. основной и определяющей силы восстания.

---

527 С. Г. Томсинский. Предисловие к Сб. док. Центрархива, стр. XV и сл.

528 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 127.

529 Там же, стр. 128.

530 С. Г. Томсинский. Предисловие к Сб. док. Центрархива, стр. VII.

531 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 118; Его же. Предисловие к Сб. док. Центрархива, стр. XIII.

532 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 124; Его же. Предисловие к Сб. док. Центрархива, стр. XV.

Серьезное внимание уделено Томсинским участию в восстании народов Поволжья, «инонационалов», как называет их автор, заменивший этим надуманным термином старый великодержавный термин «инородцы». С. Г. Томсинский в большей части своих работ по этому вопросу стоит на неверных позициях. Справедливо отмечая классовую дифференциацию в среде народов Поволжья[533] и широкое участие крестьянства указанных народов в борьбе против гнета не только русских, но и своих помещиков,[534] он все же на первый план выдвигает национальные противоречия народов Поволжья с русскими. Одной из основных причин поражения восстания он считает глубокие «национальные противоречия в среде восставших».[535]

Правильно отмечая, что восставшее «крестьянство ставило себе задачи, вытекавшие не из особенностей жизни колоний, а из тех общественных отношений, которые создались в метрополии... и острее и болезненнее ощущались в колониях»,[536] С. Г. Томсинский, однако, придает восстанию периферийное значение, не раз подчеркивая, что оно локализуется в колониях,[537] где складываются основные силы восстания — «плебейщина», где оно находит большую поддержку среди населения и т. п.

Прогрессивность восстания С. Разина автор, судя по его докладу на совещании по истории крестьянских войн, видит в том, что оно направлено было на разгром феодально-крепостнических отношений в стране, являлось провозвестником буржуазной революции, борьбой за капиталистический путь развития России.[538]

Элементы организованности и сознательности в восстании преувеличены в работах Томсинского до абсурдности. Автор не понял стихийности борьбы, развернувшейся под знаменами Разина. Все события предыстории восстания показываются им как результат планомерных действий, рассчитанных на подготовку восстания. Поездка С. Разина в Соловецкий монастырь «на богомолье» «рассматривается как первая разведка обстановки в стране в целях восстания».[539] Поход казацкого отряда В. Уса к Туле как вторая серьезная разведка, как попытка «поднять рабочих тульской крепостной мануфактуры для уда-

533 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 106, 107, 130; Его же. Предисловие к Сб. док. Центрархива, стр. IX.

534 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 121—122; Его же. Предисловие к Сб. док. Центрархива, стр. XIV; Его же. Крестьянские движения в феодально-крепостной России.., стр. 90.

535 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 127; Его же. Предисловие к Сб. док. Центрархива, стр. XVI.

536 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 94.

537 Там же, стр. 130; Совещание по истории крестьянских войн. (конспективный отчет). «Исторический сборник», 1934, № 1, стр. 286.

538 Совещание по истории крестьянских войн. «Исторический сборник», 1934, № 1, стр. 286—287.

539 С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 109.

ра на Москву», попытка неудачная, которая «заставляет думать, — пишет С. Г. Томсинский, — что инициативная группа повстанцев организовала разведку для того, чтобы решить, куда направить удар».[540] Таковым же рисуется и поход отряда Разина на Каспий. «Уже первый период восстания, — по мнению автора, — показывает, как далеки были разинцы от „бессмысленного бунта": тщательно разработанный план, правильные поиски союзников и тактика революционных полководцев во время восстания подняли это движение на высоту планомерно организованной гражданской войны».[541] Исходя из этого, грубо модернизуя ход событий, Томсинский изображает борьбу восставших с правительственными войсками буквально как военные действия между «красными» и «белыми» армиями по образу гражданской войны 1918—1922 гг., пишет о восточном и западном фронтах восставших — «красных», об их военной стратегии, о руководстве штаба Разина и т. п.[542]

В заключение нельзя не отметить, что порочность методов научной работы С. Г. Томсинского, «томсинщины», как назвал эти методы в свое время М. Н. Покровский,[543] особенно способов обработки историко-статистического материала и его использования (что автор сам частично признает[544]), легкость обращения его с источниками и не всегда должная обоснованность выводов определили включение в научный обиход немало надуманных, искажающих историческую действительность или не имеющих к ней никакого отношения моментов. Версии о том, что будто бы отряд В. Уса шел к Туле, чтобы заручиться поддержкой работных людей тульских мануфактур «для удара на Москву», и, не получив ее, вернулся на Дон, о том, что Разин, возвратясь из похода по Каспию, увлек с собой в Астрахань отряд персидской бедноты,[545] по существу не имеют под собой источниковедческой основы. Результатом легковесного использования автором источников являются также версии о направлении из Москвы для борьбы против восставших «двух армий» на север: одной — через Ярославль в Галицкий уезд, второй — через Юрьевец-Повольский; о том, что правительству «удалось разгромить восстание, не без участия наемных войск, среди которых были и англичане».[546] В первом случае это были не армии, а небольшие карательные отряды чис-

---

[540] С. Г. Томсинский. Крестьянские движения в феодально-крепостной России, стр. 76.

[541] С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 110.

[542] С. Г. Томсинский. Предисловие к Сб. док. Центрархива, стр. IX—X.

[543] М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. I. М.—Л., 1933, стр. 253. Ответ т. Томсинскому.

[544] С. Г. Томсинский. Разинщина, стр. 94, 98.

[545] С. Г. Томсинский. Крестьянские движения в феодально-крепостной России, стр. 76, 77.

[546] Там же, стр. 82.

ленностью около 300 человек.[547] Во втором — войска так называемого «иноземного строя», где лишь в офицерском составе была незначительная часть иностранцев. О необоснованности выводов автора об активном участии в восстании Разина богатых крестьян — «крестьянской буржуазии» — и о формуле борьбы «крестьян как товаропроизводителей» за включение в рыночные отношения уже говорилось. Много содержится в его работах и других, подобных перечисленным, искажений исторической правды.

Ошибочные положения, необоснованные отступления от исторической правды, допущенные С. Г. Томсинским в разработке истории восстания, нашли определенное отражение и в посвященных восстанию Разина работах других авторов. Например, ошибочный тезис Томсинского о борьбе в восстании крестьян «как товаропроизводителей» за уничтожение препятствий, мешающих включению их в рыночные отношения, лежит в основе статьи Н. С. Чаева «К истории разинщины», в которой участию зажиточного торгующего крестьянства в восстании в селе Мурашкино придается первенствующее значение.[548] Этот же тезис получил дальнейшее уродливое развитие в научно-популярной работе о восстании С. Разина Н. И. Ульянова, в представлении которого восстание явилось результатом недовольства не только «мелкого товарного производителя» — крестьянина, — но и всех других слоев «мелких товарных производителей», в том числе и мелкого помещика, «пролетариата господствующего класса», как он его называет.[549] Н. И. Ульянов, вслед за Томсинским, игнорируя стихийность восстания, пишет о систематической и планомерной подготовке его, уверяет, что «уже в 1668 г. речь шла не о простом грабительском предприятии (имеются в виду замыслы С. Разина. — *И. С.*), а о грандиозном политическом перевороте».[550]

В духе С. Г. Томсинского трактуется восстание С. Разина и Л. Венедиктовым,[551] особенно в части преувеличения его организованности.

Из популярных работ о восстании С. Разина, опубликованных в начале 30-х годов, обращает на себя внимание книга М. В. Нечкиной, предназначенная для школьников.[552] Автор ее избежала типичных для того времени ошибочных представ-

[547] И. В. Степанов. О некоторых вопросах истории крестьянской войны 1670—1671 годов в России. Вестник ЛГУ, 1959, № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 126.

[548] Н. С. Чаев. К истории разиновщины. Вестник АН СССР, 1933, № 4, стр. 31, 33.

[549] Н. И. Ульянов. Разиновщина. Харьков, 1931, стр. 4—6.

[550] Там же, стр. 23—24.

[551] Л. Венедиктов. Заселение Поволжья и казацко-крестьянское движение в XVII в. в крепостную эпоху на Средней Волге. Москва—Самара, 1934, стр. 6—27.

[552] М. В. Нечкина. Крестьянские революции — разинщина и пугачевщина. М.—Л., 1930.

лений о восстании, если не считать некоторого отражения «теории торгового капитализма» в характеристике социально-экономической обстановки и применения термина «разинщина».

В начале 30-х годов был положен почин специальному изучению развития восстания С. Разина на территориях с нерусским населением: в Среднем Поволжье, Слободской и Левобережной Украине и его участии в восстании татарского, чувашского и украинского народов. Г. С. Губайдуллин в специальной статье[553] рассмотрел отношение к восстанию Разина отдельных социальных групп казанских татар — сочувственное отношение к нему трудовых масс татар и враждебные действия против восставших татарской феодальной верхушки. Н. С. Чаев на основании так называемых «ядринских актов», хранящихся в архиве Института истории Академии наук СССР, обстоятельно раскрыл положение чувашского народа в десятилетия, предшествующие восстанию, и обосновал правомерность его активного участия в нем.[554] Широкий круг эпизодов восстания на территории Слободской Украины и его отражение на территории Левобережной Украины подвергся рассмотрению в работах Д. Е. Кравцова[555] и Б. Н. Тихомирова.[556] В статье Д. Е. Кравцова рассмотрена социально-политическая обстановка, сложившаяся на Украине в годы, предшествующие восстанию Разина, подробно освещен вопрос о взаимоотношениях С. Разина с гетманом П. Дорошенко и поход повстанческого отряда атамана А. Черкашенина с Дона на Украину. Выводы автора о значении событий на Украине в восстании Разина в ряде случаев страдают преувеличением. «Трудно, мне кажется, определить, — пишет он, — где следует искать начало разинского движения — на Дону или на Запорожье».[557] В работе Б. Н. Тихомирова впервые, притом с большой полнотой, изложена фактическая сторона развития восстания Разина на Слободской Украине, дан обстоятельный анализ расстановки классовых сил и роли отдельных социальных слоев населения в восстании. Автор приходит к выводу, что в основе сложных событий, развернувшихся в то время на Украине, лежала борьба крестьянства против крепостного права.[558] Наиболее активной социальной силой в восстании были

---

553 Г. С. Губайдуллин. Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века. Вестник научного общества татароведения, 1930, № 9—10.

554 Н. С. Чаев. Ядринские акты как источник по истории чувашей. «Проблемы источниковедения», 1933, стр. 73—82.

555 Д. Е. Кравцов. Отголоски разиновщины на Украине. Труды Ин-та славяноведения, т. II. Л., 1934.

556 Б. Н. Тихомиров. Разинское движение на Слободской Украине. «Исторический сборник», 1934, № 2.

557 Д. Е. Кравцов. Отголоски разиновщины.., т. II, стр. 82.

558 Б. Н. Тихомиров. Разинское движение в Слободской Украине. «Исторический сборник», 1934, № 2, стр. 109.

батраки, «гулящие люди» и работные люди соляных разработок на Торских озерах. Из этого он делает вывод, «насколько неправы те, которые ищут движущую силу разинского движения в кулацком слое тогдашней крепостной деревни, в „торговом" крестьянстве или в „дюжем казачестве"».[559] Работы Д. Е. Кравцова и Б. Н. Тихомирова написаны на обширном архивном материале. Д. Е. Кравцовым впервые были использованы интересные показания Нестора Самбуленко о казацком круге в Паншинской станице весной 1670 г., накануне выхода повстанческого войска на Волгу.[560]

Изучение восстания С. Разина в начале 30-х годов сопровождалось большой работой по выявлению, публикации и включению в научный обиход большого количества новых источников. Была начата массовая публикация документов о восстании, содержащихся в фондах Разрядного, Малороссийского и других приказов XVII в. В 1931—1934 гг. под редакцией С. Г. Томсинского вышли два тома документов о восстании.[561] Несмотря на определенную тенденциозность в подборе документов, их группировку, организацию и содержание научного аппарата в духе взглядов на восстание С. Разина их редактора С. Г. Томсинского, а также на низкий уровень их археографической обработки, выход указанных томов являлся фактом положительным и благоприятствовал дальнейшей научной работе над историей восстания.

Вовлечение в сферу научного обращения массы свежих источников определило потребность в их общем обзоре и классификации. Эту работу выполнил Б. Н. Тихомиров,[562] который классифицировал все источники о восстании на определенные группы и впервые проанализировал их содержание с позиции раскрытия их классовых тенденций, а также значения для изучения истории восстания.[563]

Б. Н. Тихомировым в начале 30-х годов был дан и первый историографический очерк о восстании С. Разина. Он носит характер краткой справки..[564] В ней дается характеристика основных работ о восстании буржуазных историков, а также освещаются исследования советских историков, вышедшие в 20-х годах. Обращает внимание нигилистическое и необъективное отношение автора к работам последних, исключая работы

---

559 Там же, стр. 102.

560 Д. Е. Кравцов. Отголоски разиновщины.., т. II, стр. 86.

561 Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 годов. Сб. док. Центрархива. М., 1931; Сб. «Разгром разинщины». М., Изд. АН СССР, 1934.

562 Б. Н Тихомиров. Источники по истории разинщины. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1.

563 Подробно о содержании этой работы Б. Н. Тихомирова уже говорилось в главе «Источники изучения крестьянской войны 1670—1670 годов».

564 Б. Н. Тихомиров. Разинщина, гл. 1, стр. 3—9.

М. Н. Покровского, что объясняется напряженностью классовой борьбы в стране в области идеологии.

Историографический почин в изучении восстания С. Разина был продолжен С. Пионтковским,[565] в историографическом обзоре которого отмеченные недостатки очерка Б. Н. Тихомирова доведены до абсурдности. Историография восстания дана С. Пионтковским без рассмотрения взглядов на него и даже без упоминания фамилий историков, работы которых сыграли определяющую роль в историографии восстания (например, Н. И. Костомарова и М. Н. Покровского). Научный анализ отдельных работ о восстании С. Разина советского времени нередко подменяется или сопровождается обвинениями их авторов в политических ошибках и приклеиванием в отношении их соответственных политических ярлыков и т. п. Работа С. Пионтковского не дает объективного научного представления об истории изучения восстания Разина, особенно о его историографии советского времени.

Наконец, нельзя не отметить выход в свет библиографии о восстании Разина М. Н. Сменцовского,[566] в которой дан полный перечень всех источников и литературы о восстании, опубликованных до 1932 г.

В декабре 1933 г. в Ленинграде состоялось совещание по истории крестьянских войн в России, на котором были подведены некоторые итоги их изучения, в том числе и крестьянской войны под предводительством С. Разина. Специального доклада о восстании Разина на совещании не было. Однако в центральном докладе совещания на тему «Основные проблемы истории крестьянских движений феодально-крепостной России», сделанном С. Г. Томсинским, ему уделено было должное внимание. Как показывает название самого совещания, термин «крестьянская война» применительно к восстаниям И. Болотникова, С. Разина и Е. Пугачева получил предпочтительное применение по сравнению с терминами «крестьянская революция» и «разинщина».

Совещание способствовало установлению более правильного подхода при решении ряда основных вопросов восстания С. Разина. Социально-экономическая обстановка восстания была в ходе обсуждения раскрыта как время господства феодально-крепостнических отношений, характеризующихся развитием «товарно-денежных отношений», возникновением национального рынка и созданием «централизованной империи».[567] Объективный смысл крестьянских войн участники совещания определили как борьбу за свободное от крепостных пут разви-

---

[565] С. Пионтковский, ук. ст. «Историк-марксист», 1933, № 6.

[566] М. Н. Сменцовский. Ст. Разин в науке, литературе и искусстве. «Каторга и ссылка», 1932, № 7, 8-9.

[567] «Исторический сборник», 1934, № 1, стр. 286.

тие мелкого трудового крестьянского хозяйства, которое в перспективе должно превратиться в товаропроизводящее. Взгляд на крестьянство «феодально-крепостной России как носителя буржуазных отношений», т. е. в массе уже товаропроизводителей, что будто бы и явилось определяющим в крестьянских войнах, поддержки на совещании не получил.[568] Тезис С. Г. Томсинского о локализации восстания территорией колоний, представление о нем как о борьбе закрепощаемого населения окраин не был принят большинством участников совещания. В ходе дискуссии было высказано мнение о том, что в нем принимало участие «не только закрепощаемое население окраин, колоний, но и закрепощенные массы центра, метрополий, т. е. крестьянство в целом»,[569] и что особая роль окраин в восстании объясняется тем, что в них, как в наиболее слабом звене, «прорываются противоречия, накопленные в центре»,[570] «противоречия всей феодально-крепостнической системы».[571] Обсуждены были и другие важные вопросы истории крестьянских войн: об их прогрессивности, причинах поражения, антикрепостнической направленности.[572] Совещание сыграло положительную роль в научном осмыслении многих вопросов истории крестьянских войн, в частности восстания С. Разина.

Вместе с тем необходимо отметить, что в ходе дискуссии были такие моменты, которые никак нельзя считать полезными для дальнейшего изучения крестьянских войн. Была поставлена надуманная проблема: «о плебсе как *руководителе* (курсив наш.— *И. С.*) революционного крестьянства феодально-крепостной России»[573] и даже как о «гегемоне» крестьянских войн,[574] высказаны многие ошибочные суждения: о реакционном значении поражения крестьянских движений, которые будто бы отбросили Россию «на сотни лет назад»,[575] о реакционности программ восстаний (монархизм) и о постепенном их затухании. Обращено особое внимание историков крестьянских войн на необходимость руководствоваться («должны руководствоваться») в своей работе высказываниями И. В. Сталина.[576]

Подведем некоторые итоги. Начало 30-х годов в изучении восстания С. Разина явилось временем дальнейших исканий.

Резкое обострение борьбы на историческом фронте, явив-

---

568 Там же, стр. 286, 290, 291, 293, 198.
569 Там же, стр. 287.
570 Там же, стр. 291.
571 Там же, стр. 296.
572 Там же, стр. 287, 288.
573 Там же, стр. 291.
574 Там же, стр. 294.
575 Там же, стр. 301.
576 Там же, стр. 285.

шееся непосредственным отражением острой классовой борьбы в стране в связи с развернутым наступлением социализма по всему фронту, придает этому времени в изучении восстания С. Разина особую специфику.

Круг проблем истории восстания С. Разина, подвергнутых рассмотрению в начале 30-х годов, был несравненно шире, чем в 20-х годах. Было положено начало массовой публикации официальных документов о восстании, в результате чего в научный обиход было включено много новых источников, расширивших источниковедческую базу изучения восстания и позволивших уточнить и раскрыть многие моменты его фактического содержания. В эти же годы вышел общий обзор источников о восстании, положивший начало его осмыслению в источниковедческом плане. Появилась полная библиография, началось изучение восстания в историографическом плане и т. п.

Методологические вопросы в изучении восстания приобрели в рассматриваемое время особую остроту. Ошибочные положения о восстании в работах 30-х годов являются уже не следствием традиций дворянско-буржуазной историографии о нем, как это было обычно в работах 20-х годов, а результатом недостаточно глубокого усвоения марксизма, неумения творчески применить высказывания классиков марксизма о крестьянских восстаниях периода феодализма к изучению крестьянских войн в России, и в частности к восстанию С. Разина.

Основными недостатками работ о восстании, опубликованных в начале 30-х годов, были: преувеличение буржуазности социально-экономического строя страны, придание ему периферийного значения, неправомерное применение к восстанию термина «крестьянская революция» и преувеличение сознательности крестьянства и его организованности, вульгаризация и модернизация в трактовке его отдельных сторон и событий, некоторые рецидивы дворянско-буржуазной историографии о восстании. Однако, как показало это совещание, многие из указанных недостатков успешно преодолевались советскими историками.

* *
*

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР»[577] решительно осудило схематизм, социологизм и вульгаризацию в изучении истории, а также отдельные ошибочные положения исторических взглядов М. Н. Покровского, широко вошедшие в практику работы многих советских историков. Оно указало пути советской исторической науке к конкретному монографическому исследованию проблем исторического развития страны на основе марксистско-ленинской тео-

[577] К изучению истории. М., 1946.

рии и явилось поворотным моментом в ее развитии.[578] Однако практическая реализация этого важного постановления встретилась с большими трудностями. Широкое распространение догматизма и начетничества в области общественных наук, забвение принципа историзма в оценке событий прошлого и персонификация истории[579] сильно осложняли и тормозили развитие исторической науки в указанном постановлением направлении.

Практическая реализация постановления от 16 мая 1934 г. развернулась далеко не равномерно на всех участках исторического фронта и оказалась неодинаково результативной в разработке отдельных исторических проблем. Применительно к изучению истории крестьянских восстаний в России XVII—XVIII вв., в частности восстания С. Разина, постановление от 16 мая 1934 г. способствовало освобождению от многих ошибочных положений в их трактовке. В связи с уточнением хронологических рамок господства феодализма в России и основных этапов в его развитии установилось правильное понимание социально-экономической обстановки отдельных крестьянских войн как времени расцвета и разложения феодально-крепостнического строя в стране, благодаря чему установилось и более четкое понимание их классовой антифеодальной направленности. Крупнейшие народные движения феодальной России, в том числе и восстание С. Разина, стали рассматриваться как крестьянские войны, а термины «разинщина», «пугачевщина» и тому подобные были отвергнуты.[580] Установилась большая определенность в понимании основных движущих сил, как показывает само название «крестьянская война», преимущественно крестьянских. Изжито было преувеличенное представление о сознательности и организованности крестьянских восстаний. В связи с этим применение к отдельным крестьянским восстаниям названия «крестьянская революция» в практике работы историков почти прекратилось. Восстание С. Разина в научной и учебной литературе рассматриваемого времени обычно называется «крестьянской войной под предводительством С. Разина» и лишь в отдельных случаях «крестьянской войной под руководством С. Разина»,[581] чем подчеркивается исторически ограниченная роль личности Разина. Исчезло модернизаторство и сопутствующее ему вульгаризаторство в характе-

---

[578] Л. В. Черепнин. Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма. «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 50; В. В. Мавродин. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России. «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 37.

[579] Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». М., 1956.

[580] К изучению истории, стр. 22.

[581] В. И. Лебедев. Крестьянская война под руководством С. Разина. БСЭ, т. 23, стр. 361.

ристике отдельных событий крестьянских войн и в представлениях о них в целом. Установилось правильное понимание их прогрессивности как выдающихся событий многовековой революционной борьбы крестьянства против феодальной эксплуатации и крепостного права, в результате которых, в конечном итоге, были созданы условия, определившие падение крепостного права в России и переход к более прогрессивному буржуазному общественному строю. Обстоятельно, в конкретно-историческом плане была изучена И. И. Смирновым крестьянская война под предводительством И. Болотникова, результатом чего явилась монография,[582] в которой автор подчеркнул мысль о необходимости монографического изучения и других крестьянских войн.

Вместе с тем изучение крестьянской войны под предводительством С. Разина в рассматриваемое время не привело к появлению ни одной обобщающей монографической работы. В этот период было опубликовано несколько исследований о некоторых эпизодах восстания.

Общая концепция понимания истории восстания С. Разина нашла отражение лишь в учебной и научно-популярной литературе. Это было время составления многих учебников по истории СССР для различных контингентов учащихся,[584] в которых история восстания получила должное освещение. Были учтены все общие и конкретные замечания, сделанные А. А. Ждановым, С. М. Кировым и И. В. Сталиным по поводу конспекта учебника по истории СССР, а также содержащиеся в Постановлении жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР для 3-х и 4-х классов средней школы.[585] Основные вопросы истории восстания получили в них правильное марксистское раскрытие. Однако ленинское положение о двух возможностях внесения политической сознательности и организованности в крестьянское движение, как необходимом условии его победы — руководстве «либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата» [586]— подменено в них неверным положением

---

582 И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. Л., 1949.

583 За длительный промежуток времени, с момента принятия постановления от 16 мая 1934 г. по 1954 г. — за 20 лет, если не считать нового перевода сочинения Я. Стрейса (Я. Стрейс. Три путешествия. Соцэкгиз, 1935) были опубликованы лишь отдельные документы: Д. Ф. Каржавин. Степан Разин в Симбирске. Ульяновск, 1947, стр. 62—72; Е. Стецюк. Вплив повстання С. Разіна на Україну. Київ, 1947; Н. Сербина. Несколько новых документов из истории восстания С. Разина. «Исторический архив», 1936, № 1.

584 А. В. Шестаков. История СССР. М., 1936; История СССР для исторических факультетов. Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, т. 1. М., 1939; История СССР для исторических факультетов, т. 1, изд. 2-е. М., 1947; М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев. История СССР, т. 1. Для неисторических факультетов. М., 1948, и др.

585 К изучению истории.

586 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 41.

И. В. Сталина о том, что «крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями».[587] Вместо ленинского термина «наивный монархизм», хорошо отражающего непонимание крестьянством классовой природы монархической власти, употребляется термин «царизм», взятый из работ Сталина, надуманные термины «царистская идеология» и «царистская психология»,[588] неправомерно укоренившиеся в литературе о крестьянских войнах. Некоторые формулировки учебников, кратко выражающие существо отдельных вопросов восстания, приобрели значение своеобразного шаблона и получили широкое распространение. Например, появившаяся для объяснения прогрессивного значения восстания в первом издании (1939 г.) учебника по истории СССР для исторических факультетов формула «о расшатывании господства крепостной системы» в ходе крестьянских восстаний попала во все учебники истории СССР, а поскольку последние, как утвержденные авторитетными органами, подобно «Краткому курсу истории ВКП(б)» играли роль своеобразного эталона в суждениях по вопросам истории, перешла из них на страницы научно-популярной литературы о восстании.

В период между принятием Постановления от 16 мая 1934 г. и XX съездом КПСС о восстании С. Разина вышел ряд научно-популярных работ: З. И. Михайличевой,[589] И. В. Степанова,[590] В. И. Лебедева,[591] а также статей обобщающего характера: О. Ярошевского[592] и В. И. Лебедева,[593] И. В. Степанова,[594] которые способствовали распространению правильного научного представления о нем среди широких кругов советского народа. В работе В. И. Лебедева были подведены некоторые итоги изучения крестьянской войны под предводительством С. Разина.[595] Она обращает на себя внимание и как самая большая по объему и по использованию в ней новых архивных источников. Однако небрежное отношение к ним автора привело к массе фактических искажений и необоснованных заключений, что определило «лишь отрицательное значение ее для дальнейшей разработки»

---

587 И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 112—113.

588 И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 499; Его же. Краткий очерк истории восстания Болотникова. Л., 1953, стр. 134; В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1955, стр. 173.

589 З. И. Михайличева. Степан Разин. М., 1939.

590 И. В. Степанов. Степан Разин. Л., 1950.

591 В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955.

592 О. Ярошевский. Степан Разин. Исторический журнал, 1941, № 6.

593 В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством С. Разина, стр. 23.

594 И. В. Степанов. Степан Разин, стр. 4.

595 В. В. Мавродин, ук. ст. «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 40.

истории восстания.[596] Помимо указанного, в работе В. И. Лебедева содержатся ошибочные утверждения об активном участии в восстании «прожиточных» богатых крестьян.[597] Более удачное, но весьма краткое обобщение итогов изучения крестьянской войны под предводительством С. Разина сделано А. А. Новосельским.[598] На всех перечисленных работах о восстании, как и в соответствующих разделах учебников, лежит определенная печать культа личности Сталина. Не случайно, что большая часть их, отнюдь не являющаяся литературой биографического характера, вышла под названием «Степан Разин», что является определенным проявлением персонификации истории, возрождение которой свойственно этому времени.

Историографическое изучение восстания в рассматриваемое время не получило дальнейшего развития. Единственная статья М. В. Нечкиной о взглядах М. Н. Покровского на крестьянские войны в России, на восстание С. Разина[599] в частности, была написана с предвзятых позиций. М. В. Нечкина не нашла во взглядах М. Н. Покровского на восстание Разина ничего положительного, отнеслась к его научному наследству неправомерно необъективно, антиисторично и отвергла все то рациональное, что было в них и сыграло положительную роль в изучении восстания.

Значительно успешнее шло изучение советскими историками социально-экономической обстановки времени, непосредственно предшествующей восстанию С. Разина, что имеет большое значение для раскрытия его истоков. В работах А. А. Новосельского[600] и И. А. Булыгина[601] дается конкретная картина массового бегства крепостных крестьян в десятилетия, предшествующие восстанию, и резкого обострения классовых противо-

---

596 И. В. Степанов. О некоторых вопросах истории крестьянской войны 1670—1671 годов в России (в связи с критическим разбором книги В. И. Лебедева «Крестьянская война под предводительством С. Разина»). Вестник ЛГУ, 1959, № 14, сер. истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 126.— Немало фактических ошибок содержится и в статье В. И. Лебедева в БСЭ о крестьянской войне под руководством С. Разина.

597 В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством С. Разина, стр. 20, 115.

598 Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII век. М., 1955, стр. 277—312; Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1955, стр. 277—312. — Автором использована рукопись Н. С. Чаева.

599 М. В. Нечкина, ук. ст. В сб.: «Против исторической концепции М. Н. Покровского». М.—Л., 1939, стр. 244—275.

600 А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. «Исторические записки», 1945, № 16; Его же. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке. Труды историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1946.

601 И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-х годах XVII века. «Исторические записки», 1953, № 43.

речий в деревне. В статьях А. Пруссак,[602] И. В. Степанова[603] и А. М. Панкратовой[604] охарактеризованы условия жизни гулящих людей-«наймитов», игравших особую роль в восстании. Интересные данные о населении города Васильсурска кануна восстания содержит работа Н. А. Баклановой.[605] Д. И. Петрикеевым изучены вотчинные владения боярина Б. А. Морозова, в частности села Лысково и Мурашкино, население которых приняло активное участие в восстании.[606] Имеет определенное значение для понимания социально-экономической обстановки на Дону, предшествующей восстанию, и статья А. А. Новосельского о торговых связях Дона с Московским государством.[607]

Подвергнуты были специальному научному рассмотрению и изучению отдельные события и эпизоды крестьянской войны Ф. Д. Каржавиным[608] и Н. П. Гриценко.[609] Ими обстоятельно освещены события, связанные с городом Симбирском, его взятием повстанческим войском и с последующей осадой Симбирского кремля. Е. В. Чистяковой была написана первая специальная статья о крестьянском движении в Тульско-Воронежском районе в связи с походом отряда атамана В. Уса к Москве.[610] Несмотря на преувеличенные выводы автора о размахе движения и его значении, статья содержит обстоятельные сведения об этом интересном событии. Изучен был вопрос об использовании восставшими артиллерии.[611] Получил дополнительное освещение вопрос о связи восстания С. Разина с восстанием в Соловецком монастыре[612] и т. п.

Почин специального изучения развития крестьянской войны под предводительством С. Разина на территориях нерусских народов, сделанный в начале 30-х годов, в рассматриваемое время получил дальнейшее развитие. Появилась работа К. Стецюк,

602 А. Пруссак. Положение рабочих на рыбных промыслах в Астрахани. «Исторический сборник», 1953, № 43.

603 И. В. Степанов. Гулящие-работные люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки», 1951, № 36; Его же. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в. Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 112, серия исторических наук, № 14.

604 А. М. Панкратов. Наймиты на Руси в XVII веке. Сборник статей ко дню 70-летия Б. Д. Грекова. М., 1952.

605 Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Васильсурска в XVII веке. «Исторические записки», 1952, № 40.

606 Д. И. Петрикеев. Земельные владения боярина Б. И. Морозова. «Исторические записки», 1947, № 21.

607 А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII в. «Исторические записки», 1948, № 26.

608 Ф. Д. Каржавин. Степан Разин в Симбирске.

609 Н. П. Гриценко. Степан Разин и Емельян Пугачев в Симбирске. «Литературный Ульяновск», 1947, № 1.

610 Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса (1666). «Вопросы истории», 1953, № 8.

611 М. Рабинович. Разинская артиллерия. Артиллерийский журнал, 1940, № 7.

612 Н. А. Барсуков. Соловецкое восстание (1668—1676 гг.). Петрозаводск, 1954.

обстоятельно осветившая развитие восстания Разина на территории Украины.[613] В исследовании И. Панькова (под несколько сенсационным названием) освещен ход восстания на территории Чувашии.[614] Вышли работы об участии в восстании мордовского народа.[615] Большую активность в изучении участия в восстании марийского народа проявил Марийский научно-исследовательский институт социалистической культуры, в результате чего были опубликованы соответствующие материалы[616] и статьи.[617]

Характерной особенностью всех указанных работ является их источниковедческая обоснованность и фактическая обстоятельность, содержание в них большого материала, характеризующего социально-экономические условия жизни этих народов накануне восстания, признание их авторами решающего значения в борьбе указанных народов не национальных, а классовых противоречий, ее антифеодальной направленности прежде всего, определившей переход основной массы местной феодальной верхушки на сторону правительственного лагеря. Указанные исследования являются убедительным доказательством целесообразности изучения истории участия народов Поволжья в крестьянской войне под предводительством С. Разина не столько для установления, в каких событиях, когда, где и какое участие принимали трудящиеся того или другого народа (это сделать чаще невозможно), а прежде всего в целях всестороннего раскрытия содержания восстания в пределах территории того или другого народа.

Как свидетельствует все вышеизложенное, в рассмотренный период 1934—1956 гг., несмотря на отмеченные трудности в развитии исторической науки, изучение восстания С. Разина продолжалось.

* *
*

XX съезд КПСС положил начало новому этапу в развитии советской исторической науки. Он способствовал освобождению исторической науки от догматизма, начетничества и субъекти-

---

613 К. Стецюк. Вплив повстання С. Разина на Україну.

614 И. П. Панькоѣ. Новые материалы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина. Уч. зап. Чарджоуского гос. пед. ин-та, вып. 1, 1956.

615 М. И. Зевакин. К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под руководством С. Разина. Зап. Научн.-иссл. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР, 1949, № 11 (история и археология); И. Воронин. Сподвижник Степана Разина. Там же.

616 Материалы по истории мари в XVII веке. «Марийская автономная область» (политико-экономический ежемесячник), 1936, № 4.

617 Участие марийцев в движении С. Разина. «Марийская автономная область», 1936, № 7-8; М. М. Каликаев и Н. А. Мартынов. Участие народа мари в крестьянской войне под руководством Степана Разина в 1670—1671 гг. Труды Марийск. научн.-иссл. ин-та соц. культуры, вып. 2. Козьмодемьянск, 1940.

вистского подхода в рассмотрении исторических явлений, открыл широкие возможности творческого применения марксистско-ленинской теории в исследовании конкретно-исторического материала. Съезд особо подчеркнул значение изучения деятельности народных масс в истории. В этом свете изучение истории крестьянских войн как событий, в ходе которых народные массы действуют на авансцене истории, стало одной из важнейших задач исторической науки.

В результате решений XX съезда сложились благоприятные условия для дальнейшего изучения крестьянской войны под предводительством С. Разина. Расширилась источниковедческая база ее изучения. Усилиями ЦГАДА и Института истории АН СССР осуществлено массовое обследование архивных фондов в целях выявления и публикации всей совокупности сохранившихся документов о восстании. Вышли три объемистых тома,[618] охватившие основной комплекс дошедших до нас официальных правительственных документов о крестьянской войне под предводительством Разина. Трудно недооценить роль этого капитального документального издания для изучения истории крестьянской войны. Об этом подробно говорится в рецензии В. П. Буганова.[619] Подчеркнем лишь самое главное. Перед исследователями появились возможности изучения отдельных сторон и событий восстания на базе использования всей совокупности сохранившихся источников. Расширилась источниковедческая база за счет выявления, а также раскрытия научного значения ряда других источников как официального, так и неофициального характера: известий о восстании Л. Фабрициуса,[620] русских народных песен,[621] Записной книги Разрядного приказа,[622] известий Я. Рейтенфельса,[623] известий о России в западноевропейской периодической печати.[624]

В связи с дальнейшим развитием марксистско-ленинской теории и творческим применением ее к исследованию крестьянских войн углубилось теоретическое осмысление их. Дискуссия «О „восходящей" и „нисходящей" стадиях феодальной формации» 1958—1961 гг.,[625] большое внимание советских историков к

---

618 Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. АН СССР, тт. I—III.

619 В. П. Буганов. Документы о крестьянской войне под предводительством С. Разина. «Вопросы истории», 1963, № 8.

620 «История СССР», 1958, № 1, стр. 207—208.

621 Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. М.—Л., 1956.

622 А. М. Сахаров. Из истории крестьянской войны под руководством Степана Разина. «Исторический архив», 1957, № 4.

623 И. В. Степанов. К истории крестьянской войны под предводительством С. Разина (Смотренный список № 38 как исторический источник). Вестник ЛГУ, 1961, № 2, серия истории, языка и литературы, вып. 1.

624 А. Л. Гольдберг. Известия о России в западноевропейской периодической печати XVI—XVII вв. «Вопросы истории», 1961, № 7.

625 «Вопросы истории», 1958, № 7, 9, 11; 1959, № 1; 1961, № 9.

вопросам генезиса капитализма в России (складыванию всероссийского рынка, социальному расслоению в городе и деревне, началу формирования русской буржуазии и др.[626]) оказали самое непосредственное влияние на более углубленное понимание ряда проблем истории крестьянских войн в России, способствовали уточнению их социально-экономической обстановки, движущих сил и исторического значения, раскрытию понятия «крестьянская война» и др.

В статье В. И. Лебедева еще в 1954 г.,[627] а затем в вышедшей через два года статье В. В. Мавродина и его соавторов[628] поставлен был ряд важных для понимания истории крестьянских войн в России вопросов: о значении внеэкономического принуждения, о влиянии развития товарно-денежных отношений на обострение и характер классовой борьбы крестьянства в период феодализма, о понимании крестьянской войны как одной из форм классовой борьбы крестьянства и др. Ошибочная недооценка В. И. Лебедевым, под влиянием работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», значения усиления внеэкономического принуждения в развитии классовой борьбы крестьянства и в возникновении отдельных крестьянских восстаний[629] периода феодализма была подвергнута в статье В. В. Мавродина и его соавторов справедливой критике.[630] Авторы пришли к заключению, что «крестьяне борются не против производительных сил как таковых, а против определенной системы производственных отношений» и что «поскольку внеэкономическое принуждение представляет органический элемент феодально-крепостнического базиса, то нет ничего удивительного в том, что усиление его является причиной крестьянской войны».[631] В воздействии развития товарно-денежных отношений на положение крестьянства и усиление его классовой борьбы В. И. Лебедев правомерно отмечает две стороны: углубление феодальной эксплуатации крестьянства, следствием чего явилась упорная борьба последнего против феодально-крепостнической системы «за путь свободного мелкого производителя», и включение его в рыночные отношения как товаропроизводителя, что усиливало его борьбу за свободу хозяйственной инициативы, за уничтоже-

---

626 К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.). М., 1958; Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958; Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960; Русское государство в XVII в. Новые явления в истории России. М., 1961.

627 В. И. Лебедев. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII—XVIII вв. «Вопросы истории», 1954, № 6.

628 В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева и Т. П. Ржаникова. Об особенностях крестьянских войн в России. «Вопросы истории», 1956, № 2.

629 В. И. Лебедев, ук. ст. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 94.

630 В. В. Мавродин, И. З. Кадсон и др., ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 75—76.

631 Там же, стр. 76.

ние препятствий включения в рыночные отношения.[632] Однако он преувеличивает вторую сторону этого воздействия и дает старую ошибочную формулу, будто бы «основной движущей силой восстания Разина, Пугачева и других были крестьяне, становившиеся постепенно товаропроизводителями»,[633] т. е. не основная масса крестьянства, доведенная жестокой эксплуатацией до грани нищеты и бедствия, а его зажиточные элементы. Это ошибочное положение также не было принято авторами коллективной статьи, правильно отметившими, что «во времена Разина, и особенно Болотникова, этот стимул (крестьянина как товаропроизводителя.— *И. С.*) не играл большой роли, так как крестьянство было еще мало вовлечено в рыночные отношения». По их мнению, даже во времена Пугачева, когда «все крепостное крестьянство в целом было против крепостничества... боязнь за свое богатство, накопленное за счет обнищания крестьян-бедняков, нередко приводила зажиточную часть крестьянства в правительственный лагерь».[634] По вопросу о понимании крестьянской войны как одной из форм классовой борьбы крестьянства периода феодализма в обеих статьях высказано немало рациональных мыслей, способствующих ее научному осмыслению. В. И. Лебедев считает крестьянские войны «высшим проявлением классовой борьбы крестьян», подчеркивая, что в ходе их развертывается «гражданская война крестьянства против феодалов-землевладельцев» и что оно «выступает против всего класса помещиков землевладельцев».[635] В коллективной статье в определении крестьянской войны особенно подчеркивается ее главная особенность — «борьба за власть в общенациональном масштабе», которая «потрясает самые основы феодально-крепостнического государства».[636] Статьи В. И. Лебедева и В. В. Мавродина и соавторов, хотя и не вызвали широкой научной дискуссии по вопросам истории крестьянских войн, сыграли определенную положительную роль в их изучении.

Значительно расширились и углубились научные представления о социально-экономических условиях, определивших возникновение крестьянской войны под предводительством С. Разина. В работах И. М. Скляра и особенно в монографии А. Г. Манькова получили обстоятельное раскрытие вопросы развития крепостного права в России после Уложения 1649 г.,[637] в ряде иссле-

632 В. И. Лебедев, ук. ст. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 91—95.

633 Там же, стр. 95.

634 В. В. Мавродин, И. З. Кадсон и др., ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 78, 79.

635 В. И. Лебедев, ук. ст. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 93—96.

636 В. В. Мавродин, И. З. Кадсон и др., ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 69.

637 И. М. Скляр. Из истории политики правительства царя Алексея Михайловича по крестьянскому вопросу накануне восстания Степана Разина. Уч. зап. Киргиз. гос. заочн. пед. ин-та, серия истории, географии, 1959, № IV; А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.—Л., 1962.

дований были опубликованы интересные данные, расширяющие научное представление о массовом бегстве крестьян и обострении классовых взаимоотношений между ними и помещиками накануне восстания С. Разина,[638] в статьях И. М. Скляра и И. В. Степанова освещены вопросы, характеризующие социально-политическую обстановку этого времени в Поволжье,[639] появилась специальная работа о положении на Дону.[640]

За последние годы интерес советских историков к проблемам истории крестьянской войны под предводительством С. Разина усилился. На широкой источниковедческой основе, созданной за последние годы, изучено развитие крестьянской войны на территории Среднего Поволжья[641] и Заволжья,[642] получили освещение вопросы, связанные с особой ролью Астрахани в развитии крестьянской войны[643] и раскрывающие ее отдельные эпизоды и детали,[644] поставлена проблема влияния крестьянской войны на становление абсолютной монархии в России,[645] выявлены и другие интересные данные,[646] появились работы, в которых крестьянская война под предводительством Степана Разина получила некоторое историографическое освещение.[647]

[638] И. М. Скляр. Из истории политики... Уч. зап. Киргиз. гос. заочн. пед. ин-та, 1959, № 4; Т. Н. Смирнова. Побеги крестьян накануне выступления Степана Разина. «Вопросы истории», 1956, № 6; А. А. Новосельский. Вольные и перехожие люди в южных уездах русского государства в XVII веке. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962, стр. 5.

[639] И. М. Скляр. К истории крестьянского движения в Среднем Поволжье накануне восстания Степана Разина. Уч. зап. Киргиз. гос. заочн. пед. ин-та, 1957, № III; И. В. Степанов. Работные люди Поволжья в XVII веке (к вопросу о характере найма). В сб.: «Вопросы генезиса капитализма в России». Л., 1960.

[640] И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону накануне крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Уч. зап. ЛГУ, № 270, серия историч. наук, вып. 32, 1959.

[641] И. В. Степанов. Крестьянская война под предводительством С. Разина в Среднем Поволжье. Уч. зап. ЛГУ, № 205, серия историч. наук, вып. 24, 1956.

[642] Ю. А. Тихонов. Крестьянская война 1670—1671 гг. в лесном Заволжье. В сб.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1964.

[643] Е. В. Чистякова. Астрахань в период восстания С. Разина. «История СССР», 1957, № 5.

[644] А. Н. Гулиев. Новые данные о пребывании С. Разина в Азербайджане. ДАН Азербайджан. ССР, 1958, т. 14, № 3; М. Я. Попов. О месте казни и погребении С. Разина. «Вопросы истории», 1961, № 8; А. А. Тимошенко. К вопросу о местонахождении городища С. Разина. «Советская археология», 1961, № 3.

[645] Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихомиров. Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964.

[646] Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск, 1956, стр. 207; В. А. Александров. Народные восстания в восточной Сибири во второй половине XVII в. «Исторические записки», 1957, № 59, стр. 281; Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М., 1957.

[647] В. В. Мавродин. О крестьянских войнах в России XVII—XVIII веков. «Вопросы истории», 1961, № 5; Л. В. Черепнин. Изучение в СССР

Больших успехов в изучении истории крестьянской войны под предводительством С. Разина за последнее время достигли украинские и чувашские историки. Вышла монография К. Стецюк,[648] в которой получили обстоятельное освещение вопросы о влиянии крестьянской войны под предводительством Разина на развитие классовой борьбы на Украине и об участии в ней украинского народа. В работах Н. Р. Романова [649] и И. Д. Кузнецова [650] освещены события крестьянской войны на территории Чувашии. Однако этим исследованиям свойствен один весьма существенный недостаток. Авторы искажают содержание борьбы чувашского крестьянства во время восстания. Правильно отмечая ее основную направленность против феодально-крепостнического гнета, они замалчивают и даже открыто отрицают национальные особенности этой борьбы — протест против различных форм национального угнетения (захвата крестьянских земель и их закрепощения *русскими феодалами,* произвола *русской администрации,* ограничений в хозяйственной деятельности, насильственной христианизации и т. п.), что приводило иногда к отдельным эксцессам во взаимоотношениях между чувашским и русским крестьянством, преувеличивать которые не следует, но и замалчивать также нельзя. Сводить национальное угнетение чувашского народа только к лишению привилегий его феодальной верхушки, как это делает Н. Р. Романов,[651] неправильно. Стремление чувашских историков показать классовую борьбу трудовых масс чувашского народа единым потоком с борьбой русского крестьянства, без учета особенностей положения чувашского крестьянства, сбрасывая со счета различные формы национального угнетения, которые он терпел, особенно резко и воинствующе проявилось у В. А. Нестерова, который в специальной статье о характере крестьянской войны 1670—1671 гг. в Чувашии,[652] полемизируя с автором настоящей книги и другими историками, заявляет: «Основным содержанием борьбы в Чувашии в 1670—1671 гг. является стремление крестьянства как русского, так и нерусского освободиться от крепостничества, а вопросы национальных отношений даже не возникают».[653] По-

---

проблем отечественной истории периода феодализма. «Вопросы истории», 1962, № 1; Изучение истории СССР между XX и XXII съездами КПСС. «История СССР», 1961, № 5.

[648] К. Стецюк. Народні рухи на лівобережній и слобідській Україні в 50—70-з роках XVII ст. Київ, 1960.

[649] Н. Р. Романов. Чувашия в XVII веке. Участие чувашского народа в крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина. Материалы по истории Чувашской АССР, вып. 1. Чебоксары, 1958.

[650] И. Д. Кузнецов. Крестьянская война 1670—1671 гг. в Волго-Сурье. «Очерки по истории и историографии Чувашии». Чебоксары, 1960.

[651] Н. Р. Романов, ук. соч., стр. 198.

[652] В. А. Нестеров. К вопросу о характере крестьянской войны 1670—1671 гг. в Чувашии. Труды Чуваш. с.-х. ин-та, т. V, вып. II. Чебоксары, 1962.

[653] Там же, стр. 205.

лагаем, что такой подход искажает историческую правду и никакой пользы в изучении крестьянской войны не дает.

Обобщающих исследовательских работ монографического порядка о крестьянской войне 1670—1671 гг. пока нет. Последние общие обзоры сделаны в научно-популярной литературе.[654] Некоторые итоги ее изучения подведены научной сессией по истории крестьянских войн, состоявшейся в декабре 1963 г. в Ленинградском университете,[655] на которой был заслушан и обсужден ряд докладов как общего характера, так и специально посвященных крестьянской войне 1670—1671 гг.[656] В ходе сессии были намечены пути дальнейшего изучения истории крестьянской войны 1670—1671 гг. и подчеркнута настоятельная необходимость ее монографического оформления.

---

[654] И. В. Степанов. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. М., 1957; Б. В. Лунин. Степан Разин. Ростов-на-Дону, 1960.

[655] «Вопросы истории», 1964, № 10.

[656] И. В. Степанов. К вопросу о движущих силах крестьянской войны 1670—1671 гг.; Е. А. Швецова. К вопросу о предпосылках крестьянской войны под предводительством С. Разина (постановка вопроса и попытка освещения его на материалах Тамбовского уезда); Б. Н. Путилов. Современные проблемы изучения разинского песенного фольклора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Крестьянская война 1670—1671 гг. была подготовлена всем ходом социально-экономического развития страны и явилась закономерным выражением резкого обострения борьбы крепостного крестьянства против гнета феодалов-крепостников и феодального государства. Причины такого обострения классовой борьбы в стране коренились в феодальной эксплуатации народа. Господствовавший класс феодалов, вотчинники и помещики после разгрома крестьянской войны 1606—1607 гг. при активном содействии феодального государства перешли в решительное наступление на широкие трудящиеся массы.

Усиление крепостнического гнета было связано с изменениями в экономике страны, где еще преобладало натуральное хозяйство. Однако период, предшествовавший крестьянской войне 1670—1671 гг., характеризуется новыми явлениями в развитии феодально-крепостного хозяйства: освоением новых земель под пашню, ростом деревенских промыслов и городской ремесленной промышленности, появлением мануфактур, дальнейшим углублением общественного разделения труда, развитием товарного производства и товарно-денежных отношений, установлением более крепких экономических связей между городами и районами страны и постепенным слиянием «небольших местных рынков в один всероссийский рынок».[1]

Это было время, когда крепостное право в России развивалось вширь и вглубь — вовлекались в сферу крепостной эксплуатации новые территории и новые массы населения, на базе широкого крепостнического законодательства и усиления внеэкономического принуждения укреплялась власть феодалов-крепостников над крестьянством.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

Развитие феодально-крепостного хозяйства страны выразилось прежде всего в укреплении феодальной собственности на землю. На всем протяжении XVII в. происходил бурный рост дворянского землевладения, вследствие раздачи им «дворцовых» и «черных» земель в центре страны и захвата феодалами южных и юго-восточных окраинных земель государства. Массовые раздачи дворянам «дворцовых» и «черных» земель начались сразу же после ликвидации польско-шведской интервенции и преследовали задачу скорейшего восстановления, нарушенного в предшествующие годы, феодального землевладения и скорейшего укрепления военной мощи государства, в основе которой лежала служба с земли.

В первые же годы царствования Романовых только в одних центральных районах государства было роздано 45 000 десятин дворцовых земель, главным образом близким к новому царскому двору лицам.[2] Большое количество этих земель было получено дворянами в 1619—1620 гг. за отражение агрессивного набега на Москву войск шляхетской Польши во главе с королевичем Владиславом.[3] В 1615—1625 гг. за счет дворцового земельного фонда производились массовые раздачи небольших участков мелким служилым людям — провинциальным дворянам, детям боярским, беломестным казакам и др.[4] В результате этих раздач дворцовый земельный фонд настолько уменьшился, что в 1627 г. состоялся специальный указ, запрещающий использование его в подобных целях.[5] Однако и в последующее время, в виде исключения, дворцовые земли продолжают поступать в распоряжение дворян. Известны раздачи дворцовых земель в 1659 г., в 70-х годах XVII в. и т. д.[6]

Наряду с раздачей дворцовых земель, особенно после 1627 г., правительство систематически раздает служилым людям «черные» земли, главным образом в центральных уездах страны. В результате этих раздач, а также самовольных захватов этих земель дворянами и монастырями, к концу XVII в. «черные земли» в центральных уездах исчезли.[7] Тогда началась усиленная колонизация южных и юго-восточных территорий государства: районов Среднего Поволжья, Центрально-Черноземной полосы и Северской Украины.

В районах Среднего Поволжья уже к середине XVII в. русское феодальное землевладение распространяется примерно до Самарской луки Волги — по правобережью и до впадения Камы

---

2 П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1947, стр. 292.
3 Там же, стр. 293.
4 Там же, стр. 293.
5 Там же, стр. 293.
6 Там же, стр. 293.
7 Очерки истории СССР XVII в. М., 1955, стр. 148.

в Волгу — по левобережью.[8] Необходимость охраны границ государства и защиты феодального землевладения от набегов кочевых татарских орд и появившихся в Нижнем Поволжье с 30-х годов XVII в. калмыков заставила правительство развернуть здесь огромные работы по строительству Закамской и Симбирской укрепленных черт.[9] Постройка указанных черт, способствуя безопасности края, еще более ускоряла его колонизацию русскими феодалами.

В южном направлении быстрое распространение феодального землевладения было связано с возобновлением в 30-х годах XVII в. Заоцкой засечной черты и последующей постройкой новой засечной Белгородской черты, прошедшей значительно южнее первой и включившей под постоянную пограничную охрану огромную территорию плодородных черноземных земель юга.[10] Царское правительство в интересах обороны страны проводит здесь массовое поселение мелких служилых людей «по прибору»: городовых казаков, засечных сторожей, раздавая им в обеспечение службы свободные земли и оберегая это землевладение от захватов со стороны крупных феодалов своеобразной охранительной политикой. Однако непоследовательность этой политики, отклонения в практике ее проведения и заинтересованность крупных феодалов определили значительное распространение крупного феодального землевладения на указанной территории уже к середине XVII в. Во второй половине XVII в. особенно быстро происходило распространение крупного феодального землевладения в Орловском, Кромском, Лебедянском, Шацком, Тамбовском и в других, лежащих за Заоцкой чертой, уездах.[11]

Процесс распространения вотчинного и поместного феодального землевладения на дворцовые и черные земли в центре страны, а также и на окраинные земли юга и юго-востока при-

---

[8] Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII веков. Одесса, 1882.

[9] Закамская «черта» начиналась от крепости Белый Яр, построенной на левом берегу Волги, и почти параллельно Каме шла к Мензелинску. Закончена она была строительством в 1657 г. Симбирская «черта» начиналась от крепости Симбирск, построенной в 1648 г., и шла в основном на запад — на город Саранск, где резко отклонялась на юго-запад — на города Инсар и Н. Ломов. — См.: Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII века.

[10] Заоцкая «черта» шла от Шацка на Сапожок, Ряжск, Скопин и Епифань. Белгородская «черта» шла на юго-запад от Белгорода на Ахтырку и на северо-восток от Белгорода через Коротояк, Воронеж, Козлов на Тамбов.— См.: А. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916; Д. И. Багалей. Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. I. М., 1887; П. Н. Черменский. Очерки по истории колонизации Тамбовского края. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 54, 1911.

[11] А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке. «Исторические записки», 1938, № 4.

вел к накоплению в руках дворянства громадного земельного фонда за счет сокращения земель других владельцев и прежде всего крестьянства. Он сопровождался расширением и укреплением владельческих прав дворянства на землю. Новые земли обычно раздавались дворянам не на поместных, а на вотчинных правах. Указом 1627 г. выслуженные поместья были приравнены к вотчинам.[12] Поместные земли по льготным ценам продавались дворянам в вотчину. В вотчину же по дешевке продавались и многие «порозжие» земли. Соборным уложением 1649 г. было установлено право наследования поместий при условии наследования службы, а также право мены поместья на вотчину.[13] Поместное право все менее отличалось от вотчинного. Различие между поместьем и вотчиной постепенно исчезало.[14] Наряду с родовыми старинными вотчинами быстрое распространение получают выслуженные и купленные вотчины. В результате к последней четверти XVII в. господствующей формой феодального землевладения в России становится вотчина.[15]

В связи с вовлечением в сферу феодально-крепостной эксплуатации новых земель быстро росло количество крепостных крестьян, главным образом за счет черносошного населения. К концу XVII в. основная масса крестьянских дворов страны принадлежала дворянству и духовным феодалам. По данным переписных книг 1678—1679 г., из 833 603 дворов и 3 043 338 душ мужского пола принадлежали дворянству и духовенству 65,9% дворов и 67,9% душ мужского пола, г. е. основная масса населения находилась в крепостной зависимости. Эти данные убедительно говорят об успехах, достигнутых дворянством в утверждении своего классового господства.[16]

Укрепляя и расширяя свое землевладение и увеличивая количество принадлежащих им крепостных крестьян, дворяне с помощью законодательства добиваются в XVII в. дальнейшего усиления своей власти над крестьянами. Время, предшествовавшее крестьянской войне 1670—1671 гг., ознаменовалось широким крепостническим законодательством, существенно изменившим жизнь крепостного населения феодальной России в худшую сторону. Это законодательство явилось непосредственным продолжением ранее изданных крепостнических законов и завершило оформление крепостного права в стране.

В среде феодальных землевладельцев в XVII в. за право обладания крестьянами развертывается острая борьба. Землевладельцы переманивают и насильно свозят друг у друга крестьян, принимают беглых крестьян и, предоставляя им более льготные

---

12 П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, стр. 295.
13 Соборное уложение 1649 года, гл. XVI. М., 1907.
14 Очерки истории СССР XVII в., стр. 146.
15 П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, стр. 295.
16 Н. М. Шепукова. К вопросу об итогах подворной переписи 1678—1679 гг. в Российском государстве. «История СССР», 1960, № 3, стр. 146.

условия жизни, скрывают их до истечения «урочных лет». В начале XVII в. «урочные лета» были установлены сроком в пять лет со времени регистрации бегства крестьянина. В борьбе за крестьян в наиболее выгодных условиях оказывались крупные вотчинники — бояре и монастыри, обладавшие большими материальными возможностями для удержания и укрытия на время «урочных лет» принятых ими чужих крестьян.

Помещики с целью удержания за собой крестьян и укрепления своей власти над ними требуют у правительства, путем подачи коллективных челобитных,[17] проведения необходимых законодательных мероприятий, особенно отмены «урочных лет», т. е. введения права бессрочного иска и возврата насильно свезенных и беглых крестьян. Они требуют установления «вечной» и потомственной крепостной зависимости. Правительство, идя навстречу дворянству, постепенно увеличивает срок сыска и возврата беглых крестьян: в 1637 г. — до 9 лет, а в 1642 г. для возврата беглых крестьян — до 10 лет и для возврата насильно увезенных крестьян — до 15 лет.[18] В 1646 г. были составлены переписные книги, в которых поименно и с указанием возраста было переписано все мужское население отдельных местностей и дворов. Правительство обещало дворянам, что все крестьяне, записанные в эти книги, будут «крепкими» им «... без урочных лет». Это обещание дворянству было выполнено решениями Земского собора 1649 г.

Уложение, принятое Земским собором 1649 г., отменило «урочные лета» и узаконило полное и бессрочное прикрепление крестьян к тем вотчинам и поместьям, за которыми они были записаны в писцовых и переписных книгах. На укрывателей беглых крестьян закон налагал материальную ответственность в сумме 10 рублей за год за каждого скрытого крестьянина. Утверждалось полное право дворянства на труд и личность крестьянина. Устанавливалась наследственность крепостного состояния. Дворяне получили права на имущество крепостного крестьянина. Власть дворян над крестьянами была усилена передачей им функций государственной власти — сбора налогов с крестьянства, суда и полицейского надзора над ними. Крепостное право в уложении получило полное юридическое оформление.[19]

Усиление власти дворян над крестьянством, особенно в связи с крепостническими законами, принятыми Земским собором 1649 г., открыло широкие возможности усиленной эксплуатации крестьян, тем более, что развитие товарного производства и товарно-денежных отношений в стране повысили заинтересованность дворян в расширении своего барского хо-

[17] П. П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. ЧОИДР, 1915, № 3, стр. 41—48.

[18] Очерки истории СССР XVII в., стр. 179.

[19] Соборное уложение 1649 года, гл. XI.

зяйства в целях получения бóльших доходов. Товарное производство и товарно-денежные отношения, с одной стороны, открывали перед феодалами возможности более всестороннего удовлетворения своих личных потребностей за счет рынка; с другой стороны, создавали перспективы ведения более широкого и всестороннего барского хозяйства с включением в него, наряду с собственной запашкой, ряда промысловых мероприятий, продукция которых с успехом сбывалась на том же рынке.

Основным источником доходов дворян являлись барщинные и оброчные повинности, налагаемые ими на крестьян. Для XVII в., особенно для 50—60-х годов, характерно увеличение этих повинностей.

Барщинные повинности крестьян особенно увеличивались в примыкающих к Москве и южных уездах страны.[20] Крестьяне, отбывавшие барщину, должны были работать в хозяйстве дворянина 2—4 дня в неделю:[21] обрабатывать землю, косить сено, убирать урожай, вывозить на поля удобрения, строить усадебные здания, доставлять на своих подводах строительные материалы и «столовые запасы» (мясо, птицу, яйца, молоко, ягоды и т. д.), изготовлять крупы и сухари из барского хлеба и т. д. Нередко крестьяне должны были выходить на «згонные» (общие) работы и быть на них продолжительное время — «сколько доведется».

Оброчные повинности крепостных крестьян получили особое развитие в центральных (исключая ближайшие к Москве) уездах страны, где были суглинистые и супесчаные почвы, помещики не были заинтересованы в увеличении барской запашки.[22] Как и барщинные, эти повинности были весьма многочисленны и разнообразны. Помещик стремился полностью обеспечить свои потребности за счет труда крепостных и взимал с них натурой всевозможные продукты и изделия их хозяйства. Вместе со «столовыми запасами» крестьянин поставлял по оброку холст, кожу, шерсть, лен и другие предметы. Царь Алексей Михайлович требовал от своих приказчиков: «И будет на что можно оброк прибавить и ты б о том чинил по своему усмотрению». Это требование феодала на троне было характерным для всех дворян. Обычно барщинные и оброчные повинности, налагаемые на крепостных крестьян той или другой вотчины, сосуществовали в различном соотношении в зависимости от местных условий.

В связи с развитием товарно-денежных отношений в стране шел процесс замены многих натуральных поборов с крестьян денежными. Это имело место особенно в районах крестьянских промыслов.[23]

Карательные права феодалов и их администрации в пределах

[20] Очерки истории СССР XVII в., стр. 168—169.
[21] Там же, стр. 165—170.
[22] Там же, стр. 169.
[23] Там же, стр. 170—171.

вотчин и поместий по существу были неограниченными. Здесь применялись все тогдашние приемы следствия и все средства наказаний и пыток: батоги, кнут, пытки огнем, заковывание в цепи, заключение в вотчинную тюрьму и пр.[24] Царил дикий произвол. Особенно беспощадны были крепостники к беглым крестьянам. Фактически даже за преднамеренное убийство крестьянина помещик не отвечал, так как всегда мог отговориться, что убил его «в драке... или пьяным делом». В случае, когда убитый крестьянин ему не принадлежал, помещик отдавал владельцу взамен убитого своего крестьянина.[25] Никакие жалобы крестьян, помимо «изветов» «про государьское здоровье или какое изменное дело», не имели силы, а подавшие их, жестоко битые кнутом, выдавались на произвол их господам.[26] Имущество крепостного крестьянина могло быть продано за долги господина или невыплату налогов государству,[27] а сам крестьянин брошен в тюрьму за неявку своего владельца на государеву службу. Крестьянские свадьбы происходили лишь с разрешения помещика.[28] В стране шла открытая торговля людьми — старинными холопами.[29]

В XVII в. усилился гнет феодального государства, что проявилось в резком увеличении налогового обложения крестьянства, росте повинностей в пользу государства и жестоком режиме бесправия и произвола. Русская феодальная монархия XVII в. развивалась по пути абсолютизма, выражением чего явилось: усиление царской власти, быстрый рост и укрепление государственного аппарата как в центре, так и на местах и особенно вооруженных сил страны, все более принимавших характер регулярной армии. Все это требовало резкого увеличения государственных доходов и вызывало рост налогов и повинностей.[30]

Показателями растущего налогового гнета на крестьянство являлись: изменение характера основного поземельного посошного обложения крестьянства, введение новых налогов целевого назначения, увеличение денежной части падающих на население платежей.[31]

Посошная подать налагалась на землю из расчета на определенный участок ее — соху, размер которой в зависимости от владельца земли и ее качества колебался примерно от 250 до 600 гектаров.[32] В 30-х годах в посошное обложение была внесена поправка — стала учитываться заселенность облагаемой земли.

---

[24] И. М. Скляр. Из истории крестьянского движения в Среднем Поволжье накануне восстания Степана Разина. Уч. зап. Киргиз. заочн. пед. ин-та, серия истории, географии, 1957, вып. III, стр. 161—162.

[25] Соборное уложение 1649 года, гл. XXI, ст. 71.

[26] Там же, гл. II, ст. 13.

[27] Там же, гл. X, ст. 262.

[28] Там же, гл. XI, ст. 19.

[29] Там же, гл. XX, ст. 74, 77, 82 и др.

[30] Очерки истории СССР XVII в., стр. 345, 439.

[31] Там же, стр. 411—415.

[32] Там же, стр. 415.

Единицей обложения стала «живущая четверть», размер которой равнялся определенному количеству крестьянских и бобыльских дворов.[33] Это был шаг в направлении перехода от посошного к подворному обложению, что окончательно произошло в 1678 г., когда основной податной единицей стал тяглый двор.[34] Переход от посошного обложения к подворному усиливал налоговые тяготы крестьянина, поскольку налог стал доводиться непосредственно до каждого налогоплательщика и при определении его учитывались все возможные доходы хозяйства.

Наиболее тяжелым налогом целевого назначения были «стрелецкие деньги», введенные на содержание растущего стрелецкого войска в начале правления царя Михаила Романова. Взимались они первоначально хлебом, а затем — деньгами. В 1624 г., по данным для Каширского уезда, этот налог был определен в размере 100 четей ржи и 100 четей овса или 70 рублей с сохи.[35] По данным для Устюжского уезда, «стрелецкие деньги» за период с 1619 по 1663 г. возросли примерно в 10 раз. Возрастание «стрелецких денег» было повсеместным.[36]

Одновременно с усилением налоговой тяготы на крестьян росли и различные их повинности в пользу государства. Крестьяне обязаны были возить лес на постройку царских крепостей, строить оборонительные пограничные укрепления, поправлять дороги и т. п. Работные повинности часто заменялись денежными сборами. Например, в 1667 г. крестьяне Вологодского, Каргопольского и других северных уездов должны были платить государству по 60 рублей с сохи на найм мастеровых для постройки торгового двора в городе Архангельске.[37]

Крестьяне не справлялись с выплатой требуемых от них платежей. Непрерывно росли налоговые недоимки с крестьян. Происходили жестокие «правежи» недоимок: виновников бросали в тюрьмы и перед народом «били батоги нещадно, что-б иным сошным людям вперед так неповадно было» до тех пор, пока будет уплачен долг или виновник будет взят на поруки.

Сокращение крестьянских земельных наделов, рост барщины и оброков, государственных повинностей и налогов в условиях развития товарного производства и товарно-денежных отношений — все это вызывало массовое разорение крепостного крестьянства и усиливало в их среде имущественное неравенство.

Значительным было количество обедневших крестьян — бобылей, людей, которые не могли выполнять положенные с крестьян в пользу их владельцев повинности. Они находились на особом

---

[33] Там же, стр. 418.

[34] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, стр. 307.

[35] АИ, т. III. СПб., 1842, док. № 132.

[36] ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г. № 476/432, лл. 5—10; И. М. Скляр. Из истории крестьянского движения... Уч. зап. Киргиз. заочн. пед. ин-та, серия истории, географии, 1957, вып. III, стр. 167—168.

[37] Дополнения к Актам историческим (ДАИ), т. VI, СПб., 1857, док. № 5.

бобыльском оброке и жили обычно по своим дворам, неся в пользу государства половину крестьянского тягла.[38]

В северных поморских уездах по преимуществу за счет разорившихся черносошных крестьян возрастало количество половников, обрабатывавших участки снимаемой им земли из доли урожая и также выпадавших из сферы государственного налогового обложения. Количество их достигало в отдельных районах до 30% всего сельского населения.[39]

От великой бедности крестьяне искали выход в неземледельческих заработках. В больших торговых городах, на промыслах в районах больших судоходных рек — Волги, Северной Двины и др. — сосредоточивались в летнее время тысячи крестьян-отходников — «наймитов».[40]

Широкое развитие получило кабальное холопство. Значительная часть людей, которые не служили, не были государственными тяглецами и были свободны от всяких крепостей — вольных людей, в поисках источников существования шла жить во дворы феодалов, «давая на себя» служилую кабалу,[61] т. е. обязуясь служить и работать на дворе и в хозяйстве по законам того времени до смерти своего господина. Дворяне охотно кабалили таких людей, видя в них дополнительный источник рабочей силы для расширения своего хозяйства.[42]

Образовалась, главным образом из холопов, группа так называемых «задворных» и «деловых» людей, сидевших за двором феодала-землевладельца на полученных от него земельных наделах и находившихся вне государственного обложения. Количество таких дворов к концу 70-х годов составляло до $^1/_{10}$ всех тяглых дворов.[43]

Происходило выделение из среды крестьянства, особенно черносошного, отдельных крестьян — богатеев, «прожиточных кре-

---

38 М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 219—230; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. II. М., 1954, стр. 186—209; А. Л. Шапиро. Доклад на симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы. «Вопросы истории», 1959, № 4, стр. 216.

39 М. А. Дьяконов. Очерки из истории.., стр. 144—205; С. В. Рождественский. Сельское население Московского государства в XVI—XVII веках. В сб.: «Русская история в очерках и статьях». Под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. III. Киев, 1912, стр. 40—41.

40 Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII века». «Исторические записки», 1940, № 6; И. В. Степанов. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII веке. «Исторические записки», 1951, № 36; Его же. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII веке. Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 112; Ю. А. Тихонов. Работа по найму и отход на заработки посадских людей Устюга Великого и крестьян Устюжского уезда в 50—60-х годах XVII в. В сб.: «О первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1958.

41 Соборное уложение 1649 года, гл. XX.

42 Там же, гл. XX; С. В. Рождественский. Сельское население... В сб.: «Русская история в очерках и статьях», т. III. Киев, 1912, стр. 79—82.

43 Там же, стр. 83—84.

стьян», которые закабаляли бедноту. Богатеи занимались торговлей и промыслами, используя труд многочисленных «наймитов».[44]

На особом положении находилось крестьянство народов Поволжья — мордва и чуваши, мари и татары. В XVII в. на территории Среднего Поволжья развертывается усиленная русская колонизация,[45] идет планомерное заселение территорий государевыми служилыми людьми по «прибору», получавшими в обеспечение своей службы значительные земельные наделы.[46] Энергичную колонизационную деятельность, особенно со второй половины XVII в., развертывают государевы служилые люди «по отечеству», получившие там земли с крестьянами на вотчинных и поместных правах. Вклиниваясь в земли, принадлежавшие крестьянам поволжских народов, они постепенно забирали их в свои руки. Так захвачены были многие тысячи десятин пахотной земли, лугов и лесов, а также и различные промысловые угодья.[47]

Активно в качестве колонизаторов выступают церковные феодалы-монастыри, захватившие по царским жалованным грамотам и самовольно обширные территории края.[48] О размерах их владений можно судить хотя бы по тому, что во второй половине XVII в. на землях, принадлежащих лишь патриаршим монастырям, находилось 8600 крестьянских дворов. Земли же и различные промысловые угодья Макарьевского Желтоводского монастыря были разбросаны на протяжении всего среднего течения Волги.[49] Многие местные монастыри продолжали увеличивать свои вотчины, включая в свои владения огромные площади пахотной земли, сенокосных лугов и различных промысловых уго-

---

[44] С. В. Бахрушин. Торговые крестьяне в XVII веке. Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН, т. V. М., 1928, стр. 252, 270; К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII веке. В сб.: «О первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.». М., 1958, стр. 62, 65, 67; И. В. Степанов. Организация соляных промыслов в низовьях реки Волги в XVII веке. Уч. зап. ЛГУ, 1940, № 73, стр. 155—156.

[45] Очерки истории СССР XVII в., стр. 789; Н. Р. Романов. Чувашия в XVII веке. Участие чувашского народа в крестьянской войне под предводительством С. Разина. Материалы по истории Чувашской АССР, вып. 1. Чебоксары, 1958, стр. 161.

[46] Е. Н. Ошанина. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII веке. В сб.: «Русское государство в XVII веке». М., 1961, стр. 61—63.

[47] Н. Р. Романов. Чувашия в XVII веке... Материалы по истории Чувашской АССР, вып. I. Чебоксары, 1958, стр. 160—161; И. М. Скляр. Из истории крестьянского движения... Уч. зап. Киргиз. заочн. пед. ин-та, 1957, вып. III, стр. 155.

[48] М. М. Коликаев и Н. А. Мартынов. Участие народа мари в крестьянской войне под руководством С. Разина в 1670—1671 гг. Труды Марийск. науч.-иссл. ин-та соц. культуры, вып. II, 1940, стр. 6—7; Очерки истории СССР XVII в., стр. 790; Е. Н. Ошанина. К истории заселения... В сб.: «Русское государство в XVII веке». М., 1961, стр. 64—65.

[49] А. Титов. Макарьевский Желтоводский монастырь. 1910, стр. 18—19.

дий по реке Волге и ее притокам — Суре, Свияге, Цивилю и др.[50] Не отставали от них в погоне за различными угодьями и московские монастыри.[51]

Большие земельные пространства захватывались феодальной знатью: Морозовыми и Черкасскими, Одоевскими и Милославскими, Ромодановскими и Трубецкими.[52] Существовали в Среднем Поволжье обширные дворцовые владения, принадлежавшие самому царю: Терюшевская волость, село Конобеево с примыкающими к нему многочисленными деревнями, село Мурашкино и многие другие.[53] Сюда устремляется и вольная крестьянская колонизация, особенно усилившаяся во второй половине XVII в., после Соборного уложения 1649 г. Беглые крестьянские семьи из центральных уездов страны оседали в Средием Поволжье, создавая на еще не освоенных землях вольные «починки» (поселения) и «государевы слободы».[54] Однако вольное состояние таких поселенцев было весьма кратковременным, так как вскоре они оказались вновь закрепощенными.

Захват земель Среднего Поволжья русскими феодалами происходил настолько интенсивно, что к середине XVII в. многие лучшие земли, принадлежавшие коренному населению — татарам и мари, мордве и чувашам, — оказались в их владении. Царское правительство в целях охранения поволжских земель от дальнейшего расхищения (в интересах обеспечения доходов казны) в 1649 г. запретило всем «у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясачных людей земли имати здачею, или покупати, или в заклад, или в наем на многие лета имати или меняти»[55] под страхом наказания.

Непосредственным результатом колонизации Среднего Поволжья явилось закрепощение значительной части местного нерусского крестьянства и жестокая его эксплуатация. Феодалы заводили на захваченных землях не только барскую запашку, но и различные промысловые предприятия: лесные разработки, поташные «заводы», рыбные ловли и заставляли местное крестьянство нести на них тяжелую барщину и оброк.[56] В результате

[50] Н. Р. Романов. Чувашия в XVII веке... Материалы по истории Чувашской АССР, вып. I Чебоксары, 1958, стр. 162—165.

[51] Е. Н. Ошанина. К истории заселения... В сб.: «Русское государство в XVII веке». М., 1961, стр. 64—66.

[52] Там же, стр. 60—61; М. М. Коликаев и Н. А. Мартынов. Участие народа мари .. Труды Марийск. науч.-иссл. ин-та соц. культуры, вып. II, 1940, стр. 6; И. Д. Кузнецов. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960, стр. 98; И. М. Скляр. Из истории крестьянского движения... Уч. зап. Киргиз. заочн. пед. ин-та, 1957, вып. III, стр. 154.

[53] А. Яковлев. Засечная черта..., стр. 23; А. Заозерский. Царская вотчина XVII века. М., 1937, стр. 20, 47.

[54] Е. Н. Ошанина. К истории заселения... В сб.: «Русское государство в XVII веке». М., 1961, стр. 66—67.

[55] Соборное уложение 1649 года, гл. XVI, ст. 43.

[56] Н. Р. Романов. Чувашия в XVII веке... Материалы по истории Чувашской АССР, вып. I. Чебоксары, 1958, стр. 162, 165—166; Материалы по истории мари в XVII в. Марийская автономная область (политико-экономи-

крестьяне поволжских народов нередко бросали старые и уходили на новые, более южные места.[57]

Основная масса местного нерусского крестьянства, хотя и не была в зависимости от помещиков и вотчинников и эксплуатировалась непосредственно феодальным государством, находилась на положении ясачных крестьян и была не в лучшем положении.[58] На нее были возложены различные государственные повинности, многочисленные натуральные поборы и денежные платежи, из которых особенно тяжелыми были повинности по строительству засечных черт и поставка хлебных запасов для нижневолжских царских гарнизонов. Выполнение этих повинностей было связано с различными другими обязанностями, падавшими на население: доставкой хлеба к месту назначения, переработкой зерна в муку и крупы, постройкой житниц и т. п.[59] Ямская повинность, постои и поборы со стороны проезжавших царских приказных, а также обязанность в случае войны «ставить одного воина с трех ясачных дворов» еще более ухудшали положение ясачных людей. Тяжесть податей и повинностей усугублялась злоупотреблениями царской администрации — воевод и приказных людей. Произвол и вымогательство по отношению к ясачным людям были обычным явлением в их практике.[60]

Для упрочения своей власти в крае царизм проводил политику христианизации народов Поволжья. Не желавшие креститься ограничивались в правах и жестоко преследовались.[61] «Новокрещены» получали различные льготы: освобождались на некоторое время от податей, ссужались деньгами и т. п. Часто применялось и насильственное крещение населения. В 50-х годах XVII в. рязанский архиепископ Мисаил в Шацком и Тамбовском уездах насильственно окрестил тысячи мордовских крестьян. Такие действия озлобляли население, так как насильственно разрушали местный, веками сложившийся уклад жизни. В 1655 г. восставшие мордовские крестьяне убили ненавистного им архиепископа.[62]

Царское правительство использовало классовую и национальную неоднородность населения Поволжья. Оно видело в местной

ческий ежемесячник), 1936, № 4, стр. 22; И. М. Скляр. Из истории крестьянского движения... Уч. зап. Киргиз. заочн. пед. ин-та, 1957, вып. III, стр. 162—163.

[57] Н. С. Чаев. Ядринские акты как источник по истории чувашей. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 73.

[58] И. Д. Кузнецов. Очерки по истории..., стр. 98.

[59] Н. Р. Романов. Чувашия в XVII в... Материалы по истории Чувашской АССР, вып. I. Чебоксары, 1958, стр. 173—177; Н. С. Чаев, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 76—78.

[60] Н. Р. Романов. Чувашия в XVII в... Материалы по истории Чувашской АССР, вып. I. Чебоксары, 1958, стр. 177—178.

[61] Н. С. Чаев, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 72; Н. Р. Романов. Чувашия в XVII веке..., стр. 167.

[62] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1940, стр. 298.

феодальной знати опору своей власти в крае и привлекало ее на свою сторону путем предоставления государевой службы и различных других привилегий. Феодальная аристократия бывшего Казанского ханства, особенно татарская, в XVII в. была основательно ассимилирована феодальной верхушкой русского общества.[63] Многочисленные татарские князья и мурзы и представители феодальной верхушки других поволжских народов, получив земли на вотчинном и поместном праве, составляли особую служилую группу «инородцев», или «новокрещенов», освобождались от всяких податей и повинностей и получали жалованье от правительства.[64] Они, так же как и русские феодалы, жестоко эксплуатировали местное крестьянство и являлись опорой царской власти в крае.

Царизм сознательно и всемерно разжигал вражду между отдельными народами Поволжья и натравливал их друг на друга с тем, чтобы отвлечь их от классовой борьбы. Притеснения нерусских народов были жестоки.

На протяжении XVII в. резко ухудшается положение низов посадского населения — ремесленников, мелких торговцев и работных людей. На них падали всей своею тяжестью разнообразные налоги, всевозможные экстренные сборы и многочисленные повинности в пользу государства.[65]

До середины XVII в. крупные вотчинники — бояре, монастыри, — пользуясь своими привилегиями, стесняли посадское население в промысловой и торговой деятельности. Они владели в городах «белыми дворами», «белыми слободами» с многочисленным торгово-ремесленным населением, конкурировавшим с посадскими людьми. В результате волны городских народных восстаний, прошедшей по стране в 1648—1650 гг., города освободились от феодальных пут, наложенных на них крупными феодалами. Тяглые же обязанности в пользу государства по Соборному уложению 1649 г. были еще более усилены. Тяглое посадское население из фискальных соображений было объявлено «крепким» городу и, согласно статье 13 главы XIX Уложения, в случае оставления им городского тягла подлежало сыску и свозу «на старые их посадские места, где проживали наперед сего, безълетно и бесъповоротно».[66]

Над посадскими людьми царил жестокий произвол царской администрации — воевод и приказных людей. О вопиющем характере этого произвола ярко свидетельствует хотя бы дело об арзамасском воеводе К. Долбилове, освобожденном от должности в 1664 г. по челобитной посадских людей города после их длительных мытарств. Воевода жег вместо дров острожные сте-

---

[63] Н. С. Чаев, ук. ст. «Проблемы источниковедения», 1933, № 1, стр. 73.
[64] Н. Р. Романов. Чувашия в XVII веке... Материалы по истории Чувашской АССР, вып. I. Чебоксары, 1958, стр. 167.
[65] Очерки истории СССР XVII в., стр. 212—213.
[66] Соборное уложение 1649 года, гл. XIX, ст. 13.

ны города, содержание которых в исправности являлось одной из повинностей посадских людей. За большие «посулы» отпускал воров, имущество же, ими сворованное, по заниженной оценке «брал на себя». Неправильно требовал с населения ямские подводы «под посланники и под гонцы в разные города и подо всякие твои Государь обиходы». Заставлял приказных людей отбирать в свою пользу у посадских торговых людей бесплатно товары, а ремесленников работать на себя. «Волочил» оформление деловых документов и даже по своему произволу заменял выборных должностных посадских людей. Когда же земский староста С. Мизюлин подал жалобу на него, он «за то... старосту... у себя в хоромах бил и увечил и кинжалом колол и бьючи у него старосты бороду выдрал и хотел тем кинжалом до смерти его заколоть».[67] Приведенное дело отнюдь не единично. Еще более крупное дело о должностных преступлениях было заведено в 1668—1669 гг. на путивльского воеводу М. Волынского. Оно содержит сорок пунктов, где перечисляются все совершенные им злоупотребления.[68]

В связи с быстрым экономическим развитием городов в условиях складывавшегося «всероссийского рынка», ростом ремесленной промышленности и торговли происходило дальнейшее углубление имущественного неравенства среди посадского населения.[69] Верхи посада — богатые купцы, в руках которых находилась крупная торговля и обширные промысловые угодья, — держали в зависимости основную массу городского населения. Они беспощадно эксплуатировали низы посада: ремесленников и мелких торговцев, а также многочисленных пришлых работных людей — «наймитов», известных в то время под общим названием «гулящих» людей.[70] Мирские выборные должности земских городовых старост и целовальников обычно замещались из лиц, принадлежавших к богатым верхам посада. Последние, используя свое положение, перекладывали всю тяжесть посадских налогов на малоимущие низы посадского населения.[71] Многие бедные посадские люди попадали в кабалу к богатым купцам и ростовщикам. Часть их нищала и разорялась. Некоторые бежали в другие города, где и жили по найму в качестве работных людей.

Тяжело жилось служилым людям «по прибору» — стрельцам провинциальных городов, служилым казакам, пушкарям и затинщикам и др. Особенно много было их на юге и юго-востоке

---

67 ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1664 г., № 1.

68 Там же, 1669 г., № 511; АИ, т. IV, док. № 174.

69 Очерки истории СССР XVII в., стр. 206.

70 П. П. Смирнов. Посадские люди Московского государства. В сб.: «Русская история в очерках и статьях». Под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. III. Киев, 1912, стр. 106—111; И. В. Степанов. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки», 1951, № 36; Его же. Работные люди Поволжья в XVII веке (к вопросу о характере найма). В сб.: «Вопросы генезиса капитализма в России». Л., 1960.

71 Очерки истории СССР XVII в., стр. 225.

страны, в районе прохождения «засечных черт», где они несли сторожевую службу в пограничных городах, острожках и по «черте». Большая часть их была наделена участками земли, на юго-востоке — на правах личного надела, на юге — на правах группового землепользования. В массе своей они вели трудовое хозяйство и в этом отношении очень близко примыкали к черносошному крестьянству.[72] Другая часть служилых людей «по прибору», в частности городовые стрельцы и некоторые категории служилого казачества, получала государево денежное и хлебное жалованье. Однако правительство, стремясь удешевить содержание городовых стрельцов, с середины XVII в. постепенно заменяет его земельными наделами, чем вызывает их массовое недовольство.[73] Оно усугубляется частым отрывом служилых людей «по прибору» (в силу характера службы) от их хозяйственной деятельности на надельной земле. «Начальные люди» рассматривали приборных служилых людей как своих крепостных и подчас жестоко эксплуатировали их.

Произвол царской администрации, непосильные тяжелые налоги, жестокая эксплуатация посадских и служилых низов города богатой верхушкой вызвали в середине XVII в. ряд стихийных народных восстаний в городах страны. В 1648 г. вспыхнуло восстание городских низов в столице государства Москве. Вслед за этим прокатилась волна народных восстаний по всей стране, охватив такие города, как Курск, Воронеж, Козлов, Великий Устюг, Сольвычегодск, Соликамск и другие. В 1650 г. восстали посадские низы Пскова и Новгорода. Восставшие в Пскове, отстранив от власти воеводу, создали народное правление и несколько месяцев упорно держались против царских войск.

Жестоко расправившись с восставшими, царское правительство для сплочения рядов господствующего класса созвало Земский собор, на котором и было принято Соборное уложение 1649 г. Земский собор своими решениями укрепил позиции класса феодалов и богатых купцов.

* * *

Положение широких масс крестьянства, холопов, горожан, мелких служилых людей и угнетенных народов, входивших в состав Русского государства, резко ухудшилось в 50—60-х годах XVII в. Длительная война 1654—1667 гг., которую вело Русское государство с Польшей из-за Украины, осложненная в 1656—1658 гг. войной России со Швецией, вызвала быстрое нарастание кризиса в стране и тяжело отразилась на жизни народа.

---

[72] Е. Н. Ошанина. К истории заселения... В сб.: «Русское государство в XVII веке». М., 1961, стр. 60—63; П. Васенко. Заметки к истории служилого класса в Московском государстве. «Дела и дни», 1920, № 1, стр. 37—39; 1922, № 3, стр. 137—142.

[73] А. В. Чернов. Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 164—165.

Война резко усилила налоговый гнет. В первый же год войны «стрелецкие деньги», взимаемые с населения на содержание армии, были значительно увеличены. В 1663 г. они снова возросли в два раза и достигли для черносошных волостей огромной суммы — 820 рублей с сохи в год.[74] С посадских и приборных служилых людей, а также и с крестьян, имеющих торговые доходы, неоднократно взимались чрезвычайные сборы: «пятая деньга», «десятая деньга», т. е. 20 или 10% с их доходов и имущества.[75] В начале 1654 г. был произведен сбор «десятой деньги» с торговых и посадских людей «по их скаскам и по окладу с животов и с промыслов», несколько позже он был распространен и на крестьян.[76] В течение 1662 г. было произведено два таких сбора «пятой деньги». В течение короткого промежутка времени посадское и торговое население должно было отдать по этим сборам более 40% «с капитала, вложенного в торговлю и промысла».[77] Стремясь переложить снабжение армии на народные массы, царское правительство ввело различные новые поборы и повинности. На крестьян некоторых уездов налагаются обязанности доставлять для армии сукна и холсты.[78] С крестьян же производятся поборы масла, толокна, сухарей и других продуктов.[79] Результатом этого явилось быстрое нарастание налоговых «недоимок». По стране происходили жестокие «правежи» и массовые расправы над населением в целях взимания «недоимочных денег».[80] В 1670 г. крестьяне Юрокуровского стана В.-Устюжского уезда жаловались, что стряпчий Е. Зиновьев взыскал с них за прошлые годы «стрелецкие деньги смертным жестоким правежом» и что они, будучи не в состоянии «перестоять смертного правежу... в кабалы деньги на доплату займовали».[81] Тотемский воевода в 1667 г. так «нещадно правил» недоимки, что крестьяне, «покиня свои жеребьи, разбрелись врознь» и он, боясь, как бы и «достальные крестьяне врознь не разбежались», запра-

[74] ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г., № 476/432, лл. 5—10.

[75] АИ, IV, док. № 93; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. I. СПб., 1830, № 129; ДАИ, т. VI, док. № 33; Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Пг., 1906, стр. 136.

[76] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве. М.—Л., 1936, стр. 8.

[77] Там же, стр. 74.

[78] ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г., № 476/432, лл. 4—5.

[79] ПСЗ, т. I, № 139; Г. Котошихин. О России в царствование..., стр. 136.

[80] В 1659 г. было указано с Курмышской, Козьмодемьянской и Чебоксарской «черемисы» (имеются в виду народы Среднего Поволжья вообще), «с их бортных ухожеев», взыскать — «править сполна... недоимки» — за 30 лет — 2020 пудов 38 ф. меду и 340 рублей 66 копеек денег (ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет. 1659 г., № 41, лл. 91—93). В 1663 г. ростовскому воеводе, с тем чтобы собрать с поместных крестьян «недоправленный... стрелецкий хлеб», было приказано послать по уезду стрельцов и пушкарей и «крестьян взяв... бить батоги нещадно, и стрелецкий хлеб доправить весь сполна» (АИ, т. IV, док. № 171).

[81] ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г., № 190, лл. 20—21.

шивал Москву: «как быть?» Характерно, что по черносошным волостям правительство «нещадно правило» не выплаченные за прошлые годы «недоимочные стрелецкие деньги» за пустые дворы, давно брошенные окончательно разорившимися их владельцами, с оставшихся крестьян.[82] Крестьяне отдельных уездов и волостей упорно добивались снижения налогового обложения, писали челобитные и посылали своих «ходоков».[83] Царское правительство только в 1668 г., в связи с окончанием войны и ростом крестьянского протеста, в отдельных случаях пошло на уменьшение «стрелецких денег», установив их норму в размерах, взимаемых до 1663 г.[84]

Тяжелым бременем падает на крестьянство подводная повинность, непомерно увеличившаяся в связи с перевозками военного времени.[85] Сотни и тысячи крестьянских подвод сосредоточивались по городам для перевозки войск и различных грузов военного назначения.[86] Были введены и разнообразные работные повинности оборонного значения. В 1659 г. «сошные люди» (крестьяне) были привлечены на работы по восстановлению веневских, тульских и рязанских «засек».[87] По одному крестьянину с «подводою» от 10 дворов из деревень, расположенных вблизи от дороги, идущей от Москвы на Калугу и Севск, было привлечено для «ямской» службы.[88] Всякие «жилецкие люди», т. е. прежде всего крестьяне, проживавшие между Ладожским и Онежским озерами, обязаны были делать струги «для водяного ходу» [89] и т. п.

Происходили непрерывные мобилизации крестьян в действующую армию. Еще до официального объявления войны шляхетской Польше,[90] в марте 1653 г., для обороны южных границ страны от набегов крымских татар в связи с предстоящей войной и передвижением полков постоянной службы к юго-западным и западным границам страны было взято с каждых 20 крестьянских дворов всех вотчин и поместий государевых слу-

---

82 В приведенном уже документе крестьян Юрокуровского стана Р.-Устюжского уезда держали «на правеже» за «оскуделые люди и запустые деревни» (ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г., № 190, л. 21). Так же обстояло дело и в Пермогорской, Шельской и других волостях указанного уезда (там же, лл. 46, 68, 74, 86 и др.).

83 Там же, 1664 г., № 83, 120; 1665, № 182.

84 Там же, 1670 г., № 476/432, лл. 5—6, 10.

85 В 1659 г. было царем указано в Калуге и в других уездах с поместий и вотчин, в том числе монастырских, расположенных в 40—50 верстах от города, взять «с 10 дворов (крестьянских. — *И. С.*) по подводе с телегами и хомуты и быть тем подводам в Калуге для подъему государевых ратных пеших людей и ружья и всяких запасов». Предписывалось собрать их немедленно «... держать в Калуге до государева указу». — ПСЗ, т. I, № 251.

86 ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1654 г., № 14, 139.

87 ПСЗ, т. I, № 254.

88 Там же, № 251.

89 Там же, № 208.

90 Это произошло 23 октября 1653 г. — Очерки истории СССР XVII в., стр. 481.

жилых людей, «кому на службе на Украине не быть»,[91] по одному пешему «даточному», а быть им приказано «у засек с пищальми, и с топоры, и с рогатины» и иметь «по 2 фунта пороху и по 2 фунта свинцу».[92] Этим призывом «даточных людей» было положено начало непрерывным, из года в год возрастающим мобилизациям в основном крестьянского населения страны в действующую армию. Осуществлялись они обычно в отношении населения отдельных местностей и определенных категорий вотчинных и поместных владений и не носили повсеместного и всеобщего характера. Тем не менее необходимость в людском пополнении действующей армии была такова, что правительство использовало все возможные источники получения «даточных людей». С крестьянских дворов, вотчин и поместий, принадлежавших служилым людям, находящимся в действующей армии, «даточных людей» не брали. Но если по каким-либо причинам субъективного или объективного порядка служилый человек был вне действующей армии, обязанность доставки «даточных людей» распространялась и на принадлежавшие ему крестьянские дворы.[93] Не избежали мобилизации в армию и крестьяне церковно-монастырских вотчин. В 1657 г. для охраны побережья Ладожского озера, в связи с начавшейся войной со Швецией, в Новгородском и Старорусском уездах были взяты со всех церковно-монастырских вотчин «из крестьян и бобылей, и их детей, и братьи, и племянники, и приемышей, и подсоседников, и захребетников каждый пятый человек». Все они получили из казны мушкеты и шпаги, «зелье и свинец, по 4 деньги на день» на питание и были обучены «пешему строю».[94] В 1660 г. с церковно-монастырских вотчин было взято по одному «конному человеку с полною службою и с запасы» с 50 крестьянских и бобыльских дворов, а с дворов, не составивших числа 50, деньгами

---

[91] К ним относились все служилые люди московского и городовых списков, занимавшие определенные административные должности и находящиеся вне действующей армии, а также вдовы и «недоросли», проживавшие в «прожиточных» имениях. — ПСЗ, т. I, № 96.

[92] Там же.

[93] В 1665 г. были изданы указы о взятии «даточных людей с крестьянских и бобыльских дворов поместий и вотчин служилых людей, отказавшихся быть в действующей армии и после соответствующей проверки их здоровья признанных негодными для службы, а также с поместий и вотчин служилых людей, отставленных от службы «за увечием». Бралось с 5—10 дворов по одному, с 20—30 и больше дворов по два-три человека «даточных... конных со всею службою» (там же, № 155, 158). В 1656 г. были взяты «даточные люди» из расчета с 30 дворов по одному «конных и оружных со всею полною службою и с запасы», с поместий и вотчин служилых людей, отставленных от службы «за старостью», и всех, кто находился на службе в Москве. С излишних дворов, не составляющих 30, были взяты деньги из расчета 40 рублей за человека. Все «даточные люди» должны были явиться в Смоленск к 26 мая 1656 г. (там же, № 177, 186).

[94] На время же их учебного сбора для охраны побережья Ладожского озера было взято 600 человек крестьян с монастырских вотчин, расположенных по реке Свири. — Там же, № 208.

по одному рублю со двора.[95] Среди черносошных крестьян и посадского населения неоднократно производились мобилизации на солдатскую службу. Правительство усиленно формировало в это время полки так называемого нового строя, в том числе и солдатские. В 1655 г. было приказано в Соликамском, Пермском, Чердынском и Кайгородском уездах взять в солдаты 1600 человек и выслать их в Вязьму «добрых от отцов детей, и от братьи братью, и от дядей племянников». В 1659 г., ввиду бегства многих солдат, из этих же уездов в счет 1600 человек «велено было добрать 679 человек» и с каждых 25 дворов взять, «с которых наперед сего солдаты неиманы», по одному солдату.[96] В 1659 г. для охраны побережья Ладожского озера со всех селений, расположенных по его берегам и по рекам Сяси, Паше и другим, было взято на службу «в пешей строй» 2000 человек.[97] Наконец, в 1659 г. была объявлена мобилизация по всему государству «в солдатскую службу даточных пеших людей... со всех городов, с посадов и уездов, и с черных волостей и с погостов, со всяких чинов людей, и с поповых и с дьяконовых и с церковных причетников, и с их крестьянских изб, и с бобыльских дворов, которые живут за ними... с 25 дворов по человеку».[98] В общем количество мобилизованных крестьян на солдатскую службу было весьма значительным. В два солдатских набора, проведенных в 60-х годах XVII в., по Устюжскому уезду, насчитывавшему по переписным книгам 1646 г. 9524 крестьянских, бобыльских и посадских дворов, было взято в армию 6000 человек.[99]

Тяжесть солдатских мобилизаций не исчерпывалась массовым изъятием из крестьянских семей здоровых рабочих рук. Население должно было нести большие затраты на снабжение мобилизованных всем необходимым: одеждой, продовольственными запасами, а иногда и оружием. С тяжестью оснащения и содержания мобилизованных в армию «на солдатскую службу» вынуждено было считаться даже царское правительство. Не случайно в указе царя от 5 июля 1659 г. о призыве в солдаты от населения черносошных волостей и посадов сказано: «... а быть им в солдатской службе без подмоги»,— и предлагалось мобилизованным «давать из казны жалованье и корм, пока они на службе».[100] Однако такое положение в отношении содержания мобилизованных не было еще правилом. Общие размеры затрат населения на содержание мобилизованных в армию были, повидимому, весьма велики. О них в какой-то мере говорят данные по тому же Устюжскому уезду, население которого за время

---

95 АИ, т. IV, док. № 149.

96 ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1659 г., № 41, лл. 162—169, 195—196.

97 ПСЗ, т. I, № 208.

98 ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1659 г., № 41, лл. 203—204.

99 Там же, 1670 г., № 476/432, л. 9.

100 Там же, 1659 г. № 41, лл. 203—204.

войны израсходовало на «подмогу» солдатам и «даточным людям» большую для того времени сумму — 94 770 рублей.[101]

Насколько тяжело мобилизация населения на «солдатскую службу» и в «даточные люди» отразилась на крестьянском хозяйстве и на их уровне материальной жизни, убедительно показывают результаты обстоятельного сыска, проведенного в 1670 г. воеводой В. Устюга П. Измайловым по всем волостям уезда, о причинах массового бегства крестьян в Сибирь.[102] В подробных сведениях о «запустевших» дворах в деле об этом сыске пестрят пометы: «... дер. Мартыново вся пуста... крестьяне скитаются в мире Христовым имянем а многие взяты в солдаты»; «...деревня Онисимовская жеребей в пусте... запустела в 7176 (1668. — *И. С.*) году, жильцы Е. Акинфиев взят в солдаты и убит или умер, жена и дети в мире скитаются»; «...деревня Запутнинская... впусте четь выти и пол трети выти... запустела... жилец С. Ильин и с сыном в солдатах... а жены их по миру скитаются».[103] В итогах же сыска по отдельным волостям в указанном деле наряду с другими причинами разорения крестьян и их бегства в Сибирь в большом количестве случаев отмечается тяжесть солдатских мобилизаций. «А достальные мы крестьянишки от солдатских выборов и от Московского и Сибирского запасов обнищали и одолжали великими неотступными долги»,— читаем мы в указанных итогах по Пермогорской волости.[104] Мобилизации в солдаты и «даточные люди» явились одной из важных причин массового «запустения» крестьянских дворов. Обычно солдатские вдовы и дети «в мире скиталися» или уходили «безвестно куда», бросая свои дворы и крестьянские «жеребьи» и тем еще более отягощая остальных крестьян, вынужденных платить за пустые дворы падающие на них налоги. Тяжелую картину разорения деревни за годы войны рисуют нам данные по В.-Устюжскому уезду. Из 9524 крестьянских, бобыльских и посадских дворов, по данным 1670 г., «запустело (т. е. было брошено.— *И. С.*) ... в розных волостях 2591 двор», т. е. 27,2%.[105]

В обстановке военного времени крестьяне, особенно западных уездов страны, часто подвергались различным притеснениям и «разорению» от продвигавшихся на фронт или расположенных в даном районе «государевых ратных людей» (прежде всего поместного войска), которые бесчинствовали — «безденежно имали» у крестьян всякие продукты и «конские кормы», «травили... и толочили» их поля и нередко избивали их самих. Практика подобных преступных действий служилых людей в отношении частновладельческих крестьян вызывала жалобы вла-

---

101 Там же, 1670 г., № 476/432, лл. 7—8.
102 Там же, № 190.
103 Там же, лл. 3, 40—41. — Таких помет в указанном деле много.
104 Там же, л. 46. Подобные итоги имеются на лл. 10, 20, 87—88, 90 и др.
105 Там же, № 476/432, л. 9.

дельцев последних и стремление получить от правительства особые «оберегательные грамоты».[106] По-видимому, под влиянием этих жалоб в 1654 г. появился царский указ, запрещавший служилым людям под угрозой «жестокого наказания» обижать местное крестьянство, и рекомендовалось «хлеба и никакого харчу и конских кормов у них безденежно» не брать, а покупать по «указной цене».[107] Однако и «оберегательные грамоты», и указ 1654 г. не возымели должного действия на служилых людей. Это вынудило правительство в 1656 г. дать специальную «память» сотенным головам поместного войска «о наблюдении, чтобы сотенные люди (служилые люди по «отечеству», дворяне, дети боярские и т. п.— *И. С.*) по дорогам сел и деревень не жгли, крестьян не грабили и разорения им никакого не чинили».[108] Как показывает содержание этой «памяти», бесчинства служилых людей в отношении крестьянства заходили весьма далеко, вплоть до поджогов и уничтожения отдельных деревень. Подобные бесчинства не могли не озлоблять крестьянство.

Положение народных масс в отдельные годы военного времени ухудшалось до крайности и неурожаями и эпидемиями. Неурожаи и «скотские падежи» были частым явлением в жизни крепостной деревни XVII в., особенно в годы войны. Неурожаи, как правило, вызывали жестокий голод. Крестьяне вынуждены были есть сосновую и пихтовую кору, колос и мякину, лебеду и пр. Вследствие войны, разорения крестьянства, неурожаев и «скотского падежа» в 1669—1670 гг. голодом были поражены многие северо-восточные уезды страны. Голод был настолько силен, что многие крестьяне «от хлебной скудости» пухли и умирали.[109] По сообщению В.-Устюжского воеводы, во многих станах и волостях уезда умерших от голода зимой 1669—1670 гг. было так много, что их «клали и погребали человек по 20, по 30 и больше» в одну могилу.[110] Бедствие усугублялось тем, что излишки хлеба в хозяйствах зажиточных крестьян в спекулятивных целях сознательно задерживались и цены на него так поднялись, что «скудные люди» (т. е. масса крестьян), по сведениям, данным тотемским воеводой, не в состоянии были его покупать. Воевода, беспокоясь за состояние уезда, за его налогоспособность, просил разрешения указать, чтобы «засобые люди (зажиточные, имеющие хлеб.— *И. С.*) молотших людей ссужали, давали б всякий хлеб взаймы до нови (до нового урожая.— *И. С.*), а у них имали писменные крепости для уверения».[111] Есть сведения, что размеры бедствия, охватившего население севера и северо-востока страны, обратили внимание

[106] ПСЗ, т. I, № 136.
[107] Там же, № 131.
[108] Там же, № 181.
[109] ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г., № 190, лл. 86, 120, 132; № 689, лл. 1—2.
[110] Там же, № 190, л. 120.
[111] Там же, № 689, лл. 1—2.

даже иноземных купцов, которые в интересах наживы привозили хлеб для продажи голодающему населению.[112] Следствием недоедания и голодовок было также «моровое поветрие» — эпидемии, вырывавшие еще больше крестьянских жизней. В 50—60-х годах XVII в. «моровое поветрие» неоднократно вспыхивало в отдельных местностях страны. В 1654/55 г. им были охвачены центральные уезды страны, и даже в столице государства «от морового поветрия многие торговые ряды запустели». В 1656 г. «моровым поветрием» было охвачено Нижнее Поволжье.[113] В 1657 г. его вспышки были в западных уездах страны [114] и т. д. Принудительные карантинные мероприятия, заставы, различные ограничения не всегда были оправданы обстоятельствами и вызывали раздражение среди населения.

Сильно осложнено было положение трудового населения страны денежной реформой, проведенной правительством в годы войны для покрытия огромных военных расходов. С первого же года войны оно приступило к чеканке новой медной монеты и постепенной замене ею во внутреннем обращении страны серебряной монеты. Производя все государственные выплаты медными деньгами, правительство в то же время, в целях мобилизации серебряных денег для содержания действующей армии, платежи с населения в пользу государства принимало серебром.[115] Массовый выпуск медных денег, превышающий потребности рынка и их быстрое обесценение, отрицательно сказался на хозяйстве страны, нарушил установившиеся торговые связи и вызвал непомерную дороговизну. Если в 1656 г. пуд ржи в Вологде стоил примерно 8 копеек, то в 1663 г. он стоил уже 4 рубля, т. е. стоимость хлеба всего за 6 лет увеличилась примерно в 50 раз.[116] Так же примерно обстояло дело и в других районах страны.

Денежная реформа и дороговизна вызвали резкое снижение жизненного уровня народных масс, особенно посадских и служилых низов.[117] На этой почве 25 июля 1662 г. вспыхнуло стихийное народное восстание в столице государства Москве. Основной движущей силой восстания явились мелкие слои посадского торгово-ремесленного населения, поддержанного стрельцами, рейтарами и солдатами московского гарнизона. Активное участие в нем приняли холопы, «гулящие» люди и другие элементы городского плебса. Восставшие протестовали против «медных денег» и затяжной войны, обвиняя в этом «бояр-изменников». В ходе восстания сильно проявился «наивный монархизм» восставших, веривших в «хорошего царя», ходивших к нему в Коломенское, требовавших изъятия из обращения мед-

112 ДАИ, т. VI, док. № 35.
113 ПСЗ, т. I, № 184.
114 Там же, № 209.
115 К. В. Базилевич. Денежная реформа.., стр. 28—30.
116 Там же, стр. 40.
117 Там же, стр. 77- 81.

ных денег и прекращения боярских злоупотреблений. Были разгромлены дворы многих ненавистных бояр и купцов. Царское правительство путем кровавой расправы, в результате которой сотни участников восстания были убиты и ранены, подавило восстание.

Чрезвычайные обстоятельства военного времени, усиление налогового гнета, жестокие «правежи», различные работные повинности оборонного назначения, массовые мобилизации населения в действующую армию, денежная реформа — резко ухудшили и без того тяжелую жизнь крестьянского населения страны, обострили классовые взаимоотношения и способствовали усилению борьбы трудовых масс против феодально-крепостнического гнета.

* *
*

Непосредственным следствием резкого ухудшения положения широких масс в 50—60-х годах XVII в. явилось усиленное бегство крестьян, холопов, людей из посадских и служилых низов. О невиданном его размахе свидетельствуют многочисленные документальные[118] и литературные[119] источники. Нередки были случаи, когда крестьяне уходили со старых мест на новые целыми деревнями. В 1659 г. из села Ижевского Рязанского уезда от Ф. Хилкова бежало крестьянское население 40 дворов со всем имуществом. В этом же году от П. Хрущева из деревни Середней Елецкого уезда бежали все до одного крестьяне.[120] Бегство настолько сильно охватило, например, дворцовых крестьян Шацкого уезда, что, по сведениям воеводы, «многие крестьяне покинули тяглые свои жеребьи, бежали... и в дворцовых

---

[118] Автором использованы документы фондов ЦГАДА (Разрядный приказ и Приказные дела старых лет). Использован также Астраханский фонд Архива ЛОИИ АН СССР.

[119] Особо следует отметить работы: А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке. Труды Историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1946; Его же. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. Труды Ин-та истории РАНИОН, вып. 1. М., 1926; Его же. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. «Исторические записки», 1945, № 16. — Автор этих работ обратил особое внимание на массовость бегства крестьян и холопов в указанное время и широко использовал материалы «сыскных приказов».

Имеется также материал о бегстве населения в XVII в. в работах: И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60 годы XVII века. «Исторические записки», 1953, № 43; Т. И. Смирнова. Побеги крестьян накануне выступления С. Разина. «Вопросы истории», 1956, № 6; И. В. Степанов. Гулящие-работные люди в Поволжье в XVII веке. «Исторические записки», 1951, № 36. Его же. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII веке. Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 112.

[120] А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых... Труды Историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1946, стр. 131.

де селах тяглые их жеребьи лежат впусте». 4 августа 1667 г. был издан специальный указ царя о сыске и свозе этих беглых крестьян.[121] Массами бежало черносошное крестьянство северных заволжских уездов, в результате чего «учинилось... в Устюжском и Усольском уездах великая пустота».[122]

Особенно убедительно о размахе бегства населения в 50—60-х годах XVII в. свидетельствуют многочисленные коллективные челобитные служилых людей — дворян — с требованием организации правительственного сыска и возврата беглых крестьян и холопов.[123]

Жестоко угнетенный народ, стремясь выйти из тяжелого положения, искал лучших мест и условий для своего существования от гнета и произвола со стороны владельцев и царской администрации, делавших жизнь нетерпимой.

По вопросу об участии в бегстве различных, по их имущественному положению, слоев крестьянства в литературе имеются противоречивые суждения. Нельзя согласиться с выводом А. Новосельского о том, что в составе беглых крестьян «беднейших элементов деревни мы... не видим».[124] Его заключение находится в противоречии с многочисленными и разнообразными документальными свидетельствами о бегстве крестьян от бедности и разорения. Крестьяне Юрокуровского стана Устюжского уезда в 60-х годах XVII в. «от великие скудости и от непомерного платежи разбрелись врознь неведомо куда». Крестьянин деревни Окуловской Пермогорской волости Устюжского уезда в 1668 г. «сбрел и с сыном», так как «обнищал от солдатского выбору и от хлебного недорода». Крестьянин деревни Мартыновская той же волости Дружина Неверов в 1662 г. «сошел в Сибирь» вместе с сыном «от солдатских выборов и от хлебного недороду и от денежной скудости».[125] В 1670 г. крестьянин Архип Спирин деревни Лепелей Арзамасского уезда, принадлежащей Я. Соловцову, бежал, «покиня жену и детей от скудости что де у него хлеба не стало и лошадми опал».[126] В этом же году задержанный в Астрахани гулящий Григорий Карпов оказался бежавшим тяглым человеком казенной слободы города Москвы, который «тому ныне 5 год приплыл... в работе з бедности кормитца в Астрахань».[127] Показательно, что из 99 случаев бегства

121 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Приказной стол, № 384, лл. 1—2.

122 ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г., № 476/432, л. 9.

123 А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов... Труды Ин-та истории РАНИОН, вып. 1. М., 1926, стр. 329—332; И. М. Скляр. Из истории политики правительства царя Алексея Михайловича по крестьянскому вопросу накануне восстания Степана Разина. Уч. зап. Киргиз. заочн. пед. ин-та, серия история, география, вып. IV, 1959, стр. 82.

124 А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян. . «Исторические записки», 1945, № 16, стр. 64.

125 ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г., № 190, лл. 16, 41.

126 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Приказной стол, № 655, л. 87.

127 И. В. Степанов. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII веке. «Исторические записки», 1951, № 36, стр. 146.

крестьян и холопов центральных и южных уездов страны, зафиксированных челобитными вотчинников и помещиков, находящимися в Центральном государственном архиве древних актов, в деле № 689 Белгородского стола Разрядного приказа, ни одной оценки имущества беглых крестьян (исключая оценки «сносных животов») выше 20 рублей нет. Во всех случаях, где это указано, крестьяне бежали с одной лошадью.[128] Т. И. Смирнова в результате изучения материалов сыскной комиссии Д. П. Плещеева, работавшей в уездах Среднего Поволжья, дает следующую характеристику имущественного положения беглых крестьян: «Из 849 человек беглых около 24% до побега не имели собственного хозяйства, около 62% составляли крестьяне со средним достатком (имели одну-двух лошадей и коров) и около 13% — зажиточные крестьяне».[129] Хотя данная характеристика, по-видимому, несколько преувеличивает процент зажиточных беглых крестьян, но убедительно показывает неправомерность отрицания А. Новосельским бегства деревенской бедноты в XVII в.[130] Нельзя не отметить также, что часть бедных и разорившихся крестьян, не могущих продолжать свое мелкое трудовое земледельческое хозяйство, бросая свои крестьянские «жеребьи» «по миру... меж дворы скиталися христовым именем»,[131] т. е. нищенствовали. Под влиянием бедности и разорения многие крестьянские семьи разрушались: часть членов семьи вымирала от голода и болезней,[132] многие крестьянские дети в поисках источников существования убегали в весьма отдаленные места от родины — в Нижнее Поволжье и на Дон.[133]

Все это свидетельствует о том, что бегство «беднейших элементов деревни», обедневших и разорившихся крестьян, было весьма значительно. Протекало это бегство в своеобразных формах. Обедневший разорившийся крестьянин (частновладельческий, монастырский, черносошный), потерявший возможность самостоятельного ведения своего хозяйства на месте, в большинстве случаев не мог рассчитывать на это и на новых местах, не мог бежать на лошади с необходимым инвентарем и имуществом, так как у него его не было или почти не было. Он вынужден был «скитаться меж двор», в лучшем случае «жить перехо-

128 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 689, лл. 26, 94, 140, 177.

129 Т. И. Смирнова, ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 131.

130 Он принципиально «опровергает (даже. — *И. С.*) предположение о связи побегов с хозяйственным изнурением и истощением крестьян». — А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян... «Исторические записки», 1945, № 16, стр. 60.

131 ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, № 190, лл. 14—21.

132 Крестьянин деревни Красная Гора Утмановской волости Устюжинского уезда Фома Аверкиев умер в 1667 г. от голода, «а жена и дети его сошли» (там же, л. 84); крестьянин деревни Харевщина той же волости Пронка «сошел безвестно в 1652 г., дети его разбрелись неведомо куда» (там же, л. 83).

133 И. В. Степанов. Отход населения на заработки... Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 112, стр. 152, 153.

дя», на положении захребетника и наймита или бежать «в шее да телом», т. е. без всякого имущества, в места, весьма отдаленные от своего местожительства: в Сибирь, где правительство осаждало пришлых людей в крестьянство, выдавая ссуду и предоставляя льготы; на Волгу и в другие «работные места» страны, где можно было наймом прокормиться; наконец, на Дон — в вольные казаки.

Наблюдения Новосельского о имущественном положении бежавших крестьян, справедливо заключает П. Булыгин, дают лишь право сказать, «что зависимое крепостное положение было в тягость и состоятельным крестьянам»,[134] и часть их в стремлении к воле бежала. Такое решение вопроса находится в полном соответствии с установившимся в науке пониманием характера движущих сил классовой борьбы, развернувшейся между крестьянами и феодалами в XVII в., в частности во время крестьянской войны 1670—1671 гг. Основной силой, выступавшей против феодального гнета, была масса крестьян — мелких производителей, которая, стремясь избежать полного разорения, стихийно поднималась на борьбу против своих угнетателей, чтобы добиться более сносных условий ведения своего мелкого трудового хозяйства и лучших условий своей жизни, личной свободы. Так называемые «прожиточные крестьяне», крестьяне-богатеи, в XVII в., за редким исключением, поддерживали правительственный лагерь. Тезис о том, что «прожиточные крестьяне» в условиях складывающегося всероссийского рынка, стремясь обеспечить лучшие условия включения своего хозяйства в рыночные отношения, выступали наиболее активной силой в борьбе против феодально-крепостного строя,[135] является фактически совершенно необоснованным, и это лишний раз подтверждается материалами, характеризующими бегство крестьян в XVII в.

Война 1654—1667 гг., усилив нужду и бедствия трудового люда, в то же время создала благоприятные условия для его бегства. Она вызвала ослабление надзора за крестьянами и холопами со стороны вотчинников и помещиков — ослабление вотчинной власти. В связи с уходом многих служилых людей в действующую армию некому было вовремя пресечь непослушание и неподчинение крестьян и холопов.

Первый же год войны ознаменовался массовым бегством холопов от своих владельцев, с государевой службы, из действующей армии. Правительство немедленно обрушилось на виновников жестокими карами. 27 мая 1654 г. был издан указ: беглых холопов «за их воровство, что они, пограбя бояр своих, на государеве службе в полках покинули, вешать».[136] Этот указ не возы-

[134] И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 145.

[135] В. И. Лебедев. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII—XVIII веков. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 91—93.

[136] ПСЗ, т. I, № 127; И. М. Скляр. Из истории политики... Уч. зап. Киргиз. заочн. пед. ин-та, вып. IV, 1959, стр. 84.

мел быстрого действия, и бегство холопов из действующей армии все более усиливалось. Они стали бежать большими группами. Указом от 11 марта 1655 г. расширяется сфера применения этого наказания и устанавливается ответственность «за сносные животы» беглых холопов для лиц, укрывавших их,[137] а указом от 24 марта 1655 г. по существу узаконивается массовое истребление беглых холопов.[138]

Вслед за холопами побежали из полков действующей армии приборные служилые и даточные люди. Насколько значительно было это бегство, показывает следующий факт. В феврале 1659 г. с приставом М. Сыромятниковым вместо беглых солдат из даточных людей Пермского, Соликамского и Чердынского уездов было направлено в Москву 114 человек «отцов их и братьи и дядей и племянников».[139] Бежали от службы даже приборные служилые люди городов, отдаленных от фронта. В 1666 г. ушли неизвестно куда со службы из Пензы «конные и пешие казаки Якушко Обезьянин с товарищи 16 человек с женами и с детьми».[140] Правительство прибегло к крайним мерам, указав беглых «бить кнутом нещадно и за добрыми поруками... ссылать на службу».[141]

Всей этой обстановкой крестьяне немедленно воспользовались и побежали в одиночку и группами с мест своего жительства и от своих владельцев.[142]

Правительство, борясь против усилившегося бегства крестьян, в интересах служилых людей предприняло необходимые меры, прежде всего против нарушителей установленного Уложением 1649 г. порядка. Штраф за прием и укрывательство беглых крестьян в 10 рублей за год за каждого принятого крестьянина признан был недостаточным.[143] Указом 13 сентября 1661 г. было установлено, помимо штрафа, взыскание с виновников так называемых «наддаточных» крестьян по одному за каждого беглого. В 1666 г. количество взыскиваемых «наддаточных» крестьян за каждого беглого было увеличено до четырех.[144] Приказчиков и старост, виновных в принятии беглых людей без ведома своих помещиков, нещадно наказывали кнутом,

137 ПСЗ, т. I, № 150; И. М. Скляр. Из истории политики... Уч. зап. Киргиз. заочн. пед. ин-та, вып. IV, 1959, стр. 84.

138 «Которые боярские холопы почали бегать от бояр своих, и которого двора приведут боярских холопей человек 20, или 30, и из того двора велено *повесить человек шесть, или пять, или четыре* (курсив наш. — *И. С.*), а последних бить кнутом, отдавать боярам чьи они были». — ПСЗ, т. I, № 151.

139 ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1659 г., № 41, лл. 45—48.

140 Там же, ф. Разрядный приказ, Приказной стол, № 384, л. 4.

141 Там же, ф. Приказные дела старых лет, 1659 г., № 41, 45—50; 1666 г., № 26, лл. 5—6.

142 А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых... Труды Историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1946, стр. 130, 131; И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 141.

143 Соборное уложение 1649 года, гл. XI, ст. 10.

144 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 136, 137.

бросали в тюрьму [145] и отдавали в крестьянство.[146] Возвращение беглых крестьян со всем их имуществом на старое местожительство производилось на подводах их приемщиков.[147] Наконец, с 1658 г. начинается массовый правительственный сыск беглых людей.

Распространенным было бегство крестьян целыми семьями, со всем крестьянским имуществом и скотом,[148] на сравнительно недалекое расстояние от старого местожительства, обычно в пределы соседних уездов. Крестьяне Шацкого уезда бежали в Тамбовский, Козловский и другие ближайшие уезды, крестьяне Рязанского уезда — в Ряжский, Керенский и т. п.[149] Иногда бегство крестьян не выходило даже за рамки уезда, где находилось оставленное ими местожительство.[150] Однако оно, по мнению А. Новосельского, «не задерживалось... никакими рубежами и границами» [151] — центральные уезды теряли население, но и окраинные уезды, куда направлялась масса беглых, в свою очередь теряли его в пользу уездов еще более южных и отдаленных. Происходило своеобразное постепенное сползание населения из центральных уездов на окраины.[152] Особенно много беглых сосредоточивалось на территории южных и юго-восточных пограничных уездов, расположенных «по черте». Большой приток беглых шел в уезды Среднего Поволжья, преимущественно из Замосковья и северо-восточных уездов Русского государства.[153] Немало беглых людей привлекали Нижнее Поволжье и Дон. Крестьяне Белозерского, Пошехонского и Вологодского уездов бежали в Заонежье — на Вагу.[154] Многочисленные документы свидетельствуют о массовом бегстве в 60-х годах XVII в. крестьян Тотемского, Устюжского, Сольвычегодского и других северных уездов в Сибирь.[155]

---

145 ПСЗ, т. I, № 307.

146 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 137.

147 А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов... Труды Ин-та истории РАНИОН, вып. 1. М., 1926, стр. 343.

148 В большинстве челобитных помещиков и вотчинников о возврате беглых крестьян и холопов, находящихся в деле 689 Белгородского стола, Разрядного приказа, сообщается о том, что крестьяне бежали «с женою и с детьми и со всеми своими крестьянскими животы». Из 99 зарегистрированных челобитными побегов таких случаев было 72%.

149 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 689, лл. 22—26, 40—42, 54, 71 и др.

150 Многие крестьяне шацких дворцовых сел в 60-х годах XVII в., покинув «тяглые свои жеребьи», жили в бегах в Шацком же уезде «в службах всяких чинов у людей в тяглех и в бобылях и во дворниках». — Там же, Приказной стол, № 384, лл. 1—2.

151 А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов... Труды Ин-та истории РАНИОН, вып. 1. М., 1926, стр. 337.

152 Там же, стр. 338.

153 Т. И. Смирнова, ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 130.

154 А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых... Труды Историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1926, стр. 146.

155 АИ, т. IV, док. № 220; ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г., № 190 и др.

* *
*

Бегство происходило в обстановке резкого обострения классовых взаимоотношений в стране, активной борьбы крепостного населения за свою свободу, в условиях острых конфликтов и столкновений между бежавшими и их владельцами.

Помещики и вотчинники несли от беглых людей большой материальный ущерб. Убегая от своего владельца, крестьяне не ограничивались захватом своих «крестьянских животов», но брали с собой и необходимое для них хозяйское имущество. Бежавший в 1656 г. крестьянин деревни Осиновая Гора Тульского уезда С. Семенов захватил из хозяйского имущества своего владельца И. Сухотина 70 рублей денег, 12 ведер вина и 2 свиных туши.[156] Так же поступили бежавшие, «пограбя лошадей и всякую рухлядь», крепостные крестьяне стряпчего Н. И. Беклемишева.[157] «Пограбив» хозяйское имущество, бежали в 1657 г. крестьяне из Коломенского владения Л. Н. Холопова.[158] Особенно много брали с собой хозяйского имущества — «сносных животов» — холопы. Это объяснялось тем, что своего имущества у них часто не имелось и брать хозяйские вещи было им сподручнее, так как жили они при хозяйской усадьбе и знали, где и какое имущество хранилось. В 1656 г. «старинный холоп» А. Худяков бежал всей семьей и снес от своего владельца «многие животы и лошади».[159] Кабальный холоп А. Павлов, бежав в 1669 г. из деревни Новоселок Каширского уезда, «свел лошадь и снес платья и всякой рухляди на 15 рублей».[160] Дворовый человек П. Щекин, убегая, взял хозяйскую лошадь и одежды стоимостью на 20 рублей.[161]

Помимо этого, крестьяне и холопы перед побегом в отместку за притеснения и обиды уничтожали принадлежавшие их владельцам посевы, всевозможные хозяйственные запасы и строения. Часто это принимало форму полного погрома и «разорения» дворянских поместий. Крестьяне сел и деревень Новгородского уезда, принадлежащих Ф. Хрипуновой, в 1659 г. перед побегом не только забрали себе всю помещичью «рухлядь» и лошадей, но и разгромили усадьбу помещицы, «вырубили окна и двери в домах и клетях».[162] Иногда беглые крестьяне и холопы поступали с имениями своих владельцев еще более решительно — предавали их огню. Примером этому служит крестьянин деревни Юрьево Арзамасского уезда, который, «не захотя жить за помещиком своим», перед побегом поджег его имение.[163]

---

156 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 689, л. 33.
157 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 141.
158 Там же.
159 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 689, лл. 62—65.
160 Там же, л. 26.
161 Там же, л. 94.
162 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 141.
163 Т. И. Смирнова, ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 130.

Безудержный произвол помещиков над крестьянами и холопами вызывал у последних чувство глубокой к ним ненависти и стремление к их физическому наказанию и истреблению. Крестьяне И. С. Чуреина, убегая из принадлежащей ему вотчины Елецкого уезда, избили его и «мучили его жену».[164] Беглый крестьянин деревни Юрьево Арзамасского уезда перед побегом убил своего помещика.[165] Так же поступили в 1650 г. дворовые люди села Красное Рязанского уезда, которые, «умысля и сговоряся», убили своего помещика И. Есипова.[166] В 1660 г. служилые люди Небольсины объяснили несвоевременность своей явки в полк тем, что они находились в Посольском приказе по делу о сыске беглых крестьян, которые их дядю «с женою и с людьми и с животы заперли в хоромех, сожгли». Такие случаи были нередки, и немало описаний их содержится в книге А. Г. Манькова.[167]

Во многих случаях бежавшие на волю крестьяне и холопы забирали с собой или уничтожали всевозможные крепостные акты, полагая, что это спасет их от возврата. «2 ящика с разными крепостями и писцовыми выписями» захватили с собой бежавшие крестьяне помещика И. С. Чуреина.[168] Бежавший старинный крестьянин О. Микулин захватил с собою не только купчую в 300 рублей на себя и своего брата, но и всякие «поместные и людские крепости».[169] Чтобы обезопасить себя от возвращения к помещику, во избежание подлинного установления своей личности в практику среди беглых людей вошло изменение имен. Крестьянин Кузьма Никитин, бежавший в 1656 г. из деревни Кожухово Соловского уезда, назывался Федором.[170] Беглый крестьянин Яков Луков, живя в Успенской слободе города Воронежа, назывался «Анисимом Полуехтовым сыном Чашкиным».[171] Переменил имя в бегах кабальный холоп Артемий Леоньев.[172] Сбежавший в 1663 г. от помещика Мещерякова крестьянин Стенька Кирилов выдал себя за государева крестьянина Стеньку Васильева.[173]

Многие бежавшие крестьяне, стремясь как бы легализовать свое положение, подделывали отпускные грамоты. На это жаловался в своей челобитной стольник И. Б. Троекуров. «И иные беглые мои крестьяне крепостные,— писал он,— ... позделашным записям живут в бегах».[174]

---

164 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 141.
165 Т. И. Смирнова, ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 130.
166 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 140.
167 А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, стр. 108—109.
168 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 141.
169 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 689, лл. 82—84.
170 Там же, л. 33.
171 Там же, л. 262.
172 Там же, ф. Донские дела, 1672 г., № 5, л. 1.
173 А. Г. Маньков. Развитие крепостного права.., стр. 108.
174 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 689, л. 242.

Особую остроту принимали столкновения беглых крестьян и холопов с их владельцами при возвращении в поместья и вотчины для «подговора» к бегству своих родных и односельчан и в целях мести их бывшим владельцам. Характерно, что перед побегом крестьяне и холопы часто угрожали своим владельцам возвращением и полным разорением их имений, и во многих случаях они это выполняли. Помещик Белевского уезда Д. Дурново, жалуясь на своих беглых крестьян, писал, что они «подходят многажды в деревнишки... лошадей многих... крадут и крестьян и людей сводят и на меня... всяким худом и пожегом хвалятца».[175] Беглые крестьяне деревень Фроловой и Соболевой Рязанского уезда, принадлежавшие Б. К. Чевкину, как писал он, «с разбоем многажды прихаживали к домишку моему и впредь хвалятся на меня, холопа твоего, и на домишко мое разбоем и татьбою, и пожогою, и смертным убивством и всяким дурном».[176] Бежавшие в 1650 г. крестьяне села Красное Рязанского уезда Д. Кислеченок, А. Яковлев, Д. Прокофьев и другие вернулись через несколько лет, в 1654 г., в село, «завалили помещичий дом колодьем, забрали у помещика лошадей» и, взяв с собою «крестьянишек всех до одного человека», уехали и все это сделали белым днем.[177] Крестьяне и холопы, возвращаясь из бегов, не только подговаривали других своих собратьев к бегству, отчего бегство расширялось, охватывая все большее количество населения, не только разоряли барские усадьбы, но и уничтожали их. В 1654 г. крестьяне помещицы Т. Есиповой, вернувшись из бегов, уничтожили господское имущество, сожгли крестьянские дворы, а крестьян вывезли всех до единого, отчего поместье Красное превратилось в пустошь.[178] Беглые крестьяне деревни Попович Рязанского уезда при возвращении сожгли господский двор.[179] В 1659 г. вернувшиеся беглые крестьяне села Ижевского Рязанского уезда учинили погром деревни Которовых, принадлежавшей их помещику.[180] Возврат беглых крестьян и холопов был буквально бичом для помещиков и вотчинников, наводя на них страх и ужас.

Не менее острые столкновения происходили между крестьянами и помещиками на почве стремления последних вернуть бежавших от них крестьян и холопов. Беглые крестьяне активно сопротивлялись сыску и возврату их и пользовались в этом полной поддержкой населения тех сел и деревень, где они проживали после побега. В марте 1664 г. помещик Я. Писарев ездил в деревню Мордвиново Ряжского уезда за беглым своим крестья-

175 Там же, № 826, л. 301.

176 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 140.

177 Там же.

178 А. Г. Маньков. Развитие крепостного права.., стр. 109.

179 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 140, 141.

180 А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых... Труды Историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1926, стр. 131.

нином В. Лаврентьевым, но взять ему его не удалось. Приказчик Кирилл с людьми отбил у Писарева беглых, и он с трудом ушел от них. Сын В. Лаврентьева гонялся за ним с бердышом.[181] «Были избиты и вернулись ни с чем люди Рязанского помещика Ф. Т. Лодыженского, ездившие за беглыми в Добренский уезд».[182] Когда люди каширского помещика М. Губина в количестве 15 человек приехали за беглыми в село Вановье, то крестьяне указанного села ночью перевязали их, избили и бросили в подвал. При возвращении посланных Губиным людей беглые крестьяне встретили их в Липском лесу и стреляли по ним из луков.[183]

Характерно, что борьба беглых крестьян против своего владельца не прекращалась даже в случае, когда они были уже сысканы и внесены в отдаточные книги на предмет возвращения их прежним владельцам. Так, беглые крестьяне Артемий и Иван Пименовы с семьями, будучи написаны сыщиком А. Еропкиным в отдаточные книги, продолжали скрываться и мстить своему владельцу помещику С. Ф. Сукачеву. «И ныне... те мои крестьяне,— писал последний,— приходя из бегов меня холопа твоего разоряют и последних моих людишек подговаривают к себе и... умышляют всяким воровским умыслом».[184]

Погромы и разорения поместий и вотчин, совершаемые беглыми крестьянами и холопами, и другие их действия, направленные против своих владельцев, вызывали большую тревогу среди дворян и детей боярских, находящихся в действующей армии. Многие из них «по вестям», опасаясь за свои поместья и семьи, под предлогом пополнения «хлебных запасов» самовольно бежали из полков. Правительство вынуждено было принять против нарушителей строгие меры.[185]

Таким образом, бегство крестьян и холопов в 50—60-х годах XVII в. сопровождалось различными формами активной борьбы их против своих владельцев: сносом хозяйского имущества, угоном скота и коней, уничтожением крепостных документов, разорением и погромом господских поместий, поджогами их, избиением и убийством помещиков. Борьба эта продолжалась и после бегства, и во время сыска беглых, и даже после сыска. Возврат беглых крестьян и холопов и «подговоры» ими других крепостных людей способствовали быстрому расширению бегства и придавали развернувшейся борьбе особую остроту. Противодействие беглых крестьян и холопов сыску еще более усиливало эту остроту. Развернувшееся бегство крестьян и холопов приняло ха-

181 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 140.
182 Там же, стр. 139.
183 Там же.
184 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 689, л. 24.
185 ПСЗ, т. I, № 553. 5 октября 1659 г. было указано дворян и детей боярских, которые сбежали, «отнять у выборных выбор, а у дворовых дворовой» и уменьшить земельный оклад на 50 четей. Совсем неявившихся на службу — «бить кнутом на козле нещадно». — Там же, № 260.

рактер широкого антифеодального движения и вызывало большую тревогу среди феодалов.

В процессе побегов происходили конфликты и столкновения беглых людей не только с их владельцами — помещиками и вотчинниками, но и с царской администрацией. Это было естественно, так как последняя всегда стояла на страже интересов дворянства и дворянского государства. Сыск и возврат беглых людей с 1658 г. твердо вошли в сферу правительственной деятельности и проводились по всей стране с помощью специально созданной для этого администрации. Правительство проводило чрезвычайные мероприятия против бегства черносошных крестьян для удержания их на месте как тяглецов, так как от них зависело состояние государственной казны.

Жестокие меры наказания принимались правительством и против беглых служилых людей. Не желавший возвратиться обратно в барскую неволю крестьянин и холоп, уходивший от голода и неминуемой смерти на новые места черносошный крестьянин северных уездов, бежавший от крайнего произвола и жестокостей своих начальников мелкий «приборный» служилый человек неминуемо входили в конфликт с властями, подвергались преследованиям с их стороны и, вынужденные противодействовать им, оказывались на антиправительственных позициях.

Особенно острая и упорная борьба беглых людей — крестьян и холопов — проходила с царской администрацией, призванной обеспечить сыск и возврат их прежним владельцам. Для удовлетворения многочисленных челобитных с конца 50-х годов организуется повсеместный правительственный сыск беглых крестьян и холопов. Указ, положивший начало этому сыску, был издан в 1658 г. В нем говорилось: «указали, в Казань, и в Арзамас, и на Курмыш, и на Алатырь, и во все Понизовые города, и по черте и за черту, послать сыщиков, дворян добрых, а с ним для подлинного сыску и для отдачи указали послать с писцовых и с переписных книг списки за дьяческими руками, и велели тех беглецов сыскивать всякими обычаи».[186] В ближайшее за указом время специальные сыщики действовали в 96 городах. Сыск охватил обширные территории окраинных, главным образом южных и юго-восточных, уездов «и по своему размаху не имел равных ни до, ни после этого».[187] Для производства сыска на места были высланы специальные сыщики, наделенные чрезвычайными полномочиями, с необходимым штатом людей — «сыскные приказы». Они имели право производить обыски в любом поместье и вотчине, привлекать к ответственности их владельцев, принявших и скрывавших чужих крестьян и холопов и т. п. Местные воеводы обязаны были всемерно содействовать работе

---

[186] ПСЗ, т. I, № 220.

[187] И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 132. — В статье дается наиболее полное перечисление «сыскных приказов», действовавших в то время в различных уездах страны.

сыщиков — выделять в помощь необходимое количество подьячих, стрельцов, отставных дворян и т. п.[188]

О необычных масштабах сыска в какой-то мере свидетельствуют отрывочные и далеко не полные, но исключительно интересные данные о количестве найденных и возвращенных своим владельцам беглых людей отдельными сыщиками. За 1658 г. в Нижегородском уезде было сыскано 1532 человека,[189] а в Арзамасском за 4,5 месяца этого же года — более 1200.[190] В Арзамасском, Алаторском и Курмышском уездах только с января по июль 1662 г. было найдено 5326 человек,[191] за октябрь — ноябрь этого же года — 1049 в Верхнеломовском, Нижнеломовском, Керенском, Тамбовском и Козловском уездах.[192] С октября 1663 г. по декабрь 1667 г. в Рязанском уезде было поймано около 8000 беглецов,[193] в Ряжском же уезде в сентябре — ноябре 1664 г.— 1749.[194] В Тамбовском уезде с января 1664 по май 1665 г. сыщики разыскали 3284 человека,[195] а в Козловском уезде с начала 1664 по май 1665 г.— 1205.[196]

Эти данные говорят о том, что только в южных и юго-восточных уездах страны угрозе сыска и возврата в барскую неволю подверглись десятки тысяч крестьян и холопов. Правительственный сыск задевал судьбы слишком большого количества людей, чтобы пройти спокойно и не отразиться на положении в стране.

А. Новосельский утверждает, что «в своей деятельности сыщики наталкивались *прежде всего на враждебное отношение* (курсив наш. — *И. С.*) и на сопротивление местного землевладельческого общества, особенно крупно-владельческого»,[197] т. е. помещиков и вотчинников. Полагаю, что Новосельский преувеличивает сопротивление помещиков и вотчинников, державших беглых крестьян, правительственным сыщикам и придает чрезмерное значение этому сопротивлению, когда сосредоточивает внимание читателей своей статьи на ней, а не на борьбе против сыска беглых людей.[198] На правильных позициях в этом отно-

188 Т. И. Смирнова, ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 129; А. Г. Маньков. Развитие крепостного права.., стр. 82—90.

189 А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов... Труды Ин-та истории РАНИОН, вып. I. М., 1926, стр. 334.

190 Там же.

191 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 132.

192 Там же.

193 Там же.

194 А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых как источник... Труды Историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1946, стр. 142.

195 Там же, стр. 145.

196 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 132.

197 А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов... Труды Ин-та истории РАНИОН, вып. 1. М., 1926, стр. 347.

198 Впрочем, в статье есть противоречивые суждения. На стр. 346 автор заявляет: «Чрезвычайно редко держатели беглых оспаривали иски о возврате их, как бы влиятельны они ни были». Спрашивается: если это так, то о каком же сопротивлении с их стороны правительственным сыщикам может идти речь? — Там же, стр. 346.

шении стоит И. Булыгин, который на материале сысков по Рязанскому уезду пришел к выводу о том, «что не добровольные возвращения были характерны для всего хода сыска беглых, *а упорная борьба между сыщиком и беглыми*» [199] (курсив наш.— *И. С.*).

Большая часть беглых людей не желала возвращаться к старым владельцам — в господскую неволю, на старое положение,—опасалась преследований и жестоких наказаний за бегство и потому решительно противодействовала сыску. Больше того, борясь против сыска, беглые люди вынуждены были защищаться не только от правительственных сыщиков, но и от враждебных действий своих новых хозяев, так как помещики и вотчинники, укрыватели беглых крестьян и холопов, получая известие о сыске, иногда немедленно отказывались от них, заявляя, что им до тех беглых «дела нет», запрещали пахать предоставленную беглым крестьянам землю и велели своим приказчикам выбивать их вон из сел и деревень. Например, строитель Мамонтовой пустыни Тамбовского уезда в 1664 г., узнав о правительственном сыске беглых людей, запретил находящимся у него беглым крестьянам проживать в его владениях и отказал им в земле.[200]

Беглые люди уклонялись и скрывались от сыска. Отдельные беглецы на время сыска под разными благовидными предлогами покидали места, где производился сыск. Группы крестьянских беглых семей уходили в леса и жили там лесными станами. Такой стан, где проживало 17 семей беглых людей, был обнаружен летом 1664 г. сыщиком Е. П. Еропкиным в большом лесу за рекой Челновой. Взятые посланной туда военной командой оказались беглыми людьми, проживавшими в селе Ламки Козловского уезда. Большой стан, где скрывались беглые люди, летом же 1664 г. был обнаружен в Ценских лесах на реке Выше. Посланный туда отряд в 90 казаков, однако, не успел захватить их, но обнаружил в указанном месте «станы и шелаши». Скрывавшиеся там беглые люди успели разбежаться.[201]

Часто беглые люди активно сопротивлялись поимке, прогоняли и избивали посланных за ними рассыльных людей. В таких случаях нередко беглые люди действовали при полной поддержке со стороны местного населения. За крестьянами, бежавшими от П. М. Офросимова и жившими за В. Я. Коробьиным в селе Гольдине Рязанского уезда, пристав сыщика Заболоцкого приезжал несколько раз и каждый раз уезжал ни с чем, так как крестьяне заблаговременно разбегались. Наконец, приставу с большим трудом удалось захватить и увезти одного беглого крестьянина. Членов же его семьи — жену и сестру — крестьяне не выдали. Тогда сыщик Заболоцкий послал за ними команду в со-

199 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 139.
200 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Приказные дела, № 626, л. 201.
201 А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых... Труды Историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1946, стр. 143.

ставе пристава В. Брыкина и 10 стрельцов. Произошло столкновение команды с крестьянами, в ходе которого все посланные сыщиком люди были избиты и прогнаны. Брыкину пробили кистенем щеку, а стрельцу С. Иванову выбили глаз.[202] Так же поступили крестьяне села Маликово, принадлежавшего Г. А. Аничкову. Беглого крестьянина они не выдали, а стрельца избили.[203] Выступления местного крестьянского населения в защиту беглых людей примечательно не только проявлением солидарности, но и тем, что в борьбу, развернувшуюся в связи с правительственным сыском беглых людей, вовлекались оседлые слои крестьянского населения. Большое противодействие, вплоть до вооруженного сопротивления, оказывали крестьяне и при попытке взять из их среды «наддаточных» крестьян в наказание их владельца за прием беглых людей. В 1670 г. воронежский воевода Уваров направил стрельцов для взыскания «наддаточных» крестьян в поместье Ф. Рукина. Последние оказали этому решительное сопротивление — вышли против стрельцов с пищалями, рогатками и бердышами.[204]

В ряде случаев столкновения беглых людей и поддерживающего их местного населения с представителями сыскных приказов принимали форму открытой вооруженной борьбы. Так, например, крестьяне села Мармалеи Тетюшевской волости избили стрельцов, посланных сыщиком для захвата беглого крестьянина. Когда же представители сыскного приказа с целью захвата беглого вторично появились в селе, то крестьяне «скопились с дубьем и кольем и с топорами и с бердышами, пристава и понятых перебили» и за ними «гнались погоней до села Помры».[205]

Таким образом, массовый правительственный сыск беглых людей в южных и юго-восточных пограничных уездах встретил разнообразное и активное противодействие беглых крестьян: уклонение от явки к сыщику, укрытие от поисков в одиночку и группами, сопротивление посылаемым за ними должностным лицам и убийство их, открытое вооруженное сопротивление сыскным воинским командам. В борьбу против сыска нередко вступало и местное население. В ходе этой борьбы антиправительственные настроения в народе усиливались и расширялись.

В северных уездах развернулась борьба черносошного крестьянства против правительственных мероприятий, направленных на удержание их во что бы то ни стало, вопреки сложившимся условиям, на старых местах жительства в тягловом состоянии. Черносошные крестьяне северных уездов от непосильных казенных податей и ежегодных неурожаев нищали, голодали и умирали с голоду. Правительство не только не оказывало помощи им, но продолжало «выколачивать недоимки» и закры-

202 И. А. Булыгин, ук. ст. «Исторические записки», 1953, № 43, стр. 140.
203 Т. И. Смирнова, ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 130.
204 А. Г. Маньков. Развитие крепостного права.., стр. 108.
205 Т. И. Смирнова, ук. ст. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 130.

вало единственный путь спасения от голода — уход в Сибирь на новые места. По всем дорогам черносошного края были поставлены заставы, «что-б никто... крестьяне в Сибирские и в иные городы не бежали».[206] Крепкие заставы были установлены в Верхотурском уезде, «что б... беглых крестьян... не пропускать, что б от того в Поморских городах... *денежные и хлебные* и всякие подати не стали».[207] Чтобы миновать эти заставы, беглые крестьяне приезжали из Сибири за своими родными и односельчанами с проезжими грамотами, подписанными сибирскими воеводами, стрелецкими и казачьими головами «и по тем проезжим из Устюжского и Усольского уездов пахатные многие крестьяне, ...покиня свои деревенские жеребьи впусте, выехали сибирских городов в уезды».[208] В 1670 г. царским указом предписывалось высылать таких крестьян на их прежние места жительства «в тягло».

Сыски беглых людей в Нижнем Поволжье вызывали уход их в «воровские казаки». Среди воровских казаков, действовавших на Волге в 1659 и 1660 гг., было немало примкнувших к ним «гулящих людей» и «с насадов ярыжек», в составе которых беглые люди занимали значительное место.[209] Переход беглых людей с Волги в верховые донские городки, в голутвенные казаки, также был нередким явлением. Воровские казаки, занимаясь грабежами на Волге и часто оказывая вооруженное сопротивление высылаемым против них ратным людям, по существу стояли на антиправительственных позициях.

Бегство крестьян, холопов, людей из посадских и служилых низов от гнета помещиков и вотчинников, от тяжести государева тягла и службы, от произвола феодалов и царской администрации в 50—60-х годах XVII в., в связи с резким ухудшением их жизни — обнищанием и разорением, — становится массовым и является одним из наиболее характерных явлений в социальных отношениях в стране.

Основные направления массового бегства населения шли от центральных районов к южным и юго-восточным окраинам, в пограничные уезды, расположенные вдоль «черты», и за ее пределы — в Нижнее Поволжье и Область донского казачества. Оно сопровождалось активной борьбой крестьян и холопов против помещиков и вотчинников — сносом и уничтожением господского имущества и крепостных документов, погромами и поджогами дворянских усадеб, убийством помещиков, — приводившей к острым конфликтам и столкновениям между ними и носившей ярко выраженный антифеодальный характер.

В условиях начавшегося с конца 50-х годов XVII в. массового правительственного сыска и возврата беглых людей борьба

---

206 ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1670 г., № 190, л. 14.
207 ДАИ, т. VI, док. № 19.
208 Там же.
209 Донские дела, кн. 5. СПб., 1917, стр. 535, 542, 658, 659, 695.

эта еще более усилилась, расширилась и приняла антиправительственный характер, так как беглые люди, нередко с помощью местного населения, оказывали сыску и царской администрации решительное противодействие, принимавшее подчас форму вооруженного сопротивления сыскным командам.

Массовое бегство, охватившее социальные низы населения, и развернувшаяся борьба беглых людей против своих владельцев и правительственного сыска имели большие последствия. Они ускорили складывание необходимых предпосылок, которые непосредственно подвели широкие трудовые массы страны, прежде всего крепостное крестьянство, к открытому стихийному восстанию против феодально-крепостнического гнета.

На далеких окраинах — Нижнем Поволжье и Области донского казачества,— за пределами досягаемости царских властей, ускорился процесс накапливания наиболее подвижных, с сильными антикрепостническими и антиправительственными настроениями элементов российского общества, из которых позже сложилось повстанческое крестьянско-казацкое войско Степана Разина.

В южных и юго-восточных уездах, особенно расположенных по «черте», собиралось все больше людей с неустроенным бытом, полным лишений, вынужденных от угрозы сыска и в поисках источников существования вести бродячий образ жизни. Люди эти впоследствии массами шли в повстанческие отряды и приняли самое активное участие в крестьянской войне 1670—1671 гг. И не случайно эти районы сосредоточения беглых людей оказались охваченными крестьянской войной, а Верхоценская волость Тамбовского уезда и Закудемский стан Нижегородского уезда, как и другие места с большим количеством беглых, явились ее особенно активными очагами.

В ходе развернувшейся борьбы беглых людей росли и углублялись антикрепостнические и антиправительственные настроения в социальных низах народа, росло движение протеста против феодально-крепостнического гнета, что способствовало, при определенных условиях, возникновению открытого стихийного вооруженного восстания.

* *
*

Резкое народное недовольство проявилось летом 1666 г. в южных окраинных уездах в связи с самовольным походом донских казаков во главе с атаманом Василием Усом к Москве — «на государеву службу за государевым жалованьем». Исходным рубежом этого похода явились верхние казацкие городки, где скопившийся в большом количестве беглый люд, пополнивший ряды голутвенного казачества, терпел большую нужду и голод.[210] Желающих идти в поход собралось несколько сот человек. Во

[210] Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 8.

главе их встал атаман Василий Ус, впоследствии один из активных сподвижников Степана Разина.[211]

10 июня 1666 г. основная часть вышедших с Дона казаков — конный отряд в 500 человек — пришла в Воронеж. Вскоре к ней присоединилось еще 200 человек пеших, прибывших в Воронеж «в судах для государевы службы».[212] Атаман отряда В. Ус обратился с просьбой к воронежскому воеводе разрешить направить в Москву казачью станицу «бити челом... великому государю, где... быти им на... службе».[213] С разрешения воеводы такая станица в составе шести человек во главе с Е. Якимовым немедленно отправилась к Москве, где она 22 июня была заслушана и через четыре дня с честью отпущена обратно в Воронеж — по традиции всем казакам станицы дано было разовое денежное жалованье по рублю на человека и предоставлены ямские подводы. В службе казакам было отказано, так как «в полках... без нужды быть негде», а воронежскому воеводе было приказано отправить казаков немедленно на Дон.[214] Каких-либо репрессий и угроз по отношению к казакам правительство в то время не допустило: в Москве не придали особого значения походу отряда В. Уса. Отказ им в службе объяснялся тем, что в это время с Польшей начались уже дипломатические сношения о мирных переговорах, война шла к концу и царское правительство действительно не нуждалось в увеличении числа ратных людей. Как бы смягчая отказ в службе казакам, в царском указе обнадеживающе отмечалось: «А как им быть на его государеве службе, и о том ево... (указ) — прислан будет на Дон».[215]

Отряд В. Уса не дождался возвращения станицы Е. Якимова в Воронеж,[216] и не потому, что она задержалась в Москве и долго не возвращалась,[217] а потому, что казаки были уверены в получении государевой службы в действующей против Польши

211 Биография В. Уса до 1666 г. почти неизвестна. Приведенная Е. В. Чистяковой в статье «Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса» («Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 129) отписка рыльского воеводы от 26 января 1655 г. с упоминанием некоего В. Уса, судя по ее содержанию, не имеет никакого отношения к атаману В. Усу. Известен лишь один документ, дающий сведения о В. Усе до 1666 г. (Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 262). В 1657 г. атаман В. Ус с отрядом казаков был в действующей против шведов русской армии в районе Пскова. Документ свидетельствует, что В. Ус не являлся рядовым казаком и к 1666 г. прошел большой жизненный путь и имел даже серьезные столкновения с царской администрацией.

212 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 35, 38.

213 Там же, стр. 35.

214 Там же, стр. 41.

215 Там же, стр. 35.

216 Он ушел от Воронежа не 26 июня, как об этом пишет Е. В. Чистякова в статье «Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса 1666 г.» («Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 129), а раньше, не дождавшись возвращения станицы (Сб. док. АН СССР, т. I, док. 13).

217 В «наказной памяти», выданной Разрядным приказом воеводе Ю. Барятинскому, станице Е. Якимова ставится в упрек, что участники ее «своровали, с его государевою грамотою на Воронеж вскоре не поспешили». — Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 41.

армии и спешили быть ближе к цели. Через неделю после отправления из Воронежа станицы Е. Якимова отряд В. Уса быстро продвинулся от Воронежа к Туле и остановился лагерем на реке Упе — урочище Упской гати, в 8 верстах от города.[218] Туда и пришла с недобрыми для казаков вестями станица Е. Якимова. Произошел казацкий круг, который решил послать в Москву к царю новую станицу.[219] Новая станица, направленная в Москву, состояла из 13 человек во главе с самим атаманом В. Усом. Прибыв 9 июля в Москву, она вновь подала челобитную о назначении вышедших с Дона казаков на службу.[220] 14 июля в Разрядном приказе В. Ус был допрошен о целях прихода его отряда. К этому времени в правительственных кругах уже хорошо было известно не только о самовольном уходе отряда В. Уса от Воронежа и его продвижении в направлении к Москве, но и о присоединении к нему многих беглых крестьян, холопов и людей разных чинов.[221] Все это вызвало в правящих кругах большое беспокойство и привело к проведению ряда чрезвычайных правительственных мероприятий, направленных против отряда В. Уса и беглых людей.

Ряд обстоятельств, в условиях которых продвигался отряд В. Уса, придал его действиям особое социальное значение. Путь отряда проходил по южным пограничным уездам: Воронежскому, Лебедянскому, Скопинскому, Веневскому, Тульскому и другим, где было развито феодальное землевладение и в составе населения ряда уездов имелось значительное количество осевших на различном положении беглых людей — по местам, где отношения между крестьянами и помещиками были особенно напряженными. В составе отряда В. Уса было немало крестьян и холопов южных окраинных уездов, сравнительно недавно бежавших на Дон, но не порвавших полностью связей со старым местожительством,[222] которые своими действиями способствовали усилению борьбы крестьян против помещиков в районе движения отряда. Наконец, обстановка в стране, сложившаяся в 50—60-х годах XVII в., бедственное положение широких народных масс, сильные антикрепостнические и антиправительственные настроения среди народа — все это придавало походу отряда В. Уса большое социальное значение.

Движение отряда В. Уса с момента его появления «в черте» у Воронежа сопровождалось нарастающим бегством крестьян и холопов от своих владельцев и присоединением их к отряду, особенно в уездах, по которым проходил путь отряда. В Воронежском уезде к отряду «пристали» частновладельческие крестьяне

218 Там же, стр. 38, 39, 58.

219 Там же, стр. 38, 40.

220 Там же, стр. 37.

221 10 июля об этом пришло сообщение в Приказ тайных дел от скопинского воеводы. 13 июля была получена подробная отписка в Разрядном приказе от тульского воеводы. — Там же, док. № 9, 12.

222 Там же, стр. 35, 39, 40, 49.

села Губарева — Зиновий Павлов и Василий Потапов, села Терновова—Гаврила Верхогляд и др.[223] Проходя по Скопинскому уезду 3 июля, как сообщает в своей челобитной староста П. Синицын, казаки «подговорили» к бегству крестьян дворцового села Хворощева и деревни Горловой — Романа Пужая, Ивана Светикова, Кирилла Чалкина, Ивана Галшина, Лучку Спорыхина, Петра Недошивина и многих других. Все они, желая избавиться от тягостей «государевой десятинной пашни», присоединились к отряду. Староста, обеспокоенный массовым уходом крестьян в отряд, писал, «что десятинныя пашни ... пахать будет не в мочь».[224] Подговорили казаки отряда В. Уса к бегству и дворового человека Севастьяна Иванова из деревни Аслонова Тульского уезда, принадлежащего помещику Трунову. Такие действия казаков были обычны.[225] Тульские помещики в своей челобитной от 9 июля на имя царя сообщали, что казаки «прибрали на дороге к себе воров, людей наших и крестьян, которыя... от нас, холопей твоих, збежали».[226] Тульские, веневские, соловские и дедиловские помещики, после того как отряд В. Уса встал под Тулою на реке Упе, жаловались тульскому воеводе, что казаки «принимают к себе людей их и крестьян».[227] В поместьях и вотчинах князя И. Голицина в Дедиловском уезде, в селах Панино, Долгое, Барадино и других, казаки отряда В. Уса, выезжая из «казачьих таборов» под Тулой, подговорили к бегству в отряд крестьян Дмитрия Ермакова, Тита Фролова, Михаила Потапова, Степана Тарасова и Кузьму Жарикова.[228]

Границы района, охваченного бегством крестьян и холопов в отряд В. Уса, быстро расширялись, распространяясь на все более отдаленные от места нахождения отряда уезды. Слухи о местопребывании отряда под Тулой вызывали стремление у многих крепостных крестьян, холопов, дворовых людей отдаленных мест воспользоваться благоприятной обстановкой и бежать в отряд — в казаки. Это желание было естественно, так как к каждой казацкой станице, проходившей с Дона в Москву и обратно, постоянно присоединялись различные беглые люди и многим из них удавалось благополучно уйти на Дон. Это был один из наиболее удобных способов бегства на Дон. Отряд В. Уса действовал в местах, через которые шла одна из «столбовых» дорог движения беглых людей в южные пограничные уезды и на Дон. По-видимому, значительная часть людей, находившихся в это время в бегах и продвигавшихся на юг, оказалась в составе донских казаков отряда В. Уса, еще не достигнув самого Дона. Так пристал к отряду находившийся в бегах солдат Прокофий

223 Там же, стр. 17.
224 Там же, док. № 9.
225 Там же, стр. 47.
226 Там же, док. № 10.
227 Там же, док. № 23.
228 Там же, док. № 17.

Безлепкин.[229] Холоп Иван Пиминов из деревни Сумароково Алексинского уезда,[230] узнав, что отряд В. Уса находится поблизости, пристал к нему. Слухи о нахождении отряда под Тулой, достигнув Москвы, вызвали среди ее многочисленного холопского населения сильное стремление к бегству. В городе действовали «подговорщики». Некий донской казак, имя которого неизвестно, в самом центре Москвы, у Поместного приказа, подговаривал крепостных людей к бегству от своих владельцев.[231] В другом документе упоминается казак Григорий, проживавший на постоялом дворе «за Москвою рекою, за болотом у бань», который также занимался подговором людей к бегству.[232] Под влиянием этих «подговорщиков» 28 июля сбежал из Москвы дворовый человек Г. Мачехина Лаврентий Назаров.[233] 8 августа бежали от С. Жданова на хозяйских конях с большими «сносными животами» дворовые люди А. Иванов, П. Ефимов и Я. Ефимов.[234] Солдатами полка М. Кракова в августе месяце были задержаны бежавшие из Москвы дворовый человек И. Викторов и стрелец приказа П. Хомутова Сидор Родионов.[235]

Таким образом, движение отряда В. Уса к Туле и его пребывание там усилило бегство крестьян и холопов из поместий и вотчин уездов, расположенных по пути движения отряда. Границы района, охваченного бегством, быстро расширялись.

Бегство в отряд В. Уса охватило также солдат и драгун Белгородского полка, которые летом 1666 г. передвигались «от Воронежа и из иных городов» в Белгород. «И те драгуны и солдаты, — по свидетельству очевидцев, — многие от начальных людей отстали и пристали к тем же донским казакам».[236]

За счет «приставших», «подговоренных», «прибранных» и «принятых» беглых крестьян и холопов, а также примкнувших солдат и драгун Белгородского полка отряд В. Уса значительно увеличился. В конце июля он насчитывал, «по смете» побывавшего у казацкого табора солдата Д. Лукина, около 1500 человек.[237] Такая же численность казаков отряда В. Уса была указана 20 июля на допросе ротмистром П. Корсак.[238] Сами казаки говорили, «что их тысячи с три».[239]

---

229 Там же, стр. 57, 58.
230 Там же, док. № 34.
231 Там же, стр. 60.
232 Там же, стр. 64.
233 Там же, стр. 60.
234 Там же, стр. 64.
235 Там же, стр. 68.
236 Там же, стр. 49, 61; ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 153, лл. 109—110.
237 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 56.
238 Там же, стр. 49.
239 Казаки сознательно преувеличивали численность своего отряда для большего впечатления и страха. Впрочем, об этом сообщает тот же ротмистр П. Корсак, сам бывший у казацкого лагеря и определивший их численность

Бегство крестьян и холопов в отряд В. Уса происходило в условиях острых конфликтов и столкновений между бежавшими и их владельцами.

Покидавшие своих владельцев крестьяне и холопы наносили им большой материальный ущерб, насильно забирая с собою все необходимое для них хозяйское имущество, скот и коней. Бежавшие из дедиловской вотчины князя И. Голицина крестьяне (пять человек) взяли с собой хозяйских «10 лошадей, коней и меринов... платья и холстов и всякой рухляди... да побили... скотины, 10 свиней, 20 баранов».[240] Бежавший от тульского помещика Е. Трунова дворовый человек С. Иванов взял с собою хозяйские «кобылу серу, да два кафтана и всякой рухляди на 20 рублей».[241] На такие действия беглецов жалуются в своих челобитных помещики и вотчинники Тульского, Веневского, Соловского и Дедиловского уездов.[242]

Уход беглых крестьян и холопов сопровождался нередко «разорением» поместий и вотчин, насильственными действиями над их владельцами[243] и, как правило, угрозами в их адрес о последующем возвращении и жестокой расправе. Бежавший от помещика Трунова из деревни Асланово Тульского уезда дворовый человек С. Иванов не раз возвращался в родную деревню, и не один, а с донскими казаками из отряда В. Уса, подговаривая к бегству других крестьян и угрожая Трунову разорением его дома и убийством.[244]

Присоединение беглых крестьян и холопов к отряду В. Уса часто имело своим следствием возвращение их в вотчины и поместья, откуда они бежали, с «подмогой» из казаков отряда и новым разорением их владельцев. Многие помещики Тульского и примыкающих к нему уездов в своих челобитных отмечали приход в их вотчины и поместья «людей их и крестьян, которые от них збежали». Эти люди, пишут они, «села и деревни их разоряют... и похваляютца на них всяким дурном и над домами их разорением».[245]

Под влиянием охарактеризованной уже обстановки, в условиях которой проходило продвижение отряда В. Уса, под непосредственным воздействием присоединившихся к отряду беглых людей — «новопристалых казаков» — настроение вышедших с Дона на государеву службу казаков менялось. Поход отряда «за госу-

в 1500 человек. Е. Чистякова на основании лишь этого единичного упоминания о трехтысячном составе отряда утверждает, что к концу июля в отряде было «уже больше 3 тысяч человек». — Е. В. Чистякова, ук. ст. «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 130.

240 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 46.

241 Там же, стр. 47.

242 Там же, док. № 10, 23: «...и лошадей и всякого животину отнимают, и всякое разорение им чинят».

243 «И деревни их разоряют всяким разореньем... и насильство всякое чинят», — жаловались тульские помещики. — Там же, стр. 39.

244 Там же, док. № 19.

245 Там же, стр. 39.

даревым жалованьем» все более становился антиправительственным и постепенно перерастал в открытое антифеодальное движение. Отряд В. Уса с момента его появления под Воронежем совершил ряд антиправительственных действий. Он самовольно ушел от Воронежа к Туле,[246] не выслал своих представителей в Тулу по требованию тульского воеводы в связи с жалобами на казаков со стороны помещиков и вотчинников,[247] стал принимать в свои ряды многих беглых крестьян, холопов и «всяких чинов людей». Это антиправительственное поведение отряда было характерным для всего времени его пребывания в пределах «черты страны». Казаки отряда, выходцы из социальных низов, имея в своем составе немало недавно бежавших на Дон крестьян и холопов, не могли удержаться на позициях невмешательства в усилившуюся в связи с появлением отряда борьбу между крестьянами и их владельцами — вотчинниками и помещиками. Документы свидетельствуют о полной поддержке казаками беглых крестьян и холопов и отмечают их активное участие в развернувшейся борьбе. «Пришли с Дону... казаки... и стоят за Упою рекою... и принимают к себе людей их и крестьян. И с теми де, государь, людьми и со крестьяны приезжают в поместье их и в вотчины, и те де их поместья разоряют, людей их и крестьян подговаривают... и лошадей и всякою животину отнимают, и всякое разоренье им чинят, и впредь... похваляютца на них, дворян, всяким дурном и на деревни их разореньем», — читаем в одной из дворянских челобитных.[248]

Роль казаков в развернувшейся борьбе в этот период показана весьма ярко. Особенно большую активность проявляли казаки, которые сравнительно недавно бежали на Дон и еще не порвали полностью своих связей со старыми местами жительства. Пользуясь благоприятной обстановкой, они стремились выручить из-под власти помещиков близких им людей — родных и земляков, подговорить их к бегству и отомстить своим владельцам за прежние обиды. Весьма характерными в этом отношении являются действия беглого крестьянина князя И. Голицина И. Жарикова, по прозвищу Заворуй. Под его предводительством отряд казаков совершил поход в Дедиловский уезд, в места, хорошо известные Жарикову. Отряд совершил смелый налет на села Панино, Долгое, Барадино и деревню Болотную, принадлежавшие князю И. Голицыну. По призыву Жарикова много крестьян указанных селений присоединилось к отряду, захватив коней, скот и много другого необходимого имущества. Позже казаки не раз наезжали в вотчину И. Голицина для получения необходимого продовольствия, угрожая «ночным приездом... вотчину разорить без остатку».[249]

[246] ЦГАДА, ф. Донские дела, 1666 г., № 2, л. 2.
[247] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 37.
[248] Там же, док. № 23.
[249] Там же, док. № 17.

Массовое бегство крестьян и холопов, их совместные с казаками действия против помещиков и вотчинников, «разорение» владений последних вызвали переполох среди служилых людей, дворян и детей боярских. Многие дворяне и их семьи бежали «от страху и разоренья» в Тулу под прикрытие его каменной крепости.[250] Тульскому воеводе на имя царя начиная с 9 июля 1666 г. было подано множество челобитных от помещиков Тульского, Соловского, Дедиловского, Веневского и других уездов с жалобой на «разоренье от воров» (казаков, беглых крестьян и холопов. — *И. С.*) и с просьбой принять срочные меры к их защите.[251]

Получение отписки тульского воеводы с дворянскими челобитными 13 июля 1666 г. в Москве вызвало в правительственных кругах большое беспокойство. Они подтвердили полученные Приказом тайных дел 10 июля 1666 г. сведения от скопинского воеводы. Было несомненно, что в южных пограничных уездах происходит необычное движение среди крестьянства и что пребывание там отряда В. Уса чревато большими последствиями для дворянского государства. Внутриполитическая обстановка в стране была напряженной, особенно на юге. Очень неспокойно было на Украине, где проявлялось резкое недовольство крестьянства, городской бедноты и рядового казачества крепостнической политикой Брюховецкого и русского царизма,[252] что привело в июле 1666 г. к Переяславльскому восстанию. Одновременно с отписками скопинского и тульского воевод в Москве было получено сообщение от белгородского воеводы Б. Репнина о том, что на Украине объявились два отряда донских казаков во главе с атаманами И. Аверкиевым и Ф. Горлушковым, которые, подобно отряду В. Уса, шли к гетману Брюховецкому с просьбой о службе. Последний писал к Б. Репнину, что «идет... де их казаков... всех пятьсот человек».[253] Все это определило действия правительства. 14 июля 1666 г. состоялось заседание Боярской думы, где выработан был подробный план действий для предотвращения дальнейших неблагоприятных последствий похода В. Уса. План был рассчитан на мирное удаление отряда В. Уса за пределы «черты» — на Дон. Решено было удовлетворить просьбу казаков о разовом жалованьи и выдать в дорогу «на корм денег по полтине человеку, да на Воронеже суды, в чом... ехать на Дон, да хлебных запасов, муки ржаные и сухарей, по полу осьмине человеку»[254] при условии, если отряд выдаст всех беглых

---

250 «А дворяне де и дети боярские Туленя и иных городов, которые к Туле блиски, едут на Тулу з женами и з детьми, опасаючись от казаков всякова дурна и грабежу». Там же, стр. 49, 37, 52.

251 Там же, стр. 36, 37, 52.

252 М. І. Марченко. Повстання в Переяславльскому полку 1666 року. Вісник Київського університету, 1959, № 2, стр. 99—100.

253 ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 579, лл. 88—92.

254 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 41.

крестьян, холопов и служилых людей, приставших к нему, а также все «сносное» ими имущество и немедленно уйдет через Воронеж обратно на Дон, не допуская дорогою какого-либо своеволия. Кроме того, было решено потребовать выдачи отрядом всех беглых людей, прибывших на Дон с 1661 г., т. е. за шесть истекших лет. Неясно, почему именно 1661 год был избран правительством, но необычность этого требования очевидна. Правительство прямо посягало на традицию: «с Дона беглым выдачи нет», — посягало упорно и настойчиво. «А буде за столько лет отдавать не учнут, иных бы отдали за 5 лет или за 4, или за 3, а по самой последней мере за 2 года», — говорится в решении Боярской думы.[255] Необходимость такой крайней меры мотивировалась виною беглых: «з Дону пошли самовольством и подговаривали служилых людей и холопов и крестьян и чинили в уездах разоренье и грабеж и насильство многое».[256] Таким образом, царское правительство хотело *использовать виновность казаков как прецедент для нарушения права невыдачи с Дону беглых людей. Это соответствовало проводимой правительством в отношении Дона политике всемерного ограничения притока туда беглых людей.*

В случае согласия казаков с условиями, выработанными Боярской думой, и выдачи ими беглых людей над последними предполагалась самая жестокая расправа.[257] Казаки же для получения жалованья должны быть переписаны «с отцы и прозвищи», сопровождены царскими ратными людьми до Воронежа и согласно списку отправлены на Дон. В случае несогласия казаков с правительственным требованием и отказом выдать беглых людей решено было направить против отряда В. Уса карательные войска и «велеть у казаков наперед отогнать стада конские, а после того... промышлять, чтоб их переимать всех... и пущих заводчиков... казнить смертью трех человек, а достальным — бить кнутом нещадно, и разослать... в прежние службы и в тягло, а боярских холопей и крестьян отдать помещиком их и вотчинником».[258]

Проведение в жизнь намеченных мероприятий царским указом от 14 июля было поручено князю Ю. Барятинскому. В его распоряжение был дан карательный отряд в 1000 солдат выборного полка М. Кравкова. С ним, для установления лучшего и

---

255 Там же, стр. 41. — Е. Чистякова исказила смысл этого правительственного требования, отнеся его без всякого основания к более позднему времени, когда отряд В. Уса уже ушел обратно на Дон. — Е. В. Чистякова, ук. ст. «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 133.

256 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 42.

257 «...А которые беглецы, боярские и холопы и крестьяня, учинили бояром своим какое бесчестие или насильство или убивство, и тех всех казнить смертью... А достальных таких беглецов бити кнутом на козле и в проводку...» — Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 42.

258 Там же, стр. 44.

скорого контакта с казацким отрядом, а также, по-видимому, в целях давления на него, было приказано из состава находившейся в Москве казацкой станицы послать атамана В. Уса и двух рядовых казаков.[259] Была объявлена мобилизация дворян и детей боярских Тульского, Каширского, Дедиловского и других близлежащих уездов. Все они должны были немедленно явиться в Тулу в распоряжение князя Ю. Барятинского.[260] С отправкой карательного отряда к месту назначения в Тулу было проявлено большое «поспешение». Уже 14 июля, в день царского указа о посылке карательного отряда, часть его в составе 206 солдат, урядников и начальных людей, во главе с полковником М. Кравковым, вышла из Москвы.[261] Вскоре вышла из Москвы и другая часть карателей в составе 738 человек, под командованием подполковника И. Жданова.[262] К этому времени в Тулу стали прибывать и мобилизованные дворяне, и дети боярские Тульского и примыкающих к нему уездов.[263] Таким образом, в Туле постепенно сосредоточивались значительные карательные силы, готовые немедленно обрушиться на казаков в случае их отказа от выполнения правительственного требования.

О выходе из Москвы карательных войск стало известно в казацком лагере на реке Упе за несколько дней до их прихода в Тулу, и это определило дальнейшее развитие событий по непредусмотренному в Москве плану. Инициатива действий оказалась в руках казаков. Весть, принесенная в казацкий лагерь на реке Упе 24 июля бежавшими из Москвы казаками станицы В. Уса, о продвижении к Туле карательных войск вызвала среди казаков настороженность.[264] Собрался круг. Казаки понимали антиправительственный характер совершенных ими действий, сознавали опасность, грозившую им, и невозможность противостоять вы-

[259] Остальные 10 казаков станицы во главе с есаулом П. Семеновым были оставлены в Москве в качестве заложников, до времени пока казаки примут условия и придут в Воронеж. — Там же, стр. 40.

[260] Указы об этом местным воеводам были посланы 14 июля. ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 579, лл. 64—65, 117—121.

[261] Солдаты полка Кравкова были подготовлены к походу еще до принятия решения о посылке их в Тулу. Сохранилось частное письмо ловчего А. Ф. Матюшкина полковнику М. Кравкову, где он просит подготовить к срочной посылке 200 человек «добрых» солдат и ждать указ, «где... с солдаты быть в посылке» (ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 579, л. 9). Письмо лишний раз свидетельствует о большой тревоге в среде господствующего класса феодалов и правящих верхов, вызванной действиями отряда В. Уса.

[262] Е. Чистякова вдвое преувеличивает численность карательного отряда. Несмотря на совершенно точные данные, приведенные выше, она обращается к каким-то другим, не делая ссылки на источник, и утверждает, что полковник Кравков вышел не с 200 солдат, а с 1200. — Е. В. Чистякова, ук. ст. «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 131.

[263] К моменту прибытия Ю. Барятинского в Тулу там было около 60 конных дворян. Это было для карательных действий очень важно, так как других конных ратных людей в карательном отряде не было. — Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 55.

[264] Там же, стр. 54—58.

сланным против них карательным войскам. Желая оградить себя от возможных неожиданностей, казаки решили отойти от Тулы в более безопасные места.[265] В тот же день отряд В. Уса покинул свой табор на реке Упе и перешел на речку Уперту, верст 20 за Дедилов, где и укрепился.[266]

Планы царского правительства, рассчитанные на жестокую расправу с участниками казацко-крестьянского движения в Тульском районе, потерпели полную неудачу. Воеводе Ю. Барятинскому не удалось заставить казаков выдать царским властям не только участников похода — казаков, бежавших на Дон после 1661 г., но и беглых крестьян, холопов и «всяких чинов людей», приставших к отряду в период его нахождения под Тулой. Не смог он организовать и предусмотренной наказом операции по окружению и полной ликвидации отряда В. Уса, с последующим жестоким наказанием и рассылкой по старым местам жительства всего его состава. Казаки упредили действия карательных войск и уклонились от выполнения правительственных требований быстрым отходом из района, охваченного движением, обратно на Дон. Решение об этом было принято на казацком круге. Там же было определено направление движения отряда к Дону через города Ефремов, Елец, Острогожск (Рыбное), минуя Воронеж, с тем чтобы лучше уйти от возможного преследования карательных войск. 26 июля отряд В. Уса покинул свой лагерь на реке Уперте и стал быстро продвигаться в указанном направлении. Шли «спешно и бережно», делая верст по 50 в день, «а где... лучитца или на станах стать, и оне лошади кормят в руках, а большая... половина сидят на конях, опасны за собою твоих, великого государя, ратных людей», — сообщал в своей отписке в Москву полковник М. Кравков.[267]

Узнав, что отряд В. Уса с «большим поспешением» и осторожностью отходит в направлении к Дону, не желая вступать ни в какие переговоры с его посланцами, Ю. Барятинский, не располагая конницей для преследования казаков, чтобы заставить их выполнить правительственное требование, вынужден был послать вслед за В. Усом «в подъезд» небольшой конный отряд помещиков сотенной службы Я. Николаева для наблюдения за казаками. Воеводы южных пограничных городов были предупреждены, чтобы в случае необходимости оказать этому отряду помощь. Отряд Я. Николаева не смог догнать казаков, хотя следовал по их следам до Ельца и реки Ворона.[268] Пройдя город Ефремов, отряд В. Уса для безопасности дальнейшего движения

---

[265] Там же, стр. 58.

[266] «А стоят, государь, они на реке на Уперте обозом, и обоз, государь, у них стоит в крепком месте, за Дедиловым в 20-ти верстах. А лошади у них ходят блиска обозу, и сторожи де у них конные и розъезды от обоза есть».— Там же, стр. 55.

[267] Там же, док. № 31.

[268] Там же, стр. 63.

расчленился, часть его ушла на Дон лебедянской дорогой, часть — воронежской, а часть — через Белгород «степью прямо, не дорогою».[269] Возвращение участников похода В. Уса обратно на Дон по частям также имело значение. Оно затрудняло действия войсковой старшины в персональном выявлении участников похода и оградило многих казаков от расправы.

Уходя на Дон, отряд В. Уса увлек за собой и часть приставших к нему беглых крестьян, холопов и служилых людей. Количество ушедших на Дон беглых людей Е. В. Чистякова определяет не одной тысячей.[270] С этим нельзя согласиться. Такого количества приставших беглых людей к отряду вообще не было. Казаки, в силу сложившихся обстоятельств, вынуждены были «отсылать» и «отбивать» от себя многих беглых людей, особенно безоружных. Значительное количество приставших к отряду беглых людей по разным причинам не пошло с отрядом на Дон и даже разошлось по своим домам. «А иные де, государь, которые к ним приходили, многие от них ворочаютца по домам, потому что у них голодна»,[271] — свидетельствует побывавший в отряде казаков приказчик помещика Извольского. Случай с человеком помещика И. Сухотина, который заявил, что отстал «от казаков для хлеба»,[272] использованный Е. В. Чистяковой для доказательства, «что крестьяне и холопы, примкнувшие к казакам, в большинстве своем последовали за ними на Дон»,[273] лишний раз говорит о том, что беглых людей, ушедших с казаками на Дон, было сравнительно немного. Отряд непрерывно их терял. Это подтверждается и свидетельством отставшего от отряда В. Уса служилого человека И. Безлепкина, заявившего на допросе, что «приставалых людей у них (уходящих на Дон казаков. — *И. С.*) немного».[274] Причинами, определившими такое положение, были голод на Дону и невозможность следовать пешком за быстро уходящими на конях казаками. Вся совокупность приведенных данных говорит за то, что количество ушедших на Дон с казаками приставших к ним беглых людей исчислялось не тысячами, а сотнями и, конечно, не было бóльшим численности отряда самих казаков. Тем не менее приход этих людей на Дон (даже нескольких сот человек) имел определенное значение для еще большего возбуждения антикрепостнических и антиправительственных настроений среди населения верховых городков.

Значение похода отряда В. Уса и связанного с ним крестьянского движения в Тульско-Воронежском районе в предыстории крестьянской войны 1670—1671 гг. очевидно. С. М. Соловьев и

---

269 Там же.

270 В. Ус увел за собой «не одну тысячу» новоприбывших казаков. — Е. В. Чистякова, ук. ст. «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 133.

271 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 57, 65.

272 Там же, стр. 63.

273 Е. В. Чистякова, ук. ст. «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 133.

274 Там же, стр. 58.

Н. И. Костомаров[275] рассматривали его как движение разбойное, подобное козакованиям воровских казаков на Волгу. Это были, по мнению Соловьева, «искатели зипунов», которые «затеяли дело поопаснее волжских разбоев». Для Н. И. Костомарова отряд В. Уса был шайкой беглых крестьян, занимавшихся разбоями. Каких-либо социальных мотивов этого движения оба автора не усмотрели и не отметили.

С иных позиций подошел к походу отряда В. Уса С. И. Тхоржевский.[276] Он подчеркнул непосредственую связь похода отряда В. Уса с крестьянской войной 1670—1671 гг., отметив, что «в 1666 г. донские казаки произвели как бы „репетицию" разиновщины в малом масштабе и убедились в своей силе, вернее, в слабости Москвы». Обратил внимание Тхоржевский и на связь похода отряда В. Уса с крестьянским движением, охватившим уезды, расположенные на его пути. Однако дать конкретную картину развернувшейся борьбы крестьянства Тульско-Воронежского района с помещиками и вотчинниками он не смог — не позволила источниковедческая база. Дело № 579 Белгородского стола Разрядного приказа ЦГАДА, где в компактном виде находятся все основные документы о походе отряда В. Уса, Тхоржевскому не было известно. Использованные им документы № 2 и 6 за 1666 г. фонда Донские дела содержат весьма ограниченные данные. Говоря о значении похода отряда В. Уса, С. И. Тхоржевский правильно отмечает, что он способствовал *усилению бегства крестьян из окраинных уездов на Дон и дальнейшему росту там антиправительственных настроений.*

С. Г. Томсинский, игнорируя стихиный характер крестьянской войны 1670—1671 гг., считает, что она развертывалась по заранее намеченному и разработанному плану. В этом свете поход отряда атамана В. Уса рисуется им «второй серьезной разведкой разинцев»,[277] организованной «инициативной группой повстанцев»[278] с целью определить направление удара, в частности «поднять рабочих Тульской крепостной мануфактуры для удара на Москву».[279] По мнению автора, поход закончился неудачей в результате того, что «рабочие Тульских и Каширских железоделательных заводов не поддержали Уса».[280] Антинаучность приведенной концепции С. Г. Томсинского очевидна. Нельзя выда-

---

275 С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III. СПб., изд. «Общественная польза», 1861, стр. 293; Н. И. Костомаров. Бунт Степана Разина. Исторические монографии и исследования. СПб., 1863, стр. 285.

276 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. Пг., 1923, стр. 38—40; Его же. Народные волнения при первых Романовых. Изд. «Сеятель», 1924, стр. 171—173.

277 С. Г. Томсинский. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М.—Л., 1932, стр. 76.

278 Там же.

279 Там же.

280 Там же.

вать стихийное крестьянское движение, связанное с походом В. Уса, за революцию, так же как нельзя игнорировать его социальное содержание.

Е. В. Чистякова в сообщении «Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса»[281] продолжила то, что в свое время начал, но не смог сделать С. И. Тхоржевский. Документы дела № 579 Белгородского стола Разрядного приказа дали автору возможность конкретно и полно охарактеризовать движение, охватившее Тульско-Воронежский район страны в связи с продвижением отряда В. Уса. Сообщению Е. В. Чистяковой, однако, свойственны некоторые недостатки, связанные с использованием источников. Существо их указано в предшествующем изложении и в примечаниях. Источником указанных недостатков является тенденция преувеличить значение изложенных ею событий. Все данные, характеризующие количественный рост отряда В. Уса, количественный состав карательного отряда Ю. Барятинского, количество ушедших с отрядом В. Уса на Дон беглых людей необоснованно преувеличены. Не оправданным является и название статьи «Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса», так как эпицентр движения находился между Тулой и Воронежем, в уездах, которые нельзя отнести к Подмосковью. Здесь проявилась опять-таки тенденция преувеличения значения рассматриваемого движения, стремление показать его в центре страны.

Крестьянское движение в Тульско-Воронежском районе, вызванное выходом казацкого отряда атамана В. Уса к Туле, было, безусловно, знаменательным событием в подготовке крестьянской войны 1670—1671 гг. Оно характеризует остроту классовых противоречий в стране. В ходе его проявился непосредственный контакт стихийно поднимавшегося на борьбу против феодального гнета крестьянства на основной территории государства, с его представительством за «чертой государства» — донским казачеством, сыгравшим в ходе крестьянской войны 1670—1671 гг. выдающуюся роль.

Многое из того, что произошло во время похода повстанческого крестьянско-казацкого войска С. Разина к Симбирску, было уже в малом масштабе во время похода казацко-крестьянского отряда В. Уса к Туле. Появление последнего в районах развитого вотчинного и поместного землевладения вызвало со стороны крепостного крестьянства самое горячее сочувствие и, в свою очередь, определило поддержку его со стороны казачества, что привело к установлению отмеченного уже контакта между ними. То же самое, но в неизмеримо бо́льшем масштабе, произошло и при выходе повстанческого крестьянско-казацкого войска С. Разина на подступы к Симбирску, в районы вотчинного и поместного землевладения. Примечательно, что на арене событий 1666 г.

---

281 Е. В. Чистякова, ук. ст. «Вопросы истории», 1953, № 8.

на переднем ее плане действуют люди, которые сыграют немаловажную роль и во время событий крестьянской войны 1670—1671 гг., — Василий Ус как представитель казацко-крестьянских масс, князь Ю. Барятинский как представитель карательных сил правительства и другие. Атаман Василий Ус стал популярным среди массы казачества и беглых людей на Дону и позже, в ходе крестьянской войны 1670—1671 гг., стал одним из выдающихся соратников Степана Разина.

Меры царского правительства, применявшиеся для подавления движения и наказания его участников, способствовали еще большему усилению антиправительственных настроений на юге страны, особенно на Дону.

Резкое обострение классовых противоречий в тех или иных формах проявлялось не только на основной территории русского государства, но и на Украине, находившейся в то время в составе русского государства на особом автономном положении. Широкие трудящиеся массы Украины, прежде всего крестьянство, определив своим волеизъявлением на Переяславской Раде судьбы страны — воссоединение с Россией, вели, как и русские крестьяне, активную борьбу против феодального гнета.

После освободительной войны 1648—1654 гг. на Украине происходил быстрый рост феодального землевладения. Казацкая старшина, украинская шляхта и верхи православного духовенства, непрерывно увеличивая свои земельные владения, жестоко эксплуатировали крестьян, рядовое казачество и городскую бедноту. Гетманское управление, при полной поддержке русского царизма, делало все возможное для укрепления на Украине господства феодалов. На содержание органов гетманского управления, казацкого украинского войска и суда на Украине, как и в России, собирались с трудового населения многочисленные налоги и сборы, особенно возросшие в связи с русско-польской войной и переписью населения, произведенной в 1666 г. Народные массы Украины терпели жестокий гнет и произвол не только от собственных феодалов и гетманского управления, но и от царских воевод, которые со значительными стрелецкими гарнизонами были рассеяны по всем крупным украинским городам и вмешивались в управление страной.

Все это вызывало резкое недовольство в широких слоях украинского народа, вело к обострению классовых противоречий и определило быстрое нарастание борьбы украинских крестьян, рядовых казаков и городской бедноты против гнета местных украинских феодалов, власти казацкой старшины и царских воевод. Борьба эта развивалась в исключительно сложной обстановке — она осложнялась предательской политикой украинских верхов, делавших неоднократные попытки, исходя из узкоклассовых интересов и вопреки воле украинских народных масс, передать Украину вновь под власть панской Польши и султанской Турции. Борьба украинского крестьянства, рядового казачества

и городских низов против феодального гнета своеобразно переплеталась с борьбой против предательства национальных интересов украинского народа его феодальными верхами и против наступления на Украину русского царизма, стремившегося к ее порабощению путем органического слияния ее территорий с основными территориями русского государства. Особенно обострилась эта борьба после подписания в 1665 г. гетманом Брюховецким так называемых «Московских статей», результатом которых явилось дальнейшее усиление гнета со стороны казацкой старшины и царизма. Много обездоленных и разоренных украинцев бежали в Запорожье и на Дон, пополняя ряды запорожского и донского казачества. Летом 1666 г. на Левобережной Украине — на Переяславщине — вспыхнуло открытое народное восстание. Начало ему положили казаки переяславского полка. Действия казаков нашли глубокое сочувствие и широкую поддержку со стороны населения многих местечек и поселений. Восстание быстро разрасталось. Испуганный гетман бросил на его подавление несколько полков казацкого войска. Царское правительство в свою очередь направило двухтысячный отряд конницы и пехоты под командованием князя К. Щербатова. Совместными усилиями гетманских и царских войск восстание было жестоко подавлено. Борьба народных низов Украины против гнета казацкой старшины и царизма смыкалась с нараставшей борьбой русских крестьян и холопов и низов города.[282]

Стихийный протест угнетенных масс русского народа и других народов России с неудержимой силой нарастал из года в год и вскоре вылился в мощную крестьянскую войну, которую возглавил Степан Разин.

---

[282] М. І. Марченко. Повстання в Переяславському полку 1666 року. Вісник Київського університету, 1959, № 2; К. Стецюк. Народни рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50—70-х роках XVII в. Київ, 1960, стор. 266—291.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА ДОНУ В 50—60-х ГОДАХ XVII ВЕКА

Область реки Дона в XVII в. находилась в составе русского государства на особом, как бы автономном, положении. Она была расположена за пределами официальной государственной границы — «за чертой», и на нее не распространялось как обычное административное управление страной, так и царское законодательство. Однако экономическая и политическая зависимость области Дона от Русского государства и состав ее населения, в большинстве русского, определяли принадлежность ее к России. Область состояла из территории, узкой полосой расположенной по обеим сторонам Дона и его притоков: Хопра, Северного Донца, Медведицы. В степях Придонья и Поволжья в то время селились калмыки и различные татарские кочевые орды, которые то признавали власть русского царя (шертовали), то переходили в подданство крымского хана, создавая крайнюю неустойчивость положения на юге страны.[1] По берегам Дона и его притоков располагались многочисленные поселения — укрепленные городки. Во второй половине XVII в. на Дону было 52 городка, из которых самым верхним являлся Мигулинский, находившийся в нескольких днях пути от города Коротояка; самым же нижним — Черкасский, расположенный на большом острове Дона, всего в 30 верстах от устья. Сколько было казачьих городков по притокам Дона — Хопру, Медведице, Северному Донцу, — неизвестно.[2]

Городки состояли из деревянных построек — куреней, или изб, были огорожены деревянным тыном, а чаще плетнем, обложенным землей, и такими же плетеными (с засыпкой землей) башнями. Черкасск — центр войска Донского — был окружен деревянной рубленой стеной с башнями, а остров, на котором он

[1] А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948.

[2] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, стр. 5, 225—228.

стоял, был связан с берегом Дона мостом «на бударах» (плашкоутным). Во многих городах были часовни, а в Черкасске — большой собор в честь воскресения Христова.[3]

Коренным населением области Дона являлось казачество, сложившееся здесь в XVI—XVII вв. из различных переселенцев из России, бежавших от крепостного гнета и произвола.[4] Впрочем, население Дона по национальному составу было весьма пестрым. Здесь на казацком положении можно было встретить представителей любого народа, входившего в состав русского государства, а иногда и представителей других народов.[5] Особенно много было украинцев. Количественный состав населения не был устойчивым. Он постоянно изменялся в зависимости от притока на Дон беглых людей и обратного их ухода, вызываемых как внутриполитическим положением русского государства, так и положением на Дону. Голытьба, бежавшая на Дон, конечно не от хорошей жизни, особенно при различных стихийных бедствиях, увеличивала население области Дона. В годы же неблагополучия на Дону, обострения опасности от набегов азовских и крымских татар и особенно в годы недостаточного подвоза продуктов и наступавшего голода население быстро уменьшалось. Г. Котошихин исчисляет количество донских казаков в 20 тысяч человек, сами же казаки — в 10 тысяч человек, а иногда и более. В годы особенно сильного притока на Дон беглых людей население его, по-видимому, было значительно большим в сравнении с данными, приводимыми Г. Котошихиным.[6]

Основными занятиями казачества являлись скотоводство и промысловая деятельность. Казаки держали большое количество скота и коней, которые на Дону были дешевы и охотно покупались торговыми людьми.[7] Весьма распространенными, особенно среди населения верхних казацких городков, были рыболовство, охота и пчеловодство.[8] Об особом значении в хозяйственной деятельности казаков скотоводства и рыболовства свидетельствуют многочисленные факты, и недооценивать этого нельзя. Например, зимою 1640—1641 гг. на Дону была большая «хлебная скудость», многие люди ели «кобылятину». Причиной, усугубившей голод, казаки считали плохой улов рыбы — «зима была добре сту-

[3] Там же, стр. 5; К. Абаза. Казаки, донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Пб., 1899, стр. 5.

[4] К. Абаза. Казаки, донцы..., стр. 2; Донские дела, кн. 4. СПб., 1913, стр. 116—117, 201—202; М. Донецкий. Донское казачество. Ростов-на-Дону, 1926, стр. 13—16; В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли войска донского, т. 1, гл. VI. Новочеркасск, 1869.

[5] «А которые... у нас в войске живут переезщики иноземцы, турки и татаровя, да и греки, и иных разных земель люди... и служат... тебе — государю». — Донские дела, кн. 5. СПб., 1917, стр. 371.

[6] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 135; С. И. Тхоржевский. Донское войско в первой половине XVII века. В сб.: «Русское прошлое», № 3. Пг., 1923, стр. 12—13.

[7] Донские дела, кн. 4, стр. 43, 276.

[8] Б. Н. Тихомиров. Разинщина. М.—Л., 1930, стр. 48.

дена, и лед был толст... и ловить было немочно».[9] Но зима прошла, и донская беднота стала есть не конину, а рыбу.[10] Сохранилась интересная отписка боярина Ф. Шереметева от 2 октября 1640 г., где изложена тревога казаков из-за отсутствия подвоза необходимых для успешной ловли рыбы снастей.[11] Вообще, в своих официальных отписках в Москву войсковая старшина постоянно подчеркивала, что казаки служат «великому государю... не с вотчины, не с поместей, с воды да с травы»,[12] т. е. с доходов от скотоводства и рыболовства.

Несмотря на постоянную нужду в хлебе, земледелие на Дону не прививалось. Развитию его мешали постоянная угроза нападения со стороны крымских татар, калмыков и других кочевых народов и недоброжелательное отношение самого казачества, видевшего в земледелии угрозу своей «казацкой вольности». Крестьянский труд в представлении многих казаков обязательно связывался с крепостническими порядками, налогами и господством помещика. Поэтому среди казачества господствовал принцип: «На Дону хлеб не сеять». Когда во второй половине XVII в. в верхние донские и хоперские казацкие городки стало проникать из окраинных русских уездов земледелие, казацкие донские власти обрушились на нарушителей жестокими постановлениями, угрожая им смертной казнью:[13] «Бить до смерти и грабить того, кто станет пахать и сеять, а кто хочет пахать, и те б шли в прежния свои места, кто где жил».[14]

Одним из источников существования казачества являлась также военная добыча, получаемая в результате военных походов. Некоторые исследователи, заявляя, что казаки «...преимущественно кормились „зипуном" — грабежом соседей и берегов Черного моря», преувеличивают значение военных походов и умаляют их промысловую и скотоводческую деятельность как источник существования.[15] Было бы неверным считать, что получение военной добычи являлось главной целью всех известных военных походов казаков, хотя бы на владения Крымского ханства, но во всех случаях казаки использовали все возможности для получения как можно большего количества военной добычи и их походы сопровождались разбоями. Именно в этом смысле даже те казацкие военные походы, которые не имели главной задачи — получения военной добычи, все же были разбойными. Военные походы часто имели определенные национальные и социальные мотивы. Они являлись

[9] Донские дела, кн. 2. СПб., 1906, стр. 126.
[10] Там же, стр. 163.
[11] Там же, стр. 63.
[12] Там же, кн. 4, стр. 37, 327.
[13] Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 48.
[14] В. Я. Уланов. Разиновщина. В сб.: «Три века». Под ред. В. В. Каллаша, т. I. М., 1912, стр. 216.
[15] С. И. Тхоржевский, ук. ст. В сб.: «Русское прошлое», № 3. Пг., 1923, стр. 13.

своеобразной формой борьбы русского народа за свои национальные интересы, средством защиты от агрессивной политики султанской Турции и Крымского ханства, отрезавших русское государство от Черного моря и постоянно опустошавших своими грабительскими налетами южные пограничные уезды страны. Они являлись в то же время источником необходимого материального обеспечения для беглых людей, непрерывно прибывавших на Дон, которые также принимали самое непосредственное и активное участие в козакованиях. Успехи козакования — получение хорошей военной добычи — открывали возможности беглым людям (крестьянам, холопам и т. д.) к обзаведению собственными куренями и к включению их в состав постоянного оседлого населения Дона. Чем обеспеченнее был казак, тем труднее поднимался он на дальние походы с их призрачным счастьем.

Организовывались военные походы по решению войскового казацкого круга или же без его решения по инициативе отдельных атаманов или группы казаков. В последнем случае участники такого военного похода считались «воровскими казаками» и жестоко преследовались.[16]

Походы за военной добычей осуществлялись в различных направлениях. Через Азовское море подвергалось частым нападениям Крымское побережье. Иногда казаки прорывались на водные просторы Черного моря и совершали далекие походы к малоазиатским турецким владениям: Трапезунду, Синопу и другим городам. Даже наличие в устье Дона турецкой крепости Азов не могло приостановить казацкие разбойные действия в Азовском и Черном морях. Казаки стремились уничтожить эту крепость, лишавшую их свободного выхода в Азовское и Черное моря. Борьба донских казаков за устье Дона приняла характер длительной и упорной войны с султанской Турцией и Крымским ханством. В 1637 г. русские донские казаки совместно с запорожскими украинскими казаками штурмом взяли крепость Азов и на протяжении пяти лет держали ее в своих руках, отбив за это время многократные попытки турецко-татарских войск возвратить Азов под власть султана. Это была героическая эпопея борьбы русского и украинского казачества, выражавшая стремление русского и украинского народов к возвращению исконных древнерусских Причерноморских земель. Она нашла яркое отражение в замечательных литературных памятниках — в военных повестях об Азове, в частности в «Повести об азовском осадном сидении». Лишь полная

---

[16] «Воровскими казаками» их называли потому, что они совершали свои действия без разрешения правительства и войсковых властей и являлись государственными преступниками. В 1627 г. войсковой круг постановил: «Впредь и навсегда, чтобы никто с Дону не ходил для воровства на Волгу: а ежели кто таковым объявится на Дону, и тому быть казнену смертью». — В. Броневский. История донского войска, ч. I. СПб., 1834, стр. 110.

невозможность удержания Азова в своих руках и отказ царского правительства по внешнеполитическим соображениям принять его под свою власть и защиту заставили казаков в 1642 г. оставить крепость, предварительно разрушив ее до основания.[17]

Походы донских казаков на Черное море принимали иногда характер крупных военно-морских экспедиций. В 1646 г. 1500 казаков под командой атамана Осипа Петрова совершили смелый налет по Азовскому морю на Крым.[18] В 1650 г. большой отряд казаков во главе с атаманом Иваном Богатым морем прошел к Константинополю, разбил 10 турецких каторг, «повоевал» турецкие селения и взял большую военную добычу: много драгоценностей, пленных и т. п. В 50-х годах XVII в. состоялось пять особенно крупных казацких походов в Черное море.[19] Казаки достигали берегов Румынии и Анатолии, опять были у Константинополя, разорили города Тамань, Кафу, Евпаторию, Трапезунд и многие другие. Эти набеги на турецкие владения были настолько неожиданны и опустошительны, что для их предупреждения Турция вынуждена была у самого входа в пролив Босфор построить мощные укрепления.[20] Походы донских казаков в Черное море часто осуществлялись совместно с запорожскими казаками, в результате чего и сложился своеобразный военно-политический союз русских донских казаков с украинскими запорожскими казаками для совместной борьбы против агрессии султанской Турции и Крымского ханства.[21]

Другим наиболее распространенным направлением казацких походов являлась Волга и Каспийское море. Походы на Волгу, как правило, организовывались без официального согласия войскового казацкого круга, а по инициативе отдельных атаманов и групп воровских казаков. Войсковые казацкие власти иногда потакали их организаторам, но делали это крайне осмотрительно и осторожно. Такое полюжение объяснялось тем, что казацкие походы на Волгу и Каспийское море обязательно были связаны с антиправительственными действиями. Происходили столкновения с царскими гарнизонами, стоящими в поволжских городах, разбойные нападения на рыбопромысловые станы и учуги, на торговые суда, а иногда и на торговые караваны судов, плывших по Волге и принадлежащих

---

[17] В. Г. Дружинин. Попытки Московского правительства увеличить число казаков на Дону в средине XVII века. СПб., 1911, стр. 1—3.

[18] Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 52; Донские дела, кн. 3. СПб., 1909, стр. 70—71.

[19] Донские дела, кн. 4, стр. 517; 541—542, 698; кн. 5, стр. 46—53, 255, 509.

[20] Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. «Кавказский вестник», 1900, № 2, стр. 6.

[21] Б. В. Лунин. Боевое содружество донских и запорожских казаков в борьбе против турецко-татарской агрессии в первой половине XVII в. Сб. «Из истории Дона (XVII—XX вв.)», вып. 1. Ростов-на-Дону, 1956, стр. 1—27.

русским купцам, феодальной аристократии, а то и самому царю. Действия же казаков в Каспийском море против владений персидского шаха нарушали русско-персидскую торговлю и осложняли дипломатические отношения между Россией и Персией. Походы донских казаков на Волгу и Каспийское море, как правило, были походами воровских казаков.

Начиная поход на Волгу и Каспийское море, воровские казаки обычно собирались в донские городки у «Переволоки», т. е. в местах, где Дон близко подходит к Волге. Такими городками были: Сиротинский, Качалинский, Иловлинский, Паншин, Голубинский и Пятиизбенский. В случае же, когда войсковые казацкие власти активно противодействовали походу на Волгу, они строили новые, временные, более недоступные и безопасные городки. Для того чтобы выйти к Волге, казаки должны были волоком тащить свои суда и все необходимое для похода обычно к речке Камышинке, впадающей в Волгу.[22] Кроме того, у Переволоки стояла правительственная крепость — Царицын, где находился постоянный гарнизон царских войск, охранявший подступы к Волге. Надо было или обмануть бдительность царского гарнизона и тайно выйти на Волгу, или же силою пробиться к ней. Казаки расценивали роль Царицына в их козаковании так же отрицательно, как и роль Азова.[23] Выйдя на Волгу, воровские казаки грабили на ней торговые суда, рыбные станы и учуги, проникали в Каспийское море и совершали разбойные нападения на прибрежные владения персидского шаха.

Разбойные действия донских воровских казаков на Волге и Каспийском море очень часто проводились совместно с яицкими казаками. Связи между Доном и Яиком были давнишними и постоянными[24] и имели большое значение для разбойных действий воровских казаков на Волге и Каспийском море, где они были почти неуловимы для царских властей. От преследований царских войск на Волге они системой протоков («запольних речек») уходили на Яик и, сплыв вниз по течению в Каспийское море, вновь появлялись на Волге или же совершали такой же кругооборот в обратном направлении.[25] Челобитная

---

22 Наиболее удобный путь казаков с Дона на Волгу шел по речке Иловле, впадающей в Дон.

23 В 1632 г. стрелецкий пятидесятник, докладывая царицынскому воеводе о положении на Дону, сообщил о желании воровских казаков сжечь город Царицын, так как им «от Царицынских служилых людей чинитца теснота великая... и Царицын де... им... стал пуще Азова». — Донские дела, кн. 1. СПб., 1898, стр. 343—344.

24 Хорошхин. Казачьи войска. СПб., 1881, стр. 8.

25 «И от того их воровства государевыми служилыми и многими людьми унять было невозможно... потому как на тех воровских казаков пошлют служилых людей... на Волгу и как тем вором не в силу биться с государевыми людьми на Волге, киня свои струги на Волге, а сами пеши степью на Яик уходили, да у них же у воров были запасные стружки и лотки одно-

строителя Гурьева городка дает исключительный материал о взаимоотношении воровских казаков с яицкими. Существовавшая связь между яицкими и донскими казаками обеспечивала воровским казакам поддержку со стороны яицкого казацкого населения — снабжение продовольствием и боеприпасами за счет сбыта захваченной во время похода добычи.[26] Особую роль для казаков издавна играло устье реки Яик, где они обычно базировались: зимовали, сбывали захваченную добычу приезжим с верховьев реки Яика торговым людям или кочевникам-калмыкам и получали необходимые продукты и предметы обихода. Становища и зимовья воровских казаков в устье Яика были традиционны. И только постройка гостем Михаилом Гурьевым «каменного Яицкого городка», сделавшегося правительственной крепостью с постоянным стрелецким гарнизоном, в какой-то мере нарушила эти традиции.

Однако и постройка каменного Яицкого городка, и даже наличие в устье Волги мощной правительственной крепости Астрахани с постоянным гарнизоном свыше 10 000 стрельцов и солдат не могли полностью прекратить действия воровских казаков в Каспийском море и их традиционные «круговороты» по Волге и Яику. Астрахань воровские казаки, пользуясь множеством рукавов дельты Волги, легко обходили никем не замеченными.[27] Яицкий каменный городок они не только обходили, но и делали неоднократные попытки взять его и разрушить.

Походы воровских казаков на Волгу и в Каспийское море иногда принимали характер крупных военных экспедиций. В 1636 г. отряд численностью в 500 человек во главе с Иваном Поленовым захватил и разграбил на южном побережье Каспийского моря крупный персидский город Ферах-Абад,[28] а затем, объединившись с большим отрядом воровских казаков атамана Ивана Самары, нападал на торговые суда в Каспийском море и на Волге. Казаки зимовали в Каспийском море, их посыльные ходили на Дон «зазывать» подкрепление и т. д.[29]

деревые по запольным речкам, а те речки пали на степи в Волгу, а иные речки пали в Яик реку и переволоки небольшие... и опять выезжали из Яику на море и на Волгу». — ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, док. № 488.

[26] «...и тем разгонным вором угодно на Яик реку с Волги уходить, потому что на Яике реке у житейских казаков в казачьих в городках или... всегда были готовы иные струги и... запасы и порох и свинец и во всемь их сподаблливали... И к ним ворам... из нынешнего из верхнего городка из казацкова (Верхнего Яицкого городка — центра яицких казаков. — *И. С.*)... что надобно... привезут за те их за кизылбашские товары и никакая скудость их... не изниметь... покаместь за ними каменный город («каменный яицкий городок» — современный Гурьев. — *И. С.*) будет». — Там же.

[27] «И в тех воровских казаках было много свойственных людей из всех низовых людей», т. е. хорошо знающих местность. — Там же.

[28] Донские дела, кн. 1, стр. 551.

[29] Зимовали «на Хвалынском море девять стругов... а в стругу по шестидесять и по семидесять человек на двенадцать лоток ...а в лотке по двадцати человек». — Там же, стр. 552, 553.

Так же обстояло дело и в 1649—1650 гг., когда в Каспийском море действовал отряд воровских казаков в несколько сот человек во главе с яицким атаманом Иваном Кондыревым. Казаки побивали русских и персидских купцов, громили и разоряли торговые суда и по существу на два года нарушили нормальные торговые связи между Россией и Ираном.[30] Подобные походы казаков на Волгу и в Каспийское море были неоднократны и в последующее время.

Царское правительство, стремясь прекратить разбойные действия воровских казаков и обеспечить нормальные условия развития промыслов и торговли по Волге и Каспийскому морю, применяло к ним различные карательные меры. Оно посылало на судах по Волге и в Каспийское море ратных людей,[31] вело неоднократные переговоры о совместных активных действиях с персидским шахом,[32] чтобы очистить Каспийское море от воровских казаков, понуждало войсковые власти Дона воздействовать на некоторых «воровских атаманов» с тем, чтобы они прекратили свои разбойные дела.[33] Представители властей беспощадно казнили пойманных непокорных воровских казаков. Иногда эти казни носили демонстративный характер для устрашения непокорных участников козакований. Такие казни были проведены в 1642 г. в Астрахани и в 1647 г. в городе Терка.[34] Однако перечисленные меры не были достаточно эффективны, и царское правительство вынуждено было иногда выманивать воровских казаков с моря обещаниями о прощении всех совершенных ими проступков. Так именно обстояло дело с отрядом Ивана Кондырева, действия которого сильно обеспокоили царское правительство. Уговаривать его «от воровства» с царской грамотой были посланы самарянин А. Хомутцкий и яицкий атаман П. Щербак «с товарищи». Царь призывал казаков и И. Кондырева явиться на службу в Москву. Они согласились, в Москве повинились, были прощены и посланы на государеву службу в Великий Новгород и в Псков. Впоследствии казаки отряда И. Кондырева принимали участие в русско-польской войне, многие из них были «побиты и переранены и в полон пойманы», а уцелевшие после окончания войны пожалованы поместьями и денежными окладами и определены на службу в город Себеж.[35] Установилась своеобразная традиция, когда отряды воровских казаков, пограбив на просторах

---

[30] ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, № 2011.

[31] Донские дела, кн. 5, стр. 463—465, 697—698.

[32] ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, 1652 г., № 2.

[33] Донские дела, кн. 5, стр. 755—756.

[34] Во время казни воровских казаков присутствовал посол персидского шаха, специально приглашенный для убеждения в том, что русское правительство решительно борется против «воровства» в Каспийском море. — ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, 1652 г., № 2.

[35] В 1670 г. часть казаков отряда И. Кондырева из Себежа бежала к С. Разину. — ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, № 2011, лл. 1—6.

Каспийского моря, плыли в Астрахань, где отдавались на царскую милость, а получив помилование, или возвращались обратно на Дон, или же определялись на государеву службу в других местах.[36]

Крайне узкое и своеобразное по своему профилю хозяйство области Дона не могло обеспечить самых существенных и остро необходимых потребностей населения. Многочисленные и разнообразные предметы потребления донские казаки получали путем торговли из внутренних областей Русского государства, особенно из пограничных уездов, примыкавших к области Дона. Центрами этой торговли были Воронеж, Коротояк, Острогожск и многие другие города, расположенные в верховьях Дона и его притоков. Товары преимущественно перевозились водою на бударах и дощаниках. Драгоценности, дорогие восточные ткани и одежды, ценное оружие, ясырь и т. д., которые являлись добычей казаков во время военных походов, служили предметом их торговли с русскими. Организаторами торговли были донские казаки и многочисленные торговые люди из самых различных социальных слоев русского общества. Донские казаки везли вверх по Дону для продажи или продавали приезжим людям на месте продукты промыслов (рыбу и икру, различные кожи и т. п.), коней, предметы военной добычи. Торговые люди продавали казакам муку и крупу, горох, масло, вино и т. п., одежду и материи, различные кожевенные изделия и предметы домашнего обихода, оружие и боеприпасы.[37] Размеры торговли донских казаков с внутренними областями Русского государства были весьма значительны, ее воздействие сказывалось на хозяйственной жизни многих южных городов и уездов. В связи с развитием торговли происходило постепенное включение области Дона в систему складывающегося всероссийского рынка. В экономическом отношении область Дона находилась в сильной зависимости от внутренних уездов Русского государства. Донское казачество не могло существовать без ввозного хлеба. В случае прекращения его подвоза на Дону обычно наступал голод и малолюдье. Прекращение же подвоза боеприпасов ставило казачество в тяжелое положение перед лицом его многочисленных врагов. Поэтому донское казачество было заинтересовано в сохранении и дальнейшем развитии торговых связей с внутренними областями России.

Полная военных тревог и опасностей казацкая жизнь способ-

[36] Традиции эти были настолько основательны, что возвращавшиеся в Астрахань из Каспийского моря казаки обычно останавливались под Астраханью «на нагорной стороне, близко Жареного бугра, выше Болдинского устья». — А. Н. Попов. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857, стр. 48.

[37] А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII веке. «Исторические записки», 1948, № 26; В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли войска Донского, т. 1, стр. 74.

ствовала выработке у казаков хороших военных навыков и особой военной организации. Все население Дона и его притоков составляло к середине XVII в. единое войско, административным центром которого являлся город Черкасск. На всю область Дона распространялось казацкое право, сложившееся на основе традиций и постановлений казацкого круга.[38] Казацкий круг — собрание казаков — выбирал войскового атамана, двух войсковых есаулов и войскового дьяка. На кругу совершался войсковой суд и выносились важнейшие для жизни казаков решения.[39] В казачьих городках и станицах собирались местные круги и выбирались станичные атаманы и есаулы. Военные походы возглавлялись выборными походными атаманами и есаулами.[40]

К середине XVII в. углубление имущественного неравенства среди казачества привело к резкому распадению его на две части: зажиточных («домовитых») и бедных («голутвенных»).[41] Большая часть «домовитых» казаков жила в низовьях Дона — в районе города Черкасска и ближайших к нему станицах. Это были в массе своей старожилые казаки — «от дедов казаки», т. е. такие, у которых деды и прадеды уже были казаками. Они жили крепкими собственными куренями и вели обширное хозяйство: держали богатые рыбные ловли на Дону и его притоках; владели большими пастбищами, стадами скота и табунами коней; вели значительную торговлю с русскими, украинскими, а также и с азовскими торговыми людьми. Источником их обогащения, которому домовитые казаки придавали большое значение, являлись организуемые ими военные предприятия в целях получения добычи. Свое обширное хозяйство зажиточные казаки вели с помощью многочисленных работных — наймитов. Из среды домовитых казаков избиралась казацкая старшина — начальствующие лица: атаманы, есаулы, сотники.[42] Занимая руководящее положение, старшина играла решающую роль в войсковом круге. В руки старшины попадало и государево «жалование», высылаемое из Москвы за службу. Круг домовитых казаков был вполне определенен и немногочислен, по-видимому в пределах одной-двух тысяч человек.

Основная масса «голутвенных» казаков жила в верховьях Дона и по его притокам. Это были, как правило, новопришлые казаки, «не от дедов казаки». Они жили в своих избах по ста-

[38] С. И. Тхоржевский, ук. ст. В сб.: «Русское прошлое», № 3, 1923, стр. 15—16.

[39] Там же, стр. 17—18.

[40] В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли войска Донского, т. 1, стр. 71—73.

[41] Очерки истории СССР XVII в. М., 1955, стр. 268; Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 50—53.

[42] Казацкая старшина из богатых казаков занимала прочное руководящее положение в войске. С 1637 по 1661 г. в должности войскового атамана побывало всего 7 человек. — Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 53.

ницам, владели некоторым количеством скота и вели промысловое хозяйство, в основе которого лежал личный труд. Захваты зажиточными казаками лучших, более близких к станицам и безопасных от набегов кочевников пастбищ, промысловых угодий и других источников дохода ставили многих рядовых казаков в тяжелое экономическое положение. Лишенные необходимых самостоятельных источников существования, голутвенные казаки находились в зависимости от домовитых. Зажиточное казачество кабалило и эксплуатировало голытьбу, используя ее в качестве наемных работников. Во время военных походов за добычей зажиточные казаки снабжали голутвенных всем необходимым для похода — оружием, боеприпасами, продуктами, стругами, а за это забирали себе львиную долю добычи. Государево «жалованье» редко попадало в руки голутвенных казаков. «А которые де казаки живут по верхним городкам и тем де государева жалования никому ничего не досталось», — сообщается в одной из войсковых отписок 1648 г. в Москву. И это явление было обычным.[43]

Круг голутвенных казаков был неопределенен и количественно колебался в зависимости от притока на Дон беглых людей. Дон привлекал обездоленный беглый люд — крестьян и холопов, бедных посадских и служилых людей — его старинным обычаем: «С Дона выдачи нету», — который ограждал беглых от розысков и расправы со стороны царских сыщиков и администрации. Поэтому на Дону, особенно в верховых городках, пришлых людей всегда было немало. Эти люди особенно жестоко эксплуатировались зажиточными казаками. Из них формировались отряды воровских казаков, действовавших на Волге. В случае проводимого войском большого военного мероприятия беглые пришлые люди привлекались и участвовали в нем, наряду с рядовым казачеством, получая от войска «запасы и почесть чем сытым быть».[44] Некоторым из них удавалось обзавестись собственным хозяйством и включиться в ряды оседлого казачества.

Расслоение донского казачества, зависимость голутвенных от домовитых, эксплуатация первых последними порождали классовые противоречия в среде казачества. Постоянный приток беглых крестьян, холопов, людей из посадских и служилых низов, еще более расширяя круг недовольных на Дону, усугублял эти противоречия.

Царское правительство и правящие верхи двойственно относились к донскому казачеству. С одной стороны, они тяготились им. На Дон постоянно и все в большем количестве бежали крепостные крестьяне и холопы — рабочая сила феодалов. Действия воровских казаков на Волге мешали хозяйственному

---

[43] Донские дела, кн. 4, стр. 45.
[44] Там же, стр. 3.

освоению края и развитию торговли. Казацкие своевольные набеги на Крымское ханство, Турцию и Персию путали все планы царского правительства и вызывали постоянные дипломатические осложнения. Правительства указанных стран неоднократно требовали у царя, чтобы он прибрал казаков к рукам, возлагая на него ответственность за казацкие набеги и угрожая войной. В 1649 г. шемахинский хан, вассал персидского шаха, прислал астраханскому воеводе «листы» с выговором за казацкие набеги и грозил войной, заявляя, что все подвластные ему войска выйдут немедленно в поход, возьмут города Терки и Астрахань и для прекращения казацких набегов поставят на реках Волге и Тереке свои города.[45] Одновременно с посылкой «листов» хан разорил русский пограничный Сунжинский городок и задержал в Шемахе русских купцов. Турецкий султан в свою очередь не раз угрожал «сбить казаков с Дону».[46] Царскому правительству не всегда удавалось «образумить казаков», так как последние не во всех случаях слушались его указаний. С другой стороны, правящие круги считали, что иметь донское казачество выгодно, так как оно являлось серьезным фактором в защите южных границ страны и было передовым отрядом в борьбе Русского государства против агрессии султанской Турции в Восточной Европе. Кроме того, донское казачество представляло определенную военную силу, которую при необходимости можно было использовать и в государственных интересах. Казаки умели совершать смелые набеги не только для получения добычи, но и вести крупные военные действия против вражеских сил.

Двойственное отношение царского правительства к донскому казачеству определило его курс на использование казачества в своих военно-политических целях и превращение его в своеобразное иррегулярное войско, действующее исключительно по указаниям царского правительства. Одновременно оно стремилось покончить с своевольными действиями воровских казаков и затруднить бегство на Дон крестьян и холопов. Опору своей политики и власти на Дону царское правительство видело в зажиточном казачестве, которое и стремилось привлечь на свою сторону.

Практически эти взаимоотношения были весьма сложны и своеобразны. Правительством царя Михаила Федоровича казаки были привлечены на государственную службу.[47] С того времени они несли охрану южных границ Русского государства от

---

[45] ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, 1649 г., № 2.

[46] Н. Янчевский. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930, стр. 100.

[47] Грамота царя Михаила Федоровича 8 октября 1614 г.: «А мы Вас за вашу службу и раденье учнем держать в нашем царском жалованьи на веки неподвижно». — И. Прянишников. Материалы для истории войска Донского. Новочеркасск, 1864, стр. 21.

неожиданных разбойничьих набегов крымских татар и других татарских и калмыцких орд, кочевавших в степях Причерноморья и Прикаспия, разведывали и уведомляли воевод пограничных русских городов и царское правительство об опасности татарских набегов, предупреждали и срывали эти набеги активными военными действиями против Крымского ханства и подвластных ему кочевых орд. Казацкое войско обеспечивало безопасность и следование различных посольских миссий, едущих из Москвы в Турцию, Крымское ханство, к калмыкам и другим кочевым ордам; а также и посольств, едущих от них в Москву. Выполняли донские казаки и многие другие поручения. Отряды их нередко привлекались правительством для военных действий совместно с царскими войсками против шляхетской Польши и Швеции. В 1632 г., в связи с началом войны России с Польшей, на Дон звать казаков на службу в действующую русскую армию был послан князь П. А. Дашков. Несколько сот казаков приняло участие в военных действиях[48] под Смоленском. В 1646 г. донские казаки под командованием царского воеводы С. Пожарского[49] ходили в поход против крымских татар. Сражались донские казаки в действующей русской армии и во время русско-польской войны 1654—1667 гг.

За службу царское правительство предоставило донским казакам ряд привилегий: признало независимость казацкой организации с ее выборностью, особым войсковым правом и т. п., смирилось с установившейся у казаков традицией — не выдавать с Дона беглых людей. Признание этой казацкой традиции не получило оформления официальным актом. Царское правительство, заинтересованное в охране южных границ государства, просто вынуждено было мириться с бегством на Дон крестьян, холопов и прочих представителей социальных низов, за счет которых пополнялись ряды донского казачества. В защиту от притязаний на эти права со стороны московских феодальных верхов, по-видимому, и был дан атаману Каторжному «изустной приказ, что боярских беглых людей выдовать не велено», на который он сослался воронежскому воеводе в июне 1646 г.[50] Особенно убедительно о казацкой традиции: «с Дону беглым выдачи нет», — и о признании ее царским правительством свидетельствует войсковая отписка, относящаяся к 1675 г., когда уже эта традиция часто нарушалась Москвой. Вспоминая прошлые времена, представитель войска Донского писал, что «у казаков до того не повелось, что беглых людей отдавать... теми людьми твоя государская река наполняется... и впредь... просим, что бы по-прежнему от нас, с твоей

---

[48] Донские дела, кн. 1, стр. 387—389.

[49] А. А. Лишин. Акты, относящиеся к истории войска донского. Новочеркасск, 1891, док. № 21, 24, 25.

[50] Донские дела, кн. 2, стр. 883—884.

отчины, с реки Дону, всяких чинов людей не имать, чтобы всяких земель люди шли на Дон к нам без опасения».[51]

С сентября 1615 г. донские казаки стали пользоваться правом беспошлинной торговли в пограничных русских городах,[52] и этим правом они особенно дорожили, решительно протестуя во всех случаях, когда оно нарушалось. 30 июня 1654 г. состоялся строгий царский указ, где воеводам пограничных городов еще раз предписывалось донских казаков «с хлебными запасы, и с пищальным, и с пушечным зельем, и свинцом, и со всяким оружием» не задерживать и «с их судов, и с запасов, и со всякого ружья, и зелья и свинцу пошлины никакие не имати, и ни зачем их не держати, пропускати их на низ безпенно».[53] Определено было также казакам ежегодное денежное и хлебное жалование, а по мере надобности отпускали им порох, свинец и даже оружие. Размер жалованья обычно равнялся 2000—3000 рублям денег, 2000—3000 четвертям[54] хлебных запасов, 50—100 кускам сукна и 100—200 пудам пороха (ружейного и пушечного) и свинца. Определяя размер жалования, царское правительство отнюдь не стремилось удовлетворить им все донское казачество, тем более, что численный состав его был неопределенен и ряды его непосредственно смыкались с массою беглых людей. Оно считало необходимым удовлетворить жалованьем лишь старожилов — зажиточное, низовое казачество, состав которого был более определенен и которое оно считало своей опорой на Дону. «А дуванят де они на тех людей, — говорил в 1648 г. в Москве атаман Корнило Яковлев, — которые государю служат». Таких, по его словам, казаков, получивших хлебное жалованье в указанном году, было 1000 человек.[55] Денежное же жалованье этого года в размере 3000 рублей было поделено на всех атаманов и казаков поровну, по 1 рублю 50 копеек на человека. Казакам верхних городков жалованья не было дано.[56] Посылалось жалованье с особым дворянином на судах вниз по Дону. Казаки встречали его «всем войском» выше Черкасска с большими церемониями и почестями. Государевым жалованьем казаки весьма дорожили и ежегодно добивались увеличения его размера. Оно явля-

---

[51] ЦГАДА, ф. Донские дела, связка X, 1675 г., № 22. В книге Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (стр. 135) говорится, что беглые люди, «быв на Дону хотя одну неделю, или месяц, а лучитця им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакого ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед освобождаютця».

[52] «И что-б Вам по городам от воевод наших и ото всяких приказных людей налогу и насильства не было, и продаж бы Вам не чинили ни в чем».— И. Прянишников. Материалы для истории войска донского, стр. 23.

[53] В. Броневский. История донского войска, ч. I, стр. 159.

[54] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону... Приложение 2-е. Жалование, отпущенное казакам с 1651 по 1692 г., стр. 229—232.

[55] Донские дела, кн. 4, стр. 2.

[56] Там же, стр. 45.

лось одним из источников их существования и обеспечения общевойсковых расходов.

Все дела, связанные с Доном, находились в ведении Посольского приказа. Войсковые станицы, приезжавшие постоянно в Москву с различными войсковыми просьбами и для информации царского правительства по ряду вопросов, принимались в Москве с почестями, им отводились особые избы, устанавливалось ежедневное жалование и довольствие, выдавались при приезде и при отъезде государевы подарки и обеспечивались все путевые расходы. Этим как бы подчеркивалась самостоятельность Дона и его полная независимость от России. Таким путем царское правительство снимало с себя в какой-то мере ответственность за военные набеги казаков на владения турецкого султана и крымского хана. Оно всегда имело возможность отговориться от нее.

В действительности же положение на Дону было совсем иным. В середине XVII в. зависимость донского казачества от московского правительства была весьма сильна. В связи с построением Белгородской пограничной черты, а также с воссоединением Украины с Россией донские казаки оказались в полной экономической зависимости от царского правительства. Они потеряли всякие возможности получать необходимые им хлебные запасы и другие остро необходимые предметы потребления помимо царской России, территория которой отныне охватывала область Дона и с востока, и с севера, и с запада. Царское правительство в случае неповиновения казаков имело возможность осуществить полную экономическую блокаду. Сильна была и военно-политическая зависимость казачества. Агрессивные действия султанской Турции и Крымского ханства на юге Восточной Европы, особенно усилившиеся после «Азовского сидения» и воссоединения Украины с Россией, и немногочисленность донского казачества создавали очень часто такую сложную обстановку, что казачество вынуждено было обращаться за военной помощью в Москву. Свои взаимоотношения с султанской Турцией, в частности с Азовом, с Крымским ханством и различными кочевыми ордами Придонья и Прикаспия донские казаки должны были также подчинять внешнеполитической линии России. Из Москвы обычно указывали, когда и с кем из соседей жить казакам в мире и в «размирье». Ослушаться Москву казаки не всегда решались. Они считали себя находящимися на государственной службе и в своих войсковых отписках били царю челом, как холопы, а область Дона называли его государевою вотчиною, тем самым подчеркивая свою зависимость.

* *
*

В условиях длительной войны России с шляхетской Польшей на Дону складывается весьма сложная социально-полити-

ческая обстановка. В это время там, особенно в верховых казацких городках и поблизости от них, сосредоточивается небывалое количество беглых, пришлых людей: крестьян, холопов, бедных посадских и служилых людей не только из России, но и с Украины. Приток беглецов на Дон с Украины особенно усилился после ее присоединения в 1654 г. к Русскому государству, так как царское правительство требовало выдачи беглых с Украины.[57] В 1665 г. воевода города Валуйки сообщил, что «приходят из Острогожского... и из иных украинных городов Русские люди и Черкасы, а приезжают без отписок и без перехожих: а с Царевоборисовского городища приходят на Валуйку Черкасы многие люди беспрестанно из хлеба, и для работы и всяких дел».[58]

Приток беглых на территории, примыкающие к области войска Донского, расположенные поблизости от казачьих городков, был настолько значителен, что московское правительство вынуждено было принять ряд чрезвычайных мер. На Валуйке приказано было всех «прохожих людей, опричь торговых всяких людей, сажать в тюрьму».[59] В Тамбове воевода получил указание обыскать около «казачьих юртов... все места» по рекам Хопру и Вороне и «переписать, в которых местех из шацких дворцовых сел беглые крестьяне живут и строетца».[60] Выполнение этого указания было связано с нарушением традиции Дона о невыдаче беглых. Тамбовский воевода не решился ее нарушить. Но царские власти пошли даже на эту необычную меру. 30 мая 1666 г. на Дон была направлена царская грамота, в которой предлагалось войску не препятствовать переписи и отсылке на прежнее местожительство дворцовых крестьян и впредь запрещалось «в казацкие юрты... великого государя сел беглых крестьян принимать и селить».[61] Таким образом, размах бегства на Дон был настолько необычен, что серьезно встревожил русское правительство и определил отход его от обычного отношения к нахождению беглых людей на Дону.

Состав пришлых людей был своеобразен. Это были люди различного социального положения, но преимущественно крестьянского происхождения, в основном одинокие и бессемейные, прошедшие большой путь всевозможных жизненных мытарств и невзгод, поставившие себя по тем или иным причинам под угрозу расправы со стороны царских властей,[62] потеряв-

57 В. Г. Дружинин. Раскол на Дону.., стр. 2—3.
58 Донские дела, кн. 5, стр. 9—10.
59 Там же.
60 ЦГАДА, ф. Донские дела, 1666 г., № 1, лл. 28—29.
61 Там же, лл. 45—46.
62 Г. Котошихин сообщает, что в среде донских казаков было много беглых людей, «которые приговорены были к казни в розбойных и в татиных делах... и покрадчи и пограбя своих бояр, уходят на Дон». — Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 135.

шие всякие надежды на возможность безопасного устройства своей жизни «в черте» государства и стремившиеся во что бы то ни стало уйти за пределы досягаемости власти помещика и воеводы. Настроение их было антикрепостническим и антиправительственным. На Дону они, в силу сложившихся к тому времени условий, оказались в тяжелом, безвыходном положении — без всяких источников существования. Устроиться у зажиточных казаков в качестве работных наймитов пришлым людям из-за большого их сосредоточения было трудно, хотя и далеко не все из них желали идти на это, так как не затем они бежали на Дон, чтобы вновь попасть в кабалу и терпеть жестокий гнет. Возможности к козакованию как источнику прокормления, которым широко ранее пользовались беглые люди, были также резко ограничены.

Летом 1660 г. большой турецкий флот, прибывший в устье Дона, выгрузил много строительных материалов и большое количество работных людей. На одном из протоков донской дельты, в двух верстах от Азова была построена мощная каменная крепость — Седдул-Ислам (Оплот Ислама), а несколько выше по обоим берегам Дона — две каменные башни. Цепи, протянутые между башнями, затрудняли выход с Дона, а большой пятитысячный гарнизон крепости фактически его наглухо закрывал. Турецкий султан прочно укрепил подступы к Азовскому и Черному морям.[63] Затруднен был и выход казаков на Волгу и Каспийское море. В крепости Царицын находился постоянный гарнизон, который охранял подступы к Волге. Воеводам низовых волжских городов был дан строжайший наказ бороться против воровских казаков всеми средствами, имеющимися в их распоряжении: «посылати на тех воровских казаков поиски ратных людей» и помогать друг другу. Воеводе города Черный Яр П. Сергиевскому в 1665 г. было предписано, чтобы он установил «...всяких людем заказ крепкой, что-б с поля и с Дону и с Волги и из понизовых и из верховых городов... казаки и всякие люди безъявочно не жили... и того береч накрепко, что-б от Черного Яру на низ до Астрахани и вверх до Царицына на Волге никаких воровских людей... не было и рыбным ловцом и всяким торговым и промышленным людем

---

[63] Донские дела, кн. 5, стр. 765—766.

Известный французский путешественник Шарден, побывавший у Азова в 1672 г., пишет, что «у турок 2 крепости, в которых содержатся гарнизоны, при устье Танаиса и на берегах ее. Устье это они ограждают толстой цепью и препятствуют таким образом московитам и черкесам (черкасам. — *И. С.*) выходить на больших судах в болото и море. До постройки этой крепости и прокладки цепи, народы эти спускались по Танаису на своих судах и крейсировали во все стороны. В настоящее время этот проход закрыт для больших судов. Иногда ночью перетаскивают на людях легкие суда через цепь, но отваживаются на это редко, из-за опасения быть пущенными ко дну пушечными выстрелами с обеих крепостей». — Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Кавказский вестник, 1900, № 2, стр. 16.

приезжать было не страшно».[64] Особое внимание воеводы было обращено на то, «что-б Черноярские всяких чинов люди пансырей и шеломов и стрелных железец, и серу и свинцу и зелья, и сабель, и платья и вин горячих и иных заповедных товаров, и хлебных запасов... к воровским казакам на Волгу не возили, и с воровскими казаками никакими товары не торговали и не ссылались».[65]

Острый недостаток хлеба на Дону, вызванный быстрым количественным ростом населения, еще более усугублял и без того тяжелое положение голутвенного казачества и беглых людей. Царское правительство, чтобы прекратить дальнейшее сосредоточение беглых, проводило политику экономической изоляции Дона, всемерно ограничивая возможности подвоза хлеба и других продуктов из южных пограничных русских уездов и с Украины.

Были прерваны торговые связи донских казаков с нижневолжскими городами. В приведенном уже наказе воеводе П. Сергиевскому было предписано: «с Черного Яру (город Черный Яр. — *И. С.*) к казакам на Дон... никаких товаров не возить». Самим же казакам под страхом жестокого наказания запрещалось ездить в города Нижней Волги и покупать там необходимые для себя товары: «и запасу и зелья и железа и укладу и холстов и сукон и соли не покупати».[66] В верховых донских городках население часто голодало. В этих условиях положение голутвенного казачества и беглых людей становилось нетерпимым. Перед угрозой вымирания от голода они видят единственный выход из создавшегося положения в разбойных набегах на Волгу и Каспийское море.

В верховьях Дона, у Переволоки, главным образом за счет беглых людей, а также и голутвенных казаков формировались отряды воровских казаков, занимавшихся разбоями на Волге.

Весной 1659 г. воровские казаки на одном из островов Дона, ниже впадения в него речки Иловли, между казацкими городками Иловлинским и Паншинским, построили свой опорный пункт — «воровской городок» Ригу. Опираясь на этот городок, они, во главе с атаманом Василием Прокофьевым, по речке Иловле выходили на Волгу и летом этого же года между Царицыном и Саратовом совершили несколько разбойных нападений на торговые суда, захватив большую добычу.

Действия воровских казаков носили явно антиправительственный характер. Ими были разгромлены струги, на которых

---

64 АИ, т. IV. СПб., 1842, док. № 181.

65 Там же.

66 Насколько жестки были меры, предпринятые правительством против донских казаков, видно из следующего: соль на Дон поступала только через Царицын. В 1653 г., жалуясь на царицынского воеводу, с Дона писали: «А нам, государь, опричь... Царицына города в ыных местех купить соли негде». — Донские дела, кн. 4, стр. 662.

плыла группа узденей вассала русского царя — князя Муцала Черкасского.[67] Гулящие работные люди явно сочувствовали воровским казакам.[68] Среди торговых и промысловых людей Поволжья царила паника. Царское правительство потребовало у войсковых донских властей принятия самых решительных мер для прекращения разбойных действий воровских казаков, приказав уничтожить «воровской городок» Ригу.[69]

Требование царских властей отвечало интересам «низового» казачества, так как воровские казаки, помимо разбойных нападений на Волге, действовали не в интересах низовых казаков. В навигацию 1659 г. они не пропустили вниз по Дону ни одного торгового судна с продуктами, «имали запасы у них грабежом» и лишали богатых казаков возможности пополнять свои запасы.[70] В этом проявлялась классовая вражда голутвенного казачества и беглых людей к низовому казачеству. Вот почему казацкая старшина по решению войскового круга в январе 1660 г. организовала поход на «воровской городок» Ригу и, штурмом овладев им, срыла его, а воровских казаков разогнала.[71] «Воровской атаман» Василий Прокофьев по решению войскового круга был повешен.[72] Однако прекратить действия воровских казаков казацкой старшине оказалось не под силу. Опасаясь голытьбы, она не решилась наказать по войсковому праву всех взятых в городке Риге, как этого требовало царское правительство, а распустила их жить по своим городкам, обязав явиться «в Войско на весне».[73]

Весной 1660 г. воровские казаки, бывшие обитатели городка Риги, вновь появились на Волге. Теперь их возглавляли ата-

---

[67] Там же, кн. 5, стр. 534—535.

[68] «...и прибрали себе на Волге с понизовых твоих государевых городов и из Астрахани, и с Царицына таких же воров охочих людей и с насадов ярыжек больше ста человек» (там же, стр. 659); «А с насадов де, государь, з двух... пошли к ним же воровать гулящих людей человек с пятьдесят и больши». (там же, стр. 695).

[69] Там же, стр. 542.

[70] «А те воры и на Дону... воровской пересед держали, во все лето... и до зимы торговых людей с Руси Доном ни одной будары з запасы к нам не пропустили; имали запасы у них грабежом». — Там же, стр. 658.

[71] Там же, стр. 657—658.

[72] Там же, стр. 658.

«А атаман Прокофьев, с есаулом и 10 товарищами, были привезены в Черкасск, и там по приговору круга повешены». — В. Броневский. История донского войска, ч. I, стр. 160.

[73] Донские дела, кн. 5, стр. 700—701. — Старшина легко могла расправиться со всеми обитателями городка Риги. Этого она не сделала. Обстановка на Дону была напряженная, и она боялась раздражать голытьбу. Кроме того, сказалась заинтересованность. Задержанные воровские казаки показали: «А отпускал де их... ис Сиротинского городка донской казак Федька Сидоров Немытовский для зипуна; и то де он ведал, что им быть на воровстве...» (стр. 540), т. е., короче говоря, они были отпущены станичным атаманом или есаулом, каким, несомненно, был Немытовский. Какой же иначе был смысл ссылаться на него?

ман Парфений Иванов и есаул Тимофей Радилов.[74] Отряд быстро увеличился за счет гулящих работных волжских людей до 700 человек и разгромил торговые суда крупнейших московских гостей Михаила Гурьева и Василия Шорина, а также рыбные станы и учуги государева промышленника Ивана Турчанина. Затем воровские казаки проникли в Каспийское море и на Яик, где также совершили ряд разбойных нападений. 8 мая 1660 г. они напали на нижнеяицкий учуг гостя М. Гурьева и разорили его, «все анбары и чюланы и избы и двери... изрубили... и всякие учужные заводы и ружья и зелье и свинца и хлебных всяких запасов и рыбы и товаров» захватили. Разгромив учуг, казаки «и впредь похвалялись, что... Яик река очистят и учуги вырубят и станы выжгут».[75] По свидетельству гостя М. Гурьева, «на другое... лето помышляли они воры промышлять над яицким над каменным городом что-б им его взять».[76] Действия их были исключительно смелыми. Нападение на учуг было совершено буквально у стен «каменного Яицкого городка», где находился значительный царский гарнизон. Зимовать воровским казакам пришлось в очень тяжелых условиях — на Кулалинском острове в Каспийском море.[77] Не зная об этом, по требованию царского правительства войсковой круг послал своих представителей искать и отговаривать воровских казаков от разбоев — призывать их на государеву службу. Эта миссия имела успех.[78] Тем не менее и в последующие годы отряды воровских казаков постоянно просачивались на Волгу. Помехи действиям воровских казаков со стороны войсковой старшины еще более озлобляли голутвенное казачество и беглый люд против зажиточных казаков.

В этих сложных условиях обострения классовых противоречий на Дону, дерзких разбойных действий воровских казаков на Волге и Каспийском море и напряженной обстановки военного времени царское правительство использует создавшуюся экономическую и военно-политическую зависимость донского казачества для безусловного подчинения его своей власти.[79]

С середины XVII в. частым становится пребывание на

---

[74] Донские дела, кн. 5, стр. 723—726.

«Однажды было во 169 году с Дону сшел атаман Паршикь и скопилось было их с семьсот человек и в то время Михайлов Учюжный городок и все его промыслы на море и на Волге суды до конца раззорил». — ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, док. № 488, Челобитная М. Гурьева.

[75] Архив ЛОИИ АН СССР. Астраханский фонд, 1661 г., коробка 25. Дело о воровских казаках, разоривших учуг гостя М. Гурьева.

[76] ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, док. № 488.

[77] «И зимовали они воры одну зиму на морском Калаулатцком острову и то еть зимы техь воровь померло пятьсот человек. А достальные те воры по такой неволе принесли вину к великому государю и приехали в Астрахань». — Там же.

[78] Донские дела, кн. 5, стр. 847.

[79] Очерки истории СССР XVII в., стр. 270.

Дону отрядов государевых служилых людей. Еще в 40-х годах XVII в., для усиления донского войска и бóльшего подчинения его действий своим внешнеполитическим задачам правящие верхи России делают попытки включения в его ряды значительного количества служилых людей, специально навербованных для этого во внутренних уездах страны. Это вполне соответствовало настроениям самого казачества. В связи с «Азовским сиденьем» 1637—1642 гг. на Дону создалось большое «малолюдье». В Москву с Дона писали, что «людьми на Дону в конец оскудали, в их басурманские... приходы и в осады, и во многие большие битвы люд у нас стал повыбит весь, а малым нам людом без твоей государевы помощи без ратных людей противо их бусурманских больших приходов стоять будет неуметь».[80] Действительно, всю зиму 1645 г. казаки вынуждены были сидеть в осаде в Черкасске, так как азовские и крымские татары блокировали город и временами приступали к нему с большими силами.[81]

Царское правительство, обеспокоенное положением на Дону, но полагая, что население Дона само пополнится за счет беглых людей, ограничилось тем, что в январе 1646 г. направило в войско грамоту, разрешающую «охочим людям» беспрепятственно селиться на Дону.[82] Указанная мера оказалась мало действенной, и войско продолжало взывать к правительству о присылке «ратных людей».

Правительство боярина Б. Морозова, проводившее активную политику на юге страны, рассчитывало увеличить население Дона за счет вербовки на постоянное жительство туда «охочих вольных людей».[83] Власти делают попытку создания на Дону, по примеру шляхетской Польши, реестрового казачества.[84]

В 1646 г. дворянину Ждану Кондыреву, направляемому на Дон с государевым жалованьем, было приказано в Воронеже и в других окраинных городах набрать для службы на Дону 3000 человек «от отцев дети, от братьи братья, от дядей племянники», т. е. людей некрепостных, нетяглых и неслужилых, а вольных.[85] Брать людей, вольное положение которых вызывало хотя бы малейшее сомнение, Кондыреву категорически запрещалось. П. П. Смирнов полагает, что набор «вольных

[80] Донские дела, кн. 2, стр. 526.

[81] «Нам нельзя было выйти из городка ни за рыбою, ни за дровами; в сей крайности многие у нас померли от голоду и стужи». — В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли войска Донского, ч. I, стр. 293.

[82] Донские дела, кн. 2, стр. 1048. — «...и охочим людям, которые к вам похотят, поволено ж безо всякие зацепки». Какой-либо оговорки к отнесению в состав «охочих людей» людей не только вольных в отписке нет.

[83] В. Г. Дружинин. Попытки Московского правительства.., стр. 4.

[84] Казачества, находящегося на постоянной службе на государственном жалованьи, личный состав которого определен правительственными списками.

[85] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. II. М.—Л., 1948, стр. 134—136.

людей» Ж. Кондыревым, проводимый под видом подготовки похода на Крым, должен был обеспечить захват Дона и его полное подчинение московскому правительству.[86]

Набор «вольных людей» для службы на Дону прошел успешно. Вести о нем быстро распространились по уездам и вызвали широкое движение «охочих людей», охватившее даже украинских казаков. Было «поверстано» людей больше предполагаемого количества. Все поверстанные получили денежное жалование от 3,5 до 5,5 рублей, в зависимости от наличия у них собственной пищали, и необходимые на первый случай боеприпасы. 11 мая 1646 г. отряд Кондырева отплыл на Дон, куда прибыл вскоре в количестве 3205 человек и был передан в полное распоряжение войска. Осмотревшись на месте, многие вскоре убедились, что жить на Дону беспокойно и не так уж хорошо.[87] Встретив большие трудности от неустроенности жизни и не поладив с войсковым кругом, «вольные люди» вскоре «побежали» в одиночку и группами, одни на старое местожительство, а другие в верховые донские городки, в отряды воровских казаков. Правительство приказало «тех воров» ловить, бить кнутом и вешать.[88] Таким образом, планы царского правительства по созданию реестрового казачества на Дону провалились.[89]

Так как значительная часть служилых людей, прибывших с Ж. Кондыревым, разбежалась, войсковая старшина вновь поставила перед правительством вопрос о присылке пополнения. Вопрос этот в декабре 1647 г. обсуждался в Посольском приказе с участием думных дьяков Н. Чистого, А. Иванова и казачьего есаула В. Никитина.[90] В ходе обсуждения возник проект поставить на Дону укрепленный город (крепость) с постоянным гарнизоном государевых ратных людей. Было намечено несколько удобных мест для постройки такого города.[91] 3 апреля 1648 г. бояре решили послать на Дон дворянина А. Лазарева с отрядом в 1000 драгун и солдат[92] сроком на год

---

[86] Там же, стр. 137.

[87] В. Г. Дружинин. Попытки Московского правительства..., стр. 5—6.

[88] ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, № 965, л. 30.

[89] Нельзя согласиться с Б. Н. Тихомировым, который пишет, что «в середине XVII в. в казачество вливаются новые слои, часть которых входит в регулярное казачество, записывается в особый реестр, который до нас сохранился, а другая часть осталась вне войскового круга» (Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 57), т. е считает, что царскому правительству удалось создать реестровое казачество. Военные люди Ждана Кондырева, направленные на Дон, и сохранившиеся их списки не доказывают этого, а наоборот, отвергают. Это была попытка создания реестрового казачества. Она не удалась. Б. Н. Тихомиров сам в последующем изложении (там же, стр. 58) убедительно подтверждает это.

[90] В. Г. Дружинин. Попытки Московского правительства.., стр. 7; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба..., т. II, стр. 149.

[91] Там же.

[92] Офицерами в отряд были определены: 1 майор, 4 капитана и 5 поручиков-иноземцев. — Донские дела, кн. 4, стр. 42—43.

«до перемены». Мотивировка посылки была сформулирована предельно ясно — «для обереганья донских атаманов и казаков».[93] Сбор драгун и солдат был назначен в Москве. Ввиду недостаточного количества собравшихся был произведен дополнительный набор за счет желающих служить на Дону. В Черкасск отряд А. Лазарева пришел в конце октября 1648 г. в составе 1000 человек. Отряд этот, не в пример предыдущему, расположился отдельно и независимо от войска. Им был построен на Аксайском острове Дона, несколько выше Черкасска, укрепленный земляной городок.[94] получивший позже у казаков название Верхнего или Нового Черкасского городка.[95] П. П. Смирнов в посылке отряда царских ратных людей драгунской и солдатской службы на Дон усматривает замыслы правительства таким путем прочно оккупировать область Дона и предполагает, что начальник этого отряда А. Лазарев, в прошлом опытный воевода многих южных городов, фактически должен был быть на Дону постоянным представителем царской власти — донским воеводой.[96] Эти соображения П. П. Смирнова небезосновательны. Отряд был послан на «годовалую» службу и подлежал замене. Полномочия же А. Лазарева не были ограничены сроком. Но если это было так, то необходимо признать полный провал указанных устремлений правительства. Просьбы донской старшины о присылке государевых ратных людей на Дон вынуждались тяжелыми обстоятельствами. Практическое их осуществление, особенно в форме посылки отряда государевых ратных людей и постройки особого «городка», естественно, вызывало тревогу и опасения на Дону.

Действия отряда и его начальника А. Лазарева, их обособленность не понравились казакам и вызвали недовольство. Требованию А. Лазарева явиться в шатер, согласно царскому наказу, с тем чтобы заслушать от воеводы милостивое слово и принять государеву грамоту и казну, казаки не подчинились. Они считали власть круга выше власти царского воеводы. Хлебные запасы (1000 четвертей муки) и 1000 рублей, посланные для солдат А. Лазарева в 1649 г., казаки солдатам не дали, а взяли себе. Для того чтобы удержать солдат на месте, А. Лазарев вынужден был раздать им все имевшиеся в его распоряжении наличные хлебные запасы. Боеприпасы, 122 пуда пороха и 183 пуда свинца, донское войско, вопреки жела-

[93] Там же, стр. 210.

[94] «Стал на острову на Донских разливах, подле Войска, со всеми ратными людьми и с хлебными запасы и з государевою денежною казною в крепких местех, окопал земляной городок на острову, да поставил 2 башни деревянных...». — Там же, стр. 42—43.

[95] ЦГАДА, ф. Донские дела, 1669 г., № 2, лл. 45—46, док. № 11, лл. 18, 20; № 12, л. 72.

[96] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба.., т. II, стр. 151.

нию А. Лазарева, также взяло себе. Войсковая старшина явно игнорировала воеводу, требовала его в казацкий круг, что не предусмотрено было царским наказом, не обращала внимания на его предупреждения о недопустимости походов на Азовское и Черное моря, ограбила все его личное имущество, всячески оскорбляла и хотела даже убить воеводу, и лишь противодействие солдат спасло его.[97] Казаки же подговорили солдат, чтобы те перешли из обоза к ним в Черкасск. В ночь на 5 июня 1649 г. «...из обозу перешли к казакам 473 человека».[98] Факт этот примечателен. Войско Донское желало, чтобы ряды его пополнялись органическим включением служилых людей в состав казачества и чтобы они жили, как и все на Дону, по войсковому праву. Казачество тяготилось постоянным представительством царской власти — воеводою и начальными людьми, которые связывали свободу их действий. Более того, оно было крайне раздражено неопределенно длительным нахождением на Дону А. Лазарева, ставившего свою власть выше власти казацкого круга.

Встретив такое резкое противодействие своим намерениям, царское правительство вынуждено было славировать и до поры до времени отказаться от планов установления на Дону своего постоянного представительства в лице воеводы с постоянным гарнизоном ратных людей. 10 августа 1649 г. А. Лазареву было приказано покинуть Дон вместе с начальными людьми, «а солдатам... сказать, что им быть на... государевой службе на Дону, и служить... с отоманы и казаки вместе».[99] В связи с отъездом А. Лазарева оставшиеся 485 солдат также перешли жить «к казакам в городок».[100] Вскоре значительная часть их, ввиду неустроенности жизни и пользуясь тем, что установленный годовой срок их службы прошел, покинули Дон. В октябре войсковой атаман сообщил в Москву, что «солдаты... полку Лазарева пошли на... украинные городы, государева указу и жалования не дожидались.»[101] Согласно той же отписке, их осталось на Дону 290 человек.

Подводя итоги миссий Ж. Кондырева и А. Лазарева, следует отметить их неудачу. Планы правительства создать реестровое казачество на Дону и содержать там постоянный гарнизон государственных ратных людей оказались неприемлемыми для казачества. Донские казаки и их старшина весьма ревниво относились к своим особым казацким правам и не могли смириться с нарушением кем-либо традиций. Остро нуждаясь в людях, донское войско желало пополнить свои ряды за счет

[97] Отписка А. Лазарева от 13 сентября 1649 г.: «На твоей государеве службе на Дону от казачья насилия разарен без остатка и апозорен». — Донские дела, кн. 4, стр. 238—241.

[98] Там же, стр. 239.

[99] Там же, стр. 237.

[100] Там же, стр. 239.

[101] Там же, стр. 260—261.

пришлых служилых людей, но при условии их органического включения в его ряды. Нахождение на Дону служилых людей Ж. Кондырева и А. Лазарева не прошло для казачества бесследно. Оно в какой-то мере оградило казаков от враждебных действий азовских и крымских татар в трудные годы после оставления казаками Азова. Несколько сот людей, приведенных на Дон Ж. Кондыревым и А. Лазаревым, навсегда остались там, пополнив ряды постоянного населения.[102] «Они... увеличили на Дону количество голутвенного казачества и этим способствовали подготовке здесь в будущем восстания Разина».[103] В этом плане очень важно напомнить, что «вольные люди», набранные Ж. Кондыревым перед отправкой их на Дон, находясь в Воронеже, вели себя неспокойно и проявили антиправительственные настроения, подняв 25—27 апреля 1646 г. «настоящее восстание... против воеводы и против Ждана Кондырева», вызванное подозрением в утайке части положенного им денежного жалования, и что в среде их, несмотря на все предостережения, оказалось немало беглых крестьян и холопов.[104]

Драгуны и солдаты А. Лазарева перед отправкой на Дон еще более скомпрометировали себя в глазах правительства, чем служилые люди Ж. Кондырева. Находясь в период комплектования полка с марта по 11 июня 1648 г. в Москве, они приняли активное участие в народном восстании, вспыхнувшем там 2 июня 1648 г. Как известно, основной социальной силой стихийного восстания были черные тяглые люди. Успехи же восстания, приведшего к падению ненавистного правительства Б. Морозова, были в значительной степени определены поддержкой черных тяглых людей стрельцами и солдатами московского гарнизона. Драгуны и солдаты А. Лазарева, недовольные расчетами с ними при выдаче жалованья, активно поддержали восстание тяглых людей. Правительство, для того чтобы нейтрализовать полк, вывело его за пределы Москвы в село Коломенское. Там в ночь с 4 на 5 июня драгуны и солдаты хотели насильно захватить государеву казну, находившуюся в распоряжении Лазарева, но неудачно. Власти, частично удовлетворив требования драгун и солдат в выдаче жалования, приказали А. Лазареву немедленно отправиться с полком к месту назначения на Дон, что и было сделано 11 июня 1648 г.[105]

В 60-х годах, в условиях войны с шляхетской Польшей и обострения взаимоотношений с Крымским ханством и Турцией,

[102] В 1648 г. в Черкасске было, помимо старых казаков, казаков из набранных Ж. Кондыревым служилых людей с 600 человек (там же, стр. 17). В 1650 г. на Дону служилых людей, пришедших туда с А. Лазаревым, было человек с 300 (там же, стр. 455).

[103] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба.., т. II, стр. 148.

[104] Там же, стр. 142—143.

[105] Там же, стр. 178—184.

правящие верхи России вновь возвращаются к провалившемуся в 1649 г. плану установления на Дону воеводской власти и содержания там в Ново-Черкасском городке постоянного гарнизона государевых ратных людей. Используя пребывание на Дону войсковой группы воеводы И. Хитрово в составе двух солдатских и восьми стрелецких полков,[106] а также обострение взаимоотношений между зажиточным и голутвенным казачеством, в 1664 г. царское правительство оставляет в Ново-Черкасском городке отряд ратных людей с воеводой Иваном Хвостовым.[107] От 1665 г. сохранились известия, что И. Хвостов с находившимися в его подчинении ратными людьми совместно с казаками ходил под Азов.[108] В 1669 г. он принял участие в походе казаков против азовских татар.[109] Воевода И. Хвостов стоял с гарнизоном ратных людей в Ново-Черкасске вплоть до начала крестьянской войны 1670—1671 гг.[110] Нельзя не отметить его влиятельное положение среди казацкой старшины. Когда в 1668 г. войсковой атаман Корнило Яковлев «атаманство сдал», то он явился в Ново-Черкасский городок к воеводе И. Хвостову и доложил ему об этом.[111]

Политика царского правительства, проводимые им мероприятия для безусловного подчинения области Дона своей власти вызывали большое недовольство в среде казачества, способствовали широкому распространению антиправительственных настроений и встречали с его стороны все более решительное противодействие.

Даже в среде зажиточного казачества и казацкой старшины эта политика вызывала настороженное отношение, не всегда получала необходимую поддержку и вызывала оппозиционные настроения. Интересы зажиточного казачества сильно задевались ограничениями, проводимыми по отношению к Дону в области его торговых взаимоотношений с южными пограничными уездами. Недовольно оно было и регламентацией взаимоотношений войска Донского с его соседями, Крымским ханством, Азовом и различными кочевыми татарскими ордами, лишавшей возможности организации выгодных военных походов в Азовское и Черное моря. Угрозы правительства, которые оно расточало в каждом случае неточного выполнения донскими казаками указаний из Москвы, лишить казаков всех вольностей вызывали большое раздражение. Необходимо отметить, что уже тогда на Дону в какой-то мере получила рас-

106 ЦГАДА, ф. Донские дела, 1665 г., № 4, лл. 23—24.

107 Численность отряда была 500 человек стрельцов и казаков и семь «начальных людей». Отряду был установлен ежегодный «корм» — 1540 четвертей ржаной муки и 75 четвертей круп и толокна. — ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 545, л. 356, № 658, л. 108.

108 Там же, ф. Донские дела, 1665 г., № 6, лл. 1—2.

109 Там же, 1669 г., № 9, лл. 7—9.

110 Там же, № 12, лл. 71—72.

111 АИ, т. IV, док. № 202 (XXV).

пространение идея обособленности казацкого мира, его единства, независимо от его местонахождения (на Дону, Днепре, Яике, Тереке). Эта идея достаточно определенно проявилась в ходе крестьянской войны 1670—1671 гг. «Великого войска Донского и Яицкого и Запорожского от атаманов», — так начинались некоторые листовки повстанцев.[112]

Часть зажиточного казачества весьма отрицательно относилась и к мероприятиям царского правительства, которое настоятельно требовало прекращения походов воровских казаков на Волгу. Она усматривала в этих походах возможности некоторой разрядки напряженной обстановки, сложившейся на Дону, так как в походы за добычей прежде всего уходило наиболее бедное население Дона, и тайно оказывала помощь идущим в походы, не без выгоды для себя. Казацкая старшина, отражая настроения зажиточного казачества, чтобы найти выход из создавшегося положения и разрядить напряженную обстановку, носилась с планом уничтожения турецких крепостей в устье Дона с помощью России. Обстановка, сложившаяся к зиме 1661 г., отмеченное уже обострение отношений русского государства с Крымским ханством и Турцией благоприятствовали этому плану. Для его выполнения весной 1661 г. по решению войскового круга в Черкасске собрались казаки всех станиц Дона и его притоков.[113] Пришло на Дон и царское войско под командой воеводы И. Хитрово.[114] Казаки активно помогали действиям царского войска против Крыма. В марте 1661 г. они, вместе с государевыми ратными людьми, осадили и штурмовали «новый ханов Донецкий городок» и чуть было его не взяли. Осенью этого же года ими были разбиты «каланчинские крепости».[115] Освободить устье Дона как в этом году, так и в последующие казакам не удалось. Виновником создавшегося положения казаки считали царское правительство, которое не приняло Азов из их рук в 1637—1642 гг., связывало их инициативу в борьбе за устье Дона и не оказывало, несмотря на многие просьбы, необходимой материальной и военной помощи.

Оппозиционные настроения среди зажиточного казачества и войсковой старшины по отношению к царским властям все более усиливались. Однако обострение классовых противоречий на Дону, непрерывный поток беглых людей и боязнь их выступлений склоняли зажиточную верхушку казачества к союзу с русскими феодалами, что полностью соответствовало планам царизма — превратить казацкую верхушку в свою опору.

---

112 Сб. док. Центрархива, док. № 185, 186.

113 Донские дела, кн. 5, стр. 712.

114 ЦГАДА, ф. Донские дела, кн. 4, лл. 23—24; Донские дела, кн. 5, стр. 760—761.

115 А. А. Лищин. Акты, относящиеся к истории войска Донского, док. № 40, 42, 44, 45.

Своеобразное переплетение на Дону двух все более обострявшихся противоречий: всего казачества с царским правительством и голутвенного казачества с зажиточными казаками; все большее сосредоточение там беглых людей с ярко выраженными антикрепостническими и антиправительственными настроениями и их безвыходное положение и явились исходным моментом того бурного брожения среди казачества, которое происходит там в годы, непосредственно предшествующие крестьянской войне 1670—1671 гг. Все это вылилось в одно из важнейших событий предыстории крестьянской войны — массовый поход казацко-крестьянской голытьбы во главе с атаманом Степаном Разиным на побережье Каспийского моря.

Весной 1666 г., во время очередного голода на Дону, среди казачества, особенно среди населения верховых казацких городков, возникло массовое движение, которое привело к возникновению нескольких казацких отрядов, направившихся за пределы Донской области для определения на государеву службу— за государевым жалованьем. Появление идеи этого похода было вполне естественно. Не имея источников существования, находясь в безвыходном положении, голутвенные казаки, количественно разросшиеся за счет беглых людей, учитывая, что Россия находилась в войне с Польшей, решили по своей инициативе предложить царскому правительству свою службу в любом месте, где это необходимо, с тем чтобы получить государево жалованье. Ничего необычного в этом стремлении казаков не было. Оно исходило из существовавшей практики. Многие казацкие донские станицы несли государеву службу не на Дону, а за пределами Дона,[116] находясь на положении государевых служилых приборных людей.

Одно обстоятельство, по-видимому, сыграло немаловажное значение как повод в развитии этого движения. Весной 1666 г. в Черкасск проездом прибыло посольство украинского гетмана Брюховецкого, направлявшееся к калмыкам, которое привезло на Дон гетманскую грамоту с просьбой, чтобы «войсковой атаман и казаки гетманским послонцом велели до калмыцких улусов дорогу указать... что-б они калмыки шли на службу великого государя в малороссийские города».[117] Гетманская грамота была читана на войсковом кругу и вызвала у казаков различные суждения. Казаки считали, что раз калмыков гетман призывает на государеву службу, то им также положено быть на ней, тем более, что «с калмыками де вместе ходить им за обы-

---

[116] Например, станица атамана Трофима Фомина (ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Приказной стол, № 384, лл. 300—308). Донские казаки на положении сторожевых казаков жили в селе Кузьмина Гать Тамбовского уезда и охраняли «черту».

[117] Отписка Белгородского воеводы Б. Репнина. — ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 579, лл. 93—94.

чай».[118] Войсковой круг, учитывая, по-видимому, создавшееся тяжелое материальное положение многих казаков на Дону, рекомендовал желающим («охотникам») идти на службу в малороссийские города. Не исключена возможность, что войсковая старшина, игравшая решающую роль в работе войскового круга, сознательно допустила такое решение, считая, что отлив с Дона части казачества, особенно голутвенного, несколько разрядит создавшуюся напряженную обстановку. Решение войскового круга быстро распространилось по казацким станицам и способствовало усилению начавшегося среди казачества движения за выход «на государеву службу».

До сих пор по литературным источникам нам известен был один такой отряд, сложившийся в верховых казачьих городках и направившийся к Москве во главе с атаманом Василием Усом. Вновь привлеченные источники расширяют наше представление о движении, охватившем голутвенное казачество весной 1666 г., и дают возможность говорить о нескольких казацких отрядах, покинувших одновременно в начале июня 1666 г. область войска Донского для определения на государеву службу.

С ведома войскового круга атаман Иван Аверкиев, собрав «охочих людей» «человек с 30 и больше»,[119] заручившись письмом войскового атамана к украинскому гетману,[120] выступил в поход около 10 июня «конно». Отряд продвигался через города Маяцкой, Царево-Борисов, Болыклея, Змиев и вышел к Ахтырке. От Ахтырки Аверкиев послал станицу из нескольких казаков во главе с О. Антоновым в Гадяч — к гетману Брюховецкому с предложением службы. Судя по допросным речам казака А. Наумова, одного из участников этой станицы,[121] гетмана в Гадяче станица не застала, но ей там разъяснили, «что донские казаки... гетману ненадобны, для того что де у Великого государя с польским королем учинился мир и чли... им. . государевы грамоты... где написано, что ...гетману рати людей сбирать с Дону не велено».[122] После возвращения станицы казака О. Антонова атаман Иван Аверкиев попытался было сам пробраться в Гадяч, чтобы повидаться с гетманом и передать ему лично письмо войскового атамана. Однако это ему не удалось. Гетманский есаул встретил донских казаков, обезоружил

[118] Это версия, высказанная на допросе казаком А. Наумовым (там же, лл. 93—94); по другой версии, высказанной казаком Я. Позняковым, «чли де на Дону... великого государя грамоту, что велено с Дону на... службу в малороссийские городы... послать казаков» (там же, лл. 88—89). Казаки, участники похода В. Уса, отвечая на вопрос, почему они пришли к Туле, ссылались на государеву грамоту: «...пришли де они з Дону по указу великого государя служить, а ждут указу (где служить. — *И. С.*) с Москвы от станицы своей». — Сб. док. АН СССР, т. 1, стр. 49.

[119] Отписка Белгородского воеводы Б. Репнина. — ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 579, *л.* 94.

[120] Там же.

[121] Там же, лл. 94—95.

[122] Там же, л. 95.

их и пленил. С большим трудом атаман И. Аверкиев с несколькими казаками отбился и бежал из плена. Отряд был рассеян, многие казаки были выданы царским воеводам.

Вслед за отрядом атамана И. Аверкиева, беря с него пример, «своею охотою» пришел на Украину искать государеву службу отряд, созданный атаманом Федором Горлушковым,[123] в составе 40 человек. Отряд продвигался до Маяцкого по реке Северному Донцу «водяным путем», а с Маяцкого «пеш» прибыл в Харьков. Дорогой в разных местах к нему пристали «охочие люди» — 11 человек.[124] В Харькове отряд был задержан и попал в руки царских воевод.

9 июля 1666 г. гетман Брюховецкий писал Белгородскому воеводе Б. Репнину, что к нему в Гадяч приехали казаки атамана Ивана Аверкиева, «а идет де их казаков... всех пятьсот человек».[125] Это сообщение Брюховецкого никакими другими источниками не подтверждается. По-видимому, до Брюховецкого дошли слухи, отражавшие движение к Москве отряда В. Уса, который насчитывал 500 человек. Однако указанное сообщение гетмана, дойдя до Москвы, вошло в официальные правительственные документы, направленные к местным воеводам.[126] Факт включения сообщения гетмана о движении 500 казаков в правительственные документы, связанные с движением атамана В. Уса, весьма примечателен. Правящие круги движение казаков во главе с атаманом В. Усом и движение отрядов донских казаков на Украине рассматривали как явление одного порядка, и это лишний раз подчеркивает правомерность совместного рассмотрения этих событий.

Самым большим и самым значимым из отрядов, вышедших в июне 1666 г. с Дона «на государеву службу за государевым жалованьем» был отряд атамана Василия Уса. Его особая роль в охватившем казачество движении была определена местом его возникновения, размером и направлением его движения. Отряд сложился в верховых казачьих городках, районе, где были сосредоточены основные массы голутвенного казачества и куда особенно много прибывало беглых людей из внутренних уездов страны. Он был внушительным по размерам, насчитывал 700 человек. В его составе было немало недавно бежавших на Дон крестьян, холопов, посадских и служилых людей, людей,

---

123 Составитель комментариев к 1 т. Сборника документов АН СССР ошибочно указывает имя одного из атаманов, вышедших в это время в поход с Дона, — А. Наумова (см.: Сб. док. АН СССР, т. 1, стр. 262). А. Наумов был казаком отряда атамана И. Аверкиева. Другой отряд был под командованием атамана Ф. Горлушкова.

124 Отписка белгородского воеводы Б. Репнина. — ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, № 579, лл. 90—92.

125 Там же, л. 88.

126 «Да ведомо великому государю учинилось, что з Дону идут донских ж казаков с 500 человек, сверх того, которые ныне стоят за Тулою на Упе» (т. е. сверх казаков В. Уса. — *И. С.*). — Сб. док. АН СССР, т. 1, стр. 40.

не порвавших еще полностью связей со старым местожительством.[127] Организатор отряда атаман Василий Ус впоследствии стал одним из самых активных соратников Степана Разина. Движение отряда проходило по окраинным уездам страны: Воронежскому, Лебедянскому, Скопинскому, Веневскому, Тульскому и другим, — в направлении к Москве. Это был район резкого проявления недовольства крепостного крестьянства. Движение отряда В. Уса усилило борьбу крестьян против помещиков. Отряд по мере продвижения к Москве непрерывно количественно рос за счет примыкавших к нему беглых людей. Обстановка, в которой проходило движение отряда В. Уса, и присоединение к нему многих беглых крепостных людей придали его действиям особое социальное значение.[128] В результате похода отряда В. Уса установился непосредственный контакт стихийно поднимавшегося на борьбу против феодального гнета крестьянства на основной территории государства, с его представительством за «чертой» — донским казачеством.

Поход отряда атамана В. Уса, как и поход атаманов И. Аверкиева и Ф. Горлушкова, с точки зрения замыслов и интересов его участников потерпел полную неудачу. Государевой службы и государева жалования участники похода не получили. Просьба казаков, переданная в Москву посланной ими из-под Воронежа специальной станицей во главе с Е. Якимовым, направить их на службу в действующую против шляхетской Польши русскую армию и назначить денежное и хлебное жалование[129] была отклонена ввиду отсутствия необходимости в их службе в связи с начавшимися мирными переговорами с шляхетской Польшей. Всем казакам было предписано немедленно вернуться на Дон. Однако отряд В. Уса, не в пример другим отрядам, не только не был рассеян, но и организованно, в полном составе вернулся на Дон, уведя с собой несколько сот беглых людей, пополнивших население верховых городков и еще больше возбудивших его антикрепостнические и антиправительственные настроения. Нельзя также не отметить, что участники похода В. Уса проявили большую сознательность и солидарность, когда отвергли предложенное им правительством разовое жалование при условии выдачи правительству примкнувших к отряду беглых людей. Они не хотели свое благополучие строить на несчастьи своих собратьев. Участникам похода выражалось всяческое сочувствие со стороны трудового населения, но все надежды найти выход из создавшегося тяжелого положения голутвенного казачества рухнули. Получить государеву службу вне области Дона оказалось невозможным.

---

[127] Там же, стр. 35, 39, 40, 49.

[128] Этот вопрос подробно освещен в главе «Социально-экономические предпосылки крестьянской войны» данной работы.

[129] Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 8.

До нас дошло мало сведений о дальнейшей судьбе участников похода атамана Василия Уса.

Царское правительство добивалось переписи и выдачи ушедших на Дон с отрядом беглых людей и жестокого наказания всех участников похода «по войсковому праву».[130] Казацкая старшина была не в состоянии это выполнить. Переписи на Дону были неслыханным делом, за это можно было жестоко поплатиться. Войсковая старшина боялась голытьбы, тем более, что в какой-то мере в охватившем в 1666 г. казачество движении на государеву службу за пределы Дона она была виновата. На требование царского правительства наказать виновников «по войсковому праву» она приняла решение: «Василью Усу с товарищи за ево вину, что выхадили на ... государя службу без... указу, самовольством... чтоб... иным неповадно... государя жалованья ничего им не дали за их самовольство, и на них же войсковая пеня под смертною казнью без пощады».[131]

Поход казацких отрядов во главе с атаманами В. Усом, И. Аверкиевым и Ф. Горлушковым «за пределы донской казацкой области на государеву службу за государевым жалованьем» и его неудача способствовали усилению антиправительственных настроений среди казачества и пришлых людей. В то же время требование царской администрации переписать и возвратить с Дона всех беглых людей, пришедших туда с отрядом Василия Уса, и стремление выполнить его войсковыми властями еще более обострили отношения голутвенного казачества и беглых людей с зажиточными казаками, и особенно с казацкой старшиною.

Таким образом, в 50—60-х годах XVII в. в условиях длительной войны России с шляхетской Польшей, резкого ухудшения положения крестьян и других низших социальных категорий населения, обострения классовой борьбы против феодалов, область Дона в жизни страны играет исключительную роль. Туда усиленно бегут крестьяне и холопы, посадская беднота и низы служилых людей — все, кто не мог терпеть жестокий феодальный гнет, кто поставил себя по тем или иным причинам под угрозу расправы со стороны царских властей и потерял всякие надежды на возможность безопасного устройства своей жизни «в черте» государства, т. е. люди с явно антикрепостническими и антиправительственными настроениями.

В среде донского казачества резко проявлялось имущественное неравенство, определившее деление его на две противостоящие друг другу социальные группы: зажиточных и голутвенных казаков. В руках зажиточных находились лучшие промысловые угодья, торговля, выборные войсковые старшинские должности, государево жалованье, и они жестоко эксплуатировали и кабалили голутвенных казаков, вынужденных работать на положе-

130 Там же, док. № 36.
131 Там же, док. № 8.

нии наймитов в их хозяйствах и находившихся от них в экономической зависимости, что и явилось исходным моментом классовых противоречий на Дону.

Беглые люди, непрестанно прибывавшие на Дон, способствовали быстрому количественному росту голутвенного казачества верховых городков Дона. Некоторым из них удавалось обзавестись собственным хозяйством и войти в состав постоянного оседлого населения Дона. Большая же часть для получения источников существования шла работать в хозяйства зажиточных казаков, охотно принимала участие в военных походах со всем их призрачным счастьем, организуемых для получения военной добычи, для обогащения зажиточных и прокормления голутвенных казаков, из них же создавались отряды воровских казаков, грабивших на Волге торговые суда и промыслы. Приток беглых людей способствовал еще большему обострению классовых противоречий.

Царское правительство, обеспокоенное положением на Дону, необычным скоплением там беглых людей и антиправительственными настроениями и действиями казачества, опираясь на часть зажиточного казачества и войсковой старшины, стремится к установлению постоянного правительственного контроля на Дону и полному подчинению его своей власти. На Дону возникает укрепленный город Ново-Черкасск с постоянным гарнизоном царских ратных людей и воеводой. Строго регламентируются взаимоотношения войска Донского с его соседями, Крымским ханством, Азовом, калмыками и другими кочевыми ордами, лишавшие донских казаков возможностей организации выгодных военных походов в Азовское и Черное моря. Решительно пресекаются действия воровских казаков на Волге. Ограничивается торговля с южными пограничными уездами, часто нарушаются традиции Дона о невыдаче беглых людей.

Политика русского правительства в отношении Дона, перечисленные мероприятия, проводимые в целях безусловного подчинения области донского казачества своей власти, вызывали резкое недовольство среди казачества, способствовали широкому распространению антиправительственных настроений и встречали с его стороны все более решительное противодействие. Даже в среде зажиточного казачества и войсковой старшины эта политика вызывала настороженное отношение, не всегда получала необходимую поддержку и порождала оппозиционные настроения. Непрерывный приток беглых людей и боязнь их выступлений, обострение классовых противоречий умеряли эти настроения зажиточного казачества и войсковой старшины и склоняли их к союзу с русскими феодалами. Характерным для социально-политической обстановки на Дону в 50—60-х годах XVII в. является своеобразное переплетение двух все более обостряющихся противоречий всего казачества с царским правительством и голутвенного казачества с зажиточным.

Лишенные возможностей получения военной добычи за счет козакований на Волге, Каспийском, Азовском и Черном морях, особенно после постройки турками крепости Седдул-Ислам и уничтожения «воровского» городка Риги, в условиях голода на Дону, вызванного большим скоплением беглых людей и правительственными ограничениями подвоза хлеба и других продуктов, голутвенные казаки и беглые люди ищут выхода из создавшегося тяжелого положения.

Весной 1666 г., когда на Дону начался голод, который особенно коснулся населения верховых казацких городков, возникло массовое движение, приведшее к возникновению нескольких отрядов, направившихся за пределы донской казачьей области для определения на государеву службу — за государевым жалованием. Движение это не имело успеха, участники его вернулись на Дон ни с чем. Его следствием явилось еще бо́льшее углубление противоречий как между казачеством и правительством, так и в среде самого казачества — между его зажиточной и голутвенной частями.

Весной 1667 г. среди населения казацкой области Дона началось необычное для предшествующих лет массовое движение на козакование, что привело к возникновению большого отряда атамана С. Разина и его походу в Каспийское море — к берегам Персии — одному из важнейших событий предыстории крестьянской войны 1670—1671 гг.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОХОД КАЗАЦКО-КРЕСТЬЯНСКОЙ ГОЛЫТЬБЫ ВО ГЛАВЕ СО СТЕПАНОМ РАЗИНЫМ НА ПОБЕРЕЖЬЕ КАСПИЯ

В 1667 г. социально-политическая обстановка на Дону особенно осложнилась. Объяснялось это прежде всего общим ухудшением внутриполитического положения Русского государства в ходе русско-польской войны. Андрусовский договор, подписанный в январе 1667 г.,[1] хотя и вывел Россию из длительной и разорительной войны, но на некоторое время усугубил и без того сложную внутриполитическую обстановку.

В связи с окончанием войны многие «даточные люди» — крестьяне, служившие солдатами в действующей армии, многочисленные холопы, участвовавшие в войне вместе со своими хозяевами, и масса мелких служилых людей — были в короткий срок выброшены из водоворота войны и должны были определить свое дальнейшее место в жизни. Многие из них, разоренные войной, потерявшие свои хозяйства и семьи, не найдя себе применения и источников существования во внутренних областях государства («в черте государства»), устремились на Дон испытать счастье вольной казацкой жизни.[2]

Возвратившись домой, вотчинники и помещики стремились укрепить ослабленную за время войны власть над крестьянами,

---

[1] Договор о перемирии на $13^1/_2$ лет между русским государством и шляхетской Польшей, заключенный 30 января 1667 г. в селе Андрусове недалеко от Смоленска и завершивший войну за Украину между обоими государствами, начавшуюся в 1654 г.

[2] Это обстоятельство нашло отражение даже в грамоте, направленной царем Алексеем Михайловичем персидскому шаху. «Объявились в понизовых местех, — сообщается в ней, — беглецы из розных мест (имеется в виду отряд С. Разина. — *И. С.*) *после учиненного миру с Польским королевством войны*» (курсив наш. — *И. С.*). Полагаю, что примечания к рассмотренному документу, сделанные составителем сборника, неправомерны — (Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 71, стр. 268—269).

в результате чего усилилось крестьянское недовольство и стремление к бегству, в частности на Дон.

Недовольство украинского народа Андрусовским договором, разорвавшим Украину на две части и поставившим под угрозу захвата шляхетской Польшей города Киева,[3] и предательской политикой войсковой старшины во главе с гетманом Брюховецким,[4] углубление классовых противоречий на Украине также порождало значительный круг недовольных и преследуемых людей, искавших приюта на Дону.

В этих условиях приток беглых людей на Дон, и без того усиленный в 1666 г. походом донских казаков во главе с Василием Усом к Москве и Переяславльским народным восстанием на Украине, становится массовым. «Во многие де в донские городки, — писал 14 марта 1667 г. в Москву царицынский воевода, — пришли с украины (имеются в виду окраинные южные уезды. — *И. С.*) беглые боярские люди и крестьяне, з женами и з детьми, и от того де ныне на Дону голод большой».[5]

В то же время царское правительство, учитывая напряженность дипломатических отношений с султанской Турцией и Крымским ханством, вызванную Андрусовским договором, продолжало решительно требовать от войсковой старшины прекращения всяких попыток козакования в Азовском и Черном морях. Большое сосредоточение пришлых людей, их безвыходное положение — отсутствие источников существования, недостаток и дороговизна продуктов на Дону, голод — вызывают в 1667 г. среди населения области Дона необычное для предшествующих лет массовое движение на козакование на Волгу и Каспийское море. Это было движение беглых крестьян, холопов и голутвенных казаков для получения необходимых источников существования. Причины его предельно ясно выражены самим С. Разиным, заявившим, что «де им пить и есть стало нечево, а государева денежного и хлебного жалованья присылают им скудно и они де пошли на Волгу реку покормитца».[6]

---

[3] По Андрусовскому договору Украина оказалась расчлененной по линии Днепра. Левобережная ее часть отошла окончательно к России, правобережная — осталась за шляхетской Польшей. Киев по договору должен был остаться за Россией до 1669 г. Условия Андрусовского договора вызвали большое недовольство в среде украинского народа.

[4] Брюховецкий И. М. — гетман Левобережной Украины в период с 1663 по 1668 г., один из многих авантюристов, подвизавшихся на политической арене Украины в конце 50—60-х годов XVII в. Он прикинулся защитником народных масс Украины, другом России и добился избрания гетманом. Став гетманом, обманул надежды рядовых казаков, крестьян и мещан. При нем необычайно усилился феодальный гнет на Украине. В 1668 г. он изменил русскому государству, подняв восстание, предал национальные интересы украинского народа, добровольно воссоединившегося с русским народом в едином государстве.

[5] Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 38

[6] Там же, док. № 47.

По свидетельству бывшего войскового писаря А. Иванова, хорошо знавшего обстановку на Дону, стремлением к козакованию была охвачена не только донская голытьба: «Ныне многие в войске, — показал он в январе 1668 г. в Малороссийском приказе, — руские казаки и хохлачи говорят, что им на Волгу ити будет воровать, а на Дону де жить им не у чего: великого де государя жалованья в дуване досталось по кусу на человека, а иным и двум кус, денег по 30-ти алтын, сукна по 2 аршина человеку, а иным по аршину, и тем де прокормитца нечем. А потому еще: на море путь заперт, и зипуны достать стало негде...».[7]

Первоначально движение проявилось в действиях небольших отрядов воровских казаков, возглавляемых безвестными атаманами. В феврале 1667 г. они ограбили на Волге торговые струги, замерзшие во льдах реки между Царицыном и Саратовом.[8] Ранней весной 1667 г. в Каспийском море объявился отряд воровских казаков численностью в 70 человек на двух стругах, совершивший ряд разбойных нападений на торговые суда, идущие из Терки в Астрахань.[9]

Действия воровских казаков уже тогда вызвали большое беспокойство в торгово-промышленных кругах страны, связанных с Волгой и Каспийским морем, тем более, что скоро начиналась навигация. Воеводам поволжских городов было указано быть бдительными и принять все меры для предотвращения разбойных действий. Астраханский воевода, во исполнение указаний, усилил гарнизоны Царицына и Черного Яра и послал на море для поиска воровских казаков судами и сухим путем два значительных отряда ратных людей во главе со стрелецкими головами Семеном Яновым и Василием Лопатиным. Отряд Семена Янова настиг их на взморье, разбил и рассеял, взяв принадлежавшие им струги и шесть человек пленных. Остатки воровских казаков бежали в степь. Астраханский воевода считал, что путь для торговых судов к Астрахани свободен.[10]

Воевода жестоко ошибался. Несмотря на требования царского правительства к войсковому кругу и войсковой старшине об искоренении воровских казаков[11] и меры, проводимые войсковой старшиной в этих целях, движение к козакованию среди населения области Дона росло и ширилось с неудержимой силой. Войсковой круг и казацкая старшина во главе с атаманом Корнилой Яковлевым не в состоянии были приостановить это движение. Они боялись пришлых людей и голутвенного казачества. Соотношение сил на Дону было не в пользу зажиточного

---

[7] Там же, док. № 68.
[8] Там же, док. № 41.
[9] Там же, док. № 42, 106, л. 9.
[10] Он разрешил Терскому воеводе «отпущать в Астрахань на бусах и в стругах безо всякого опасенья». — Там же, док. № 42.
[11] Там же, док. № 39, 41.

казачества. Взаимоотношения его с голутвенным казачеством и массою пришлых людей были напряженными.[12] Поход за добычей должен был отвлечь значительную часть голытьбы за пределы Дона. Часть же зажиточного казачества сама была заинтересована в козаковании и тайно оказывала материальную помощь собиравшимся в поход.[13]

Весной 1667 г. движение среди населения области реки Дона к козакованию приняло такой размах, что многие пришлые люди и голутвенные казаки совершенно открыто собирались в городах на Дону у Переволоки, создавая отряды, чтобы затем двинуться к Волге. По донесению царицынского воеводы в марте месяце в Паншине и Качалинском городках собрались «воровать на Волгу многие воровские козаки».[14]

В это тревожное время у казацкой бедноты и беглого крестьянства и появляется атаман Степан Разин, возглавивший их далекий разбойный поход в Персию, а затем ставший во главе угнетенного крестьянства, поднявшегося на борьбу за свою свободу.

* *
*

Степан Разин был донской казак станицы Зимовейской.[15] Время рождения его не установлено. К 1670 г., по свидетельству одного иностранца, лично видевшего С. Разина, ему было около 40 лет.[16] Я. Стрейс описал его внешность: «Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью».[17] Близкое к этому описание внешнего облика С. Разина содержится и в летописи Величко: «... Разин был росту высокого и уроди красной, в силе и мужестве изобилен».[18] Эти описания дополняются гравировальным портретом С. Разина, опубликованным неизвестным англичанином на следующий год после казни крестьянского вождя в 1672 г. в «Известии, касающемся подробностей бунта, недавно поднятого в Московии Стенькою Разиным» и отпечатанным в типографии Фомы Ньюкомба.[19] «Ра-

---

12 Атаман К. Яковлев говорил царскому воеводе на Дону Ивану Хвостову, «что де у них, казаков, непостоянство стало большое и великого государя указу чинятца непослушны». — Там же, док. № 87.

13 Б. Н. Тихомиров. Разинщина. М.—Л., 1930, стр. 68.

14 Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 38.

15 Эта версия вошла в литературу из работы: А. Ригельман. История или повествование о донских казаках. 1778. «Чтения в императорском о-ве истории и древностей Российских» (ЧОИДР), 1846, № 3, стр. 58.

16 Я. Стрейс Три путешествия. Соцэкгиз, 1935, стр. 352.

17 Там же, стр. 200.

18 Летопись событий в юго-западной России в XVII в., т. II. Сост. Величко Самойло. Киев, 1848—1864, стр. 235.

19 Этот портрет находится в углу гравюры, изображающей въезд арестованного С. Разина в Москву.

зин на этом портрете, — по мнению М. Сменцовского,[20] — типичный русский крестьянин, совершенно не похожий ни на татарина в богатом, опушенном мехом кафтане, с тюрбаном на голове,[21] ни на удалого купца Калашникова в польско-казацком кунтуше».[22]

Степан Разин происходил из среды «домовитых» казаков. Отец его Тимофей Разин принадлежал к зажиточной казацкой верхушке Дона. Крестным отцом С. Разина был богатый и весьма влиятельный на Дону казак Корнило Яковлев Черкез.[23] Это обстоятельство говорит о близости семьи С. Разина к войсковой старшине. Но с каких времен род Разиных обжился на Дону и был ли отец С. Разина прирожденным казаком, неизвестно. Дядя С. Разина по отцу, известный позже атаман Никифор Черток, жил со своей семьей в Воронеже и, по-видимому, принадлежал к посадским низам, настолько малосостоятельным, что вынужден был даже бурлачить на Дону.[24] Вполне можно допустить, что и отец С. Разина, Тимофей Разин, происходил из социальных низов города Воронежа. Б. Н. Тихомиров небезосновательно придает этому обстоятельству большое значение, отмечая, что связь с воронежскими посадскими людьми у С. Разина была не случайна.[25] В работах иностранных писателей о крестьянской войне 1670—1671 гг. даются сведения об одном из братьев С. Разина,[26] который якобы, находясь с отрядом донских казаков на службе в действующей против шляхетской Польши русской армии, осенью 1665 г. самовольно, вместе со всем отрядом покинул ее, за что по приказу командующего армией князя Ю. А. Долгорукого был схвачен и казнен. Однако сведения эти никакими документами не подтверждаются.[27] О других родственниках С. Разина имеются точные документальные данные. Брат С. Разина Фрол был активным участником

---

20 М. Н. Сменцовский. К истории казни Степана Разина. «Каторга и ссылка», 1932, № 3, стр. 135.

21 Имеется в виду другой портрет С. Разина, появившийся также вскоре после его гибели — с гравюры Фюрста (Fürsta), малоправдоподобный, получивший распространение в Германии и Голландии. Он воспроизведен в кн.: Д. А. Ровинский. Материалы для русской иконографии, вып. 12.

22 Имеется в виду третий гравировальный портрет С. Разина неизвестного художника, получивший распространение также в Германии и Голландии. — Там же.

23 Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 68.

24 «Микифорка Черток Стенке Разину дядя по отце а родом воронежец, мать и жена ево на Воронеже, а на Дону жил с год в бурлаках». — ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, № 671, л. 537.

25 Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 67.

26 Ф. Ньюкомб. Известие, касающееся подробностей бунта, недавно поднятого в Московии Стенькою Разиным. ЧОИДР, 1895, № 3, стр. 6; Я. Стрейс. Три путешествия, стр. 198.

27 И все же их вымышленность трудно допустить. Сочинение «анонима», изданное Фомою Ньюкомбом, характеризуется большой достоверностью содержащихся в нем сведений. Трудно объяснить причины помещения автором заведомо несоответствующих действительности сведений.

крестьянской войны. Названная мать (т. е. крестная) его Матрена Говоруха была захвачена царскими войсками в бою на реке Северном Донце в Репинском юрту и за участие в восстании казнена.[28] Степан Разин имел жену и детей.[29] Сын его Афанасий в 1684 г. в одном из сражений донских казаков с азовскими татарами был взят в плен и вскоре выкуплен войском («выкупили за татарина»).[30] В 1690 г. драгун В. Тарков при допросе его в Н. Новгороде показал, что, будучи на Дону, он слышал: «Стенькин сын Разина Офонька... говорил... Я де, собрався с воровскими и с куминскими с воровскими ж казаками, все крови отца своего отолью сего лета».[31] Известие об этом, полученное от нижегородского воеводы, вызвало беспокойство в правительственных кругах. Царь указал «Ваську Таркова в подлинных речах пытать накрепко» и вести это дело тайно — «ведал бы он (нижегородский воевода. — *И. С.*) с товарыщи да один старой доброй подьячей».[32] Дальнейшая судьба сына С. Разина неизвестна.[33]

О жизни С. Разина до начала крестьянской войны 1670—1671 гг. сохранились лишь отрывочные биографические сведения. В 1652 г., с разрешения войскового круга, он ходил на богомолье в Соловецкий монастырь.[34] Выход на богомолье в далекий северный монастырь был частым явлением в жизни донского казачества. Нельзя забывать большой роли религиозной идеологии в жизни людей того времени. Основатели Соловецкого монастыря, «святые» Зосима и Савватий, считались среди верующих «чудотворцами, исцеляющими раны». Казак, получивший разрешение войскового круга идти на богомолье в Соловецкий монастырь, имел право свободного передвижения по стране в указанном направлении и получал от правительства денежное довольствие — «кормовые деньги» по 10 денег (5 копеек) в день на один месяц.[35] Хождение на богомолье было нередко предлогом, чтобы посетить родные места. Этим правом воспользовался и С. Разин.

---

[28] Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 2, стр. 87.

[29] Там же, т. I, стр. 154.

[30] Там же, т. III, док. № 307. — В данном документе он называется пасынком.

[31] Там же, док. № 314.

[32] Там же, стр. 420; прим. к док. № 314.

[33] Е. Швецова, обнаружившая указанные документы, полагает, что сын С. Разина, в период разгрома крестьянской войны, был «слишком мал, чтобы обратить на себя внимание». По-видимому, царское правительство не знало в то время о его существовании, а потому он и уцелел. — Е. Швецова. Сын Степана Разина. «Смена», 1962, 12 сентября.

[34] «И волею де, государь, божиею отца ево Тимофея в прошлом же во 158-м году (1650) в животе не стало, а он де, Стенька, того своево обета к ним, чюдотворцем и по ся места не исправлял». — Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 25.

[35] С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. Пг., 1923, стр. 35.

В декабре 1658 г. С. Разин принял участие в казацкой станице атамана Н. Васильева, направленного в Москву для переговоров с правительством о казацких нуждах.[36] По дороге он заболел, задержался в городе Валуйки и отстал, по выздоровлении же прибыл в Москву и присоединился к станице. Участие С. Разина в казацком посольстве в Москву является свидетельством того, что уже в то время он принадлежал к числу заслуженных казаков, так как быть в составе казацкого посольства и вести переговоры с московским правительством о казацких нуждах считалось большой честью. Этой чести удостаивались лишь заслуженные и отличившиеся казаки, обычно из состава зажиточных и старшины. Участие в казацком посольстве в Москву было не только почетно, но и выгодно, так как казаки хорошо принимались в Москве: получали денежное довольствие, бесплатный проезд и питание, а также подарки при приезде и отъезде. Желающих ехать было много, но далеко не все получали эту возможность. Станица пробыла в Москве до весны 1659 г. и вернулась на Дон не только с хлебным и денежным жалованьем для войска, но и с шестью пушками, предназначенными для защиты Черкасска.

Весной 1661 г. Степан Разин вместе с атаманом Федором Буданом[37] по поручению войскового круга выполняет весьма ответственную и сложную миссию — ведет переговоры о мире с калмыцкими тайшами (феодалами) и о совместных действиях их с царскими ратными людьми и казаками против Крымского ханства и турецкого азовского гарнизона.[38] Миссия атаманов Ф. Будана и С. Разина увенчалась полным успехом. 26 июля 1661 г. они вернулись в войско и привели с собой отряд (около 500 человек) калмыков, вместе с которым казаки совершили успешный налет на Азов и «многих азовских воинских людей побили, а иных в полон взяли».[39] Войсковой атаман К. Яковлев получил за это от царского правительства «одобрение».[40]

В ноябре 1661 г. С. Разин был второй раз отпущен войсковым кругом на богомолье в Соловецкий монастырь.[41] Однако трудно допустить, что это разрешение было использовано им до конца и он вновь побывал в Соловецком монастыре, так как уже в феврале следующего года С. Разин находился в Астрахани в составе посольства, которое должно было отправиться к калмыкам. За 3—4 месяца при тогдашних возможностях передвижения вряд ли можно было совершить такой длительный путь — от Черкасска до Соловецких островов и обратно от Соловецких

[36] Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 2.

[37] Федором Волошанином.

[38] Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 3.

[39] ЦГАДА, ф. Турецкие дела, 1661 г., № 1, л. 2. Войсковая отписка. — Документ обнаружен и предоставлен для ознакомления автору В. П. Загоровским.

[40] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 261.

[41] Там же, стр. 28.

островов до Астрахани. По-видимому, С. Разин добрался в этот раз лишь до Москвы, где поездка его в Соловецкий монастырь была прекращена царскими властями в связи с предполагаемой дипломатической миссией к калмыкам.[42]

Согласно отписке астраханского воеводы князя Г. Черкасского от 28 февраля 1662 г.[43] в Приказ калмыцких дел, посольство к калмыкам, в состав которого был включен С. Разин, возглавлялось царским посланником Иваном Исаковым и состояло не только из представителей донского, но и запорожского казачества. Прибыло оно в Астрахань в конце февраля 1662 г. с царской грамотой к калмыцким тайшам. Астраханскому воеводе предписывалось обеспечить посольство всем необходимым и немедленно отправить его к калмыкам. Посольство должно было склонить калмыцких тайшей (Дайчина, Мончака и Манжика) к совместным действиям против крымского хана[44] и заставить их немедленно выступить с большим войском «к Муромскому шляху и на иные места, на которые чаять итти Крымскому хану».[45] В царской грамоте предписывалось войскам калмыцких тайшей «действовать за одно з запорожскими черкасы и з донскими казаки».[46] Результаты этого посольства неизвестны, так как, согласно отписке астраханского воеводы, посольство было задержано в Астрахани по причине ухода калмыцких тайшей от города и отсутствия точных данных о местонахождении их кочевий,[47] однако факт участия в нем С. Разина примечателен. Казак С. Разин безусловно был известен в Посольском приказе как человек способный и могущий быть использованным в дипломатических отношениях царского правительства с калмыками. В связи с этим значительный интерес представляет свидетельство секретаря шведского посольства в Персии Кемпфера о том, что С. Разин якобы знал 8 языков. Во всяком случае неоднократная посылка его к калмыкам и приведенное свидетельство дают некоторое основание полагать, что С. Разин понимал калмыцкий язык.[48]

Весной 1663 г. совместными действиями калмыков, запорожских и донских казаков, походным атаманом которых был С. Разин, крымским татарам было нанесено тяжелое поражение под урочищем Молочные Воды. В результате было освобождено

---

42 Там же, стр. 261. Примечание к док. № 5.
43 Там же, стр. 28.
44 Там же, стр. 29.
45 Там же.
46 Там же.
47 Астраханский воевода обещал отправить посольство к тайшам, как только будет установлено их местонахождение. Других источников о деятельности посольства не обнаружено. — Там же, стр. 30.
48 Е. А. Швецова на основании приведенных фактов считает вероятным знание С. Разиным трех языков: калмыцкого, татарского и польского. — Там же, стр. 260.

350 человек пленных и захвачено большое количество скота.[49] С. Разин и здесь, в роли «головщика», проявил себя человеком больших способностей и хорошим военачальником.

Приведенные биографические данные говорят о том, что Разин принимал активное участие в войсковых делах и был человеком выдающихся способностей. Выполняя успешно ответственные поручения войскового круга, он зарекомендовал себя человеком бывалым, пользовался среди казачества авторитетом и даже был «на виду» у царского правительства. Разносторонняя деятельность, неоднократные поездки по стране и посещение столицы государства Москвы не могли не способствовать должной осведомленности С. Разина о внутриполитическом положении в стране, выработке у него определенной политической направленности и умения быстро ориентироваться в обстановке.

Во время пребывания в Москве в период 1658—1661 гг. вращаясь по войсковым казачьим делам в среде приказных людей и общаясь с отдельными представителями правящих верхов, С. Разин не мог не знать о тревожных настроениях в высших кругах страны, вызываемых затяжной войной России с шляхетской Польшей, неустойчивой изменнической позиции украинской феодальной верхушки, в частности об измене гетмана Выговского, оставлении патриаршего престола Никоном[50] и др. Под влиянием этих событий и настроений вырабатывалась политическая ориентировка Степана Разина. Использование им в ходе крестьянской войны имен царевича Алексея и патриарха Никона, стремление к согласованным действиям с правобережным гетманом П. Дорошенко, конечно, не были случайными.

Неоднократные и длительные разъезды по стране, пребывание в Москве и разносторонняя деятельность, сама обстановка на Дону, являвшаяся своеобразным барометром, отражающим классовые взаимоотношения, дали возможность Степану Разину хорошо узнать господствовавшие в стране крепостнические порядки. Он имел, например, возможность непосредственно ознакомиться с настроениями народных масс накануне восстания 1662 г. в Москве, видел страдания народа, жестокое угнетение его боярами, помещиками и купцами, повсеместный произвол над народом царских воевод и приказных.

На Дону, в условиях обострения взаимоотношений казачества с царским правительством, в связи с наступлением последнего на исконные казацкие права и традиции и стремлением к полному подчинению Дона, С. Разин был противником той части казачества, которая полностью стала на службу русскому правительству и являлась его агентурой на Дону. В представлении С. Разина, казачество, независимо от его территориаль-

---

[49] Там же, стр. 31.

[50] С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 35—36.

ного нахождения, было связано общностью интересов и представляло собой особый мир, противостоящий московскому обществу. Только этим можно объяснить проявившуюся в ходе крестьянской войны практику обращения в распространяемых повстанцами от имени С. Разина листовках «От донских и от яицких атаманов молотцов, от Стефана Тимофеевича и ото всего великого войска Донского и Яицкого».[51]

В то же время в развернувшейся на Дону борьбе голутвенного казачества с зажиточным С. Разин явно держал сторону первого. Народные песни характеризуют С. Разина убежденным сторонником и горячим защитником казацкой голытьбы.

Во казачий круг Степанушка
Не хаживал,
Он с большими господами
Дум не думывал,
. . . . . .
Ой, ходил, гулял Степанушка
В царев кабак,
. . . . . .
Думы думал атаманушка
С голытьбою.[52]

Они показывают его также другом и защитником всего простого народа — «люду бедному он защитничек»,[53] решительным борцом за его свободу. В представлении народном Степан Разин был «лютый недруг всем насильникам»[54] — боярам, помещикам, воеводам. В них он видел прежде всего причину бедствий народа. Жгучая злоба и безмерная ненависть к С. Разину со стороны правящих кругов и господствующего класса, выраженная в официальных правительственных документах, подтверждают правильность народного представления об этом замечательном человеке, беззаветно отдавшем все свои силы и жизнь борьбе за счастье народа.

* *
*

Ранней весной 1667 г., когда донская голытьба устремилась на козакование, Степан Разин призывает ее в поход «за зипунами» на Волгу и Каспийское море, пограбить богатые купеческие караваны, «пошарпать» владения персидского шаха.[55]

---

[51] Сб. док. АН СССР, т. II, ч. 2, док. № 78.
[52] Сб. песен АН СССР, стр. 42.
[53] Там же, стр. 112.
[54] Там же.
[55] В царских грамотах, направленных в марте — мае 1667 г. воеводам понизовых городов и донскому атаману (опубликованы: Сб. док. АН СССР, т. I), говорится об опасности выхода воровских казаков именно на Волгу и Каспийское море, «что б однолично им на Волге и на иных запольних реках воровать не дать и на море не пропустить». О сборах воровских казаков с целью похода в Черное море ни в одном из этих документов нет ни слова.— Там же, стр. 75.

Этот призыв нашел яркое отражение в народном песенном фольклоре:

Ой, вы, ребятушки, вы, братцы,
Голь несчастная,
Вы поедемте, ребята,
В сине море гулять,
Корабли-бусы с товарами
На море разбивать,
А купцов да богатеев
В синем море потоплять.[56]

Чтобы ускорить сбор и организацию донской голытьбы, желающей идти «за добычей» на Волгу и Каспий, во второй половине апреля 1667 г., как только Дон вскрылся от льда и началась навигация, Степан Разин с отрядом собранных им единомышленников («с товарищи») совершает поход по Дону.[57]

[56] Там же, стр. 42.

[57] В специальной литературе эти действия С. Разина обычно рисуются как поход его к Азову в целях проникновения на козакование в Азовское и Черное моря, прекращенный им под давлением войсковой старшины, т. е. неудачный, или совсем замалчивается (А. Н. Попов. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857, стр. 25; Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования, т. II. СПб., 1863, стр. 242; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III. СПб., 1861, стр. 294; С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 40 и др.). Подобная трактовка своей источниковедческой основой имеет единственный документ — пересказ в царской грамоте отписки атамана К. Яковлева от 3 мая 1667 г. царицынскому воеводе, в которой он сообщил, что «жили де они (т. е. войско Донское. — *И. С.*) с азовскими людьми в миру, и за их миром хотел было их войсковой казак Стенька Разин с товарыщи... итти на море. И по их де отписке он с моря в больших лотках воротился и ничево не учинил, и прогребли полоями (т. е. по местам, залитым весенними паводковыми водами, а не по основному руслу Дона. — *И. С.*) мимо их Черкасского городка вверх по Дону. И они де, атаманы и казаки, посылали за ними и их не нашли» (Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 54). Это сообщение атамана К. Яковлева в части сведений, содержащихся в нем о походе отряда С. Разина к Азову — в Черное море, не может быть признано достоверным. Сведения эти не подтверждаются никакими другими документами. Они не согласуются друг с другом и не всегда правомерны. В одном случае в них говорится, что С. Разин «хотел было... итти на море», в другом — что он уже был там и лишь по войсковой «отписке он с моря... воротился». Трудно также допустить, что С. Разин, пробравшись с своим отрядом через азовские укрепления в дельте Дона, пройдя в море, «ничево не учинил» там и, будучи недосягаем для войсковой старшины, немедленно выполнил ее требование о прекращении похода. По-видимому, атаман К. Яковлев, вызвавший большое недовольство царского правительства своей беспомощностью перед донской голытьбой и желая себя реабилитировать, использовал поход С. Разина по Дону и дал о нем неправильную информацию, подчеркнув свои особые заслуги в его прекращении. Примечательно, что сообщение К. Яковлева в рассматриваемой отписке о посылке им погони за отрядом С. Разина («посылали за ними и их не нашли») полностью опровергается отпиской царицынского воеводы, обвинившего войско в том, что «...в стругах за ними (за С. Разиным. — *И. С.*) в погоню Доном рекою до Иловлы реки казаков не посылали» (там же, док. № 57). На основании этой отписки атаману К. Яковлеву за непринятие мер против С. Разина было объявлено царским правительством порицание (там же, док. № 59). Вероятнее, что С. Разин своим походом по Дону дезориентировал не только царских воевод понизовых городов (что он и делал в целях отвлечения их внимания от Переволоки, по которой воров-

Отряд плывет в «больших лотках» вниз по его течению, от одного городка к другому,—вплоть до Черкасского, и совершает обратный путь к Переволоке.[58] В ходе продвижения по призыву Степана Разина в отряд непрерывно вливаются желающие принять участие в козаковании на Волге и Каспии, и он быстро численно растет. Происходит сбор разбросанной по различным казачьим городкам донской голытьбы в единый большой отряд во главе с атаманом С. Разиным.[59] По данным разведки, проведенной царицынским воеводой, когда отряд в начале мая пришел к Паншинскому городку, то насчитывал «с 600 человек и больши».[60] Казаки обосновываются на островах, образованных весенним разливом Дона, между речками Тишиной и Иловлей в районе Паншинского и Качалинского городков. Место это было весьма скрытное и малодоступное. Туда не в состоянии были проникнуть подосланные царицынским воеводой разведчики.[61] Оно было удобно, так как находилось у Переволоки, на ближайших подступах к Волге. Приток людей в отряд продолжался. «Из донских казачьих городков к тем воровским казаком, — сообщала разведка царицынскому воеводе, — таиным обычаем многие люди уходят беспрестанно».[62] Станичный атаман Паншинского городка определил численность участвующих «в зборе человек с 1000 и больши».[63] Собравшиеся деятельно готовились к походу.

ские казаки выходили на Волгу), но и войсковую старшину, поверившую слухам о продвижении отряда С. Разина к Азову — на Черное море. Такие слухи ходили (там же, док. № 67). Так или иначе, единственное свидетельство атамана К. Яковлева о походе С. Разина на Азов — в Черное море, не может быть принято во внимание ввиду его недостоверности.

[58] Достоверность сведений об этом походе, сообщенных в отписке К. Яковлева от 3 V 1667 г. (Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 54), подтверждается другими документами. Крестьянин Троицкого монастыря И. Попов, будучи в это время на Дону в Распопинском городке, расположенном ниже впадения в него реки Медведицы, видел, как пошли «те воровские казаки вниз по Дону» (там же, док. № 73), т. е. зафиксировал движение отряда С. Разина. Царицынский воевода, по данным разведки, сообщил, что войсковая старшина «того заводчика Стеньку с товарищи назад в Черкасской городок не поворотили... и в стругах за ними в погоню Доном рекой до Илавлы реки казаков не посылали» (там же, док. № 57), т. е. воспроизвел движение отряда С. Разина вверх по Дону от Черкасска до Переволоки.

[59] Царицынский воевода обвинил войсковую старшину в том, что она не посылала «за ними (за С. Разиным и его единомышленниками. — *И. С.*) в погоню Доном рекою до Илавлы реки казаков... и по казачьим городкам ничего им не учинили; и в их же казачьих городках он, Стенька, многих воров к себе прибирал безпрестанно». — Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 57.

[60] Там же, док. № 54.

[61] Один из них, И. Бакулин, вернувшись из неудачной разведки, заявил: «...и про них де подлинно проведать и сметить, сколько их человек и у них стругов и каковы струги, не мочно, и языка у них поимать за большою водою нельзе». Посланного в Паншинский городок для собирания сведений о С. Разине попа Андрея «довести... к тем воровским казакам в судне... никто не смел». — Там же, стр. 87, 88.

[62] Там же.

[63] Там же.

Движение донской голытьбы в отряд С. Разина, как во время его продвижения по Дону, так и в период нахождения в укрепленном лагере у Переволоки, сопровождалося погромами зажиточных казаков[64] и торговых людей.[65] Посылка «войском» по всем казацким городкам представителей из старшины с запретом («с крепким заказом») козакования под страхом жестокого наказания по войсковому праву нисколько не ослабляет движения донской голытьбы, а лишь еще более ее озлобляет. Проявляются явно антиправительственные настроения. В адрес царицынского воеводы С. Разин высказывает прямую угрозу, что если он «пошлет... за ними служилых людей, и тех всех потеряет напрасно, а город де они велят зжечь».[66] Эти настроения среди казачества весьма выразительно были охарактеризованы самим войсковым атаманом К. Яковлевым, заявившим царскому воеводе на Дону И. Хвостову, что «у казаков непосто-

---

64 Атаман К. Яковлев в отписке царицынскому воеводе от 6 мая 1667 г. сообщил большее: будто бы С. Разин «с товарыши... многие городки (казацкие. — *И. С.*) розоряют» (там же, док. № 54). Эта версия на основании упомянутой отписки повторена астраханским воеводой в отписке царицынскому воеводе от 12 мая 1667 г., но уже в ином варианте. «Стенька Разин,— читаем мы в ней, — донские верховые городки разоряет» (там же, док. № 44). А. Н. Попов, чтобы показать преступную, по его мнению, деятельность С. Разина, фальсифицируя это сообщение, пишет, что С. Разин прошел «к Паншину городку в начале мая, громя и разоряя прибрежные села и деревни» (А. Н. Попов. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857, стр. 25). Составитель Сборника документов «Крестьянская война под предводительством С. Разина» Е. А. Швецова сомневается в достоверности сообщения о разгроме С. Разиным казацких городков, потому что оно не подтверждается якобы другими документами «и находится в резком противоречии со смыслом всех событий похода С. Разина» (Сб. док. АН СССР, т. I, прим. 44). С этим можно бы было согласиться, учитывая, что атаман К. Яковлев, сообщивший о разгроме С. Разиным казацких городков, в оправдание своей беспомощности перед донской голытьбой сознательно преувеличивал ее действия, если бы не было подтверждения этого сообщения более объективными лицами. В начале мая, после 3 числа, царицынский воевода для «проведывания» действий Степана Разина направил на Дон служилых людей. По возвращении последние сообщили: «А збираются де к нему (к Разину. — *И. С.*) безпрестанно и, едучи де вверх по Дону, многие казачьи городки розоряют» (там же, док. № 54). Вероятнее допустить, что формула сообщения «многие казачьи городки розоряют» отражала погромы в них куреней зажиточных казаков и войсковой старшины. Это вполне увязывается с последующими сведениями о действиях Разина на Дону, например в «Сказке, объявленной С. и Ф. Разиным перед казнью»: «...и старых донских казаков, самых добрых людей, переграбил и многих побил до смерти» (там же, т. III, стр. 84). Об этом рассказали упомянутые служилые люди, посланные из Царицына на Дон для проведывания. Они сообщили, что повстанцы «проезжих торговых людей и *казаков грабят и побивают до смерти*» (там же, т. I, стр. 87. Курсив наш. — *И. С.*). Гнев донской голытьбы, разумеется, был направлен против зажиточных казаков и войсковой старшины.

65 О повсеместном погроме торговых людей воровскими казаками имеется много документальных свидетельств. Они весьма лаконичны: «И торгошей везде грабит», «И проезжих торговых людей побивают до смерти», «...торговых людей грабили ж, которыя шли на судах в Черкасский городок», — сообщается в них (там же, стр. 78, 87).

66 Там же, стр. 73, 88.

янство стало большое и великого государя указу чинятца непослушны».[67]

Предстоящий путь отряда по Волге к Каспийскому морю был длинен и труден, на ее берегах стояли хорошо укрепленные царские города с постоянными стрелецкими гарнизонами, являвшимися серьезным препятствием в осуществлении планов донской голытьбы. Было очевидно, что пробиться в Каспийское море возможно лишь сильным и хорошо оснащенным отрядом при условии решительных и внезапных действий. Учитывая это, Степан Разин ведет тщательную и всестороннюю подготовку к походу. Важнейшим моментом этой подготовки являлось обеспечение отряда, в массе своей состоящего из людей неимущих и безоружных (недавно бежавших на Дон крестьян и холопов), продовольствием, одеждой и обувью, особенно оружием, боеприпасами и средствами передвижения. Торговые суда, следующие к Черкасску, перехватывались, товары с них забирались для отряда.[68] В Паншинском городке казаки из отряда С. Разина насильно взяли «и ружье, и зелье, и свинец, и запас (продовольствие. — *И. С.*), и тележные колеса, и деготь».[69] Оружие, по-видимому, отбиралось у всех, кто его имел и не хотел принять участие в походе.[70] Другая часть необходимого для похода оснащения получена была С. Разиным путем торговли. Особую помощь оказали воронежские посадские люди Иван Горденев и Трофим Хрипунов, которые «ссудили» его необходимыми боеприпасами — порохом и свинцом. Привозили и продавали воровским казакам порох и свинец и многие другие воронежские торговые люди.[71] Нельзя не отметить и роль зажиточных казаков в снабжении отряда С. Разина всем необходимым для похода. Многие из них, стремясь к обогащению, несмотря на войсковой запрет козакования, тайно снабжали «голутвенных людей ружьем и платьем... исполу»,[72] т. е. за половину возможной добычи. По-видимому, даже отдельные представители войсковой старшины по тем же корыстным расчетам, а также стремясь избавиться от опасного для нее большого скопления голытьбы и разрядить обстановку на Дону, не только знали о намерении С. Разина идти в поход на Волгу и Каспий, но и тайно от царского правительства поддерживали его. Бывший войсковой дьяк А. Иванов при расспросе его в Малороссийском приказе весьма недвусмысленно заявил, что кто-то из войсковой старшины дал Степану Разину «лотку и казенный порох» и что имя этого старшины ему известно, оно упоминалось на войсковом кругу после того, как отряд С. Разина уже ушел на Волгу. Этому че-

---

67 Там же, док. № 87.
68 Там же, стр. 78, 87.
69 Там же, стр. 87.
70 Там же, док. № 75.
71 Там же, док. № 68.
72 Там же, стр. 154.

ловеку воронежец Трофим Хрипунов, как и Степан Разин, является «названным сыном».[73] Этим человеком был «коварный» и «лицемерный плут», как его называет Карл Маркс,[74] сам донской атаман Корнило Яковлев. Таким образом, путем насильственного изъятия продовольствия, боеприпасов, вооружения и прочего у торговых людей и зажиточных казаков, с помощью воронежских торговых людей и содействия части зажиточного казачества и войсковой старшины, отряд С. Разина получил необходимое оснащение, которое обеспечило, как показывают последующие события, его продвижение к Каспийскому морю.

Проводится тщательная разведка возможностей козакования на Волге и Каспии. Как видно из отписки царицынского воеводы от 4 апреля 1667 г., она началась задолго до похода. Сообщая по поводу ограбления воровскими казаками замерзшего на Волге, между Саратовым и Царицыном, «икряного струга», он высказал предположение о том, «что приходили те казаки для проведыванья на Волге стругов и лоток».[75] Участники этого «ограбления» пошли «степью в воровской Качалинский городок... А на весну хотели приходить для такого же воровства на Волгу большим собраньем»,[76] т. е. действительно были связаны с донской голытьбой, собравшейся у Переволоки. Отряд воровских казаков, рассеянный царскими стрельцами головы С. Янова в Каспийском море, в конце апреля — начале мая 1667 г., вне сомнения, был связан с С. Разиным. Только этим можно объяснить осведомленность последнего в его неудаче и заявление о желании «выручить» захваченных в плен стрельцами С. Янова шесть казаков.[77] Особое внимание уделяется С. Разиным разведыванию положения в Яицком каменном городке,[78] как предполагаемой базе отряда для действий в Каспийском море. Сохранились известия о том, что он имел хорошую связь с яицкими казаками, через которых и получал сведения о положении дел в Яицком городке. «Прежней станицы воровских казаков козак» Федор Сукнин, проживавший в указанном городке, призывал С. Разина выйти в поход с большим отрядом, взять Яицкий городок, «а самому сесть в том городке, и, выходя ис того городка, на море и на Волге воровать».[79] Через яицких казаков Степан Разин хорошо знал, например, о малочисленности и

---

[73] Там же, док. № 68.

[74] К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 124—125.

[75] Содержание этой отписки изложено в царской грамоте от 13 апреля 1667 г. — Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 40.

[76] Там же, док. № 41.

[77] Там же, док. № 47.

[78] Яицкий каменный городок, современный город Гурьев. Он был построен в 1645 г. гостем М. Гурьевым в устье реки Яик (в дальнейшем — Яицкий городок). Другой Яицкий городок — центр казачества — назывался верхним Яицким городком.

[79] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 87.

слабости царского гарнизона в Яицком городке, о чем прямо свидетельствует гость М. Гурьев в своей челобитной к царю.[80]

На основании произведенной разведки и сношений с яицкими казаками у С. Разина сложился определенный конкретный план похода: неожиданно для царских воевод выйти на Волгу, захватить необходимые суда, сплыть, минуя Астрахань, в Каспийское море, захватить Яицкий городок и, сделав его своим опорным пунктом, совершать набеги на торговые суда, плавающие по Волге и Каспийскому морю, а также на владения персидского шаха. План этот не был совершенно новым. Он вытекал из всей практики предшествовавших походов казаков в Каспийское море, особенно до времени постройки Яицкого каменного городка. Однако план Степана Разина был необычен и смел, так как теперь для создания необходимой базы в устье реки Яика казаки должны были взять сильно укрепленную каменную крепость, в которой стоял постоянный царский гарнизон обычно в составе целого полка стрельцов-«годовальщиков». Так готовился отряд к предстоящему походу. Уже в это время Степан Разин проявил себя как предприимчивый, смелый и выдающийся руководитель донской голытьбы.

Сведения о небывалом скоплении воровского казачества у Переволоки и его намерении идти на Волгу и Каспийское море, несмотря на все меры предосторожности, принятые С. Разиным для обеспечения внезапности перехода отряда к Волге, дошли до царского правительства. В условиях крайнего напряжения классовых взаимоотношений в стране царские власти были встревожены положением на Дону. Для предупреждения возможных осложнений было приказано всем воеводам городов юго-востока России «жить с великим береженьем и про воровских казаков... проведывать всякими мерами... чтоб однолично тем воровским казаком на Волге и на иных запольных реках воровать не дать и на море их воровать не пропустить... И будет где те воровские казаки объявятца, и на них посылать для промыслу служилых людей».[81] Воеводам была предоставлена инициатива действий против воровских казаков, «не дожидаясь к себе о том иного нашего великого государя указу». Однако бдительность царских воевод «понизовых городов» оказалась не на должной высоте, а меры, принятые астраханским воеводой, недостаточными и запоздалыми,[82] чтобы предупредить выход собравшейся у Переволоки донской голытьбы на Волгу.

---

[80] «...И про такое малолюдство сведал, — пишет М. Гурьев, — и прибрал себе товарищев и пришел на Волгу». — ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, док. № 488.

[81] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 88.

[82] Об этом убедительно свидетельствует все последующее развитие событий. У царицынского воеводы не было достаточного количества ратных людей, чтобы выслать для «промыслу над теми воровскими казаками» (там же, стр. 88). Они были посланы из Астрахани к Царицыну лишь 22 мая, когда уже отряд С. Разина был на Волге (там же, док. № 44).

* *
*

Используя благоприятную обстановку, создавшуюся благодаря медлительности действий воевод и стремлению войсковой старшины избавиться от небывалого скопления на Дону беглых людей, отряд С. Разина по речкам Иловле и Камышинке [83] совершил переход с Дона на Волгу, не встретив никакого сопротивления со стороны царских войск. Точное время этого перехода документами не зафиксировано и может быть определено лишь приближенно. Это произошло между 10 и 13 мая, вероятнее всего 12 мая 1667 г.[84] Так начался поход отряда С. Разина по Волге и Каспийскому морю в Персию, явившийся важнейшим событием предыстории крестьянской войны 1670—1671 гг. Это был поход казацкой голытьбы, беглых крестьян и холопов, лишенных источников существования, за «добычей». Но так как он совершался в условиях ожесточенной классовой борьбы в стране, и в составе его участников было много людей крестьянско-холопского происхождения, недавно прибывших на Дон из внутренних уездов,[85] то с самого начала на нем лежала печать классовой антикрепостнической направленности.

Выйдя на Волгу выше Царицына, отряд С. Разина блокировал реку и на время прервал движение по ней всех судов, чтобы не дать никаких вестей в «понизовые города» о своем местонахождении.[86] Одновременно он за счет имущества и товаров, находившихся на остановленных судах, довершил необходимое ему для дальнейшего похода оснащение.[87] В это время по Волге

---

[83] В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903, стр. 249.

[84] Б. Н. Тихомиров относит переход отряда С. Разина на Волгу к первой половине мая 1667 г. (Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 68). Более точно это время устанавливается на основании следующих документальных данных. Последние разведывательные сведения о пребывании отряда С. Разина у Паншинского городка, полученные царицынским воеводой от попа Андрея и старца Александра, относятся не ранее чем к 10 мая (Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 88). В отписке саратовского воеводы от 13 мая о переходе отряда Разина на Волгу сообщается как о факте, уже происшедшем (там же, стр. 135).

[85] Краткие сведения о подобных людях — участниках похода в Каспийское море, разрознены по архивным фондам, но они весьма характерны. Думный дворянин С. Полтев бил челом царю, что в 1664 г. бежали от него «людишки... кабальные Кирюшка Матвеев да Гришка Яковлев из Веневской... деревни... съехали на Дон... и как Стенка Разин пошел... на Волгу и на море и те... беглыя людишки с ним же». — ЦГАДА, ф. Донские дела, 1672 г., док. № 5, л. 1.

[86] Об этом свидетельствуют саратовские стрельцы и другие, пострадавшие от казаков С. Разина. Прибыв в Симбирск, они сказали, что люди Разина «насады и лодьи и всякие струги большие и малые останавливают, и ниже Камышенки... никого не... пропустят для ведома перед себя Волгою... заплывать никаким судом». — Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 136.

[87] Насколько долго продолжалось блокирование Волги отрядом можно судить по времени прихода его к Царицыну — 28 мая, т. е. более двух недель. Там же, стр. 80.

сплывал большой торговый караван судов, часть которых принадлежала царю, патриарху и гостю В. Шорину.[88] У урочища Каравайные горы отряд С. Разина напал на него, забрал значительную часть имущества и товаров. На одном из судов находились ссыльные, отправленные на поселение в прикаспийские города под охраной стрельцов во главе с К. Корейтовым.[89] Казаки перебили начальствующих лиц каравана и купеческих приказчиков,[90] освободили ссыльных,[91] заявив им, что «хто де хочет итти с ними... охотою, а неволей... они никого с собою не емлют»,[92] освободили работных людей от их обязательств в отношении хозяев судов и отпустили их «куды хто хочет»,[93] т. е. предоставили полную свободу определения своей дальнейшей судьбы, забрали часть приспособленных к морскому плаванию судов[94] и много продовольствия и различного имущества.[95] Успех этой операции имел большое значение для отряда. Казаки получили необходимые для похода суда, продукты, некоторое количество оружия и боеприпасов и значительное людское пополнение.

Освобожденные казаками ссыльные, судовые работные, а также и стрельцы, сопровождавшие караван, в количестве нескольких сот[96] человек при отсутствии всякого принуждения со стороны казаков, добровольно присоединились к отряду.[97] Они охотно, как многие «волжские ярышки» использовали удобный момент, чтобы вырваться из тяжелых условий крепостного состояния. Присоединение волжских работных людей к отряду С. Разина и активное участие в его действиях было характерным и для последующего времени.

[88] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 135, 137.

[89] Там же, док. № 53.

[90] Там же, стр. 86, 135, 136.

[91] «...Взяли к себе на струги и кайдалы на них разбили и пометали в воду, а иные взяли с собою». — Там же, стр. 86.

[92] Там же.

[93] Работные люди с насада гостя В. Шорина — 20 крестьян Балахонского уезда Заузольской волости показали, что «их братье, работником... дали волю, кто же хочет на низ (т. е. плыть дальше на судах. — *И. С.*), велели плыть за собою». — Там же, стр. 136.

[94] «...и струги морские забрали... и пошли вниз Волгою». — Там же, стр. 135.

[95] «И с тех де насадов и стругов живот всякой (имущество. — *И. С.*) и деньги, и ружье, и запасы (продовольствие. — *И. С.*) грабили и имали к себе» (там же, стр. 135); «...и по всем де насадом и по лодьям и по стругам по большим и по малым всякой живот и судовые всякие припасы и запасы пограбили» (там же, стр. 136).

[96] Только с судов гостя В. Шорина и патриарха к отряду присоединилось 160 человек (там же, стр. 137); астраханский воевода сообщил: «...с насадов... и стругов пристали х казаком (к отряду С. Разина. — *И. С.*) гулящих и всяких роботных людей человек с 300 своею охотою» (там же, стр. 139).

[97] К. Корейтов, сопровождавший ссыльных, позже в «расспросных речах» дал именной перечень присоединившихся к отряду людей, плывших на его струге, среди них, помимо ссыльных стрельцов, оказались лично ему принадлежащие 4 дворовых человека, воспользовавшихся благоприятной обстановкой, чтобы избавиться от крепостной зависимости (там же, стр. 86).

Обстановка, сложившаяся к тому времени на территории Нижнего Поволжья, была весьма своеобразна. Массовое скопление там, особенно летом, работных людей и их большой удельный вес в среде русского населения края создавали исключительно благоприятную социальную среду для действий отряда С. Разина. Эта среда, наличие в отряде большого количества беглых крестьян и холопов, т. е. людей той же среды, гуманное отношение казаков С. Разина к трудовому люду и подчеркнуто враждебное отношение к лицам, принадлежащим к социальным верхам,[98] на первых же шагах продвижения отряда по Волге придали его действиям особый социальный колорит, который нередко как бы смягчает разбойные устремления вышедшей на козакование донской голытьбы.

Значительно возросший отряд на 35 судах,[99] численностью около 1500 человек,[100] 28 мая подошел к Царицыну. Попытки воеводы Царицына задержать его оказались безуспешными. Подвластный ему гарнизон в сравнении с отрядом С. Разина был количественно мал и к тому же неблагонадежен. По свидетельству работного Ф. Шеленок, когда струги С. Разина плыли мимо города, по приказу воеводы по ним была открыта стрельба из пушек «и пушка де ни одна не выстрелила, — сообщает он,— запалом весь порох выходил».[101] Стрельцы явно сочувствовали С. Разину и стреляли одними пыжами без ядер.[102] Пройдя Царицын, отряд несколько дней стоял на Сарпинском острове, вблизи города, готовясь к дальнейшему судовому ходу вниз по Волге. Ряд требований казаков, в частности по обеспечению кузнечным оборудованием, царицынский воевода вынужден был выполнить безоговорочно. Казаки без особых усилий могли взять город, но это не входило в их планы.[103] Они стремились как можно скорее миновать Волгу и выйти в Каспийское море.

[98] Сопровождавшего ссыльных К. Корейтова казаки С. Разина «с женою и 3 детьми и со всеми людьми, пограбя весь живот и запасы сняли платье до нага, оставили с государевою казною на песку». — Там же, стр. 136.

[99] «...В 30-ти в 5-ти в морских и в мельнишных стругах». — Там же, док. № 47.

[100] Эти данные имеются во многих документах.— Там же, стр. 80, 84, 137.

[101] Там же, стр. 136—137.

[102] Это породило в народе молву, что С. Разин чародей, которого ни пули, ни ядра не берут. В песенном народном фольклоре приводятся слова С. Разина, обращенные к его недругам: «И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте. Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет». — А. Н. Л о з а н о в а. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928, песня № 70.

[103] Сообщение царицынского воеводы, что С. Разин, подойдя, «учал приступать к городу и ис пушек и из ружья стрелять», не вызывает доверия, тем более, что в дальнейшем тексте говорится уже только о намерениях С. Разина. «...и город зажечь хотел подметом, а зажегши город итти на приступ и город взять приступом». Быть может, в порядке устрашения, тем более, что из города стреляли из пушек, С. Разин провел демонстративные действия. Сообщение о «приступе» С. Разина к Царицыну не подтверждается очевидцами (Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 80—81, 137). В «Сказании летописи о граде Астрахани...» читаем: «токмо в городе Царицыне отсиделся. Бе бо их воров многолюдно было» (А. Н. П о п о в. Материалы..., стр. 242).

Под Черным Яром, куда отряд прибыл 31 мая, его ждал сильный заслон царских войск, высланный астраханским воеводой. Он состоял из 500 человек пехоты на судах и 600 человек конницы под командой стрелецких голов Б. Северова и В. Лопатина.[104] Вместе с черноярским гарнизоном, имея превосходство в вооружении, это были силы, казалось бы, достаточные для разгрома казацкой «вольницы». Однако события развернулись иначе. Отряд С. Разина неожиданно для царских войск и его начальников, чтобы отвлечь внимание от Волги, высадился с судов выше города, демонстрируя свое намерение «итти под город на приступ». Это вызвало большие опасения у стрелецких голов, и они, судя по их отписке, «собрався со всеми служилыми русскими людьми и с татарами пошли против их на бой и учали по них стрелять ис пушек».[105] Но боя не произошло, вернее, он не получил развития.[106] Взятие города не входило в планы С. Разина. Отвлекая царских ратных людей от Волги угрозой городу,[107] казаки быстро погрузились на суда и благополучно миновали Черный Яр. Царские же воеводы были так ошеломлены неожиданной для них численностью отряда С. Разина, его смелыми действиями, что не решились его преследовать и ждали дальнейших распоряжений из Астрахани.[108]

Не смог преградить путь отряду С. Разина к Каспию и воевода С. Беклемишев, высланный со стрельцами из Астрахани для усиления заставы у входа в Бузанский пролив реки Волги. В открытом бою царские стрельцы были разбиты и рассеяны казаками, сам воевода попал к ним в плен и жестоко наказан,[109] часть стрельцов на трех стругах добровольно присоединилась к отряду С. Разина.[110]

Стрельцы с самого начала соприкосновения с казаками отряда Степана Разина показали свою неблагонадежность по отношению к царскому правительству. Это объяснялось тем, что стрелецкие начальники нещадно эксплуатировали рядовых стрельцов, которые терпели на себе их гнет и произвол. Государево «жалованье» выдавалось им неаккуратно и не всегда пол-

---

104 Подробная роспись этой «посылки» дошла в выписке из «Записной книги 1667 г.». (Сб. док. АН СССР, т. III, док. № 293).

105 ЛОИИ АН СССР. Астраханский фонд, коробка 106, док. № 6.

106 Об этом прямо говорится в «Наказной памяти» голове Б. Северову: «...как ты под Черным Яром своей дуростью своровал, с воровскими казаки государевым служилым людем бою не дал». — Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 50.

107 Стрельцы головы Б. Северова, «выбрався на берег», т. е. покинув суда, «пошли на бой». — Там же, стр. 80—81, 137.

108 Астраханский воевода обвинял голову Б. Северова в том, что он «бою не дал (отряду С. Разина. — *И. С.*) и за ними для поиску не ходил». — Там же, док. № 50.

109 По его словам «воровские казаки его ограбили, и чеканом руку пробили, и плетьми били, и вешали ево на щоглу». — Там же, стр. 137.

110 Там же, стр. 81, 84, 137; С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 44.

ностью. Стрельцы часто отрывались от своих городов и дворов в различные походы и на государеву «годовалую» службу, т. е. на службу в другом месте сроком на один год. Тяжесть службы особенно была велика в Нижнем Поволжье. Здесь стрельцы использовались властями как рабочая сила для выполнения различных казенных работ. Они посылались «на государя сено косить», ездили заготовлять необходимые для казенных нужд дрова и уголь, выполняли плотничные, каменные, земляные и прочие работы, использовались и как гребная тягловая рабочая сила на казенных судах. Кроме того, среди стрельцов нижневолжских полков было очень много беглых крестьян и холопов, гулящих людей и даже ссыльных, т. е. лиц той же социальной среды, к которой принадлежали и казаки отряда Степана Разина. Естественно, что такие стрельцы не хотели убивать своих собратьев и охотно присоединялись к ним, чтобы уйти от тяжестей своей службы.[111]

После разгрома стрельцов С. Беклемишева отряд С. Разина, оставив разбитый им караван торговых судов, плывший вслед за ним, и предоставив ему возможность следования к Астрахани, устремился по протоку Бузан, чтобы, минуя Астрахань, выйти в море. 2 июня он прошел мимо Красного Яра, напал на стрельцов, охранявших рыбные промыслы, и, забрав у них «государево ружье и платье и пологи», исчез в протоках дельты из поля зрения царских воевод.[112]

Астраханский воевода И. Хилков, получив одновременно извещения из Черного Яра от стрелецких голов о постигшей их неудаче [113] и из Красного Яра о прохождении С. Разина к морю, крайне встревоженный создавшейся обстановкой, немедленно направил на поиски 1700 стрельцов и солдат на стругах под командованием подполковника И. Ружинского [114] со строгим наказом: «Ехати... Волгою до моря и морем... по еркам, и по разливинам, и в камышах... сыскивать... чтоб их переимать или побить».[115] К взморью был отправлен отряд царских «ратных людей» головы Г. Оксентьева.[116] Приказано было вести «поиски» казаков С. Разина на море и терскому воеводе.[117] Однако участникам этих поисков не повезло. Им не удалось

---

[111] И. В. Степанов. Промысла и промысловые работные люди на Нижнем Поволжье в XVII веке. Раздел: Нижневолжские стрельцы. Канд. дисс. Изд. ЛГУ, 1939, стр. 228—239; Его же. Тезисы канд. дисс. Изд. ЛГУ, 1939, стр. 5.

[112] Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 45, 49, 51.

[113] Там же, док. № 50.

[114] Подробная роспись состава «ратных людей», посланных с И. Ружинским, дана в выписке из «Записной книги 1667 г. Астраханской приказной палаты». — Там же, т. III, док. № 293.

[115] Там же, док. № 45.

[116] Там же, т. I, стр. 137.

[117] Там же, док. № 47.

обнаружить отряд ни в дельте Волги, ни в Каспийском море. Задержанные И. Ружинским на море татары сообщили, что казаки С. Разина захватили Яицкий городок. И. Ружинский поспешил к городку, но и здесь его ожидала неудача.

А отряд С. Разина, выйдя в Каспийское море, быстро достиг устья Яика и подошел к Яицкому городку. От яицких казаков Степан Разин хорошо знал положение дел в городке. Астраханские стрельцы-«годовальщики» тяготились службой в отрыве от их постоянного местожительства и семей. К тому же в 1667 г., как свидетельствует гость М. Гурьев, их «послано было мало»,[118] да и тех стрелецкий голова Иван Яцын, по мнению М. Гурьева, «худой человек», из корыстных побуждений «с половину распускал в Астрахань».[119] Несмотря на приказ астраханского воеводы жить «с великим береженьем», мобилизовать все силы гарнизона на борьбу с казаками,[120] голова Яцын не предпринял никаких мер предосторожности и стал жертвой собственной беспечности. Степан Разин воспользовался создавшейся обстановкой и хитростью овладел царской крепостью. Как видно из расспросов служилых людей, отряд, подойдя скрытно к городку, укрылся, а Степан Разин с группой в 40 человек подошел к воротам крепости и попросил разрешения помолиться в городской церкви. Голова Яцын пустил казаков в город. Последние через некоторое время открыли ворота крепости. По их сигналу отряд ворвался в город и быстро овладел им, не понеся никаких потерь.[121] Значительная часть гарнизона Яицкого городка была уничтожена казаками С. Разина,[122] другая часть стрельцов добровольно присоединилась к ним.[123] Отряд подполковника И. Ружинского, следовавший морем на судах вслед за казаками Разина, не только не смог предупредить захват ими Яицкого городка, но и понес тяжелый урон от них в устье реки Яика. Стрелецкие полки, входившие в состав отряда, подошли к городку неодновременно, а их командиры — стрелецкие головы — действовали крайне неслаженно. Судя по известиям «Сказания летописи о граде Астрахани...», раньше всех в устье Яика появился полк конных стрельцов головы Б. Северова, посаженный на суда, в составе 400 человек. Не дожидаясь подхода главных

---

118 Он сообщает, что «как про их про воровской поход (поход С. Разина. — *И. С.*) была весть в Астрахань... и воеводам о прибавошных стрельцах на Яик (каменный Яицкий городок. — *И. С.*) челобитье было многое Михайлова, племянника Гурьева да не изволили послать ничего». — ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, № 488.

119 Там же.

120 Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 46.

121 Там же, стр. 138.

122 170 стрельцов-«годовальщиков» «над ямою срубил» (см. показание И. Чикмаза. — Там же, т. III, стр. 235); часть их, отпущенная на паузке в Астрахань, была настигнута и уничтожена в дельте реки Яика у Раковой косы (там же, стр. 262—263).

123 Там же, стр. 260—265.

сил отряда, он вступил в бой с казаками и был наголову разбит.[124] Подошедшие вскоре главные силы отряда во главе с самим подполковником, по свидетельству последнего и других участников этого похода, были разбиты и рассеяны казаками «врознь» и, понеся большие потери (более 300 человек), вернулись обратно в Астрахань.[125]

Яицкий городок стал базой казаков Разина. Вскоре установилась непосредственная связь отряда с яицкими казаками, которых Разин еще с Волги уведомил о своем походе к городку.[126] Установились также торговые отношения с калмыками.[127] Так была выполнена одна из основных задач голутвенного казачества, беглых крестьян и холопов на козакование. Благодаря быстроте продвижения и решительности действий, сочувствию к нему социальных низов населения Нижнего Поволжья и нерешительности действий астраханского воеводы, не сумевшего должным образом использовать имеющиеся в его распоряжении военные силы, отряд С. Разина вырвался на просторы Каспийского моря — за пределы досягаемости царской власти — и приобрел необходимую для него базу — Яицкий городок.

* *
*

Положение, создавшееся на юго-востоке в связи с захватом отрядом С. Разина Яицкого городка, сильно встревожило правящие круги страны. Слухи об успешных действиях Разина будоражили социальные низы населения, особенно в Поволжье и на Дону и еще более ухудшали тяжелое внутриполитическое положение. Нахождение отряда С. Разина в Каспийском море осложняло взаимоотношения России с Персией, ставило под угрозу торговлю со странами Востока и, в частности, начавшиеся переговоры с Персией о заключении выгодного для России торгового договора о монопольном праве вывоза персидского шелка.

19 июля 1667 г. на заседании Боярской думы в присутствии царя был специально обсужден вопрос об усилении борьбы против отряда С. Разина.[128] Медлительные и неудачные дейст-

---

[124] А. Н. Попов. Материалы.., стр. 242. «Богдан же Севиров един утече в ясаульном струге со стрелцами, и в то время астраханских жителей всяких чинов лучших людей много пропало». Это известие «Сказания...» полностью соответствует данным о продвижении стрелецкого приказа Б. Северова к морю. — Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 48, 52.

[125] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 138.

[126] Там же, стр. 137.

[127] «Одна из их орд, под начальством тайджи Мерчени, разбила свои кибитки под Яиком; началась между ними и казаками беспрерывная торговля».— Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 250; С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 46; Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 140.

[128] Дневальные записи Приказа тайных дел за 1667 г. ЧОИДР, 1908, № 2, стр. 245.

вия воеводы И. Хилкова в борьбе с казацко-крестьянской голытьбой вызвали большое недовольство царского двора, и правительство назначило воеводой в Астрахань одного из представителей феодальной аристократии — боярина и князя И. С. Прозоровского,[129] с не менее именитыми помощниками: князьями М. С. Прозоровским (родным братом первого) и С. И. Львовым.[130] Недовольство И. А. Хилковым в Москве было настолько велико, что его отзывали с воеводства из Астрахани даже до прибытия туда нового воеводы. Ему было предложено сдать ключи от города и печать Астраханского царства своим помощникам И. Бутурлину и Я. Безобразову, которым и вменялось в обязанность временно ведать всеми воеводскими делами.

В распоряжение нового астраханского воеводы И. С. Прозоровского было предоставлено большое карательное войско в составе четырех московских стрелецких полков, численностью в 2600 человек,[131] «да из Синбирска и из ыных городов с черты и с Самары и с Саратова служилые пешие люди»,[132] хорошо оснащенное, «с пушки и з гранаты и со всеми пушечными запасы».[133] С этим карательным войском И. С. Прозоровский должен был, не заходя в Астрахань, немедленно направиться к Яицкому городку с тем, чтобы ликвидировать отряд С. Разина. Для усиления карательного войска смещенному астраханскому воеводе И. А. Хилкову было предложено подготовить к выступлению и выслать по первому требованию И. С. Прозоровского в указанное им место 1600 астраханских стрельцов и солдат, «да конных астраханских, нагайских и едиссанских и юртовских мурз и татар сколько человек доведетца».[134] Не упустило царское правительство и возможностей использования калмыцких кочевых орд для борьбы против С. Разина. Оно уведомило калмыцких феодалов — тайшей — о действиях казаков и потребовало, чтоб они «тем ворам (казакам С. Разина. — *И. С.*) пристани (убежища. — *И. С.*) нигде не давали... и затейным их речам... будто они нам, великому государю, служат не верили... и... их побивали».[135] Более того, в грамоте на имя астраханского воеводы было прямо указано на необходимость заинтересовать калмыков, в случае их действий против Яицкого каменного города, т. е. против Разина, возможной добычей и не мешать им «в полону (т. е. в захвате пленных. — *И. С.*) и во вся-

---

129 Там же.

130 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 95.

131 Записная книга Приказа тайных дел за 1667 г. РИБ, т. XXI, стр. 1332. — В составе отряда были полки стрелецких голов Ф. Головленкова, В. Пушечникова, П. Лопухина и К. Хомутова.

132 Сб док. АН СССР, т. I, стр. 95. — Самарских служилых людей прибыло в войска И. С. Прозоровского 200 человек (там же, стр. 113), столько же прибыло и саратовских (там же, т. III, док. № 293).

133 Там же, т. I, стр. 95.

134 Там же, стр. 96.

135 Там же, стр. 93.

ких казацких пожитках».[136] Таким образом, царское правительство, в случае активных действий калмыков против казаков С. Разина, засевших в Яицком городке, отдавало последних на «поток и разорение». Оно стремилось всеми мерами, как убедительно свидетельствует Л. Фабрициус, не выпустить отряд С. Разина в Каспийское море, «блокировать Разина в Яицком районе до весны» 1668 г., а затем уничтожить его.[137]

Одновременно с военными мероприятиями царские власти непосредственно и через донскую казацкую старшину пытались отговорить Степана Разина от разбойных действий. С этой целью в Яицкий городок неоднократно прибывают специальные посланники. Атаману войска Донского Корнилу Яковлеву царское правительство высылает «милостивую грамоту» на имя Степана Разина, в которой объявляет о прощении последнему всех антиправительственных действий, в случае, если он отстанет от «воровства» и вернется обратно на Дон. С особой станицей казака Л. Терентьева атаман К. Яковлев отправляет эту грамоту в Яицкий городок. Станица, следуя через Астрахань, в конце октября 1667 г. прибывает в городок, где вручает царскую грамоту С. Разину и одновременно требует (по поручению астраханского воеводы) отпустить в Астрахань захваченных казаками в плен стрельцов и служилых татар. Казачий круг, собранный Разиным по этому поводу, где и была зачитана «милостивая грамота», решительно отверг предложение царя и донской войсковой старшины. Голытьба не хотела возвращаться без добычи обратно на Дон и идти в кабалу к зажиточным казакам, к тому же не доверяла царским предложениям.[138] Позже с той же целью от князя И. Прозоровского в городок прибыл стрелецкий сотник Н. Сивцов. На его предложения казаки С. Разина реагировали еще более непримиримо. Сотник был убит и брошен в воду.[139] Таким образом, все попытки договориться с С. Разиным и тем предотвратить его дальнейшие антиправительственные действия не имели успеха.

Тем временем казаки С. Разина, обосновавшись в Яицком городке, совершают набеги на татарские улусы,[140] следовавшие по морю отдельные торговые суда[141] и активно готовятся к дальнейшим действиям — к походу на богатые города западного

[136] Наоборот, *оно требовало* «тем полоном и казацкими пожитки калмыцким тайшам и калмыком учинить ласку и впредь бы их, калмыков, тем обнадеживать». — Там же, док. № 69.

[137] S Konovalov. L. Fabrizius's account of the Rasin Rebellion. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 77.

[138] С. Разин, чтобы выиграть время, заявил: «Как к нему впредь государева грамота придет, и он де великому государю вину свою принесет». С тем и уехал из городка казак Л. Терентьев. Плененных стрельцов и служилых татар С. Разин также не отпустил. — Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 138.

[139] Там же, стр. 138, 139.

[140] В сентябре 1667 г., выйдя на протоку Емансугу, «погромили» улус татарского едиссанского князя Алея. — Там же, стр. 138.

[141] Там же, стр. 139.

побережья Каспийского моря, славившиеся своей обширной торговлей и большими невольничьими рынками. Во время пребывания С. Разина в городке налаживаются связи с гетманом Правобережной Украины П. Дорошенко. Разин направил к последнему станицу в составе 10 человек с предложением, «чтобы он (П. Дорошенко. — *И. С.*) шол наскоро Муравским шляхом» на пограничные русские города войной. Сам факт этих сношений весьма примечателен. Он говорит о политическом влиянии С. Разина уже в то время. Очевидно, перед угрозой со стороны правительственных войск, Разин ищет возможного союзника для борьбы с ними. Он стремится использовать П. Дорошенко в своих целях. Он хочет, чтобы Дорошенко своими действиями против пограничных русских городов, отвлек внимание царского правительства от юго-востока страны и облегчил его положение.[142]

Вести об успешных действиях отряда С. Разина на Волге и Каспийском море еще более усиливают движение донской голытьбы на козакование, тем более что непрерывный приток на Дон беглых, разоренных крестьян и холопов осложнял и без того бедственное положение его населения. Среди голытьбы на Дону, особенно в верхних городках, появляются атаманы, которые организуют отряды для козакования. Летом 1667 г. казак Н. Волоцкой «прибрал человек с 40» с целью похода на Волгу.[143] В это же время в Голубинском городке собрался отряд конных казаков Ивана Мызникова.[144] В низовых донских городках сформировался отряд во главе с Иваном Серебряковым, который прибрал «к себе з 250 человек и больши и прибирает по донским городкам безпрестанно, так же как и Стенька Разин».[145] Зимой 1667—1668 гг. многие казаки, а также беглые крестьяне и холопы активно готовятся к походу на Волгу и Каспийское море. К весне 1668 г. на Дону собрался большой отряд, численностью в 600 человек во главе с атаманом Сергеем Кривым.[146] Это движение на Волгу и Каспийское море «за добычей» распространилось на Украину. Даже царские служилые люди из гарнизона Ново-Черкасского городка, находившиеся в бедственном положении, захвачены были общим потоком движения на козакование и во главе со стрелецкими сотниками М. Щеголевым и А. Моховиковым бежали вверх по Дону, с тем чтобы идти в поход на Волгу.[147] Большая часть этих сравнительно небольших отрядов, не имея достаточных сил для самостоятельных действий, стремилась присоединиться к отряду С. Разина. Неизвестно, что стало со многими из этих отрядов в даль-

142 Там же, стр. 100.
143 Там же, стр. 90—91.
144 Там же, стр. 91—92.
145 Там же.
146 Там же, стр. 139—140
147 Там же, док. № 66.

нейшем,[148] но факт их появления показателен для характеристики положения на Дону. Это «брожение» на Дону беспокоило царское правительство. В конце июля 1667 г. оно обратилось к донским казакам с «увещевательной грамотой», требуя от казацкой старшины прекращения беспорядков. Последняя же, несмотря на все давление со стороны царского правительства, не в состоянии была приостановить массовое движение голытьбы на козакование. Настроение голытьбы было решительное. По свидетельству очевидцев, собираясь в поход, воровские казаки «на атамана де на Корнила Яковлева и на иных старшин хвалятца... хотят побить».[149] Войсковая старшина боялась раздражать голодающее население Дона. Она не решилась расправиться — казнить перехваченных на Дону участников похода С. Разина,— мотивируя это в своей отписке к царю тем, что если их казнить, то остальные участники козакования, узнав об этом, никогда не вернутся на Дон, т. е. не отстанут от «воровства».[150]

Ранней весной 1668 г. отряды донской голытьбы устремились к Волге на соединение с отрядом С. Разина. Но социально-политическая обстановка на Дону, в связи с уходом С. Разина на Волгу и Каспийское море, нисколько не разрядилась, а наоборот, продолжала обостряться.

Неудачи переговоров московского правительства с Разиным о прекращении антиправительственных действий, воздействие слухов об этих действиях на донскую голытьбу и социальные низы населения страны, беспокойство торгово-промысловых кругов за возможности ведения своей хозяйственной деятельности, так ярко выраженное в челобитной гостя М. Гурьева,[151] заставили царское правительство с весны 1668 г. приступить к более активным и широким военным мероприятиям, чтобы ликвидировать движение голытьбы, беглых крестьян и холопов, в частности отряд С. Разина. По существу действия правительственных войск против отряда С. Разина и движения донской голытьбы к Волге и Каспийскому морю к весне 1668 г. принимают характер самой настоящей войны,[152] театром которой явились обширные пространства юго-востока страны. Фронт военных действий правительственных войск против голутвенных элементов русского общества тянется с разрывами на сотни километров, от Саратова на севере и Каспийского моря на юге, от

---

148 Часть их была разбита на подступах к Волге еще летом и осенью 1667 г. Стрелецкий голова В. Лопатин и служилый человек В. Переславцев были награждены за это царским правительством. — Там же, док. № 61, 63.

149 Там же, стр. 140.

150 Там же, док. № 62.

151 ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, № 488.

152 Это должен был признать несколько позже сам русский царь, который в грамоте персидскому шаху от 24 мая 1672 г. писал: «И у тех воровских людей (казаков С. Разина. — *И. С.*) с нашими царского величества ратными людьми в понизовых местех на Волге и на Яике бои были многие».— Сб. док. АН СССР, т. III, стр. 194.

бассейна Дона на западе и до Яика на востоке. В этой своеобразной войне против собственных подданных царское правительство, его местная администрация «понизовых» городов, как показывают дальнейшие события, оказываются явно беспомощными.

Поход правительственного войска воеводы И. Прозоровского на Яицкий городок, минуя Астрахань, для ликвидации отряда Разина не был осуществлен. Медлительность сбора служилых людей [153] и продвижения войска, непредусмотренные трудности преодоления пути степью от Волги к Яику, особенно в осеннее время, вынудили его зимовать в Саратове, а правительство — изменить план дальнейших действий в целях достижения поставленных перед ним задач. Поход войска И. Прозоровского к Яицкому городку было решено отложить до весны 1668 г. и осуществить его морем из Астрахани. Астраханскому воеводе И. Хилкову было дано распоряжение к предстоящему походу «готовить... суды и иное, что надобно».[154] Однако царское правительство, сильно беспокоясь о том, что отряд С. Разина с наступлением весны покинет Яицкий каменный городок и уйдет в море, и не желая этого допустить, еще до весны, 9 февраля 1668 г., направило к нему из Астрахани побережьем Каспийского моря «ратных людей» из состава астраханского гарнизона, солдат, пеших и конных стрельцов, служилых нагайских и едисанских татарских мурз, общей численностью около 3000 человек,[155] во главе с воеводой Я. Безобразовым.[156] Последнему было приказано, подойдя к Яицкому городку, попробовать еще раз уговорить казаков С. Разина, чтобы они подчинились воле царя, прекратили антиправительственные действия и шли бы к Саратову к князю И. Прозоровскому. В случае же отказа казаков от выполнения этого требования — немедленно открыть боевые действия против них,[157] блокировать их в городке и вынудить к капитуляции.[158] О событиях, развернувшихся под Яицким городком в связи с прибытием туда войска Я. Безобразова, источники свидетельствуют весьма глухо. Прибыв к городку, Я. Безобразов направил туда двух стрелецких голов — С. Янова и Н. Нелюбова — уговаривать казаков С. Разина о повиновении царскому правительству, но получил от них самый решительный

---

153 Там же, т. I, док. № 64, 78.

154 Там же, док. № 64.

155 Сохранился подробный перечень людского состава направленных под Яицкий городок «ратных людей». — Там же, т. III, док. № 293.

156 Это войско было хорошо оснащено, имело 6 пушек, много боеприпасов, большой обоз продовольствия, а для быстроты передвижения находившиеся в его составе стрельцы и солдаты были посажены на конные подводы. — Там же, док. № 293.

157 Там же, т. I, стр. 139.

158 Царское правительство требовало от Я. Безобразова, чтоб он «над Яицким городком промышлял всякими мерами, опричь приступов», т. е. рассчитывало именно на капитуляцию казаков из-за голода. — Там же, стр. 103.

отказ. Казаки, в знак протеста против предъявленных к ним требований, демонстративно повесили присланных к ним стрелецких голов.[159] Безобразов пытался блокировать город, но это ему не удалось, так как казаки совершали вылазки и нападали на царское войско; среди солдат и стрельцов явно проявлялись настроения сочувствия к засевшим в городке казакам, а некоторые солдаты и стрельцы бежали туда и вливались в их ряды.[160] Имеется единственное документальное известие о том, что примерно во время нахождения войска Я. Безобразова в устье реки Яика калмыцкие тайши Дайчин и Мончак, со всеми своими улусными людьми в количестве 10 000 человек, по договору с царским правительством подошли к Яицкому городку, осадили его и сделали попытку взять городок приступом («пробили де городовой стены сажени на полторы»), а чтобы казаки не ушли в море, устье Яика «заметали хрящем».[161] В специальной литературе сведения эти, несмотря на их соответствие с документальными данными о планах действий царского правительства против казаков С. Разина, засевших в Яицком городке, берутся под сомнение.[162] Так или иначе, все приведенные данные о событиях под Яицким городком в феврале—марте 1668 г. говорят о том, что казаки пережили тогда тяжелый момент. Яицкий городок из удобной базы для действий казаков в Каспийском море, на что они рассчитывали, превратился в своеобразную ловушку для них. Степан Разин, очевидно, понял бесперспективность дальнейшей борьбы за городок и опасность дальнейшего пребывания в нем. Как только взморье вскрылось от льда, используя деморализацию царского войска постигшими его неудачами и свое превосходство над ним — возможность передвигаться на судах по воде, он вырвался из этой ловушки и ушел в открытое море. Это произошло в начале марта 1668 г.[163] Уходя из городка, повстанцы забрали с собою все легкие пушки и большое количество боеприпасов,[164] а тяжелые пушки утопили.[165] Затем, для получения необходимого продовольствия, отряд совершил ряд нападений на рыбные промыслы и татарские

---

159 Там же, стр. 139.

160 «И у государевых ратных людей в разных местех был бой, а по росписям побито у нево, Якова (Безобразова. — *И. С.*), ратных людей — 2 человека сотников да 51 человек стрельцов и салдат; да ранено — полуполковник да стрельцов и салдат 19 человек; да пропали без вести и к воровским казакам пошли и померло 44 человека», — сообщал в своей отписке от 12 марта 1668 г. князь И. Хилков. — Там же, стр. 139.

161 Там же, стр. 103.

162 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 46.

163 Нельзя не согласиться с Е. А. Швецовой, взявшей под сомнение дату 23 III 1668 г. как время оставления С. Разиным Яицкого каменного городка.— Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 139, 272.

164 Л. Фабрициус пишет: «Стенька здесь овладел большим количеством пороха, оружием и припасами». — S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 77.

165 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 139.

юрты, расположенные в дельте Волги [166] и, выйдя в открытое море, направился к западному побережью. Таким образом, царским воеводам не удалось реализовать план ликвидации отряда С. Разина в устье реки Яик. Причину этого иностранец Л. Фабрициус усматривает в том, что С. Разин «имел большое число донских казаков, которые хорошо знали край и которые уже раньше проводили набеги на Каспий в своих небольших лотках. Они полностью разбили наших людей и поплыли в море».[167] И это соответствует действительности. Плохо отзывается Л. Фабрициус и о руководстве действиями русских войск со стороны Я. Безобразова, называя его «неудачным».[168] Отряд Степана Разина, вопреки всем препятствиям, вырвался на просторы Каспийского моря и оказался вне досягаемости царского правительства. Однако потеря им Яицкого городка впоследствии тяжело отразилась на его положении.

Не удалось воеводам «понизовых» городов решить и другую важную задачу в борьбе с донской голытьбой, беглыми крестьянами и холопами — закрыть им пути к козакованию на Волгу и Каспийское море. Для того чтобы перехватить путь воровским казакам с Дона на Волгу у Переволоки, по указанию царского правительства, на Волге, при впадении в нее речки Камышинки, была построена крепость Камышин.[169] По свидетельству неизвестного автора письма, написанного на корабле «Орел», этот городок был обнесен «валом и шанцами» по указаниям английского полковника (находившегося на службе в русских войсках в Астрахани. — *И. С.*) Томаса Бейля.[170] По всей вероятности, он был построен не позднее весны 1668 г. Во всяком случае прибывший к Камышинке воевода М. Прозоровский в начале июля 1668 г. сообщает о наличии там астраханских стрельцов-«годовальщиков» во главе с сотником И. Логвиновым.[171] Тем не менее, расчеты царского правительства на Камышин не оправдались. Воровские казаки нашли другие пути [172] к Волге. Весной 1668 г. с Дона на Волгу, минуя Камышин, пробился отряд донской голытьбы атамана Сергея Кривого численностью около 700 человек. Царицынский воевода пытался не допустить отряд С. Кривого к Волге силами служилых царицынских людей, бился с ним на подступах к Царицыну, но потерпел неудачу.[173] Выйдя 30 апреля 1668 г. на Волгу, отряд С. Кривого, сле-

---

166 Ходили слухи, что казаки С. Разина хотят с моря идти на Волгу, «для хлебных запасов», однако слухи эти не подтвердились. — Там же, стр. 140.

167 S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 77.

168 Ibid.

169 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 191.

170 Там же, стр. 350.

171 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 113.

172 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 191.

173 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 139—140.

дуя по пути, проделанному год назад казаками С. Разина, быстро достигает протока Бузан и по нему устремляется к морю. Продвижение отряда было настолько быстрым, что высланные против него из Астрахани ратные люди под командованием головы Оксентьева едва настигли его в дельте Волги, при выходе из протока Бузан в проток Кара-Бузан. Здесь произошло сражение, в ходе которого стрельцы Г. Оксентьева были разбиты и рассеяны, около 100 человек из них присоединились к отряду, а сам голова с немногими людьми едва ушел от казаков.[174] Вскоре отряд Сергея Кривого, выйдя в Каспийское море, присоединился к С. Разину.[175] Атаман С. Кривой стал ближайшим помощником С. Разина. Вслед за отрядом С. Кривого, в июне 1668 г., к Переволоке из района Пятиизбенского городка продвигался другой отряд донской голытьбы в 300 человек, возглавляемый Василием Усом.[176] Встреченный на пути возвращающейся из Москвы казацкой войсковой станицей, он был отговорен от похода на Волгу и «за порукою» направился служить в царское войско князя Г. Ромодановского,[177] действовавшее в то время против гетмана Правобережной Украины П. Дорошенко.

Использовала донская голытьба для выхода в Каспийское море и путь через степи Северного Кавказа к рекам Кума и Терек, особенно с весны 1668 г., когда отряд С. Разина прибыл к западному побережью Каспийского моря. Это была кратчайшая дорога к отряду Разина и к тому же свободная от препятствий, какими были на Волге укрепленные города: Царицын, Черный Яр и Астрахань.

Летом 1668 г. по этой дороге в район указанных рек пришли отряды атамана Бобы [178] численностью в 400 человек, Алексея Пропокина [179] и многих других безвестных атаманов. Ходили слухи, что в ближайшее время «...з Дону же будет к ним вскоре Алешка Каторжной, а с ним конных же казаков 2000 человек».[180] Сборы воровских казаков на реке Кума и у Гребенских казацких городков, точно установленные разведкой, организованной терским воеводой, вызвали тревогу в Астрахани. Астраханский воевода интересовался, можно ли совместными силами терского гарнизона и черкесского князя Каспулата Муцаловича, вассала русского царя, разбить воровских казаков. Получив на свой запрос отрицательный ответ, он немедленно направил в Терский городок, дополнительно к находившимся там стрельцам-«годовальщикам», 200 астраханских стрельцов, предводимых головой В. Бахмуровым.[181] Дальнейшая судьба этих отрядов неизвестна.

174 Там же, стр. 140—141.
175 Там же, стр. 143.
176 Там же, док. № 76.
177 Там же, док. № 95.
178 Там же, док. № 87.
179 Там же, док. № 77.
180 Там же.
181 Там же, док. № 85.

Удалось ли им соединиться с Разиным и принять участие в козаковании на Каспии или же они были рассеяны правительственными войсками? Сам же факт их продвижения к рекам Кума и Терек весьма примечателен тем, что показывает размах и силу движения, охватившего казацкую голытьбу. Царскому правительству не удалось изолировать отряд С. Разина от той социальной среды, которая его породила, хотя он и находился за пределами государства. Ему не удалось наглухо закрыть пути донской голытьбы к Каспийскому морю. Связь отряда С. Разина с Доном поддерживалась в течение всего времени его нахождения на Каспии.

Движение донской голытьбы на Волгу и Каспий на козакование, как и в год выхода с Дона отряда С. Разина, сопровождалось нападениями на торговых людей и резкими выпадами против зажиточного казачества и войсковой старшины. За счет торговых людей и зажиточных казаков воровские казаки получали необходимое им для похода оснащение и продовольствие. По свидетельству монастырского крестьянина И. Попова, бывшего весной 1668 г. на Дону в Распопинском городке по торговым делам, воровские казаки грабили торговых людей, плывших на судах в Черкасский городок, и сам он был ограблен ими.[182] Нередко сборы голытьбы в поход на Волгу и Каспий сопровождались вооруженными нападениями на населенные пункты, казацкие городки, в ходе которых нападавшими забиралось все то, что необходимо было для предстоящего похода. Весной 1668 г. отряд донской голытьбы, перед тем как идти на Волгу, захватил в Паншинском городке (для более быстрого преодоления «Переволоки») лошадей у царицынских стрельцов, приехавших туда торговать солью.[183] В апреле 1668 г. большой отряд в 300 человек русских и запорожских казаков, перетащив свои суда с реки Айдар в реку Калитву и следуя по ней к Дону, нападал на попутные селения, грабил местное население, отбирал у него оружие, котлы, одежду и многое другое имущество. Отряд шел к Дону с намерением выйти на Волгу и пробиться к Степану Разину.[184] Естественно, что во всех случаях подобных действий ограблению подвергалось прежде всего зажиточное население, торговые люди, богатые казаки и т. п., и формула некоторых документов о том, что воровские казаки «грабили по донским городкам», даже без указания, кого грабили, более точно отражает классовое существо этих событий.

Обстановка на Дону была напряженная, социальные противоречия из года в год обострялись. Положение войсковой старшины и особенно войскового атамана становилось все более сложным. С одной стороны, нельзя было ослушаться царского правительства, требовавшего принятия решительных мер против

182 Там же, стр. 107—108.
183 Там же, стр. 108.
184 Там же, док. № 70.

голытьбы. С другой — опасно было раздражать голутвенное население Дона. Осторожный и хитрый атаман К. Яковлев постепенно отходит от войсковых дел. Летом 1668 г. войсковым атаманом был избран Михаил Самаренин,[185] «домовитый» казак, убежденный сторонник царского правительства. Однако смена атамана не могла ослабить противоречия на Дону. Обстановка там была настолько неустойчива и чревата всякими неожиданностями, что царское правительство настороженно относится даже к войсковой старшине и к войсковому атаману. Через свою тайную агентуру оно внимательно следит за положением дел на Дону.[186]

* *
*

Напряженность обстановки на юго-востоке страны, растущее недовольство в различных слоях населения существующими в стране феодально-крепостническими порядками, усиленное антиправительственными действиями отряда С. Разина летом 1668 г., нашли яркое проявление в восстании стрелецкого гарнизона Яицкого городка, только что покинутого казаками С. Разина. Заняв городок, царский воевода Я. Безобразов, оставив в нем стрельцов полка Б. Сакмышева в качестве временного гарнизона,[187] вернулся в Астрахань. Стрельцы Б. Сакмышева были крайне недовольны этим: служба в отрыве от постоянного местожительства всегда тяготила стрельцов, срок их пребывания в городке был неопределенен и затягивался, а продовольствие — на исходе. Большое влияние на стрельцов оказывали вольнолюбивые настроения казаков, с которыми они непосредственно соприкасались. Многие стрельцы, еще когда отряд Разина был в городке, сочувствовали казакам, а некоторые бросали тяготившую их царскую службу и присоединялись к ним. Массовое устремление донской голытьбы на козакование охватило и яицкое казачество. С верхнего Яицкого городка, «почая в Яицком каменном городке... Стеньку Разина», плавом по Яику прибывали туда в одиночку и небольшими группами яицкие казаки. Одна из таких групп, численностью в 13 человек, во главе со старым казаком Григорием Рудаковым, не раз принимавшим участие в казацких походах по Каспию, прибыла в Яицкий городок 1 апреля 1668 г., когда уже отряда там не было.[188] Неизвестно, почему получилось такое несовпадение во времени: действительно ли не знали казаки Г. Рудакова об оставлении отрядом С. Разина Яицкого городка и о его занятии царскими войсками или же, зная об этом, приехали с определенными целями. Схваченные и брошенные в тюрьму по распоря-

185 Там же, док. № 87.
186 Там же, док. № 93.
187 Там же, стр. 121.
188 Там же, стр. 142.

жению стрелецкого головы Сакмышева, они установили связь с недовольными головой стрельцами и сыграли определенную роль в их антиправительственных действиях.

30 июля в городке вспыхнуло стихийное восстание. Стрельцы схватили ненавистного им Сакмышева и утопили, освободили из тюрьмы Г. Рудакова с товарищами и выбрали его атаманом. Понимая, что в городке им не удержаться, тем более что продовольственные запасы были ограничены, они решили покинуть его и идти на соединение с отрядом С. Разина. В ночь на 31 июля в одном пауске и 9 лотках восставшие стрельцы вышли в море.[189] На взморье у устья Яика они встретили сотника Д. Тарлыкова, который с группой служилых людей плыл на паузке с продовольствием и боеприпасами для Яицкого городка. Восставшие стрельцы захватили паузок и все «запасы», находившиеся на нем: 3000 пудов муки, 15 пудов пороху, 10 пудов свинцу и 2 пушки,[190] — что значительно укрепило их скудную материальную базу и вселило надежду на успех в решении поставленной задачи.

Между тем на другой день после оставления Яицкого городка восставшими стрельцами к нему подошел и занял его направленный из Астрахани на смену полку Б. Сакмышева стрелецкий полк Б. Болтина. Часть его стрельцов, узнав о восстании, немедленно солидаризировалась с восставшими стрельцами и бежала к ним на взморье. Стрелецкий голова Б. Болтин при создавшемся положении не решился на какие-либо меры против восставших.[191] Он был сильно обеспокоен, как бы последние не напали на занятый им городок. Часть восставших стрельцов действительно вернулась к городку и сделала попытку захватить все стоявшие там паузки.[192] О всем происшедшем перепуганный голова Б. Болтин немедленно сообщил в Астрахань.[193]

Восставшие стрельцы, уничтожив своего командира полка и совершив ряд других антиправительственных действий, нарушив присягу царю, объективно выразив этим недовольство существующими в стране феодально-крепостническими порядками, не имели никакого представления о том, что им дальше делать, и обратились за помощью к освобожденным ими из тюрьмы казакам Г. Рудакова. Последние увлекли их по традиционному пути козакования. Другого пути стрельцы не видели и, понимая, что отступать некуда, что всех их ожидает жестокая расправа, пошли в море, на соединение с отрядом С. Разина, искать счастья. Они решили на время поисков сделать своей базой Кулалинский остров. Прибыв на остров, восставшие стрельцы построили укрепленный городок, немедленно отправили 130 чело-

189 Там же, стр. 121, 142.
190 Там же, стр. 142.
191 Там же, док. № 88, 91.
192 Там же, стр. 142.
193 Там же, док. № 91.

век из своего состава к туркменскому берегу для поисков местопребывания отряда С. Разина и стали ждать известий.[194]

Сообщение головы Б. Болтина о восстании стрельцов Яицкого гарнизона вызвало большую тревогу в Астрахани. Для разведывания и установления нахождения восставших стрельцов оттуда на взморье были отправлены в легких лодках несколько небольших отрядов служилых людей во главе со стрелецкими сотниками И. Логиновым и Н. Невзоровым.[195] Когда же местопребывание стрельцов на Кулалинском острове было установлено, астраханский воевода 16 августа направил туда большой отряд правительственных войск, численностью свыше 2000 человек, на сорока морских стругах, «с пушки и с гранаты и со всеми пушечными полными припасы», поставив во главе его князя С. Львова.[196] В состав отряда были включены преимущественно стрельцы-«годовальщики» московских полков. Местным астраханским стрелецким полкам воевода не доверял, боясь, как бы они, по примеру стрельцов Б. Болтина, не перешли на сторону восставших. Явное возбуждение в среде солдат и стрельцов местных астраханских полков, по-видимому, определило также решение воеводы об оставлении в Астрахани, на всякий случай, части стрельцов московских полков (по 200 человек от полка). В целях дезориентации стрельцов в их расчетах на возможности ухода к С. Разину астраханским воеводой был пущен заведомо ложный слух о том, что якобы С. Разин «с товарыщи задержаны в персицком городе Ряше и пушки и ружье со всякими пушечными запасы и струги у них отобраны».[197]

15 сентября 1668 г. на Кулалинском острове между восставшими стрельцами и прибывшим туда карательным отрядом князя С. Львова произошло большое сражение. Восставшие оказали упорное сопротивление карателям и нанесли им ощутимый урон,[198] однако силы были неравные, и каратели восторжествовали. Много восставших было убито, 112 человек взято в плен. Царское правительство жестоко расправилось с участниками восстания, 58 человек были повешены, а остальные высланы на вечное поселение в город Холмогоры.[199]

Восстание стрельцов Яицкого гарнизона, объективно являясь стихийным выражением протеста против господствующих в стране феодально-крепостнических порядков, социальных несправедливостей и произвола в жизни мелких служилых людей, показало, что стрельцы местных полков понизовых волжских городов явились не только социально близкими к донской го-

194 Там же, стр. 143.
195 Там же, док. № 89, 90.
196 Там же, т. III, док. № 293.
197 Там же, т. I, стр. 123.
198 Там же, док. № 94, 96.
199 Там же, стр. 143, док. № 101, 102.

лытьбе, в составе которой преобладали крестьяне и холопы, и сочувствующими ей, но и силой, способной при определенных условиях подняться с оружием в руках на совместную борьбу против гнета и произвола.

События на юго-востоке страны, вызванные походом отряда С. Разина, в частности, положение на Дону, создавали обстановку нервозности в правящих кругах. Различные слухи, подчас совершенно недостоверные, о замыслах и действиях С. Разина быстро распространялись по стране и их воздействия не могли избежать даже официальные представители царской администрации. В этом плане исключительный интерес представляют отписки в Разрядный приказ воевод городов Козлова и Тамбова, посланные ими в мае 1668 г., которые вскрывают крайне тревожное положение, которое царило во всех пограничных юго-восточных городах.[200] Тамбовский воевода, ссылаясь на своего пензенского коллегу, сообщает царю, что «хочет де он, Стенька, итить к тебе, великому государю, к Москве с повинною со всем своим войском, а итить де, государь, тому Стеньке Разину к Москве мима Танбова».[201] И это в то время, когда отряд С. Разина находился в Каспийском море в районе Дербента. Он сообщает далее, что «Стенька де ныне на Волге и прошол де Астрахань, идет к Чорному Яру...» Эти ложные слухи напуганными царскими воеводами принимаются за достоверные сведения, и они не только передают их в Москву, но на их основании требуют от правительства определенных санкций на их действия против С. Разина.

Таким образом, значение событий, связанных с действиями отряда С. Разина, уже в 1668 г. нельзя локализовать территорией юго-востока страны. То, что происходило на Дону и в Нижнем Поволжье, являлось непосредственным следствием внутриполитической обстановки, характерной для всей страны и, в свою очередь, получало отражение далеко за пределами указанной территории.

* *
*

Покинув устье Волги, отряд Степана Разина вскоре прибыл к западному побережью Каспийского моря и обосновался на острове Чечень.[202] Отсюда казаки совершали набеги на пограничные селения, подвластные персидскому шаху и тарковскому Суркай Шавкалу,[203] перехватывая в то же время и торговые суда, ходившие между городами Терка и Астрахань. Здесь казаками была захвачена группа терских стрельцов.

200 Там же, док. № 73, 74.
201 Там же, стр. 109.
202 Там же, стр. 140.
203 Там же, стр. 120.

Все они, кроме трех, добровольно присоединившихся к отряду, после недельного пленения на острове были отпущены в Терку с письмами к воеводе города и князю Каспулату Муцаловичу, вассалу русского царя, «чтоб им прислать к ним воровским казаком, запасу, и зелья, и свинцу и вина».[204] Стрельцы сообщили также воеводе города примерную численность отряда С. Разина. По их подсчету, «казаков было с 1000 человек» на 24 стругах.[205] Отряд стоял на Чеченьем острове несколько недель. По-видимому, это объяснялось продовольственными затруднениями отряда и надеждами на соединение с казаками, появившимися в это время в районе рек Кумы и Терека, а также в Каспийском море.

Некоторое представление о флотилии С. Разина, вышедшей в длительное морское плавание, дают в своих работах Э. Кемпфер и Шарден. Последний отмечает большую проходимость казацких судов. Это были, пишет он, «длинные и широкие суда, но без большой осадки, что позволяло им легко миновать скалы и подводные камни, которых в этом море много на незначительной глубине».[206] Э. Кемпфер сообщает, что казаки С. Разина, для того чтобы придать своим стругам большую устойчивость на воде, «защищали свои суда, окутывая борты валиками, набитыми травой (очевидно, использовали камыши. — *И. С.*), что делало их легче и держало на волнах».[207] Каждый струг, по сообщению Шардена, и это подтверждается другими документами, был вооружен двумя пушками. Флотилия своим грозным видом произвела большое впечатление на персов. Они не могли представить, каким образом эта флотилия, «с артиллерией, снабженная всеми военными средствами, продовольствием»,[208] могла возникнуть без участия царского правительства.

От острова Чечень флотилия С. Разина продвигалась вдоль западного побережья Каспийского моря на юг. Здесь, где-то в районе города Терки, произошло объединение отрядов С. Разина и С. Кривого. Казацкая флотилия, как сообщается у Шардена[209] и что, по-видимому, соответствует действительности, стала насчитывать 40 стругов. Численность же отряда возросла до 2000 человек. Казаки напали на город Дербент, ограбив его богатое население,[210] и подвергли разорению ряд селе-

[204] Там же, стр. 140.

[205] Там же.

По данным Энгельберга Кемпфера отряд С. Разина «пошел в море с 1200 чел. в 29 и 30 бусах». — Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД, без номера и даты на англ. языке.

[206] Chardin. Le couronnement de Soliman III roi de Perse. В кн.: «Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux..., t. 4. Amsterdam, 1735, p. 315.

[207] Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

[208] Chardin, op. cit., p. 317.

[209] Ibid., p. 315.

[210] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 120, 143.

ний, расположенных по побережью Каспийского моря в направлении к Баку. Особенно пострадали от казаков селения: Низабат,[211] Шевран,[212] Мордову,[213] Такуз и другие, где ими было захвачено много пленных, различного имущества и скота. Неожиданность нападения казаков обеспечивала успех их разбойных нападений почти без всяких людских потерь.

Затем сделав своей базой остров Жилой, находящийся недалеко от Баку,[214] казаки совершали нападения на прибрежные селения современного Азербайджана. Пострадали от казаков посады и пригородные селения города Баку. Здесь ими была захвачена большая добыча: около 150 человек «ясырю» — мужчин и женщин и 7000 баранов. Все захваченное было отвезено на остров.[215] По свидетельству астраханских посадских людей, прибывших из Шемахи, казаки С. Разина намеревались даже захватить город Баку, но это было им, конечно, «не под силу». В народе сохранилась память о пребывании С. Разина около Баку. Знаменитая гора Сабанчи около Баку была названа его именем.[216]

В дальнейшем отряд С. Разина перебазировался в устье Куры. Об этом свидетельствовал 19 июля 1668 г. прибывший из Шемахи «сын боярской» А. Третьяков. «А живут де те воровские казаки, — показал он, — в Куре реке и по морю розъезжают врознь для добычи, а сказывают, что де их, казаков, многие струги».[217] Базируясь где-то в устье Куры и совершая оттуда свои разбойные набеги небольшими группами, на отдельных судах, казаки в погоне за добычей, по-видимому, пробирались по Куре и далеко в глубь страны. Только так можно понять сообщение жителя города Терки, прибывшего из Шемахи, — Наумова о том, что «воровские ж де казаки были в Грузинском уезде в стороне»,[218] и т. п.

Первое крупное столкновение отряда С. Разина с персидскими войсками произошло у Решта, главного города провинции Гилян. Сведения об этих событиях и его последствиях в источниках излагаются весьма неполно, противоречиво и преимущественно по слухам. Единственным документом, исходящим от непосредственных участников этих событий, является запись «распросных речей» разинского атамана Л. Тимофеева и его товарищей в Москве, посланных из Астрахани осенью 1669 г. просить царя «вины их, что они будучи на Волге и на

---

211 Там же, стр. 119.
212 Там же, стр. 143.
213 Там же, стр. 141.
214 Там же.
215 Там же.
216 А. Н. Гулиев. Новые данные о пребывании С. Разина в Азербайджане. ДАН Азерб. ССР, т. XIV, № 3. Баку, 1958, стр. 263—267.
217 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 119.
218 Там же, стр. 143, 155.

море, воровали, отдать».[219] Для того, чтобы уменьшить свою вину перед царем, казаки, несомненно, многое не сказали о своих действиях царским боярам, в частности скрыли их переговоры с персидским шахом о предоставлении им территории для поселения и о их подданстве шаху.[220] Тем не менее эти сообщения о событиях в Реште являются наиболее достоверными.

Казацкая флотилия вошла в Гилянский залив, остановилась вблизи Решта, и казаки, пользуясь беззащитностью города, совершили на него внезапный налет.[221] Правитель Гиляна Будан хан, желая предупредить дальнейшие налеты и не располагая необходимыми войсками, чтобы выиграть время, вступил с С. Разиным в переговоры — просил его не нападать на подвластные персидскому шаху области и впредь обещал снабжать казаков необходимым продовольствием и одеждой. С этим предложением казаки согласились, и состоявшаяся договоренность была гарантирована между ними обменом заложниками по три человека с каждой стороны.[222] Сколько времени действовала эта договоренность, неизвестно. Нарушена она была Будан ханом, который, сосредоточив с помощью шаха необходимые войска,[223] неожиданно напал на отряд С. Разина и нанес ему тяжелый урон.[224] Флотилия Разина вынуждена была

219 Там же, стр. 146—147.

220 О чем имеется бесспорное свидетельство подьячего Н. Колесникова, бывшего в то время в Исфагане в составе русского посольства (там же, док. № 183), и ряд официальных правительственных документов. — Там же, т. III, док. № 246, 249 и др.

221 Станица Л. Тимофеева умолчала об этом, но имеется ряд свидетельств, в достоверности которых вряд ли можно сомневаться. Шарден пишет, что «они (имеются в виду казаки С. Разина. — *И. С.*)... подошли к Решту, маленькому городу на берегу Гиляна... где... и высадились. Они нашли город без войск, и жители, которые их не ждали, были беззащитны. Воспользовавшись этим, они разграбили его» (Chardin, op. cit., p. 315). Это подтверждает и Кемпфер: «Они высадились бесшумно ночью в Решт, неожиданно ограбили рынок и базар, некоторые были убиты в схватке, а затем они вернулись на свои корабли, хорошо обеспеченные продуктами». — Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

222 Сведения о снабжении казаков С. Разина правителем Гиляна подтверждаются и дополняются письмом Тарковского Чопан Шевкала, полученным 9 августа 1668 г. астраханским воеводой. В нем говорится о том, что «ряшской де хан дает им (казакам С. Разина. — *И. С.*) корм по 100-у по 50 рублев на день» (Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 142). Есть сообщение об этом и в сочинении Кемпфера. Шах, по свидетельству последнего, приказал «губернатору Реджита (Решта. — *И. С.*) обеспечить их (казаков. — *И. С.*) всем необходимым» — Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА. Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

223 О замыслах в этом плане шаха и правителя Гиляна есть свидетельство Кемпфера. Они, снабжая отряд С. Разина, «надеялись собрать достаточное количество солдат, что б окружить их». — Э. Кемпфер, ук рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

224 «И после де того, — показала станица Л. Тимофеева, — приходили... многие шаховы люди, и с ними у них был бой, и их казаков, побили и в полон поимали». По сообщению астраханских посадских людей Н. Мусорина и Т. Павлова, прибывших из Шемахи, казаки потеряли в том бою 400 человек. — Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 142.

покинуть Гилянский залив и в поисках стоянки направилась вдоль южного побережья Каспийского моря.[225]

Пребывание восставшего отряда под Рештом в литературе обычно ассоциируется с переговорами, которые вел С. Разин с персидским шахом о предоставлении казакам территории для постоянного поселения. В ней установилась традиция объяснять появление посольства С. Разина при дворе персидского шаха[226] якобы неудачами, которые потерпели казаки под Рештом, безвыходным будто бы положением, в котором оказался там отряд, тактическими соображениями, желанием усыпить внимание персов и выиграть время и т. п.[227] С этим трудно согласиться, во-первых, потому, что безвыходного положения у казаков под Рештом не было — они в любое время могли уйти на своих стругах в море за пределы досягаемости персидских властей (что они и сделали), во-вторых, отправление Степаном Разиным казацкого посольства к шаху далеко не всеми источниками приурочивается ко времени нахождения отряда под Рештом и увязывается с событиями, которые там произошли.[228] Не обстоятельства временного, преходящего порядка, сложившиеся под Рештом и якобы неблагоприятные для казаков, побудили Разина послать посольство к шаху, «не расчеты Разина на персидское подданство и особое казачье „войско“ на Куре», в чем справедливо сомневается С. И. Тхоржевский,[229] не иллюзии о создании где-нибудь у взморья своей казачьей вольной республики, а необходимость получить удобное место для стоянки своей флотилии, особенно к предстоящей зимовке отряда. Отряд С. Разина с потерей Яицкого городка не имел базы, где бы можно было привести в порядок потрепанные морскими бурями струги, сбыть свои богатства, приобрести продовольствие и запастись хорошей питьевой водой, оставить боль-

---

225 «И после большой резни и бесчинств поспешно отступили со всеми своими трофеями на свой струги и отправились в море для того чтобы их не заметили» — Chardin, op. cit., p. 315; Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 146.

226 О чем свидетельствуют многие как документальные, так и литературные источники (там же, док. № 183; т. III, док. № 246, 247, 249 и др.; Chardin, op. cit.). Свидетельства расходятся лишь в части количественного состава казацкого посольства.

227 А. Н. Попов. Материалы..., стр. 38; Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 255—256; С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 51—52; Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 73; В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1955, стр. 59—60 и др.

228 Есть многие источники, которые трактуют переговоры Степана Разина с персидским шахом не только безотносительно событий в Реште (Сб. док. АН СССР, т. I, док. № 183; т. III, док. № 246, 247, 248, 249 и др.), но и относят их к более раннему времени. Кемпфер сообщает, что в связи с событиями под Рештом казаки С. Разина лишь «повторили свою первую просьбу (к персидскому шаху. — *И. С.*) о земле на Каспийском море для заселения». — См.: Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА. Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

229 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 52.

ных и т. п. Между тем судьба казацких отрядов «добытчиков», вынужденных оставаться на зиму в Каспийском море, не могла быть неизвестна С. Разину и его соратникам. В недалеком прошлом, зимой 1660—1661 гг., на Кулалинском острове в Каспийском море должен был зимовать отряд казаков атамана Паршика, и за «одну зиму... тех воров померло пятьсот человек».[230] Гость М. Гурьев в своей челобитной царю, доказывая необходимость крепче держать Яицкий каменный городок, в целях прекращения козакования по Каспийскому морю, писал: «А как в Яицком каменном городе будут по прежнему государевы служилые люди и кои казаки и останутся на морских островах, и то их воровство непрочно, потому что им кизилбашских товаров продавать будет негде и те ихь товары у них и даром погибнут, да и на морских островах, от морских туманов зимою жить нездоровожь им вором».[231] Вряд ли мог С. Разин, совершивший со своим отрядом столько антиправительственных действий в пределах русского государства, рассчитывать на возможность безопасного длительного пребывания на Кулалинском острове или каком-либо другом в русской части Каспийского моря. Оставалось одно: добиваться предоставления таких возможностей у персидского шаха. Но и в персидской части Каспийского моря С. Разин, конечно, не мог рассчитывать на получение от шахского правительства разрешения на создание необходимой ему для зимовки отряда базы, без определения своих взаимоотношений с шахским правительством на будущее, так как скорее всего последнее не пошло бы на это. По сообщению Г. Лусикова, представителя армянской торговой компании, С. Разин хотел получить от шахского правительства такой остров, «на котором взять было ево... не мочно», — «крепкой остров»,[232] где бы отряду можно было спокойно перезимовать. Для того чтобы этого добиться, С. Разин должен был идти на хитрость.

Станица казаков (посольство от Степана Разина) в составе шести человек, прибыв в столицу Персии Исфаган, по словам подьячего Н. Колесникова, просила у шаха разрешения поселиться по реке Куре и за это предлагала ему свою службу — «быть в холопстве».[233] Эти предложения вызвали некоторое замешательство и разногласия в правящих кругах Персии. Там было распространено мнение о том, что действия отряда С. Разина против Персии совершаются с ведома и по инициативе

---

230 ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, № 488.

231 Там же.

232 Сб. док. АН СССР, т. III, стр. 295—296.

233 Там же, т. I, стр. 250. — Это подтверждается и в письме Тарковского Чопан Шевкала в несколько ином варианте. Количество прибывших казаков указывается — 5 человек, а место, просимое ими для поселения, определяется не на реке Куре, а на реке Ленкуре. — См.: Chardin, op. cit., pp. 315—316; Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

царского правительства, что они инспирированы им.[234] Часть правящих верхов, с тем чтобы без особых забот ликвидировать опасность казацких нападений, считала возможным принятие предложений С. Разина.[235] Другая часть придерживалась мнения, что для прекращения разбойных действий казаков С. Разина необходимы решительные военные мероприятия. Шахское правительство долго колебалось. Время шло, казацкое посольство жило в Исфагане и добивалось личной аудиенции шаха. Наконец, прибытие в Исфаган посольства от царя, возглавляемого Томасом Брейном, прекратили колебания шаха. В грамоте русского царя от 3 мая 1668 г., врученной шаху, объяснялись обстоятельства появления казаков С. Разина в Каспийском море и предлагались совместные действия персидских и русских войск в целях их ликвидации.[236] Для организации этих действий в Персию вместе с посольством Томаса Брейна был прислан полковник, шотландец, находившийся на русской службе, Пальмар.[237] Казацкие послы были брошены в тюрьму и казнены.[238] Шахское правительство с помощью полковника Пальмара и других иноземцев немедленно приступило к мобилизации войск и строительству морского флота, чтобы действовать против казаков.[239] По-видимому, персидские войска, внезапно напав на отряд С. Разина под Рештом, о чем уже говорилось, хотели его полностью ликвидировать. Но это им не удалось. С большими потерями отряд отбился от напавших на него персидских войск и ушел в море.[240]

Продвигаясь вдоль побережья Каспийского моря, казаки вскоре вышли в восточные провинции Персии. Они были ожесточены внезапным нападением на них персидских войск под Рештом и понесенными людскими потерями, неудачей переговоров с шахом и все чаще встречающимся сопротивлением при высадке на побережье. Не связанные ничем в своих действиях, они совершали смелые налеты на прибрежные селения и нападали даже на такие крупные города, как Фарабат (Ферах-Абад) и Астрабад (Горган).[241] Подробная картина налета казаков на Фарабат дана у Кемпфера. Они напали на город

---

234 Об этом подробно говорится в сочинениях Шардена и Кемпфера: Chardin, op. cit., pp. 315—317; Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

235 По сведениям Г. Лусикова, шахское правительство якобы даже отвело уже место для стоянки отряда С. Разина, но последний с ним не согласился и требовал «себе иного крепкого острова» — Сб. док. АН СССР, т. III, стр. 295—296.

236 Там же, т. I, док. № 71, 72, 98; т. III, док. № 245, 247, 249.

237 Там же, т. I, док. № 71; Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

238 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 250; Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

239 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 144.

240 Там же, стр. 142, 143, 147.

241 Там же, стр. 143, 144, 147.

внезапно, в самый разгар торгового дня, когда «там было большое стечение покупателей и продавцов» и забрали там все, «что было выставлено и выложено для продажи», пленили много людей — мужчин и женщин, а город «вырубили и выжгли».[242] Находившийся в это время там отряд персидских «боевых людей» в 500 человек был разбит казаками, а «начальные люди» захвачены в плен.[243] В Фарабате они разгромили роскошные пригородные дворцы самого персидского шаха и захватили его имущество.[244]

Близилась зима 1668—1669 гг. Перед отрядом остро встал вопрос о зимовке. Положение было трудным. Господствуя на море, он потерял преимущество внезапности действий на суше. Шахское правительство готовилось к решительным действиям против казаков. Необходимо было найти такое место, где бы была удобная стоянка для стругов и можно было продержаться до весны. Такое место казаки облюбовали на полуострове Миян-Кале, в юго-восточной части Каспийского моря. Полуостров этот, ограничивая с севера Астрабадский залив, тянулся с запада на восток на несколько десятков километров и на большем его протяжении представлял узкую и низкую песчаную косу, покрытую дюнами, заросшую густым кустарником и местами заболоченную.[245] В то время ее называли шаховой косой, по-видимому, потому, что в западной части ее и примыкающей к ней территории находились «заповедный лес» и увеселительный дворец шаха. В этом лесном заповеднике и обосновались казаки, хорошо укрепившись, построив деревянный городок, сделав лесные засеки, насыпав большой земляной вал[246] и полностью отрезав «коммуникации с континентом, и таким образом расположились здесь, не обращая внимания на персов».[247]

Условия зимовки были исключительно тяжелыми. Казаки, испытывая большую нужду в продуктах,[248] в то же время должны были отбиваться от нападавших на них персидских отрядов. Наконец, под натиском персов они вынуждены были покинуть покрытую лесом западную часть полуострова и отойти на его восточную песчаную оконечность, отделенную от лесной ее части болотом.[249] Условия зимовки стали еще более тяжелыми. Многие казаки болели и умирали.[250] Видя их тяжелое положение,

---

242 Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД; Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 143.

243 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 147.

244 Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД; Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 143.

245 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 53—54.

246 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 143.

247 Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.

248 «...И около Фарабата разоряли деревни». — Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 147.

249 С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 54.

250 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 144.

персидские власти ранней весной сделали попытку выбить казаков с косы действиями с моря. С этой целью было снаряжено несколько судов, вооруженных пушками. Попытка эта потерпела полную неудачу. Казаки, обладая большим опытом мореходства, разбили персидские суда и нанесли им большой урон. Однако было очевидно, что оставаться в лагере на косе было дальше невозможно.[251]

Весной 1669 г. отряд С. Разина покинул лагерь на полуострове Миян-Кале и направился к туркменскому побережью. Изнуренным тяжелыми условиями зимовки казакам необходимо было прежде всего продовольствие и передышка.[252] Однако к весне 1669 г. обстановка для действий в Каспийском море резко ухудшилась. Персидское правительство к этому времени собрало войска и построило немало морских судов для борьбы с казаками. Совершать набеги на обжитые и хорошо заселенные территории побережья Каспийского моря стало уже опасно и невозможно. Представители персидского правительства уговаривали казаков вернуться обратно в Россию на милость царского правительства, угрожая в случае их несогласия жестокой расправой.[253] От обороны шахское правительство перешло к активным наступательным действиям. Даже у туркменского побережья Каспийского моря, куда направились казаки, они имели столкновения с персидским флотом и войсками,[254] несли большие потери. Там был убит один из активных сподвижников Разина атаман Сергей Кривой.[255]

Из-за активных действий персидских войск казаки должны были отказаться от разбоев на южном побережье Каспийского моря и обосновались на Свином острове, расположенном у западного побережья в Гилянской провинции. Здесь они находились около двух месяцев и «с того острова ходили... в деревнях шаховой области имали хлеб».[256] У Свиного острова летом 1669 г. произошло большое сражение казаков с персидским флотом, состоявшем из 50 судов, и находившимся на них большим войском, численностью в 3700 человек, которым командовал астаринский Мамед хан. Сражение, несмотря на численное превосходство флота и войска, закончилось блестящей победой казаков. Весь персидский флот, за исключением трех судов, успевших выйти из боя, был потоплен и сожжен. Казаки захватили 33 пушки и много другого оружия, различное имущество и большое количество пленных, в том числе сына Мамед хана Шабын Дебея.[257] Детальное и яркое описание этого сражения дано у Кемпфера. Казацкие струги, демонстрируя бегство, увлекли су-

251 Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.
252 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 144.
253 Там же, т. III, стр. 302.
254 Там же.
255 Там же, т. I, стр. 144.
256 Там же, стр. 147.
257 Там же, стр. 144, 147; т. III, стр. 292, 305.

да персов в открытое море. Мамед хан соединил суда своей флотилии цепями, «надеясь захватить врага как бы в сеть». Персидский флот потерял маневренность. Это немедленно использовали казаки. Они обрушились на флагманское судно персов и взорвали его (в трюме был пороховой склад). Началась сумятица, так как тонущий флагманский корабль тянул за собой и другие суда. Используя это, казаки пошли на абордаж и уничтожили весь персидский флот.[258]

Победа над войсками Мамед хана далась нелегко. Потери их были весьма ощутительны,[259] а между тем было очевидно, что в ближайшее время против казаков будут действовать еще более крупные силы. Болезни, вспыхнувшие в связи с длительным пребыванием в жарком климате, потери в борьбе с войсками шаха, невозможность дальнейшего пребывания в Каспийском море, тоска по родным местам вызывают в среде казаков сильное стремление к возвращению на Дон, и они решают вернуться туда.

* *
*

В конце июля 1669 г., погрузив на суда все захваченные в Персии богатства, захватив пленных, казаки покинули Свиной остров и направились к устью Волги.[260] С. Разин, по-видимому, не рассчитывал на царское прощение, понимая, что его антиправительственные действия зашли слишком далеко. Было решено силой или хитростью пройти на Дон по Волге, минуя Астрахань,[261] а если не удастся, идти к Тереку и, перезимовав там, пробиться степью к Дону.[262] При последнем варианте, вероятно, имелся в виду захват казаками города Терка и превращение его во временную базу отряда.

Долог и труден был путь отряда к родной земле. Царское и шахское правительства бдительно охраняли побережье Каспийского моря и вели непрерывную разведку о местопребывании и действиях отряда. В устье Волги и на взморье, по распоряжению астраханского воеводы, чтобы не упустить момент возвращения казаков С. Разина, находились «поисковые» отряды царских служилых людей.[263] 10 суток вынуждены были плыть казаки по морю к устью Волги, не приставая к берегу, чтобы избежать непредвиденных задержек в пути. Они не знали, что царское правительство, ввиду крайнего обострения внутриполитиче-

258 Э. Кемпфер, ук. рукопись. ЦГАДА, Рукопис. отд. б-ки МГАМИД.
259 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 144; т. III, стр. 305.
260 Там же, т. I, стр. 144.
261 «А с устья де хотели выйти на Волгу на учюги и, разоря учюги, — показал при добросе один из участников похода С. Разина М. Гаврилов, — хотели итти мимо Астрахани вверх Волгою на Дон». — Там же.
262 «И им де было итти на Терек и зимовать на Тереке и, отогнав у черкаских князей лошади, итти было на Куму». — Там же, стр. 145.
263 Там же, док. № 80—87, 92, стр. 141, 143.

ского положения в стране, нарастания крестьянского движения, продолжавшегося брожения голытьбы на Дону, измены украинского гетмана Брюховецкого, готово было простить их при условии прекращения ими антиправительственных действий и что еще в 1668 г. в Астрахани, к воеводе И. Прозоровскому была прислана для них «милостивая» царская грамота.[264] С помощью этой грамоты, оно хотело «выманить» отряд С. Разина из Каспийского моря, где он был недосягаем и мешал торговле с Персией, в то же время имея тайные замыслы при первом удобном случае расправиться с ним.

Разбойные устремления казаков С. Разина, даже в условиях их нахождения во владениях персидского шаха, вдали от родины, с ее ненавистными для них социальными порядками, отнюдь не определяли всего содержания их действий. Эти действия, как и поход, являлись своеобразной формой стихийного протеста против социальных несправедливостей. Значительной части голытьбы были свойственны, по-видимому, иллюзии о возможности создания где-то за пределами досягаемости царского правительства вольного казацкого поселения — государства без бояр и старшины.

Совершая разбойные налеты на подвластные шаху селения, захватывая богатую добычу и пленных, казаки всюду освобождали от персидского рабства невольников, как русских, так и нерусских. Сохранилось свидетельство, что С. Разин на захваченный отрядом «ясырь» (пленных) «выменивали русских людей, имали за одного кизылбашенина (подданного персидского шаха. — *И. С.*) по 2 и по 3 и по 4 человека русских».[265] Это имело большое значение, так как из-за непрерывных набегов крымских татар и калмыков на южные пограничные районы России, Польши и других стран Восточной Европы много народа было уведено в плен и находилось в тяжелом восточном рабстве. Многие невольники, пользуясь благоприятной обстановкой, сами бежали от своих владельцев и присоединялись к казакам. Поход отряда С. Разина в Персию, таким образом, носил освободительный характер для многих людей, томившихся в тяжелой рабской неволе.

Разумеется, что выкупались из казацкого плена прежде всего богатые персы. Их-то и стремились казаки брать в плен как можно больше, тем более, что за счет захвата имущества последних они и обогащались. Разбойные устремления и социальные антипатии своеобразно сочетались в деятельности казаков. Основным объектом их нападений, как и в России, являлись купцы и феодальная верхушка персидского общества. Только особые обстоятельства, полная невозможность купить необходимые им продукты, по-видимому, вынуждали казаков совершать налеты на сельские поселения. Как это видно из свидетельства толмача

264 Там же, стр. 144—145.
265 Там же, стр. 143.

И. Мокеева, донская голытьба сочувствовала простым людям и за пределами своей страны, иначе непонятным будет его сообщение о том, что к отряду С. Разина приставали «иноземцы, скудные многие люди».[266] Разбойные действия казаков, направленные прежде всего против персидских купцов и феодалов, не могли не воздействовать на усиление стихийного классового протеста социальных низов персидского народа против угнетения.[267]

В начале августа 1669 г. отряд С. Разина в количестве около 1200 человек на 22 судах подошел к устью Волги.[268] Несмотря на все меры, принятые астраханскими властями, появление его было неожиданным. Испытывая острую нужду в продовольствии, изнуренная длительным недоеданием, голытьба стала изыскивать источники его получения. Одним из протоков Волги она беспрепятственно добралась до ближайшего учуга Басарга и напала на него. Вся готовая рыбная продукция (соленая рыба, икра, вязига, жир и др.) и «хлебные запасы», находившиеся там, стали ее добычей. Захвачены были также различные рыболовецкие снасти и оборудование. Пробыв на учуге сутки и убедившись, что место это неудобно и опасно для стоянки, отряд С. Разина направился к находящемуся у входа в Волгу острову Четырех Бугров.[269] По дороге к острову отряд встретил плывшие к Астрахани под охраной стрельцов два судна с товарами, принадлежавшими персидским купцам. На одном из них находились подарки, присланные персидским шахом русскому царю.[270] Голытьба напала на них и забрала все товары и царские подарки. Соблазнившись возможностью получения большого выкупа, казаки взяли в плен и сопровождавшего суда персидского купца Сеханбеть.[271]

Прибыв на остров Четырех Бугров, отряд расположился там, укрепился и установил тщательное наблюдение за подступами к нему. Место это было удобно для стоянки отряда. По описанию Я. Стрейса, «остров был скалой, заросшей со всех сторон камышом, и подступить к нему можно было лишь в одном месте».[272] Здесь казаки отдыхали от длительного и тяжелого морского перехода и разведывали возможности дальнейшего продви-

---

266 Там же, стр. 143, 144.

267 За счет освобождения многих людей от восточного рабства и персидской бедноты отряд С. Разина пополнялся новыми казаками. — Там же, стр. 143.

268 Там же, стр. 147.

269 Учитывая, что разоренный ими учуг является вотчиной астраханского митрополита, как бы в уплату за все, им взятое, С. Разин оставил там «всякую церковную утварь и всякую рухлядь и ясырь». — Там же, стр. 128, 144, 147.

270 По данным неизвестного автора письма из состава экипажа корабля «Орел», несомненно сильно преувеличенным, ценность грузов, находившихся на этих судах, исчислялась «в несколько тонн золота».

271 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 144, 145, 147.

272 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 199.

жения отряда по Волге. Действия казаков С. Разина, появившихся в устье Волги после длительного нахождения за пределами русского государства, как показывают приведенные факты, ни в какой мере не выражали их раскаяния перед царской властью, больше того, они были явно антиправительственными. Нисколько не смущаясь, казаки напали на суда, охраняемые царскими стрельцами, захватили ценные подарки, предназначенные самому русскому царю, и «раздуванили» их между собой. Такое поведение свидетельствует о том, что, возвратившись на родину, казаки не рассчитывали на царскую милость, тем более, что их ненависть к господствовавшим в стране феодально-крепостническим порядкам за время пребывания в походе нисколько не ослабла. Голытьба готова была в любой момент с оружием в руках защищать свою свободу. Ожидая появления царских войск, она не тревожилась за свою судьбу, «будет де их, казаков, побили б, и они о том не потужили б».[273] Если же бы им удалось побить высланные против них войска («будет де они б, казаки, высылку побили»), то, очевидно, захватив необходимые боеприпасы и продовольствие, пошли бы зимовать на Терек.[274]

Получив сообщение о действиях отряда С. Разина от пострадавших и бежавших от него лиц,[275] астраханский воевода немедленно выслал против него большой отряд правительственных войск численностью в 3000—4000 человек, на 50 гребных судах, хорошо вооруженных пушками, под командованием одного из своих помощников князя С. Львова.[276] Последнему была вручена царская «милостивая грамота» для С. Разина и его соратников и дано указание во что бы то ни стало «выманить» отряд из Каспийского моря. Астраханские власти не особенно рассчитывали на решительные военные действия, так как «не могли положиться на свои силы»,[277] не надеялись на стойкость стрельцов и солдат астраханского гарнизона и боялись еще большего раздражения в социальных низах населения. Это обстоятельство наложило отпечаток на весь последующий ход событий, связанных с возвращением отряда С. Разина на Дон.

Получив сведения о местонахождении казаков, отряд царских войск князя С. Львова направился к острову Четырех Бугров. Казаки, увидев приближение правительственных войск, не зная их истинных намерений и здраво оценив обстановку, не пожелали ввязываться в бой, тем более, что боеспособность их была сильно ослаблена, сели на струги и пошли обратно в море.[278]

Сведения о дальнейшем развитии событий у острова Четырех

---

273 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 145.

274 «...и им де было итти на Терек и зимовать на Тереке». — Там же.

275 Там же, стр. 144.

276 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 199, 350—351; S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 78; Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 144—145.

277 Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 263.

278 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 144; Я. Стрейс, ук. соч., стр. 199.

Бугров, дошедшие до нас в подробностях лишь в донесении князя С. Львова,[279] весьма противоречивы и требуют специального разбора, тем более, что позже в царских грамотах появилась тенденциозная правительственная версия о том, что казаки С. Разина, якобы окруженные правительственным войском в устье Волги, были обречены на истребление и только особая милость царя спасла их от этого.[280] Затем эта версия была принята дворянскими историками,[281] А. Н. Поповым[282] и многими другими буржуазными историками, а также иностранными писателями.[283] В действительности источники, в том числе и донесение князя С. Львова, не дают оснований для принятия этой версии. Отряд С. Разина находился в тяжелом положении, но не в безвыходном. Он не принял боя с войском князя С. Львова и ушел в открытое море с намерением идти в Терки. 20 верст, по сообщению князя С. Львова, он гнался за казаками и, убедившись, что они уходят, поставил свою флотилию на якоря и послал в догонку за ними в легкой лодке с «милостивой» царской грамотой сотника Н. Скрипицына.[284] Узнав о царской милости и намерении князя С. Львова вести переговоры с ним, С. Разин повернул отряд к устью Волги, войско князя С. Львова пропустило его на остров Четырех Бугров и затем, как сообщает последний, «он... с ратными людьми то устье от моря заступил, чтоб им (т. е. казакам С. Разина. — *И. С.*) на море выгресть было нельзя».[285] Так развертывались события по донесению С. Львова. Однако, закрыв казакам выход из устья Волги в море, князь С. Львов не решился на них напасть, да и С. Разин в последующих переговорах оказался не особенно сговорчивым. Казаки были во всеоружии, струги их были более маневренны, опыт боевых действий на море бóльший, чем у противника, симпатии многих стрельцов, как показали все предшествующие события, были на их стороне, а главное, казаки были полны решимости в случае необходимости сопротивляться.[286]

Начались переговоры между сторонами. И это еще раз подтверждает, что безоговорочной капитуляции отряда С. Разина перед царским правительством, перед астраханскими властями не было. Обе стороны хитрили, старались добиться друг у друга как можно больше уступок. Астраханские власти хотели как

---

279 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 145.

280 Там же, т. II, ч. I, стр. 8; т. III, стр. 84.

281 М. Щербатов. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. Пб., 1774, стр. 205; А. Ригельман, ук. ст. ЧОИДР, 1846, № 3, стр. 61.

282 А. Н. Попов. История возмущения.., стр. 47—48.

283 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 200; S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 78.

284 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 145.

285 Там же.

286 «Львов, видя их готовность биться, — пишет А. Ригельман, противореча сам себе, — принял их (т. е. казаков. — *И. С.*) предложения и от государя простил их». — А. Ригельман, ук. ст. ЧОИДР, 1846, № 3, стр. 61.

можно больше ослабить отряд и подготовить условия для его полной ликвидации. Разин же стремился сохранить отряд и получить возможность для его возвращения на Дон. С этой целью С. Разин, по словам К. Маркса, «вошел с ними (т. е. с астраханскими властями. — *И. С.*) в соглашение (разыгрывает из себя верноподданного россиянина)»,[287] а по сообщению Л. Фабрициуса, он даже «царское письмо (имеется в виду царская «милостивая грамота» Разину. — *И. С.*) поцеловал и безоговорочно согласился с ним».[288] Однако все эти верноподданнические проявления в поведении С. Разина [289] преследовали определенные цели: ослабить бдительность царских властей и выполнять принятые условия лишь в крайнем случае. Получив царскую «милостивую грамоту», голытьба С. Разина выделила из своей среды двух человек [290] для переговоров с князем С. Львовым. Прибыв в становище правительственных войск, казацкие посланники «били челом великому государю» и просили от имени всего отряда простить их за все неугодные правительству действия, а также, согласно «милостивой грамоте», отпустить их «с пожитками» на Дон. За это они обещали впредь «верно» служить царю, сдать по прибытии в Астрахань все имеющиеся у них пушки, отпустить государевых служилых людей, находящихся в отряде, а по прибытии в Царицын отдать и все «струги и струговые припасы». От выдачи, по требованию князя С. Львова, взятого ими в плен персидского купца казацкие послы пока что отказались, заявив, что купец обещал им за себя выкуп в 5000 рублей и что об этом необходимо обсудить «всем войском».[291] Обещание казацких посланцев отдать князю С. Львову судно с предназначенными для царя аргамаками завершило переговоры. Казацкие посланники были приведены «к вере за все войско» и отпущены в свой стан.

Отряд стал готовиться к переходу к Астрахани.[292] Имеется свидетельство неизвестного автора письма из состава экипажа корабля «Орел», бывшего в Астрахани во время прибытия туда отряда С. Разина, о том, что, помимо переговоров с князем С. Львовым, с этой же целью С. Разиным были направлены три казацких посланца к астраханскому воеводе И. Прозоровскому. Они по прибытии были приняты воеводой и добивались у него оказания различных почестей Разину, когда отряд прибудет в

---

287 К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 122.

288 S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 78.

289 Несколько позже сложилось сказание, будто бы С. Разин, вернувшись из похода по Каспию, подобно Ермаку, бил челом всеми своими богатствами царю и обещал ему «не токмо взятые им в Каспийском море острова в подданство к России привесть, но и другие многие победы». Это сказание записано в одном из хронографов (Отрывок из хронографа, сообщенного К. И. Авериным. «Москвитянин», 1841, № 1, ч. IV, стр. 167).

290 А. Ригельман приводит их имена: «Ларку и Мишку» (имеются в виду Лазарко Тимофеев и Михаил Ярославов. — *И. С.*). — А. Ригельман, ук. ст. ЧОИДР, 1846, № 3, стр. 61.

291 Затем, обсудив, они выдали его князю С Львову.

292 Сб. док. АН СССР, т. I, стр 145.

Астрахань.[293] Воевода отклонил это «предложение» посланников, но «обещал им царское расположение и милость». Тем не менее, как видно из письма анонима, прибытие отряда С. Разина в Астрахань произошло при таких обстоятельствах, что они могли сбить с толку любого современника об их истинных причинах. Астраханские власти были настолько рады результатам успешных действий войск С. Львова против отряда С. Разина, что организовали С. Львову торжественную встречу. При подходе к Астрахани 22 августа 1669 г. с судов, на которых находились правительственные войска, был дан салютный залп из пушек и мушкетов. В ответ раздались залпы с бортов только что прибывшего в Астрахань военного корабля «Орел». Казаки, следовавшие вслед за судами правительственного войска, нисколько не усумнившись, присоединились к этому салюту. Под звуки пушечных и мушкетных залпов, на глазах всего населения Астрахани, собравшегося посмотреть на невиданное зрелище, флотилия голытьбы грозно прошла мимо города вверх по Волге и встала на якоря у Болдинского устья. Это, конечно, не могло не произвести большого впечатления на очевидцев. Например, по свидетельству анонима, эти события были им восприняты не как торжественная встреча правительственных войск, а как церемониал, установленный в честь отряда С. Разина.[294]

Характер условий и обязательств, навязанных отряду С. Разина при переговорах с князем С. Львовым у острова Четырех Бугров, поражает своей ограниченностью. Голытьба по существу получила право на дальнейшее существование отряда и разрешение на уход его с оружием в руках на Дон, сохранила всю захваченную богатую добычу, в том числе и пленных («ясырь»). Это могло быть или результатом неуверенности князя С. Львова в своем войске, или расчетами на более благоприятную обстановку для предъявления дополнительных требований к казакам.

Несомненно также, что немаловажную роль в этом сыграли обильные и богатые подарки, полученные князем С. Львовым от С. Разина, установившиеся особые отношения между ними, о чем содержатся сведения как в источниках документальных,[295] так и в литературных.[296] Эти сведения нельзя не учитывать, тем более, что отношения князя С. Львова с С. Разиным — «князь Семеново

---

293 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 351.

294 Там же.

295 В письме персидского посланника. — Сб. док. АН СССР, т. III, стр. 305.

296 Л. Фабрициус сообщает: «Стенька дал русским знатным дворянам, которые принесли письмо (имеется в виду «милостивая» царская грамота. — *И. С.*) прекрасные подарки из кусков золота и мехов, так же как и все сорта дорогих изделий из Персии. Неизвестно, что получил генерал Львов, но определенно, что известное количество драгоценностей было послано: особенно жемчугов, прекрасных седел, блюд из серебра и золота... Генерал тогда принял Стеньку как своего сына и, в соответствии с русским обычаем, наградил его прекрасно отделанной в золоте иконой Богородицы». — S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 79.

братство с вором С. Разиным» — вызвало не только недовольство, но и гнев царя Алексея Михайловича. Даже последующая гибель князя С. Львова не искупила его вину перед царем. Часть вотчин, принадлежавших ему, была отобрана.[297]

* *
*

Отряд С. Разина пробыл в Астрахани 2 недели, и все это время шла острая борьба между астраханскими властями и руководителями голытьбы, возглавляемой С. Разиным. Астраханский воевода И. Прозоровский, как бы желая наверстать упущенное, добивался не только выполнения обязательств, взятых казаками во время переговоров у острова Четырех Бугров, но и предъявлял им все новые и новые требования. Казаки же, наоборот, не только решительно отвергали эти новые претензии к ним со стороны астраханских властей, но и стремились всякими путями уклониться от выполнения обязательств, с которыми они уже согласились. Реальное соотношение сил, сложившееся в это время в Астрахани между правительственным лагерем, возглавляемым воеводой, и лагерем голытьбы во главе с С. Разиным, определило ход этой борьбы и все события, с нею связанные.

Через два дня после прихода казацкой флотилии в Астрахань, 25 августа, С. Разин, окруженный казаками, пришел в Приказную палату, сдал воеводе символ своей власти бунчюк, 10 знамен и просил его немедленно отпустить их на Дон.[298] Затем казаки отдали астраханским властям наиболее тяжелые пушки, количеством 21, которые трудно было увезти с собою на Дон, часть находившихся у них пленных — сына Мамед хана и нескольких персидских служилых людей, захваченных ими в Фарабате,[299] и также направили в Москву, с разрешения воеводы, шесть выборных казаков во главе с Лазарем Тимофеевым «бити челом великому государю за вины свои головами своими».[300] Отпустили казаки из своего отряда и всех желающих покинуть его служилых людей понизовых городов. Таких оказалось 47 человек. Воевода их принял и велел определить «в прежние чины за поруками».[301]

Астраханский воевода был недоволен поведением казаков Разина. Он требовал от них выполнения обязательств о сдаче остальных пушек и выдаче всех государевых служилых людей, оказавшихся в отряде С. Разина, а не только желающих его покинуть. Воевода всячески добивался также выдачи казаками всех находящихся у них пленных, передаче ему захваченных на

---

297 История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. 1776, стр. 188—189.
298 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 145—146.
299 Там же, стр. 149.
300 Там же, стр. 146.
301 Там же, стр. 147, 149.

торговых судах в устье Волги товаров, принадлежавших персидским купцам, подарков, предназначенных царю, и имущества сопровождавших суда служилых людей, и даже согласия казаков на перепись персонального состава отряда.[302] От выполнения всех этих домогательств астраханского воеводы голытьба уклонилась. Оставшиеся в отряде легкие пушки, в количестве 20 штук, Разин обещал воеводе вернуть по прибытии в Паншинский городок, мотивируя это необходимостью по дороге к Дону обороняться от «всяких воинских людей».[303] Купеческие товары, подарки царю и имущество служилых людей казаки вернуть не могли, так как все эти богатства были ими «раздуванены» и после «дувану» у иных проданы и в платье переделаны: «и собрать никоторыми делы не мочно».[304] Так же обстояло дело и с пленными. Казаки заявили, что они получены «у них саблею», что «многия их братья за тот полон в шахове области на боях побиты и в полон поиманы», «да к тому же поделены между ними и каждый из них принадлежит нескольким казакам».[305] Требование же о переписи было с возмущением отвергнуто казаками, которые заявили, что «ни на Яике, ни на Дону такого обычая не повелось». Вместе с тем, противодействуя указанным домогательствам астраханского воеводы, казаки не раз ссылались на «милостивую» царскую грамоту, присланную к ним, обращая внимание воеводы на то, что в ней не указано, чтобы «пушки и полон и рухледь, что они (т. е. казаки. — *И. С.*), будучи в воровстве, добыли, в Астрахани... имать и казаков переписать».[306] Наконец, государевым служилым людям, бывшим в составе отряда С. Разина, как и всем казакам отряда, было решено предоставить каждому полную свободу решения своей дальнейшей судьбы.[307]

Применить к казакам насильственные меры, чтобы они выполнили его требования, астраханский воевода не решился, так как большая часть населения Астрахани — низы посадских людей, работные люди, которых всегда насчитывалось в городе и окрестностях не одна тысяча, — явно сочувствовала им. Воевода боялся, что они в случае необходимости активно поддержат голытьбу. В своей отписке в Москву, объясняя, почему он не мог заставить казаков выполнить предъявленные им требования, он писал о своих опасениях, «что б они (казаки. — *И. С.*) вновь шатости и воровству не учинили, и не приставали б к их воровству многие люди, и от того б меж... людьми кровопролития не

---

302 Там же, стр. 146, 148—149.
303 Там же, стр. 149.
304 Там же.
305 Там же.
306 Там же.
307 «...хто на Дон итти с атаманом с Стенькою Разиным похочет. А которые похотят в Астрахани быть или куды в прежние житья итти, и в том у них, казаков, приговорено повольно, где кто похочет жить». — Там же, стр. 147.

учинилось».[308] Не рассчитывал воевода и на стрельцов местных астраханских полков, составлявших большую часть гарнизона города, уже неоднократно проявивших свои симпатии к казакам. Они, по его мнению, были «шатки и к воровству склонны» — и это соответствовало действительности.[309] Чувствуя свое бессилие, воевода вынужден был разрешить покупать у казаков принадлежавшее им имущество, в том числе и пленных, «повольною ценою», беспошлинно,[310] а также умерить свои претензии к ним. В Астрахани развернулись бурные торги между казаками и населением, в ходе которых казаки сбывали захваченные ими восточные товары и всякое имущество. На рынках продавалось столько всяких драгоценностей, дорогих тканей, шелку, что цены на них, по свидетельству иностранца Я. Стрейса, катастрофически упали.[311]

Во время пребывания казаков в городе контакты с местным населением крепли и ширились. После тяжелого похода казаки отдыхали и гуляли. Их рассказы и богатства, дорогие восточные одежды и щедрость производили большое впечатление на простой народ и не могли не вызывать у него жажду к лучшей жизни, симпатии к атаману С. Разину, к «батьку», как казаки его называли, обогатившего голытьбу. Разин ходил по улицам города, ничем не выделяясь из среды остальных казаков, и только особое почтение, которое оказывалось ему, выдавало его положение.[312] Л. Фабрициус, очевидец пребывания отряда С. Разина в Астрахани, пишет, что С. Разин использовал свое пребывание в городе в целях ознакомления с «настроением простых людей». Он беседовал с ними и «обещал освободить их от гнета бояр и сделать свободными рабов, так что народ слушал его с симпатией и обещал ему помочь всеми силами, как только он будет готов начать свое выступление».[313] Приведенное свидетельство говорит о том, что уже тогда, если не раньше, находясь в Астрахани, С. Разин хотел поднять знамя открытой борьбы против господствовавших в стране феодально-крепостнических порядков, типичным носителем которых было боярство. Эти мысли нашли горячую поддержку в социальных низах населения Астрахани, и это является весьма характерным для обстановки, сложившейся в городе в связи с пребыванием в нем отряда Разина.

Соотношение сил было явно не в пользу астраханских властей. Чем дольше находился отряд С. Разина в Астрахани, тем напряженней становилась обстановка. Астраханский воевода считал опасным дальнейшее пребывание казаков в городе, тем

---

308 Там же, стр. 149, 153.
309 Там же, стр. 152.
310 Там же, стр. 149.
311 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 200.
312 Там же.
313 S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 79.

более, что 4 полка московских стрельцов, находившихся в нем на «годовалой службе», должны были покинуть его в ближайшее время, и постарался избавиться от них. Не дожидаясь разрешения царя, от отпустил их на Дон.[314]

4 сентября на 9 стругах, вооруженных 20 пушками, отряд покинул Астрахань и направился вверх по Волге к Царицыну. При отпуске отряда астраханский воевода дал строгий наказ казакам, угрожая в случае его невыполнения царской опалой, чтобы дорогой они «никаких людей с собой на Дон не подговаривали. А которые люди и без их подговору учнут к ним приставать, и они б их не принимали».[315] Для наблюдения за действиями казаков был послан жилец Л. Плохово, а для их сопровождения от Царицына до Паншина городка сотник с 50 стрельцами. Воеводы городов Черного Яра и Царицына заранее были поставлены в известность о движении казаков, им вменялось в обязанность в города казаков не пускать и вина им не продавать, «что б... никакова дурна не было». Кроме того, вслед отряду Разина 10 сентября из Астрахани были отпущены вверх по Волге — к Москве — четыре полка московских стрельцов-«годовальщиков», которым несколько позже дано было указание стоять под Царицыном до тех пор, пока отряд не уйдет на Дон.[316] Всеми этими мерами астраханский воевода стремился предупредить возможные «своевольные» действия казаков и заставить их, не нарушая спокойствия понизовых городов, как можно скорее уйти на Дон.

Тем не менее добиться этого воеводе не удалось. Его наказа казаки С. Разина и не думали выполнять, не особенно считались они и с престижем царского правительства. Добившись возможности ухода на Дон во всеоружии, очевидно понимая сложившуюся в стране обстановку, руководствуясь своими замыслами на будущее, С. Разин не придавал особого значения тому, как будут восприняты его действия местными и царскими властями. Он понимал, что его положение на Дону будет зависеть от того, с каким отрядом он прибудет туда и что от этого, в свою очередь, будет зависеть осуществление его замыслов на будущее. Дорогою он делает все для того, чтобы укрепить отряд, сохранить его вооружение.

В Астрахани было решено «всем войском» каждому свободно решать вопрос о своем дальнейшем пребывании в отряде. Видимо, немалая часть участников похода по Каспию покинула отряд и разошлась. Не случайно, что Разин перед отходом из Астрахани из 22 стругов сдал астраханским властям 13 и ушел к Царицыну, разместив свой отряд на оставшихся 9 стругах.[317] Необходимость численного увеличения отряда была очевидна и «подговаривать» людей к себе в отряд казаки стали немедленно,

314 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 152.
315 Там же, стр. 149.
316 Там же, стр. 149—150.
317 Там же, стр. 149.

как только покинули Астрахань, вопреки всем запретам со стороны астраханского воеводы и не обращая внимания на сопровождавшего отряд жильца Л. Плохово. На другой день после ухода из Астрахани было обнаружено бегство 15 человек служилых людей, астраханских стрельцов, только что покинувших отряд и зачисленных на их прежнюю государеву службу. Стрельцы пожалели о своей вольной жизни и вновь бежали к С. Разину. Одновременно с ними, прельстившись вольною казацкою жизнью, исчезли из Астрахани два дворовых человека дьяка Р. Табунцова.[318] Встретив ниже Черного Яра московских стрельцов, плывших на судах в Астрахань на «годовалую» службу, казаки стали «подговаривать» желающих идти к ним в отряд и «сманили» двух стрельцов и кормщика.[319] Пристали к отряду и подговоренные казаками 11 стрельцов, сопровождавшие в Астрахань струги с хлебом. Прибежали и 3 человека колодников, из числа 66 отправленных в Москву вместе со стрелецкими полками «годовальщиков», участников восстания в Яицком городке. Степан Разин сам ходил к стрелецким головам и требовал выдачи ему всех остальных попавших в беду стрельцов.[320] Все это вызвало большое беспокойство у астраханских властей, но их требования о выдаче из отряда всех прибывших в него людей и о дальнейшем прекращении подобных действий, переданное С. Разину через жильца Л. Плохово, остались без последствий.[321] «У казаков де того не повелось, — ответил С. Разин, — что беглых людей отдавать».[322] «Подговоренных» людей стало, очевидно, в отряде столько, что переполненные казацкие струги не могли их вместить. Только этим можно объяснить захват С. Разиным у казанских стрельцов головы С. Воропанова одного ясаульного струга.[323] Прибыв в Царицын и сдав Л. Плохово струги, казаки наотрез отказались отдать паруса и унесли их с собою на Дон.[324] Так же наотрез отказались они, прибыв в Пятиизбенский городок, несмотря на данное ранее обещание, отдать сопровождавшему их царскому сотнику Ф. Алексееву пушки. С. Разин заявил ему, что в «грамоте... государя милостивой... об отдаче... пушек ничего не написано». Таким образом, отряд Разина вернулся на Дон значительно пополненный новыми людьми, сохранив пушки и другое оружие, готовый действовать в любое время для осуществления новых замыслов.

О замыслах С. Разина освободить «простых людей... от гнета бояр и сделать свободными рабов», т. е. об открытой борьбе против господствовавших в стране феодально-крепостнических порядков, говорит не только приведенное свидетельство Л. Фаб-

318 Там же.
319 Там же, стр. 150.
320 Там же.
321 Там же.
322 Там же, стр. 151.
323 Там же.
324 Там же.

рициуса,[325] но и все действия Разина по дороге из Астрахани на Дон. В этих действиях сильно проявлялись антиправительственные настроения С. Разина и его голытьбы, их непримиримость к произволу и злоупотреблениям местных властей по отношению к населению. Встретив у Черного Яра стрелецкие полки, следовавшие из Москвы в Астрахань на «годовалую» службу, Степан Разин присылал к их головам «не по одно время дву ясаулов с большим невежеством и останавливал их и приказывал им быть к себе».[326] Казаки Разина на 2 дня задержали движение к Астрахани государевых стругов с хлебом, плывших под охраной казанских стрельцов. Разин угрожал головам стрелецких полков, возвращавшихся с «годовалой» службы в Москву, что если они не отдадут ему всех «колодников», участников восстания в Яицком городке, то «он де, приехав к ним в лотках... сам возьмет».[327] Царицынского воеводу, узнав о его злоупотреблениях, казаки С. Разина «бранили и за бороду драли» и чуть не убили. Не посчитался Разин и с престижем царской власти — отобрал и бросил в воду царские грамоты, которые вез сотник Ф. Синцов в Астрахань.[328] По дороге к Царицыну казаки С. Разина совершали нападения на торговые суда для захвата добычи.[329] Все эти действия, выражающие антиправительственные настроения, разбойные устремления и социальные антипатии голытьбы, неизменно сочетались с защитою ею интересов населения — его социальных низов. Особенно ярко это проявилось во время пребывания отряда С. Разина в Царицыне, где казаки немедленно освободили всех заключенных из местной тюрьмы. Узнав о злоупотреблениях воеводы А. Унковского, они крепко наказали его, заставили вернуть захваченное им имущество и предупредили, что если он впредь позволит обижать казаков, приезжающих в Царицын за солью и за другими товарами, «учнет какие налоги чинить, лошади и ружье отнимать и с подвод имать деньги против прежнего, и ему де, Ондрею, от него, Стеньки, за то живу не быть».[330] Ненависть С. Разина к существующим в стране феодально-крепостническим порядкам, к царской администрации иногда проявлялась в гневных угрозах мести за все понесенные простым людом обиды и несправедливости. Иностранец Я. Стрейс рассказывает, что когда астраханский воевода прислал к нему немца капитана Видероса с требованием вернуть «перебежчиков» стрельцов, то последний услышал от Разина гневные слова: «Передай твоему начальнику Прозоровскому, что я не считаюсь ни с ним, ни с царем, что в скором времени

[325] S. Konovalov, op. cit. «Oxford Slavonic Papers», 1955, No 6, p. 79.

[326] Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 150.

[327] Там же, стр. 151.

[328] Там же, стр. 151, 153.

[329] Ими были ограблены струги торговых людей М. Куроедова, И. Белогубова и др. — Там же, стр. 151, 153.

[330] Там же, стр. 152.

являюсь к ним предъявить свои требования».[331] Эти слова Разина, как показали последующие события, не были простой фразой, сказанной в порыве гнева. Они выражали его глубокое убеждение в необходимости решительной борьбы против господствующего в стране произвола и несправедливостей в отношении народа и его готовность возглавить эту борьбу. «В нем прозвучала решимость борьбы с боярством и приказными людьми, новая программа действия».[332]

5 октября 1669 г., пробыв пять дней в Царицыне, на нанятых у донских казаков подводах отряд С. Разина с пушками и со всеми приобретенными ценностями ушел на Дон. В это время в правительственных кругах, недостаточно и с большим запозданием информированных о событиях на юго-востоке страны в связи с приходом в Астрахань отряда Разина, не было правильного представления о сложившейся там обстановке. Убежденные на основании отписки астраханского воеводы [333] и «расспросных речей» казацкой станицы Л. Тимофеева,[334] прибывшей в Москву от Разина, в том, что дальнейшая судьба его отряда зависит исключительно от воли царской власти, и не желая возвращения С. Разина на Дон, где и без того обстановка была весьма напряженной, бояре определили местом его службы город Астрахань.[335] С этим решением и была отпущена 21 сентября из Москвы станица Л. Тимофеева. Царь указал, в виде особой милости, послать их обратно в Астрахань, «что б они (т. е. все казаки С. Разина. — *И. С.*), за свои вины служили ему... и вины свои заслуживали».[336] Позже в одной из царских грамот астраханскому воеводе, где указывалось на его неправильные действия в отношении отряда С. Разина, в результате которых он ушел на Дон почти в полном своем составе и во всеоружии, царское правительство раскрыло свои истинные намерения в отношении казаков. Они заключались в том, чтобы привести их «к вере в церкве по чиновной книге... А приведчи к вере.. роздать в Астрахани по московским стрелецким приказом и велеть их беречь и повольности им не давать»,[337] т. е. полностью ликвиди-

---

331 Я. Стрейс, ук. соч., стр. 203.

332 Б. Н. Тихомиров. Разинщина, стр. 76.

333 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 144—146.

334 Там же, стр. 146—147.

335 Большую роль, по-видимому, в этом сыграл А. С. Матвеев, ближайший советник царя Алексея Михайловича. В одном из своих писем к царю Федору Алексеевичу он сообщает ему, что он «писал... к отцу твоему великому государю (имеется в виду царь Алексей Михайлович. — *И. С.*), что б ево вора Стеньку из Астрахани не отпущать для многих ево воровских причин, как он первое ходил на море». — История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева, стр. 114.

336 Сб. док. АН СССР, т. I, стр. 148. — Позже, следуя в Астрахань и дорогою узнав об уходе отряда С. Разина на Дон, станица Л. Тимофеева расправившись с сопровождавшими ее служилыми людьми, присоединилась к отряду (там же, стр. 148).

337 Там же, стр. 152.

ровать отряд. Царское правительство не смогло осуществить свои планы. Этому помешала социально-политическая обстановка, сложившаяся в то время на юго-востоке страны. Отряд голытьбы С. Разина ушел на Дон, где и обосновался, что, как показали последующие события, было чревато большими последствиями для феодально-крепостнического строя, господствовавшего в стране.

* *
*

Поход отряда С. Разина на Волгу и Каспийское море по своим задачам был традиционным разбойным мероприятием донского казачества, организованным в целях получения источников существования для голытьбы и обогащения зажиточной верхушки. Однако резкое обострение классовых взаимоотношений в стране, нарастание стихийной борьбы крепостного крестьянства и других примыкающих к нему низших социальных категорий населения против господствующих феодально-крепостнических порядков, сосредоточение на юго-восточных окраинах большого количества голутвенных людей с резко выраженными антикрепостническими и антиправительственными настроениями, в условиях которых осуществлялся разбойных поход отряда С. Разина, придали ему ряд таких черт и особенностей, которые не были свойственны ни одному из ранее осуществленных подобных казацких мероприятий.

Поход отряда Разина на Волгу и Каспий был небывалым по своему размаху: по количеству людей, принявших в нем участие, по его продолжительности, по охваченной им территории и по его последствиям. Он сопровождался массовым устремлением голутвенных элементов населения Дона на козакование. В нем, как никогда прежде, приняло участие много крестьян и холопов, сравнительно недавно бежавших на Дон и Нижнее Поволжье из центральных уездов страны от тяжелого феодально-крепостнического гнета. Они придали разбойному походу отряда С. Разина и его действиям определенную социальную направленность, вызвавшую повсеместно симпатии к его участникам и поддержку со стороны социальных низов населения юго-востока страны — низов посадских людей, работных людей, стрельцов нижневолжских городов. Действия отряда Разина носили антиправительственный характер, сопровождались открытыми столкновениями с правительственными войсками, захватом царских городов и вызвали создание на юго-востоке своеобразного фронта военных действий царского правительства против собственных подданных. Разбойный поход Разина на Волгу и Каспийское море явился своеобразной формой стихийного протеста угнетенных масс, не видевших путей борьбы против господствующих порядков.

Социально-политические последствия похода отряда С. Ра-

зина на Волгу и Каспийское море оказались значительными. В ходе разнообразных событий, развернувшихся на юго-востоке страны, — вооруженных столкновений отряда Разина с царскими войсками на Волге, захвата им Яицкого городка, восстания стрелецкого гарнизона Яицкого городка, движения отряда атамана С. Кривого, пребывания отряда С. Разина в Астрахани и др. — с очевидностью проявилась слабость местной царской администрации и ее неспособность предупредить возможное восстание угнетенных народных масс, выявились благоприятные возможности концентрации там повстанческих сил и формирования повстанческого войска, определились будущие основные компоненты, преимущественно крестьянские по происхождению, движущих сил: голутвенное казачество, работные-гулящие люди, низы посадских людей и стрельцы местных полков.

Во время похода отряда С. Разина по Волге и Каспийскому морю сложились определенные предпосылки, способствовавшие возникновению открытого антифеодального восстания угнетенных масс страны. Поход голытьбы всколыхнул на борьбу против феодально-крепостнических порядков большие массы трудового населения понизовых городов — работных-гулящих людей, посадских людей и даже стрельцов местных полков, сыгравших большую роль в развитии крестьянской войны 1670—1671 гг., особенно на ее начальном этапе. Успехи голытьбы Разина в столкновениях с представителями социальных верхов населения и с правительственными войсками и администрацией укрепили веру трудовых масс в возможность ведения борьбы против господствующих в стране произвола и социальных несправедливостей и показала в какой-то мере пути этой борьбы, необходимость военной организации, вооружения, решительных действий и т. п.

На опыте нахождения отряда С. Разина в Персии и неудачных переговоров с шахом в значительной степени были развеяны иллюзии о возможности создания вольных поселений — государств за пределами родной страны. Во время похода голытьбы из наиболее непримиримых антикрепостнических элементов народа сложилось боевое ядро повстанческих сил, которое во главе с С. Разиным создало повстанческое крестьянско-казацкое войско и подняло трудовой народ страны на открытую борьбу с угнетателями. Оно состояло из людей, прошедших большой боевой путь и обладавших значительными военными навыками. Из их среды вышли многие талантливые атаманы, вставшие во главе народных масс в годы крестьянской войны: Василий Ус, Лазарь Тимофеев, Алексей Черкашенин, Федор Шелудяк, Михаил Ярославов и многие другие. Во время похода за счет феодальной аристократии и торговых людей России и Персии, была создана необходимая материальная база для массового антифеодального выступления, захвачено много ценностей, на которые С. Разин получил возможность приобретать продовольствие, боеприпа-

сы и оружие и по возвращении на Дон «ссужать» прибывавшую к нему голытьбу.[338] Имя С. Разина, как защитника всех бедных и обиженных людей, получило широкую известность в народе и стало знаменем, поднимавшим на борьбу широкие массы против гнета крепостников.

Таким образом, «разбойный» поход С. Разина на Волгу и Каспийское море сыграл большую роль в дальнейшем развитии начавшейся уже в стране борьбе широких масс трудового народа против жестокого феодального угнетения и явился одним из важнейших событий предыстории крестьянской войны 1670—1671 гг.

---

[338] Там же, стр. 155.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Глава первая. **Источники изучения истории крестьянской войны 1670—1671 годов** 5

Источники антиправительственной, народной тенденции . 8

Документы повстанческого лагеря . . . . . —

«Расспросные пыточные речи» пленных повстанцев . 14

Народные песни о Степане Разине 21

Источники феодально-правительственной тенденции . . . 38

Официальные правительственные документы . . —

Сказания хронографов и повести 58

Известия иностранцев 82

Глава вторая. **Историография крестьянской войны под предводительством Степана Разина** 102

Восстание С. Разина в исторической науке эпохи феодализма 103

Восстание С. Разина в исторической науке эпохи капитализма 119

Крестьянская война 1670—1671 годов в советской исторической науке 156

Глава третья. **Социально-экономические предпосылки крестьянской войны** 223

Глава четвертая. **Социально-политическая обстановка на Дону в 50—60-х годах XVII века** 276

Глава пятая. **Поход казацко-крестьянской голытьбы во главе со Степаном Разиным на побережье Каспия** 310

Степанов Иван Васильевич

Крестьянская война в России в 1670—1671 годах

Восстание Степана Разина

ТОМ I

Редактор *В. В. Макарова*

Техн. редактор *Е. Г. Учаева* Корректоры *И. А. Симкина, Ю. П. Андрейков*

Сдано в набор 29 XII 1965 г. М 23192. Подписано к печати 14 IV 1966 г.
Уч.-изд. л. 27,04. Печ. л. 23,5. Бум. л. 11,75. Формат бум. 60×90¹/₁₆.
Тираж 1600 экз. Заказ 32.
Тематический план 1965 г. № 110. Цена 1 р. 75 к. (в переплете).

Типография ЛОЛГУ. Ленинград, Университетская наб., 7/9.